ФАНТОГРАД

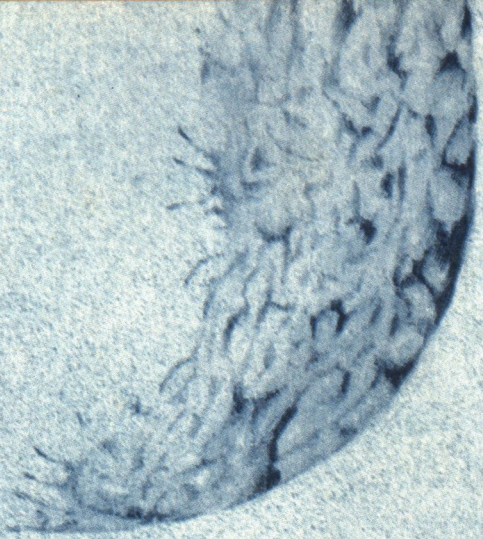
Л. и Е. Лукины

ПЕТЛИСТЫЕ ВРЕМЕНА

ПЕТЛИСТЫЕ ВРЕМЕНА

«ФАНТОГРАД»

Л. и Е. Лукины

ПЕТЛИСТЫЕ ВРЕМЕНА

Киев
«КРАНГ»
1996

ББК 84.4УКР-РОС
Л84

Серия «Фантоград»
основана в 1996 году

Художник
Галина Москвитина

Лукины Л. и Е.
Л84 Петлистые времена: Повести. Рассказы / Худож. Г. Москвитина. — Киев: «КРАНГ»; Харьков: Фолио, 1996. — 398 с. — (Фантоград).
ISBN 5-88751-003-X.

Реальность и вымысел, прошедшее и будущее, юмор и трагедия органично переплелись на страницах сборника фантастических произведений «Петлистые времена».
Настоящее издание представляет различные грани творчества писателей Любови и Евгения Лукиных.

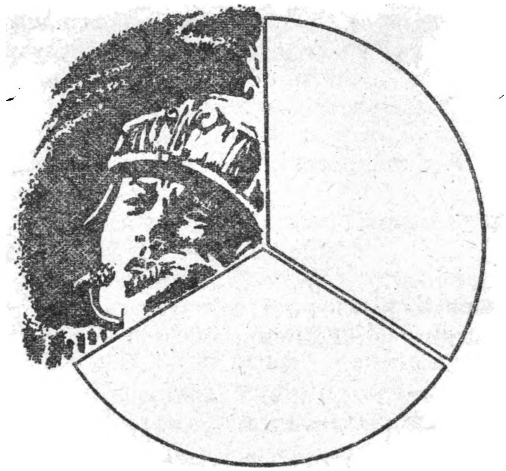
Д $\frac{4702640201-3}{96}$ Без объявл.

ББК 84.4УКР-РОС

ISBN 5-88751-003-X

© Л. Лукина, Е. Лукин, 1996
© С. Ломтев, составление, 1996
© Г. Москвитина, художественное оформление, 1996

ВРЕМЕНА БУДУЩИЕ

СТАЛЬ РАЗЯЩАЯ

1

— Да поразит тебя металл! — вопила Мать. — Да заползет он тебе в руку, когда уснешь! Да лишишься ты рассудка и поднимешь металл с земли!

Чага стояла бледная, как пепел. Уронив костяной гребень, она смотрела под ноги — на неровную, глубоко процарапанную черту, навсегда отделившую ее от живых.

Вокруг песчаной проплешины шуршала, качалась трава, а живые по ту сторону стояли так тихо, что временами чудилось, будто в степи всего два человека: сама Чага и заходящаяся в крике Мать.

— Да подкрадется он к тебе сзади! Справа! Слева! Да ударит он тебя в горло! В печень! В кость!

Где-то рядом фыркали и переступали стреноженные звери. Ветер перекатывал у ног рыжее облачко вычесанной шерсти, да колола глаз блестящая крупинка, так неожиданно легко погубившая Чагу.

Как отрывают присохшую к ране одежду, она отняла наконец взгляд от черты и увидела искаженные отшатнувшиеся лица сородичей. Все они были ошеломлены и испуганы — вопли Матери застали врасплох не только Чагу.

Впрочем, они уже приходили в себя. Тонкие губы Колченогой тронула ядовитая улыбка; Натлач с братом, переглянувшись, вопросительно уставились на Стрыя. А тот стоял неподвижно — огромный, страшный. Перечеркнутое шрамом лицо было обращено к Матери; в глазах — изумление и гнев.

Стрый!.. Чага подалась к нему, едва не заступив черту. Стрый не допустит! Он же сам говорил ей: "Вся надежда на тебя, Чага. Если ты не заменишь Мать, эта старая дура когда-

нибудь всех нас погубит...” Сейчас он шагнет к ней, и изгнание обернется расколом семейства. Сначала Стрый; за ним, как всегда, коротко переглянувшись, — Натлач с братом; следом испуганно метнутся женщины — и Мать останется посреди степи вдвоем со своей Колченогой...

Стрый! Ну что же ты, Стрый?!

— Светлый! Быстрый! Разящий без промаха! — Мать кричала как можно громче и пронзительней. Знала: услышь ее кто-нибудь из другого семейства и Чаге не дожить даже до полудня. — Приди и возьми! Мы отдаем тебе лучшее, что у нас есть!

Злобная, коренастая, Мать перехватила поудобнее клюку (ту самую, которой она проскребла глубокую черту в песчаном грунте) и, уцепив за вычесанную гриву одного из зверей — рыжую самку, — подтащила поближе, толкнула на ту сторону.

— Металл найдет тебя! — сорванным голосом бросила она в лицо Чаге и отступила, тяжело дыша.

Опрометчиво выросшее на открытом месте узловатое овражное дерево, по всему видать, ломанное металлом не раз и не два, зашевелилось, залопотало жухлыми листьями, и люди, очнувшись, тоже пришли в движение. Натлач с братом, неуверенно поглядывая на все еще неподвижного Стрыя, подняли, один — скатанную кошму, другой — наполненные водой мехи, и двинулись вслед за Матерью — откупаться. Бросили ношу за черту и, пробормотав: “Металл найдет тебя”, отошли, недовольные, в сторону.

— Смотри! Мы отдаем тебе лучшее!.. — сипло завывала Мать.

Неправда! Бросали что похуже, думали, металл не поймет, поверит на слово. Рыжая самка прихрамывает: если верхом и навьючить — не осилит и двух переходов... А мехи старые, левый вот-вот порвется... Чага с ненавистью взглянула на Мать.

Одна за другой откупаться потянулись женщины. Притихшие, кидали к ногам скарб, утварь и, стараясь не смотреть на притягивающую взгляд крупинку металла, поспешно отходили.

Колченогая приковыляла последней — с кистенями в руках. Метнула наотмашь, надеясь прорвать мех. Промахнулась и чуть не заплакала от досады.

И вновь тишина поразила песчаный клочок степи — остался один Стрый. Момент был давно упущен: даже если он шагнет сейчас за черту, никто за ним не последует — все уже откупились от Чаги. И все-таки Стрый упрямо не двигался с места — стоял, опустив в раздумье тяжелую седеющую голову.

— Стрый!.. — Испуганный женский вскрик.

Он вздрогнул и, найдя глазами жену, быстро отвел взгляд. Поднял с земли седло и, тяжело ступая, пошел к черте. Все замерли. Если у Стрыя хватит упрямства и глупости разделить изгнание с этой сумасшедшей, семейство лишится главного защитника...

Седло с глухим звуком упало в песок.

— Металл... — Хрипловатый голос Стрыя пресекся. Так и не подняв перечеркнутого шрамом лица, он неловко повернулся и побрел к живым.

Стрый сделал всего несколько шагов, когда красавец зверь редкой серебристой масти, полунавьюченный и лишенный пут, внезапно встряхнул развалистой гривой и, оглушительно фыркнув, двинулся к Чаге. С замедленной грацией ставя в песок чудовищные плоские копыта, он проследовал мимо остолбеневшего семейства и заступил черту. Натлач кинулся было наперехват, но вовремя отпрянул — зверь уже принадлежал металлу.

С тяжелой ненавистью все посмотрели на Чагу. Сочувствия теперь не было ни в ком.

И наконец медленно обернулся Стрый, видимо, догадавшийся по лицам сородичей, что случилось. Из-за этого зверя он убил четырех мужчин из семейства Калбы, из-за этого зверя погиб его сын, из-за этого зверя они оказались здесь, в чужой степи, вдалеке от знакомых кочевий...

Стрый смотрел. У него было лицо мертвого человека, и Чага вдруг ощутила, как сквозь страх и ненависть в ней поднимается чувство пронзительной жалости к этому стареющему тяжелодуму, такому опасному в бою и такому нерешительному в обычной жизни.

— Металл! — с удвоенной яростью взвыла Мать. — Приди и возьми! Это не мы, это она звала тебя! Светлый! Быстрый! Разящий без промаха! Приди и возьми!

— Уходим!.. — через силу каркнул Стрый, и все кинулись распутывать зверей, связывать полураскатанный войлок, собирать скарб.

... Легкое облачко пыли оседало над покатым холмом, за которым только что скрылись живые. Чага нагнулась, подняла костяной гребень и, всхлипывая, стала зачем-то вычесывать бок рыжей самке. Гребень вывернулся из пальцев и снова упал в песок. Тогда она повернула залитое слезами лицо к оседающему пылевому облачку и вскинула кулаки.

— Пусть тебя саму поразит металл! — запоздало выкрикнула она вслед. Медленно опустила руки, постояла и, всхлипнув в последний раз, принялась собирать откуп.

Качалась трава, лопотали жухлые листья на узловатом искалеченном дереве, да посверкивала металлическая крупинка, лежащая совсем рядом с неровной глубокой чертой, на которую уже можно было наступать.

2

Нельзя было трогать семейство Калбы — закон запрещал нападать и на дальних родственников. Но Стрый сказал: "Все равно последние годы живем. Вторая стальная птица упала. Металл поднимается по всей степи — он сам нарушает закон..."

Недоброе дело, и добра оно не принесло. Стрый добыл Седого зверя, но семейству пришлось бежать в разоренную степь. Именно там полгода назад упала стальная птица и разъяренный металл, забыв свой давний уговор с людьми, бил сверху, уничтожая в укрытиях целые семейства, вздувал волной землю и срывал ломкий кустарник с холмов.

На перепаханной сталью земле вставали быстрые, неохотно поедаемые зверями травы, всюду мерещился запах падали. Но настоящая опасность ждала беглецов, когда, оставив позади разоренные степи, они вышли к поросшему звонким камышом берегу незнакомой реки.

Мать решила переправляться на ту сторону, и это было безумие. В синем утреннем небе то и дело возникали спиральные мерцающие паутины, а взбитые страхом птицы ушли в неимоверную высоту. Чага чуяла нутром, что за рекой все напряжено, что металл вот-вот начнет роиться, но упрямая коренастая старуха (Матери было за сорок) просто заткнула ей рот.

Стрый хмурился. Он давно уже не доверял чутью Матери, но оставаться на этом берегу и впрямь было опасно — похищение Седого подняло в седла всех родственников Калбы по мужской линии.

К счастью, место для переправы выбрали неудачное: потеряли вьюк, утопили мохноногого сосунка, провозились до полудня. А преследователи вблизи переправы так и не показались — видно, отстали еще в разоренной степи...

Места за рекой пошли плохие, тревожные. Выбитая неизвестно кем полузаросшая тропа тянулась вдоль густого коричневого сушняка — явно все соки из земли были выпиты зарывшимся в нее металлом. Попадались кости, сгнившая рухлядь, иногда из хрупкой путаницы ветвей опасно подмигивал осколок.

Трудно сказать: этот резкий короткий хруст в дальнем конце высохшей рощи — он был или просто почудился? — но

только Чага не раздумывая бросилась с седла на землю. Рядом, едва не придавив хозяйку, тяжкой громадой рухнул испуганный зверь. Залегли все — и люди, и животные. А спустя мгновение сушняк словно взорвался дробным оглушительным треском, и летящий насквозь металл с визгом вспорол воздух над их головами.

Очевидно, сталь сама уходила из-под удара — пронизав ломкие заросли, метнулась меж холмами и там была перехвачена враждебным роем. Воздух звенел, лопался, кричал. Приподняв голову, Чага видела, как седловина, куда их вела выбранная Матерью тропа, исчезает в неистовом мельтешении металлической мошкары. Не задержись они на переправе, живым бы не ушел никто.

И все же несчастье случилось. Бой кончился, седловина сверкала россыпью осколков, в дебрях сушняка выл и трещал огонь, а Седой зверь единственный — остался лежать, дрожа и закатывая в ужасе лиловый глаз. Из жесткой длинной шерсти на спине торчал кусок металла, вонзившийся острым концом в жировой горб.

Стрый метался по опушке чуть не плача, и на это было так жалко смотреть, что Чага подошла к Седому, раздвинула шерсть и извлекла осколок. Голыми руками.

Как они все тогда отшатнулись от нее! А она отшвырнула окрашенную кровью сталь и двинулась, оскаленная, прямо к попятившейся Матери.

— У тебя дряблая матка! — с наслаждением выкрикнула она в ненавистное, смятое глубокими морщинами лицо. — Ты уже не чуешь металл! Ты не слышишь, когда он идет на нас!..

Глядя исподлобья, Мать отступала к подожженному металлом сушняку и торопливо наматывала на руку сыромятный ремень кистеня. Чага шла на нее безоружная, и никто не решался встать между двумя женщинами. К счастью, Чага и сама сообразила, что не стоит доводить Мать до крайности, и, остановившись, продолжала осыпать ее оскорблениями издали.

— Если ты решила отдать нас металлу, то так и скажи!..

Мать молчала, въедаясь глазами то в одно лицо, то в другое. По закону Чагу следовало изгнать, но изгнать ее сейчас?.. Нет. Слишком уж дорого обошелся семейству Седой зверь, и слишком уж велика была вина самой Матери...

На ночь они окопались на берегу в указанном Чагой месте. Алое закатное солнце падало за неровный облачный брустверг, когда к Чаге подошел Стрый — мрачный, как разоренная степь.

— Старая дура, — проворчал он, присаживаясь перед костерком. — Всех погубит, все семейство, вот увидишь...

Выбрал хворостину потолще, положил на ладонь так, чтобы концы были в равновесии, и медленно по-особому сжал кулак.

— Плохие времена наступают... Раньше металл был спокойнее... Стальные птицы не падали, никто о них и не слышал... — Он помолчал и повернул к Чаге изуродованное лицо. — Я скажу мужчинам, а они уговорят жен. Матерью семейства будешь ты.

— По закону Мать должна уйти сама, — напомнила Чага.

— По закону... — Стрый усмехнулся. — По закону металл не должен бить сверху, а он бьет... Когда шли через разоренную степь, нашел я старое укрытие, в нем осколков больше, чем костей...

— Там упала стальная птица, — сказала Чага.

— Стальная птица — тоже металл, — хмуро ответил Стрый. — Раз он нарушает закон, значит и я нарушу... Матерью семейства будешь ты.

— Она не уйдет добровольно, Стрый...

— А не уйдет — изгоним! — Он шевельнул пальцами, и хворостина, хрустнув, сломалась у него в кулаке...

Зачем она поверила ему! Ведь знала же, знала, что кому-кому, но только не Стрыю тягаться с Матерью в хитрости... И все-таки поверила.

Несколько дней вела себя как дура: пыталась командовать, то и дело перечила Матери. А та уступала ей во всем. Уступала и терпеливо ждала случая. Видела: власть ударила девчонке в голову, девчонка неминуемо должна оступиться...

Так оно и вышло. Чага чистила рыжую самку и заметила в комке вычесанной шерсти крупинку металла. По закону шерсть надлежало немедленно сжечь, а тому, кто сжигал, пройти очищение. Но, то ли уверовав в собственную безнаказанность, то ли просто машинально, Чага, повторяя преступление, на глазах у женщин взяла двумя пальцами сверкнувший осколочек и отбросила в сторону.

И тогда раздался вопль Матери.

3

Они бежали от Чаги в такой спешке, будто и вправду верили, что металл поразит преступницу немедля. На самом деле блистающая смерть могла годами щадить изгнанника, разя взамен невинных и правых. И в этом был глубокий смысл: указывая металлу, что ему следует делать, люди могли возгордиться.

Однако справедливость требовала, чтобы преступник был наказан. Поэтому при встрече с таким отверженным самого его надлежало убить, а зверя и скарб взять себе в награду за доброе дело. В том, что дело это именно доброе, сомнений быть не могло — изгоняли редко и лишь в двух случаях: за убийство сородича и за прикосновение к металлу.

А узнавали изгнанника просто: одинокий прячущийся чужак, как правило, молодой и здоровый. Стариков и калек тоже оставляли в степи, но к ним, конечно, отношение было иное — всякий понимал, что рано или поздно ему суждено то же самое...

Чага хорошо помнила, как Стрый и Натлач захватили молодого чужака, который вместо того, чтобы достойно умереть в бою, попытался прикинуться калекой — говорил, что у него одна нога совсем не ходит. Пленника раздели и, осмотрев, проделали с ним такое, от чего нога мигом пошла. Мужчины сломали ему пальцы и отдали его женщинам. Те, посмеиваясь, увели бледного, как кость, изгнанника за холм, а Колченогая обернулась и крикнула:

— Чага! Ты уже взрослая! Идем с нами!..

Но Чага тогда побоялась почему-то последовать за Колченогой, а вечером все-таки вышла за холм и, отогнав пятнистых хищников, посмотрела. Трудно уже было сказать, что с ним сделали женщины, а что — хищники...

Изгнанницу бы отдали мужчинам...

Чага вздрогнула: показалось, что с вершины холма за ней наблюдает всадник. Это качнул спутанной желто-зеленой макушкой попади-в-меня — невероятно цепкий и живучий кустарник, растущий, как правило, на самых опасных местах. Металл терзал его и расшвыривал, но каждая срубленная ветка тут же запускала в землю корень, и рассеваемый таким образом кустарник быстро захватывал целые склоны...

Теперь ей часто будут мерещиться всадники... До самой смерти.

Чага остановилась и, подойдя к Седому, поправила вьюк так, чтобы он не касался подживающей раны на горбу. Ведя обоих зверей в поводу (Рыжая заметно хромала), изгнанница пробиралась длинной неизвестно куда ведущей низинкой и все никак не решалась выйти на холм и осмотреться. Оба склона были уставлены живыми столбиками — зверьки стояли довольно далеко от нор и безбоязненно провожали Чагу глазами...

И еще был изгнанник-убийца. Бродяга, уничтожавший ночами целые семейства. Чага была ребенком, когда на охоту за этим таинственным и страшным человеком поднялась вся степь. Его сбили с седла и изломали где-то чуть ли не у самых

Солончаков. Потом рассказывали, что обе женщины, которых он когда-то украл и сделал своими женами, дрались вместе с ним до последнего. Странно. Уж их-то бы не тронули...

Чага достала из седельной сумки кистень и, накинув петлю на запястье, намотала ремень на руку. Если ей повезет и первыми на нее наткнутся не мужчины, а женщины с такими же вот кистенями, то все решится очень просто. Главное — вовремя подставить висок. Она вспомнила, какое лицо было у пленника, когда женщины вели его за холм, и стиснула зубы. Что угодно, только не это...

Оба склона шевельнулись, и Чага вскинула голову. Кругом чернели норы. Зверьков не было.

На блекло-голубое полуденное небо легла сверкающая царапина. Потом еще одна. А секунду спустя в высоте словно лопнула огромная тугая тетива, и неодолимый ужас, заставляющий судорожно сократиться каждую мышцу, обрушился на Чагу с севера. Там, за покатым лбом поросшего желто-зеленым кустарником холма, стремительно пробуждалась блистающая смерть.

Думая про опасности, связанные с людьми, Чага впервые в жизни забыла о том, что на свете есть еще и металл.

4

Хватаясь за колючие, легко рвущиеся космы кустарника, она выбралась на бугор и задохнулась. Небо на севере было накрест исчеркано мгновенными сверкающими царапинами, а тоскливый лишающий сил ужас наваливался теперь с трех сторон — такого Чага еще не чувствовала никогда.

Внизу, закинув красивую горбоносую морду, истошно затрубил Седой.

Успеют ли они выбраться отсюда? Раздумывать над этим не следовало и вообще не следовало уже ни над чем раздумывать. Пока не закрылась брешь на юго-востоке — бежать!.. Правда, у Седого еще не поджила спина, а Рыжая хромает... Но выхода нет, Седому придется потерпеть...

Чага повернулась, намереваясь кинуться вниз по склону к оставленным животным, как вдруг новая плотная волна страха пришла из степи, толкнула в грудь... Это сомкнулась брешь на юго-востоке. Металл шел отовсюду.

Оскальзываясь, оступаясь, увязая в колючих желто-зеленых зарослях, она скатилась вниз и, поймав за повод сначала Седого, потом Рыжую, потащила их по низинке. Сейчас здесь бу-

дет не менее опасно, чем на вершине холма. Уходя из-под удара металл частенько использовал такие ложбины; он пролетал по ним, стелясь над самой землей, и горе путнику, решившему переждать там стальную метель!

Низинка все не кончалась и не кончалась, но зверей Чага бросить не могла. Какая разница: погибнуть самой или погубить животных? Все равно пешком от металла не уйдешь...

Склоны наконец расступились, и в этот миг сверкнуло неподалеку. Воздух запел, задрожал. Огромные тугие тетивы лопались в высоте одна за другой.

Обеспамятев от страха, Чага все-таки заметила шагах в двадцати небольшой голый овражек и рванулась к нему. Укрытие ненадежное, но другого нет. Металл не любит углублений с обрывистыми краями, и если овражек достаточно глубок...

Воздух взвизгнул над ухом, заставив отпрянуть. Едва не обрывая повод, Чага тащила испуганно трубящих животных к единственному укрытию, а они приседали при каждом шаге и все норовили припасть к земле. Пинками загнала их в овражек и спрыгнула следом сама.

"Это Мать!.. — беспомощно подумала она, упав лицом в жесткую шерсть на хребте Седого. — Это ее проклятие..."

Рычало небо, пели осколки, а потом издалека пришел звенящий воющий крик и стал расти, съедая все прочие звуки. Чага подняла глаза и даже не смогла ужаснуться увиденному, настолько это было страшно.

Огромная стальная птица спускалась с небес.

Вокруг нее клубилось сверкающее облако обезумевшего металла. Блистающая смерть кидалась на крылатое чудовище со всех сторон, но каждый раз непостижимым образом промахивалась. Один атакующий рой остановился на мгновение в воздухе, потом задрожал, расплылся и вдруг отвесно метнулся вниз. Шагах в тридцати от овражка вспухло облако пыли, земля дрогнула.

Стальная поземка мела через холмы. Казалось, настал последний день мира, металл пробуждался по всей степи.

И все это из-за нее одной?!

Чага вдруг поняла, что стоит в рост на дне овражка, — преступница, из-за которой гибнет мир.

Но смерть медлила. Стальная птица, выпустив ужасающие когти, зависла почти над самым укрытием (Чага ясно видела ее мощное синеватое брюхо), и в этот миг металл все-таки уязвил чудовище, подкравшись сзади.

И птица закричала еще страшнее.

Клювастая голова ее лопнула, исторгла пламя, из которого выметнулось вдруг нечто темное и округлое, а сама птица, про-

должая кричать, рванулась вверх и в сторону. В то же мгновение металл, бестолково метавшийся над степью, словно прозрел и кинулся на раненую тварь — догнал, ударил под крыло, опрокинул, заклубился плотной сверкающей тучей, прорезаемой иногда вспышками белого пламени.

Но Чага смотрела уже во все глаза на новое диво: из ревущего, исхлестанного сталью неба медленно опускался яркий купол, под которым покачивался на сбегающихся воедино ремнях большой яйцеобразный предмет. Ему оставалось до земли совсем немного, когда опаздывающий к расправе рой вспорол ткань, рассек ремни, и темное полупрозрачное яйцо грянулось оземь с высоты двойного человеческого роста. Подпрыгнуло и раскололось надвое, явив металлическое нутро, из которого (Чага не верила своим глазам!) неуклюже выбрался человек. Мужчина.

Вокруг неистовствовал металл, а человек шел, шатаясь, шел прямо к ней, к Чаге, и на нелепой его одежде знакомым гибельным блеском отсвечивали какие-то пряжки и амулеты. Выкрикивая непонятные заклинания (или проклятия), он прижимал к губам плоский камень с торчащим из него стальным стеблем, но Чагу потрясло даже не это, а то, что младенчески-розовое лицо мужчины было озарено сумасшедшей, ликующей радостью.

За спиной его грянул взрыв, полетели сверкающие обломки, но человек даже не заметил этого. Все еще невредимый, он брел к ней, и Чага поняла, что через несколько шагов он свалится в овражек, а следом за ним, почуяв наконец прикрепленные к одежде железки, в ее ненадежное укрытие ворвется металл — быстрый, светлый, разящий без промаха!..

Закричав от страха, Чага каким-то образом оказалась вдруг наверху, выхватила из неожиданно слабой руки камень с металлическим стеблем и швырнула что было сил. Брызнули осколки. Сбитый влет предмет разлетелся вдребезги совсем рядом.

Свалив одной оплеухой еле держащегося на ногах незнакомца, упала сама и принялась срывать, отбрасывать все эти пряжки, амулеты, пластины, ежесекундно ожидая хрустящего удара в затылок.

Но металл помиловал ее. Сорвав последнюю бляху, она, почти теряя сознание, дотащила бесчувственное тело мужчины до оврага, и в этот миг земля содрогнулась от чудовищного удара.

Это врезалась в грунт добитая металлом стальная птица. На месте ее падения взревело огромное пламя, а сверкающая мошкара все летела и летела в этот неслыханный костер, сгорая волна за волной.

5

Металл бушевал весь день. В мерцающий воздух над истерзанной степью взвивались все новые потоки крохотных стальных убийц. Чага и не думала, что земля может хранить в себе столько металла.

Потеряв главного врага, блистающая смерть снова распалась на стаи, сразу же кинувшиеся в остервенении друг на друга.

Устав бояться, Чага равнодушно смотрела на разыгрывающиеся в зените битвы. Под сыплющимся с неба дождем мелких осколков она переползала от зверя к зверю, поправляла вьюки так, чтобы защитить самое уязвимое место между горбом и шеей.

Отщепившийся краешек пикирующего роя, снеся кромку, ворвался в овраг и, глубоко вонзившись в рыхлый грунт противоположного склона, взорвался, наполнив укрытие свистнувшей металлической крошкой, пылью и запахом смерти. Чага легла рядом с Седым и стала ждать повторного удара. Не дождавшись, поползла к мужчине, который все еще был без сознания.

Недоуменно нахмурясь, вгляделась в блаженное розовато-желтое лицо, оторвала от странной одежды две не замеченные ранее железки, прикопала...

Все это не имело ни малейшего смысла. Уцелеть в мелком овражке посреди такой круговерти все равно было невозможно. Поэтому, когда к вечеру металл подался вдруг всей массой на север, открыв относительно безопасное пространство на юге, Чага даже не очень этому обрадовалась. Точнее, не обрадовалась вовсе. Шансов спастись бегством было немного — металл имеет обыкновение возвращаться...

Тем не менее она перевьючила зверей: скарб — на Рыжую, а Седой повезет незнакомца...

Усталым спотыкающимся шагом она вела их в поводу всю ночь. Темнота рычала, взвизгивала, иногда обдавала лицо трепещущим ветерком. Чага только дергала повод, когда звери пытались упасть, она знала, что к рассвету все будут мертвы: и звери, и она, и странный незнакомец...

Но рассвет наступил, и обессиленная Чага вдруг осознала, что самые опасные места остались позади. Возле размолотой металлом рощи она нашла брошенное полуобвалившееся укрытие, кое-как освободила зверей от ноши и, прикорнув под земляной стенкой с белыми торчащими корешками, провалилась в сон.

Проснулась от ощущения опасности — стальная птица взбудоражила металл по всей степи. Голова была тяжелая, усталость разламывала суставы, но надо было уходить. И на этот раз быстро, не дразня судьбу и не жалея животных...

Рядом застонал мужчина. Запрокинутое лицо его уже не было счастливым и розовым, как вчера, — бледное, искаженное страданием, запекшийся рот мучительно приоткрыт. Чага коснулась щеки незнакомца и подивилась гладкой шелковистой коже.

"Нежный, — с сожалением подумала она. — Не выживет..."

Выбралась из укрытия и направилась к изломанной роще, где дерзко поднимал ярко-желтую голову цветок на мясистом стебле, чудом уцелевший в эту ночь. Как и сама Чага.

Она не стала срывать его — рядом были другие, срубленные. Выкопала несколько луковиц, наполненных горьким целебным соком, потом, привлеченная жужжанием, выпрямилась, всмотрелась.

Неподалеку роились мухи, зеленые, со стальным отливом, те самые, что состоят в родстве с металлом, ведут себя, как металл, и приходят сразу же, как только удаляется он. В груде исковерканных ветвей темнела туша навьюченного зверя. Чага сделала шаг к убитому животному и чуть не споткнулась о труп человека.

Это была Колченогая. Пораженная металлом в грудь, хромоножка мечтательно смотрела в небо. Никогда в жизни лицо Колченогой не было таким красивым.

Чага обернулась. Неподалеку лежал Натлач. А рядом — то, что осталось от Матери...

Она нашла всех. Из людей живым не ушел никто. Им даже некуда было податься, прижатым к роще. Стрый оказался прав: старая дура все-таки погубила семейство. Сам он лежал со снесенным затылком, уткнувшись изуродованным лицом в землю, словно не желая смотреть на то, что натворила Мать.

Со стороны укрытия снова раздался слабый стон, и Чага вспомнила, что в руке у нее лекарственные луковицы, что в яме лежит смертельно бледный, но, судя по стону, живой мужчина, что надо спешить: опустошив степь на севере, металл обязательно двинется к югу...

Взглянула еще раз на громадное беспомощное тело Стрыя и пошла обратно. Выдавила содержимое луковиц в черепок, разбавила водой из меха и, приподняв мужчине голову (волосы мягкие, невыгоревшие), поднесла ему черепок к губам. Не открывая глаз, он сделал судорожный глоток и поперхнулся — пойло действительно было очень горьким.

— Пей, — велела Чага. — Надо.

6

Отдохнувшие звери бежали по разоренной степи размашистым крупным шагом. Рыжая самка почему-то перестала хромать — видно, притворялась, хитрая тварь! — и теперь шла, обгоняя Седого на полкорпуса.

— Йо!.. Йо!.. — Чага наконец-то почувствовала себя живой.

Проклятие не сбылось — металл отпустил ее. Мало того, он дал ей мужчину — странного мужчину с нежной, не тронутой солнцем кожей, стонущего от боли, как женщина, и все же двое — это уже семейство, и теперь никто не посмеет поступить с Чагой, как с изгнанницей!

Ее близкие погибли. Но разве они не бросили Чагу в степи? И разве Стрый не предал ее, побоявшись шагнуть за черту и разделить с ней изгнание? Мать часто говорила, что металл справедлив. Да! Он справедлив! Поэтому Рыжая и Седой навьючены всем лучшим, что у вас было!..

— Йо!.. Йо!.. — кричит Чага, и звери послушно удлиняют шаг.

Лишь бы незнакомец выдержал этот переход!.. Ему уже лучше — когда она сажала его в седло, он вдруг очнулся, забормотал, стал даже слабо сопротивляться. Не обращая на это никакого внимания, Чага связала ему ноги под брюхом зверя, а руки приторочила к переднему вьюку.

Он и теперь то и дело приходит в сознание, и тогда лицо его, мотающееся над мохнатым горбом Седого, становится изумленно-жалобным. Незнакомец явно не понимает, что происходит, но это и не важно...

Главное, чтобы он выдержал переход.

7

Такое ощущение, что кто-то глодал ему череп изнутри.

Влад стоял в неглубокой травянистой низинке и, держа в слабых руках большой костяной гребень, через силу вычесывал лохматое, ни на что не похожее животное. Женского пола и огненно-рыжей масти.

"Главное — не терять юмора, — преодолевая головную боль, думал он. Снимал с зубцов нежные рыжие пасмы и запихивал их в висящий у него на боку мешок. — Нет, кроме шуток, это довольно смешно: пилот первого класса — и занимается черт знает..."

Не дав ему завершить мысль, зверь шумно вздохнул и переступил, норовя поставить чудовищное плоское копыто на ногу Владу, которую тот, впрочем, вовремя отдернул.

— Ты! Ж-животное! — злобно сказал Влад. — А по рогам сейчас?

Животное повернуло безрогую голову и равнодушно посмотрело Владу в глаза. Черт его знает, что за тварь — не то лошадь, не то верблюд. А может, и вовсе лама.

"Ну что за свинство! — с горечью мыслил Влад. — Ну вернулся бы с победой, ну разбился бы в крайнем случае... Но оказаться здесь в таком качестве!.."

Кстати, а в каком качестве он здесь оказался? Кто он, собственно говоря? Пленник? Раб?.. Между прочим, последнее предположение очень похоже на правду. Стоило Владу прийти в себя, как эта кошмарная, дочерна загорелая туземка тут же сунула ему в руки скребок и чуть ли не пинком погнала на работы. И сама трудится, как каторжная, — смотреть жутко...

Влад оглянулся. В пологом, оплетенном ползучей травой склоне чернела прямоугольная яма с бруствером. Из ямы равномерно летели комки земли. Углубляется... Ну правильно — здесь же эти... разрегулировавшиеся противопехотные комплексы, черт бы их всех побрал!.. Как они тогда подгадали ему при посадке в левую дюзу! И всего-то надо было — поставить вовремя пассивные помехи, распылить металлический порошок... А на грунте они бы его потеряли из виду: облучай не облучай, корпус-то поглощающий...

Боль в голове заворочалась, словно устраиваясь поудобнее, и Влад поморщился. Переждав, повернулся к рыжей скотине, занес гребень и тут же в задумчивости опустил.

А ведь его уже, наверное, похоронили... После катапультирования "пташка" сделала, что могла: утащила за собой металлических пираний, задала им трепку, после чего подорвалась. С орбиты это, должно быть, выглядело эффектно. Не менее эффектно, чем взрыв "пташки-2" полгода назад, с той только разницей, что Джей даже не успел катапультироваться...

"Так, — спохватился Влад. — А что это я стою и ничего не делаю? Этак она мне опять жрать не даст..."

Он снова занес гребень и немедленно почувствовал неизъяснимое отвращение к этому, на его взгляд, совершенно бессмысленному занятию. Ну сколько можно вычесывать зверюгу? Утром же только вычесывал! Почему не дать животному обрасти, как следует, а потом уже...

— Чага! — позвал он в раздражении.

Земля перестала лететь через бруствер, и из ямы встала госпожа и повелительница. Темное неподвижное лицо и строгие

прозрачно-серые глаза без особых признаков мысли. Вот ведь идолица, а? Хоть бы вопрос на лице изобразила! Нет, стоит смотрит...

— Зачем? — проникновенно спросил Влад, указывая гребнем на вычесанную часть зверя, не слишком, впрочем, отличавшуюся по шелковистости и струйности от невычесанной.

Чага смотрела. Казалось, услышанное проникает в ее сознание не прямиком, а по каким-то извилистым, хитро выточенным канальцам. Наконец темные губы шевельнулись. Одни только губы, лицо так и осталось неподвижным.

— Надо.

Коротко и ясно. Надо. Первое туземное слово, понятое и выученное Владом. Да и как не выучишь, если на любое недоумение следует один и тот же ответ: надо!..

Вчера она поймала в силок какого-то суслика и вручила Владу с тем, чтобы тот свернул ему голову. Влад, естественно, отказался с содроганием. Сверкнула глазами, выхватила зверька и, прижав к плоскому камню, коротко хрустнула кремневым рубилом. У Влада аж все внутри перевернулось. Обаятельный такой зверек, полосатенький... Тушку натыкают на прут, чем-то поливают и жарят над костром, укрепив в наклонном положении...

Говорят, при головной боли есть не хочется... Черта с два! Влад жестом дал понять, что вопросов больше не имеет, и, снова повернувшись к зверю, неловко занес гребень.

Чага задумчиво смотрела ему в спину. Наверное, металл украл его еще ребенком — кожа бледная, слов не знает, гребень держит неправильно... Чага, правда, никогда не слыхала, чтобы металл воровал детей, но после встречи со стальной птицей готова была в это поверить. Видно, он был очень хорошеньким ребенком... А потом вырос, надоел металлу, и тот решил бросить его в степи... Только никому не следует говорить о том, кто он такой... и о том, кто она такая... Если спросят, Чага ответит, что семейство погибло, а они, двое уцелевших, бегут из разоренных степей.

И это, в общем-то, будет правдой.

8

Спустя несколько дней Влад лежал в мелкой, им самим выкопанной могилке с четырьмя брустверами, смотрел в ночное безлунное небо и чувствовал себя совершенно больным. Суставы разламывало, мышцы при малейшем движении только

что не скрипели. Четыре окопа за вечер — шутка? Да еще таким инструментом! Хорошо, хоть грунт мягкий...

Но это все не главное... А главное, что сгинула наконец головная боль и можно осмыслить приключившееся, пока смертельная усталость не потащила в сон...

Итак, помощи с орбиты ждать не стоит... Даже если он что-то сумел передать после катапультирования (а в эфире тогда творилась, мягко говоря, свистопляска), каким образом они могли бы ему помочь? "Пташка" — аппарат уникальный, сконструированный специально для высадки на эту планету, и второй такой в природе (и, что особенно важно, в экспедиции) пока не имеется... Черт! Неужели она и завтра заставит его копать?! На ладонях уже кожи не осталось!.. Впрочем, это к делу не относится...

В черном небе, усаженном крупными ласковыми звездами, кто-то тронул и тут же приглушил мощную басовую струну. Рыдавшее взахлеб за холмом местное подобие шакала мгновенно смолкло, и в наступившей тишине что-то с дробным хрустом ударило в землю. Запел, удаляясь, крупный осколок.

"Гляди-ка, — отметил Влад. — И ночью летают. Хотя какая им разница — день, ночь... Вот ведь изобрели чертовщину..."

Он приподнялся и тыльной стороной ладони откинул кожаный полог подальше на бруствер. Странные тут, ей-богу, обычаи... Одно только это бесконечное вычесывание зверей чего стоит! А вода! За каким, спрашивается, дьяволом надо возить с собой воду в бурдюках, если местность буквально изрезана мелкими речушками? И с пологом этим тоже чепуха какая-то... Дождя нет, зачем его растягивать над ямой? От прямого попадания он не защитит, а осколок на излете переживем как-нибудь... Вот ведь вредный характер у девки! Поэтому, наверное, и кочует в одиночку...

Нет, ну, конечно, спасла, можно сказать, из-под обстрела вынесла, зельем каким-то отпоила и вообще содержит... Но ведь нельзя же так бесцеремонно! Я что, помогать не согласен? Хоть бы поинтересовалась для приличия: кто, откуда... Можно подумать, у них тут каждый день мужики с неба падают!..

В безветренной звездной вышине что-то просвиристело: то ли птичка, то ли опять что-нибудь этакое... разрывного характера.

Четвертая попытка высадки намечена через полгода. Ну, допустим, высадятся... Где они будут высаживаться, и где в это время будет Влад? Материк — огромный, пустынный — тянется вдоль экватора, как кишка, после чего соединяется пере-

шейком со вторым таким же — поменьше... Так что же, кочевать здесь до конца жизни?! Между прочим, вполне возможный вариант...

Внезапно Влад сел на подстилке, как подброшенный.

"Ты что разнылся? — осатанев, спросил он себя. — Что значит — не найдут? За четвертой попыткой будет пятая! Шестая!.. Мы же не отступим! Случая еще не было, чтобы отступили! Пусть подберет двадцатая, тридцатая экспедиция — все равно данные твои будут уникальны!.. Да Бальбус за такую возможность душу бы не глядя продал! Изучать — не в телескоп, не с орбиты, а прямо здесь, на собственной шкуре!..

За холмом опять зарыдала какая-то четвероногая дрянь. Влад опомнился и, смущенный нечаянным залпом громких слов, пусть даже не произнесенных вслух, крякнув, опустился на подстилку.

Легко сказать — изучать... Чем изучать, если эта чертова девка выкинула все, что было в карманах!.. И с комбинезона зачем-то все оборвала... Может, она пластик за металл принимает? Вот идиотка!..

И Влад, все более выходя из себя, стал припоминать, как Чага расправлялась с содержимым его карманов. Происходило это прямо у него на глазах, а он тогда еще был слишком слаб, чтобы встать и воспрепятствовать... А самое смешное — нож оставила. Пластик выкинула, нож оставила! Сидела дура дурой минут пять — все пялилась на тусклую с поглощающим слоем рукоятку. А нажми нечаянно кнопку, выскочило бы стальное лезвие — и прощай, ножик!..

Она и комбинезон с него стянуть пыталась. К счастью, расстегнуть не смогла, а разрезать нечем — каменный век... Стоп! Блокнот! До блокнота она, кажется, не добралась...

Влад схватился за грудь и извлек из кармашка книжицу с прикрепленным к корешку стилом. Ну слава Богу, а то уж впору было думать о пергаменте... Вот с завтрашнего дня и начнем — коротко, экономя странички... Кто его знает, на сколько лет придется этот блокнот растягивать...

Мысли уже начинали путаться, сон распахивался черной глубокой ямой. Не дай Бог, если завтра она решит отсюда сниматься... Тогда вечером снова копать...

9

Словно издеваясь над Владом, следующие несколько дней металл не показывался вообще. Звери с неспешной грацией

переставляли голенастые ноги среди высокой негустой травы. С виду вполне земная степь, если бы не эти приземистые клубящиеся вдалеке рощи, или, точнее сказать, заросли серо-зеленые, плотные и спутанные, как очески с того же зверя.

Порождение металла... Анкона, биолог экспедиции, был помешан на этих рощах и мог рассказывать о них часами. Когда-то, около тысячи лет назад, здесь предположительно была обычная лесостепь. Потом по лескам загуляла стальная пурга, прошивая их насквозь, оставляя за собой буреломы, срубленный молодняк и прочие прелести. Все это, конечно, сохло, горело, исчезали древние породы деревьев, а на пепелищах, борясь за жизнь, душили друг друга сорняки. Битву выиграл вид, слегка напоминающий земную иву — с коротким, как обрубок, стволом и фонтаном серо-зеленых веток, каждая из которых, коснувшись почвы, немедленно в ней укоренялась и выбрасывала новые и новые побеги...

Собственно тут все — порождение металла. Травы эти, например, до пояса и выше... Наверняка у них единая корневая система: вырвешь стебель тут же вырастет новый...

А вот самого металла и впрямь что-то нигде не видно. Ни на земле, ни в воздухе. Однажды, правда, послышалось некое звяканье под широким копытом Седого. Влад хотел было окликнуть Чагу, чтобы далеко не уезжала, но вовремя прикусил язык. Хватит, окликнул уже вчера! До сих пор оторопь берет... Влад теперь и сам не помнил, что ему тогда понадобилось от Чаги. Просто позвал. Ну, может быть, несколько отрывисто... Во всяком случае, эффект превзошел все ожидания: Чагу буквально смело с седла, и тут же наземь грянулась Рыжая самка. Затем Влад внезапно ощутил, что Седой под ним куда-то проваливается. Мгновение невесомости — и, пребольно ударившись копчиком о мощный крестец зверя, Влад кувыркнулся на землю, путаясь в редких длинных стеблях, нисколько не смягчивших удар.

Совершенно ошалелый, вскочил. Оба зверя лежали пластом, подставив ожидаемым осколкам поросшие жесткой пружинистой шерстью горбы. Полосатенькие суслики, которыми только что были утыканы все пригорки, исчезли. Потом из-за Рыжей самки поднялась Чага. Двинулась прямиком на Влада, и в прозрачно-серых глазах ее сверкало такое, что он даже попятился. Бросила пару слов, общий смысл которых был ясен и без перевода, и пошла поднимать животных...

Зато крепко запомнил на будущее: резкий окрик во время кочевья означает лишь одно: ложись!

Неплохо бы выяснить форму обращения, после которого не залегают и не начинают окапываться...

Над степью протянулась долгая тоскливая нота, и Влад, выпрямившись в седле, принялся встревоженно озираться. Так и не найдя источник звука, в недоумении повернулся к Чаге. Та величественно и равнодушно покачивалась в седле. Ханша этакая... А вой все не кончался. Влад вслушался еще раз и вдруг понял: это пела Чага.

Господи, да что ж у нее за легкие! Ноет уже вторую минуту и все на одной ноте! У Влада аж зубы задребезжали, резонируя, и, запустив руку за отворот шерстяной вязаной куртки, он нервно почесал исколотое плечо. Да прекратит она когда-нибудь или нет?.. Ну слава Богу: короткая дикая рулада — и пауза... Ой, надолго ли?.. Ну точно — снова дыхание набирает!..

Вчера она все-таки лишила его комбинезона, причем самым подлым образом: выкопала из тючка местную одежду и попросила примерить. Больше своего комбинезона Влад уже не видел. Хорошо хоть успел вынуть из карманов нож и блокнот...

Он сморщился и снова принялся скрести плечо. Как они, варвары, носят это на голое тело?! Кожа, должно быть, как наждак...

На вершине отдаленного пригорка что-то блеснуло подобно кусочку зеркала. Влад приподнялся, всматриваясь.

— Чага... — позвал он как можно мягче.

Ноющая нота оборвалась. Чага попридержала Рыжую, и теперь они ехали рядом.

— Что это? — спросил Влад, указывая на пригорок.

Чага бросила с недовольным видом простое короткое слово и, толкнув пятками Рыжую, снова ушла на корпус вперед.

Вот и думай теперь, что бы это могло означать... Металл? Осколок? Заткнись?

Да, язык, язык... Конечно, пока не выучишь язык, дело не пойдет. А попробуй выучи с ней — слова не выжмешь!..

Спутница жизни, черт бы ее побрал! И ведь не скажешь, что некрасива напротив: стройная, сильная, большеглазая... Но, Господи, нельзя же быть такой раз и навсегда заведенной машиной! Ведь ничего человеческого — идол и идол... А за комбинезон убил бы! Если бы только поняла, за что...

Покачиваясь, они приближались к одной из рощ. Больше всего это напоминало огромную путаницу из толстой серо-зеленой проволоки, ветви в основном шли по дуге и упирались в землю. Все было заплетено до полной непроходимости и непролазности. А листья редкие, тонкие, почти хвоя...

На изгибе толстого побега, выметнувшегося метров на пять в степь, сидел, вцепившись коготками в древесину, похожий на мышь зверек с большими выпуклыми глазами и, пропуская мимо всадников, делал вид, что его там нет.

Не удержавшись, Влад тихо (чтобы, Боже упаси, снова не снять Чагу с седла) щелкнул языком. Зверек оборвался с полутораметровой высоты и сгинул в шевельнувшейся траве. Веселая планета. Что бы ни случилось — реакция одна: падай на землю... А ведь не выпусти они тысячу лет назад из-под контроля эти свои дурацкие противопехотные комплексы, еще неизвестно, кто бы стал хозяином космоса: мы или они!..

В серо-зеленой путанице ветвей внезапно открылась просека, заваленная ломким коричневым сушняком, сквозь который то там, то здесь уже взвивались новые побеги. Надо полагать, металл прогулялся... Ох, и будет все это гореть когда-нибудь!..

Чага вдруг оборвала песню и, остановив Рыжую, приподнялась на мягких стременах.

— Йо!.. — Неожиданный крик — и оба зверя рванули с места крупным, ускоряющимся шагом. Влад едва успел ухватиться за горб Седого, невольно при этом выпустив поводья. Впрочем, Седой был зверь умный. Он давно уже не обращал внимания на бестолкового седока и просто следовал за Чагой...

Наблюдения пришлось прекратить и все внимание сосредоточить на том, как бы ненароком не вылететь из седла. К счастью, звери обладали мощным, но удивительно ровным бегом — пошатывало сильно, но без толчков.

Влад с нездоровым интересом ожидал пробуждения какого-нибудь прикопавшегося неподалеку микрокомплекса, но нет — ничего не свистело и не взвизгивало. Тем не менее гонка продолжалась около часа, пока впереди не заклубилось плотное, прибитое к земле облако листвы, вздымающееся из глубокой балки. Естественное укрытие, надо понимать...

Чага спешилась и, держа Рыжую в поводу, стала ждать Влада. Тот слезал довольно долго, кряхтя и морщась.

— Чага, — спросил он. — Бежать. Зачем?

Она взглянула вверх, и Влад тоже запрокинул голову. Высоко в синеве мерцала еле различимая спиральная паутина.

— Что это?

Чага нахмурилась и произнесла короткое простое слово. То самое, которым она назвала осколок в степи...

— Металл, — сказала Чага. — Смотрит.

10

Балка оказалась прелюбопытнейшим местом. По дну ее протекал ручей, а на склонах росли толстоствольные, явно реликтовые деревья — разлапистые, с мощными ветвями, полностью заслонявшие небо.

Ну правильно, балка место влажное, пожары здесь не так уж и страшны. Как раз в таких вот уголках и должны были уцелеть реликтовые виды. Хотя, разумеется, отбор и по ним прошелся частым гребнем: видимо, выживали в основном особи, простиравшиеся не столько ввысь, сколько вширь...

Берега ручья тонули в темно-зеленом облаке растений, с виду представлявших точную копию земных папоротников. Тоже несомненный реликт...

— Чага, — позвал Влад. — Копать надо?

Чага с некоторым удивлением посмотрела на него и вдруг улыбнулась. Впервые.

— Не надо, — сказала она. — Костер. Дерево.

И коротко глянула вверх. Ошалевший от ее внезапной улыбки Влад принял из рук в руки кремневое рубило и засунул в болтающийся на поясе мешочек. Искусство пришивать к одежде карманы было здесь, по всей вероятности, утрачено вместе с иными признаками цивилизации...

Ухватился за мощную нижнюю ветвь, влез, выпрямился, и широкая слегка шевелящаяся листва немедленно взорвалась яростным щебетом. Многочисленные дупла извергали еще более многочисленных серых птах, ведущих себя не просто бесстрашно, а прямо-таки агрессивно. Придерживаясь одной рукой за ствол и отмахиваясь другой от пернатых, Влад запрокинул голову. Что тут рубить-то? А! Понятно. В кроне было полно засыхающих и вовсе сухих ветвей, не иначе поврежденных металлом.

Дерево, казалось, было предназначено для лазания. Переходя с ветки на ветку, Влад быстро очутился на одном уровне со степью. Из листвы проглянуло небо. Влад потянул на себя сухую ветвь и, выяснив, что ее и рубить не надо — разбита в щепы у основания, освободил и сбросил. Она тяжко ухнула вниз, распугав пташек. Ошалело махнул сквозь крону похожий на куницу зверек.

Надо же, какое приятное место! Век бы здесь лазал и горя не знал! Нет, правда, зачем вообще кочевать? Почему бы не взять и не поселиться в такой вот балке?..

Вторая ветка оказалась посложнее: высохнуть высохла, но за ствол еще держалась крепко. Влад запустил руку в мешочек

на поясе и, поколебавшись, извлек оттуда не рубило, а нож. На всякий случай поглядел вниз. Да нет, листва плотная, не увидит. Небо над головой тоже вроде спокойное — синее, с легкой дымкой, без каких бы то ни было мерцающих спиральных паутин. А то полдня рубилом махать, пальцы уродовать. Уж лучше рискнуть разок, чем такая радость.

Влад выпустил из рукоятки лезвие и принялся кромсать твердую сухую древесину. Даже с помощью ножа резать пришлось довольно долго. Начали вдруг дрожать руки, прошиб пот. "А ведь тоже боюсь", — криво усмехаясь, подумал Влад.

Наконец последний ремень высохшей до твердости камня коры был перерезан, и в этот самый миг что-то хлестко ударило в содрогнувшийся ствол с той стороны и взорвалось, прошив листву металлической крошкой. Влад оступился и понял, что падает. К счастью, сухая ветвь, в которую он вцепился мертвой хваткой, была еще не выпутана полностью из кроны. Отчаянно ища опору, Влад дотянулся до сомнительного по прочности сучка, но тут удар повторился. Что-то наотмашь хлестнуло по щеке.

— Влад! — Отчаянный вскрик Чаги.

Только бы не выронить нож! Эта самонаводящаяся дрянь лупит влет по любому быстро движущемуся металлу!.. Впрочем, теперь уже выяснено, что и по медленно движущемуся тоже... Наконец ему удалось убрать лезвие. Рукоятка покрыта поглощающим слоем, по идее, микроголовки должны потерять цель! По идее...

— Влад!

— Да здесь я, здесь, — бормотал он, прижимаясь к шершавому, как пемза, стволу и ожидая третьего удара. Третьего удара не последовало, и Влад перевел дыхание.

Идиот! Вот идиот! Комплексам ведь все равно, откуда ты такой взялся! Или ты думаешь, они только местных бьют? Нет, уж лучше все руки кремнем поуродовать, чем вот так... Сердце колотилось, руки не слушались, по щеке стекало что-то горячее — то ли кровь, то ли пот, выясним внизу. Влад кое-как отпутал и спихнул чертову сухую ветку и стал спускаться сам, приостанавливаясь и отдыхая на каждом суку. Преодолев половину пути, он уже пришел в себя настолько, что даже смог осознать интереснейшую вещь: Чага впервые назвала его по имени.

Он спрыгнул вниз, коленки подвихнулись, и пришлось коснуться руками податливой нестепной почвы. Выпрямился. Чага стояла перед ним с неподвижным, но каким-то слегка перекошенным лицом.

— Слушай, улыбнись, — попросил он по-русски. — У тебя это так хорошо получается...

11

Копать в самом деле не пришлось, но Влада это не выручило нисколько — блокнота он так и не раскрыл. Пользуясь близостью ручья, Чага устроила большую стирку и банный день одновременно.

Баня была холодная и с золой вместо мыла.

То, что Чага помешана на чистоте, Влад заметил еще давно: омовения совершались при малейшей возможности, и каждый зверь всенепременно и обязательно нес по два бурдюка с водой. Влад несколько иначе представлял себе быт кочевников и, слава Богу, что ошибся...

Но черт возьми! Во-первых, тщательнейшие эти омовения съедали последние крохи свободного времени, а во-вторых, то и дело переходили в открытый идиотизм: Чага вполне могла заставить мыться перед рытьем окопа, например...

Было и третье неудобство: приходилось раздеваться догола, благо хоть по очереди. Влад не был ханжой, но на Чагу он в таких случаях не смотрел принципиально. Этакая ребяческая форма мести: ты вот меня горбатиться заставляешь, так я на тебя за это даже и смотреть не буду.

Зато сама Чага в этом отношении, как, впрочем, и в любом другом, вела себя весьма бесцеремонно: могла подойти, не скрывая интереса, оглядеть оценивающе... Влада это бесило, он отворачивался, заслонялся, а однажды, не выдержав, попросил удалиться. Чага приподняла брови и молча выполнила просьбу.

— Бойся женщину улыбающуюся, — сварливо бормотал Влад, вымывая из волос золу вместе с крупинками песка.

Песок-то откуда? Он ухватил двумя пальцами одну из песчинок и, промыв глаза, посмотрел. Крупинка была металлической. Микрооскол. Ну правильно, тогда, на дереве, два раза с головы до ног осыпало. Полна голова металла.

Минутку-минутку... Выпрямился в озарении. Так вот они, выходит, от чего отмываются! Наивные...

— Чага!

Она оглянулась. Не стесняясь на этот раз своей наготы, Влад шагнул навстречу, протягивая на ладони блестящий кристаллик.

— Мы что, из-за этого все время моемся?

У Чаги расширились зрачки, и она резко ударила его по руке.

Влад засмеялся.

— Да что ж вы тут все такие запуганные? Чага! Не лоцируется такая крошка, понимаешь? Не видит ее металл! Маленькая слишком!

И хотя высказывание содержало больше русских слов, чем местных, общий смысл его Чага, кажется, уловила.

— Не надо больше, — выговорила она, глядя ему в глаза чуть ли не с ненавистью. Повернулась, ушла к стреноженным зверям и до самого вечера общалась в Владом одними лишь отрывистыми распоряжениями. На вопросы не отвечала.

Он и сам понимал, что проштрафился, и с вопросами особенно не лез. И только вечером, когда балку залили влажные сумерки и Чага по обыкновению погасила костер, Влад не выдержал.

— Чага, — сказал он. — Вечер. Холодно.

Присев на корточки, она добивала последние угольки. После купания Влада слегка знобило, подстилка и одеяло кололись немилосердно — кошма...

— Костер, — еще раз попытался он. — Гасить. Зачем?

Она медленно повернула голову. Лицо смыто сумерками: то ли еще сердится, то ли нет, не поймешь.

— Металл, — нехотя пояснила она. — Увидит.

О Господи, опять металл! Здесь-то он при чем? Хотя... Влад тихонько присвистнул и задумался. То, что микроголовки реагируют на инфракрасное излучение, факт достоверный. Уж кому-кому, а Владу-то это известно доподлинно — при посадке его клюнуло именно в дюзу. Значит, что же это получается? Днем степь нагрета, и костер для металла как бы трудно различим... Да что за бред! Температурный перепад между днем и ночью от силы градусов десять. Да реагируй металл на огонь, он бы эти костры щелкал в любое время суток!..

Сказать ей? Да нет, не стоит. Хватит на сегодня просветительской деятельности, а то уже не по руке — по физиономии схлопочешь...

Кстати, не исключено, что все эти возведенные в закон нелепости — просто-напросто тяжкое и бессмысленное наследие гражданской обороны: дезактивация, дегазация, светомаскировка... Паническая боязнь микроосколков, бесконечное вычесывание зверей, бесконечные омовения, гашение костров на ночь...

Вечер кончился. В балку хлынула чернота, рваные пробоины в листве залило густой синевой. Металлически блеснули звезды. Из темноты слышалось сопение зверей да шорох рас-

катываемой кошмы — Чага устраивалась на ночлег. Спокойной ночи здесь друг другу желать не принято...

Так что же мы сегодня выяснили? На собственной шкуре и рискуя жизнью. Сверкающая паутинчатая спираль в небе — это, несомненно, локатор. Об этом даже туземцы знают. "Металл смотрит". Черт, а ведь Бальбус не раз засекал эти штуки с орбиты, только называл их "одуванчики". Между прочим, если сверху, то очень похоже. Что еще? Лезвие ножа весит примерно полсотни граммов. Будем это пока считать минимальной массой, на которую реагируют микроголовки... Еще они способны, прошу отметить это особо, наносить не только массированные, но и одиночные удары, причем по малоскоростным целям. Если бы не ствол дерева, башку бы снесло наверняка...

Вверху, простреленная навылет несколькими звездами, шуршала невидимая листва. Хорошее место эта балка. Ночью в ней, правда, сыровато, зато днем... И вид у нее какой-то обжитой: пятно от костра только одно, и тропа к ручью одна, а могли бы запросто все папоротники вытоптать. Сверху срубленные ветки должны падать — убраны... И мошки на удивление мало. Ну это, верно, пернатые постарались, вон их здесь сколько! А может, просто не сезон.

Все-таки во всем нужна система. Давай-ка вспомним, что вообще известно о металле. Об этих самых разрегулировавшихся микрокомплексах. Или даже не так! Что о них неизвестно? На кой дьявол вообще Земля гонит сюда экспедицию за экспедицией? Короче говоря, что необходимо выяснить?

Значит, во-первых, кто и где их производит? Не могут же они произрастать сами по себе, хотя, кажется, была и такая гипотеза... Из чего производит, понятно. Из осколков. Больше, кажется, уже не из чего. Есть снимки так называемых накопителей — этаких членистоногих механизмов, которые эти осколки собирают. Кстати, по накопителям металл гвоздит с особым усердием, что, впрочем, вполне естественно — масса у них порядочная. Так вот, откуда они берутся и куда потом деваются?.. Вздуть бы сейчас костерок и расписать это все в блокнотике, по порядку... Стоп! О чем-то он хотел спросить Чагу. Не о металле, а о чем-то таком... А! Вспомнил...

Влад прислушался. Из темноты доносилось еле слышное ровное дыхание. Кажется, не спит. Или спит?

— Чага, — шепотом позвал он.

Легкое дыхание пресеклось. Значит, не спит.

— Чага! Зачем кочевать? Жить. Здесь. Долго.

Несколько секунд тишины — и негромкий усталый вздох.

— Нет. Долго нельзя. Ночлег для всех.

Ему показалось, что голос у нее какой-то разочарованный.

12

А наутро в Чагу словно вселился бес. Такое впечатление, будто она старалась расквитаться за опрометчиво потраченную улыбку. Начала с того, что, найдя в вычесанной шерсти еще одну крупинку металла, сожгла весь тюк. Влад чуть не поседел, глядя, как она уничтожает его недельный труд. В первый раз сорвался, перешел на крик, но Чага только сверкала на него просветлевшими от бешенства глазами и с каким-то особым извращенным занудством выговаривала это свое "надо".

Потом сорвала с места, скомандовала свернуть лагерь, повела в степь, хотя вчера еще говорила, что в балке они пробудут дня два. В общем, вожжа под хвост попала...

Чага и сама не понимала, что с ней такое происходит. Дело было даже не в сегодняшнем настроении и не в злости на бестолкового, вскормленного металлом спутника. Пока она кочевала с семейством, для нее не было большей радости, чем назло Матери нарушать тайком многочисленные общеизвестные запреты. Теперь же, оказавшись в изгнании, она все их вспомнила и соблюдала неукоснительно.

Честно говоря, тюк можно было бы и не сжигать. Мать, например, когда не хотелось терять всю шерсть из-за одной крупинки, поступала просто: выдергивала клок с застрявшим в нем осколочком и сжигала только его. Хотя по правилам, конечно, надлежало спалить целиком и немедленно покинуть место сожжения. До заката, во всяком случае...

Шерсти, конечно, жалко, но иначе Влад просто не поймет и не запомнит. Он ведь хуже ребенка. Чага простит ему все, потому что у нее нет выбора, а другие прощать не станут...

Сам Влад первую половину дня пребывал в тихом бешенстве. А тут еще сразу за балкой, словно напоминая о погибшей шерсти, потянулась бесконечная гарь: несколько посеченных металлом и высохших вхруст рощ выгорели начисто и относительно недавно. Звери вышагивали по черному, местами голубовато-серому пространству, высоко поднимая голенастые ноги и старательно оттискивая в пепле отпечатки круглых копыт.

Наконец Влад взял себя в руки и огляделся. Все-таки гарь тоже была весьма интересным явлением, так сказать, частью жизненного цикла похожих на спутанную проволоку зарослей, регулярно уничтожаемых пожарами, а затем стремительно восстанавливающихся.

Структура рощи была обнажена: из пепла торчали обугленные влажные обрубки стволов, готовые выбросить новые дуги

серо-зеленых побегов в удобренную золой почву. На одном из обрубков стоял столбиком погорелец — уже знакомый Владу похожий на мышь зверек. Интересно, как это он ухитрился уцелеть, а главное, чем теперь намерен питаться?

К полудню Влад успокоился настолько, что даже достал блокнот, пристроил на горбе Седого и, пользуясь ровным ходом зверя, принялся покрывать первый лист прыгающими каракулями.

Впереди с царственным равнодушием покачивалась в седле Чага. Изящные локти чугунного литья были чуть расставлены и чуть шевелились, а означало это, что Чага между делом орудует толстыми деревянными спицами, созидая новую, нестерпимо колкую куртку, Тянется из переметной сумы бесконечная шерстяная нить, тянется бесконечная ноющая нота, тянется степь, тоже бесконечная. И так тысячу лет...

А искусство ткачества они, надо полагать, утратили...

Глядя на растопыренные Чагины локти, Влад содрогнулся и принялся неистово чесаться. Солнце пригревало. Куртка и все прочее было, казалось, населено множеством мелких кусачих тварей. Ощущение в корне неверное хотя бы потому, что вчера вся одежда тщательнейшим образом была вымыта и прожарена над костром. Тем не менее расторможенное щекоткой воображение нашептывало Владу, что за пазухой у него нагло разгуливает небольшое колкое насекомое.

Не выдержав, он запустил руку за пазуху и вдруг в самом деле кого-то там нашарил. Отвращения к насекомым он никогда особого не испытывал, но тварь могла оказаться ядовитой, поэтому Влад подождал, пока она сама влезет к нему на ладонь, и лишь после этого извлек добычу на белый свет.

На ладони судорожно копошился крохотный металлический паучок. Влад инстинктивно сомкнул пальцы и опасливо поглядел на Чагу. Та была вся в себе... Осторожно раскрыл кулак. Мама родная, да это же явная и несомненная родня членистоногих накопителей, обнаруженных с орбиты Бальбусом! И как это прикажете понимать? Разделение труда? Большие накопители занимаются большими осколками, а маленькие — маленькими?..

Издалека он такой приползти не мог... Влад огляделся, надеясь высмотреть на горизонте какие-нибудь руины, таящие в своих недрах автоматические заводы, но не высмотрел ничего. Раньше надо было высматривать! Судя по всему, паучок заполз к нему за пазуху еще в балке.

И что с ним теперь делать? Проблема... Попробовать разобрать? Снова сунуть за пазуху? Засушить в блокноте? Ох, Чага, Чага! Всего лишила! Такой был удобный пинцетик в нало-

котном кармане... Бережно, стараясь не повредить ненароком, Влад снял паучка с ладони и тут же получил легкий укол в оба пальца. От неожиданности встряхнул рукой, и крошечный механизм искоркой отлетел в высокую траву. А, ч-черт!..

Оборвав песню, Чага обернулась и вопросительно посмотрела на Влада.

— Чешется! — сердито объяснил он по-русски. — Комбинезон не надо было выбрасывать!..

И в качестве перевода выразительно поскреб грудь под курткой.

13

Так, неспешным шагом, ни разу не переведя зверей на бег, они добрались до места новой стоянки. По мнению Влада, место было хорошее: в круглой ложбине между тремя холмами кто-то уже нарыл окопов на целую ораву с табуном. Выбирай любую яму и ночуй.

— А где люди? — поинтересовался Влад. Честно говоря, его давно уже занимал этот вопрос. Создавалось впечатление, что в степи они кочуют вдвоем, хотя следы чужих стоянок встречались на каждом шагу. Да и с орбиты, помнится, степь выглядела весьма оживленно...

— Ушли, — сказала Чага. — Опасно.

— А раньше? — несколько оторопев, спросил Влад.

— Раньше нет, — со вздохом отозвалась она. — Раньше хорошо.

Озадаченный, он попытался представить, как это может быть "хорошо" в заряженной металлом степи, и, честно говоря, представить не сумел. Зато вдруг отчетливо припомнились содрогнувшийся от удара ствол дерева и треск прошиваемой микроосколками листвы. Раньше... Когда это раньше?

— Когда раньше? — спросил Влад.

Чага посмотрела на него испытующе.

— До стальных птиц, — поколебавшись, ответила она.

Стальные птицы? Влад хмыкнул и принялся расседлывать Седого. Стальные птицы... Год синей обезьяны... Месяц любования луной... Что-нибудь из местного календаря, надо полагать. И вдруг дошло, что местный календарь-то здесь скорее всего ни при чем, что речь идет именно о его "пташке" и о трех попытках высадки.

С чувством, похожим на страх, он повернулся к Чаге.

— Чага... Раньше... Металл не убивал?

Судя по хмурому взгляду через плечо, настроение госпожи и повелительницы стремительно ухудшалось.

— Убивал глупых, — сквозь зубы отозвалась она. — Теперь всех.

"Да что за чепуха!.. — беспомощно думал Влад, глядя, как Чага, присев на корточки, разбирается с содержимым разложенного на земле тюка. Бальбус же докладывал: возбуждение микрокомплексов при посадке в пределах допустимого. Господи, да если то, что она говорит, правда, то вообще непонятно, зачем она со мной церемонится! Хрястнула бы рубилом, как того суслика..."

Чага выпрямилась, держа в руках некий мешочек, и, вручив его Владу, знаками предложила развязать. Тот повиновался и некоторое время тупо смотрел на содержимое мешочка: несимпатичная с виду чаша из обожженной глины, связка еще более несимпатичных, сальных на ощупь корешков и завернутые в рыжие очески сколы вулканического стекла.

Видя его тревогу и недоумение, Чага объяснила жестами, что с помощью этих чудовищных приспособлений он всего-навсего должен сбрить себе бороду.

— Зачем?! — ужаснулся Влад и, получив в ответ железное "Надо!", понял, что бороться бессмысленно.

"Уж лучше бы сразу рубилом..." — обреченно подумал он.

... Самоистязание вышло долгое и даже более мучительное, чем представлялось поначалу. Натыкав несчастное лицо жгучим кровоостанавливающим корешком, Влад повернулся к Чаге и увидел, что та сидит на корточках и с бесконечным терпением в глазах подрезает себе волосы с помощью осколка покрупнее. Оттянет прядь и перепиливает потихоньку. Боже...

Потом, как водится, было омовение, а потом Влада откомандировали за хворостом в развороченные металлом дебри неподалеку. Не испытывая уже никаких душевных терзаний, он с легким сердцем взял палку с намотанным на нее сыромятным ремнем и, зябко чувствуя изрезанными щеками малейшее прикосновение ветерка, пошел сквозь цепкий гривастый кустарник.

Нечаянно поглядел под ноги и невольно остановился: суглинок был усеян осколками. Быстро оглянулся и, убедившись, что лагерь надежно утонул в низинке, упал на колени перед самым крупным (с ноготь большого пальца) обломком.

Ну вот он, твой металл. Он же сталь. Хотя скорее всего никакая это, к черту, не сталь... Влад осторожно взял осколок двумя пальцами и поставил на ребро. Да, легковат для стали. Но тоже, видимо, какой-то сплав. Серебристо-белый, коррозии, надо полагать, не подвержен, на изломе зернистый. Эх, один бы такой кусочек да в лабораторию!..

Влад огляделся, не вставая с колен. А крепкая тут, видать, шла рубка! Причем совсем недавно. Странно, что нет ни засохших кустов, ни сломленных веток. Впрочем, виноват, вот как раз одна лежит... Влад поднял обрывок колкой желто-зеленой плети, и за ней из почвы потянулись бледные корешки. Понятно. Неплохо приспособились кустики...

Ладно, хорошего понемножку. В конце концов, его посылали за хворостом... Влад встал и, разматывая ремень, направился к сушняку. Разложил на земле и принялся укладывать на него извилистые желто-коричневые обломки. С сожалением шевельнул кривую, толстую, как питон, жердину. Толстые ломать не велено, металл услышит. Металл ладно, Бог с ним, а вот Чага услышит... Влад откинул жердину и снова занялся древесной мелочью.

А в самом деле, реагирует металл на звук? Между прочим, вполне вероятно. На взрыв, на реактивный двигатель, на лязг техники... Кстати, толстые ветки сушняка ломаются на удивление легко, но с пушечным треском. Значит, три способа наведения: на электромагнитный эхо-сигнал, на инфракрасное излучение и теперь вот еще выясняется, что и на звуковые колебания тоже....

Тут ему показалось, что в дебрях желто-зеленого клочковатого кустарника лениво перелился металлический блик. Влад повернулся, недоуменно сдвинул брови, и приоткинул колючую спутанную прядь...

Медленно передвигая суставчатые ноги, к причудливо изогнутому осколку направлялся этакий металлический тарантул.

Влад попятился и, слегка ошалев, присел на выщербленный расколовшийся валун. Запросто можно было свихнуться... Они что же, растут?! Это же механизмы!.. Черт знает что такое!

А что еще можно предположить? Существование подземных цехов, каждый из которых выпускает паучков определенного калибра? Бред!.. Влад хорошо помнил снимки, сделанные с орбиты Бальбусом. Его накопители состояли в основном из бесформенного металлического панциря, и все же достаточно было взглянуть на степенно переступающего паучину, чтобы увидеть его несомненное сходство с теми полуметровыми тварями.

И почему его до сих пор не подбили? Или ползать можно безнаказанно, пока не достигнешь определенной массы?..

Теперь понятно, почему Земля так настойчиво требует высадки! Значит, не просто программа помощи туземцам, а иная, неслыханная технология!.. На каком же уровне они закладывали в этот самый металл информацию?! На кристаллическом? На молекулярном?..

Влад поднял голову и словно в первый раз оглядел сушняк, клубящуюся, как спутанная проволока, рощу, покрытые кустарником холмы. Когда-то здесь были города, дороги, высокие широколиственные леса...

Издали донесся хрустящий удар и тоненький прерывистый визг, оборванный еще одним ударом. Чага умерщвляла пойманного на ужин суслика... Лицо Влада болезненно скривилось.

— Эх, вы!.. — укоризненно выговорил он. — Как же вы могли? С такого уровня — и к каменному топору...

Желто-зеленый кустарник безмолвствовал, в сушняке за спиной что-то шуршало, надо полагать, все те же лупоглазые мышки с цепкими коготками.

Влад поднялся и, приблизившись к металлическому паучине, присел над ним на корточки. Слиток с ножками. Ни жвал, ни, естественно, глаз. Спереди, правда, дрожит сияющая капля расплава. Двусуставчатую ножку заносит несколько судорожно, с остановками. Видимо, зашевелись он побыстрее, тут же засекут и разнесут в клочья...

Интересно, как у него устроено брюшко? Влад протянул было руку к облизанной бликом спинке, потом вспомнил легкий укол в пальцы, полученный от заползшего за пазуху паучка, и, отодвинувшись, нашарил короткую хворостину. Этот раз в десять больше, следовательно, и разряд у него должен быть соответственно размерам. Эх, замерить бы! Только чем? Хотя... Если в десять раз, то вполне терпимо. В конце концов, каждый сам себе вольтметр...

С этой чеканной мыслью Влад отбросил хворостину и решительно поднес растопыренную пятерню к блестящему игрушечному механизму... Трещащий хлопок, мышцы скрутила мгновенная судорога, и ослепленного Влада, отшвырнув, уложило спиной прямо в собранный хворост, благо, сучков у сушняка почти не бывает!

Нет, разряда такой мощности он не ожидал! Какое там в десять раз! Чистая лейденская банка с ножками!..

Он еще сидел, беспомощно тряся головой, когда к нему, разрывая цепкие кусты, подбежала Чага. Быстро взглянула на него, на усеивающие суглинок осколки, на замершего с поднятой и, кажется, оплавившейся лапкой тарантула, и смуглое лицо ее приняло несколько пепельный оттенок.

— Уходим! — бросила она. — Быстро!

Нагнулась, схватила палку с сыромятным ремнем, рванула. Посыпался звонкий сушняк.

Заночевать в заранее выкопанном укрытии так и не пришлось...

14

Пассив: несколько дней легкого заикания и яростная мелочная опека со стороны Чаги. Зато в активе... Честно говоря, до сих пор в голове не укладывается! Металлические механизмы, способные развиваться, расти... Мужать, черт побери, и крепнуть!..

Однако давай по пунктам. Что еще удалось установить? Что растут они, каким-то образом усваивая осколки. На подножном, так сказать, корму... В случае опасности огрызаются электрическим разрядом, причем мощность разряда увеличивается с возрастом отнюдь не в арифметической, но скорее в геометрической прогрессии... Далее. Паучки типа того, что залез в прошлый раз за пазуху, микроголовками, естественно, не лоцируются, и засеянные ими районы (сведения получены от Чаги) считаются практически безопасными. Единственная предосторожность — кожаный полог над укрытием...

Пауки размеров тарантула скорее всего воспринимаются микроголовками, как неподвижные крупные осколки. Туземцы их побаиваются, но, кажется, только из опасения получить электрический разряд... Ну и наконец о гигантских накопителях Бальбуса, вблизи еще не наблюдавшихся, известно, что микроголовки их "видят", "знают" и атакуют по нескольку раз в сутки...

А теперь что установить не удалось. Первое. Откуда берутся эти крохотные новорожденные паучки? Не из осколков же в самом деле вылупляются!.. И второе. Куда они потом деваются, когда раздобреют до стадии накопителей Бальбуса? Они же тогда скорее ворочаются, чем ползают... Может, закапываются, а дальше — под землей, как кроты? Тогда опять же — куда?..

Ну и масса вопросов по мелочи. Каким образом они, например, добывают электрическую энергию? Химическим путем? От солнца?.. Господи, как все просто выглядело с орбиты! Считалось, что существуют слегка разрегулировавшиеся автоматические подземные заводы, откуда разлетается и расползается вся эта металлическая погань. Какие-то подземелья были даже обнаружены в предгорьях Главного хребта. И вот на тебе! Все с ног на голову!

Хотя почему с ног на голову? Очень просто: накопители, набрав нужную массу, действительно зарываются в грунт, докапываются каждый до своего заводика, там их быстренько в переплав, а потом уже на поверхность вылезают готовые но-

венькие микрокомплексы. И тут же начинают палить друг в друга... Да, кстати! Кто с кем воюет? Тоже неплохо бы выяснить...

Главный хребет располагается где-то на юге. На севере, естественно, океан, но очень далеко. Маршруты Чага прокладывает шизофренически — мечется по степи, ведомая одной ей известными приметами, но в целом они откочевывают к востоку, хотя через Большую реку еще не переправлялись...

А ведь не так и далеко должно быть отсюда до этих таинственных подземелий в предгорьях. Интересно, знает ли о них Чага? Может, легенда какая есть. Надо бы под хорошее настроение подкатиться и спросить...

Влад запихнул последние очески в мешок и, отступив, с удовольствием оглядел Седого. Модель моделью! Пойти, что ли, похвастаться?.. Точно! А заодно и спросить.

— Пошли, Седой! — велел Влад и, сопровождаемый важно вышагивающим зверем, двинулся к Чаге, плетущей хитрую ловчую снасть.

— А? — спросил он победно.

Хоть бы для виду обрадовалась! Встала, взглянула испуганно на красавца зверя, как-то растерянно провела рукой по шелковистой шерсти и вдруг отвернулась.

— Хороший зверь, — произнесла упавшим голосом. — Плохо.

Влад только руками развел и пошел вычесывать Рыжую.

Вообще, сложно было с Чагой. Вроде и словарный запас у Влада увеличился, и грамматика прояснилась — свободно мог уже низать по нескольку слов во фразу, и все же временами он просто отказывался понимать свою спутницу.

Разоренная степь осталась позади, места пошли, если верить Чаге, спокойные, но опять же как ей верить?! Лицо у самой — озабоченное, все высматривает что-то, однажды вдруг ни с того ни с сего свернула в низину, чуть зверей на косогоре не покалечили! Зачем-то приказала залечь, причем сама осталась на ногах.

Влад немедленно поднялся и, осерчав, подошел спросить, какого черта. Не спросил. Чага пятилась, не сводя глаз с седловины между холмами, и совершала опущенными кистями обеих рук вращательные движения, наматывая на каждую сыромятный ремень, на конце которого висел тяжелый полированный камень с дыркой... Господи, да это же кистени! Она что, от металла собирается ими отмахиваться?!

— Металл? — туповато спросил Влад.

Она все еще пятилась, завороженно куда-то глядя, и он невольно взял ее за плечи, когда она буквально уперлась в него спиной. Вздрогнула.

— Нет, — сказала она. — Не металл.

И он почувствовал, как напряжены под курткой из шерсти зверя ее прямые плечи. Весело... Выходит, тут еще водится кое-что пострашнее металла?

— Хищник? — спросил Влад, вспомнив ночные шакальи рыдания за холмом.

Чага отрицательно тряхнула головой и быстрым бесшумным шагом пошла к седловине. Влад последовал за ней, высматривая по дороге камень потяжелее. С голыми руками он уже чувствовал себя как-то неуютно. Достигнув седловины, Чага, кажется, успокоилась и позвала животных.

— Так что это было? — допытывался Влад.

Чага обернулась. За время странствий он научился неплохо различать мельчайшие изменения этого дочерна загорелого лица, но теперь оно снова показалось ему застывшим.

— Люди, — глухо отозвалась она.

15

Влад лежал в окопчике, откинув, как всегда, из упрямства кожаный полог, а над ним, в ночном сияющем звездами небе, судя по взревыванию, взвизгам и прочему, шел серьезный бой. Временами что-то впарывалось в землю, сеялись мелкие осколки, а Влад лежал, полуприкрыв глаза ладонью, и вспоминал, какие плечи были у Чаги, когда он обнял ее сзади. То есть не вспоминал — он гнал от себя это вспоминание, но оно почему-то отказывалось уходить.

Тогда он приподнялся и принялся натягивать полог, по которому немедля пробарабанила порция стальной крошки. Однако в кромешной темноте стало еще хуже.

"Дурак! — раздраженно мыслил он. — Уперся в свой металл и ничего уже вокруг не видишь! Она же из-за этого бесилась, неужели не ясно? Из-за этого с места срывала, придиралась к тебе из-за этого... Кстати, правильно делала! Таких придурков вообще надлежит брать за шиворот, вести в ближайшую балку и бить головой обо что-нибудь реликтовое..."

Влад злобно фыркнул и, сняв ремешки с колышков, снова откинул полог. Опустился на кошму. Шальной снарядик чиркнул сразу по двум брустверам. Дуплетом. Рявкнуло прямо в лицо, обдало землей.

— Ноктюрно, сталь тебя порази!.. — отплевываясь, пробормотал Влад. Тут же поймал себя на том, что впервые вместо своего любимого "черт побери" использовал местное выражение,

и криво усмехнулся. Зверей он уже вычесывает классно, роет тоже, болтать насобачился. До полной натурализации осталось совсем немного. Один шаг. Точнее, десяток шагов...

"А вот не дождешься! — с неожиданным ожесточением, к которому, впрочем, примешивалось и злорадство, подумал он. — Умыкнула не спросясь, ноги связала, думаешь, не помню? А теперь, значит, на измор берешь?.. Ну-ну, посмотрим, как это у тебя получится..."

Он свернул потуже седельную подушку и, пристроив ее поудобнее под голову, отвернулся к земляной стенке. Прямо перед глазами, мерцая отраженным звездным светом, копошился крохотный металлический паучок. Влад взял его двумя пальцами и, не обращая внимания на слабый укол, выкинул к лешему из ямы.

"Собственно что меня останавливает? — мыслил он. — Обетов я никаких не давал, невеста меня на Земле не ждет... Господи, да о чем я вообще?! Какая Земля? Какие тебе невесты? Ты в списках погибших, дурак! Тебя нет! Тебя подберут лет через тридцать. Если подберут... И вообще, что я, железный, голышом с ней купаться! По нескольку раз в сутки!.."

Влад перевернулся на четвереньки и, выпрямившись, осторожно высунул голову из окопа. Взгорбленная припорошенная звездным светом степь замерла, ожидая новой схватки крохотных стальных пираний. Пропускать такой момент было грешно. Влад раскинул руки, оперся. Затем последовало быстрое бесшумное движение — и вот он уже сидит на корточках на краю укрытия. Пригнувшись, перенес ногу через бруствер, сделал шаг, другой — и в этот момент пауза кончилась.

Ночь взвыла в лицо, ветер ударил по левой щеке, как доской. Слава Богу, плашмя. Влад упал ничком, а секунду спустя воздух над ним был разорван в клочья. "Убит при попытке прелюбодеяния..." — произнес кто-то в мозгу официальным голосом.

Мысль несколько преждевременная, но в целом правильная: стальная поземка срывала брустверы, металл стелился над самой землей. Визг, хруст, грохот. Не смея поднять головы, Влад пополз было к окопчику Чаги, понял, что скорее всего не доползет, решил вернуться, но тут позади него в землю впоролось единиц десять, не меньше. Удар был такой силы, что Влада подбросило, и он торопливо пополз вперед.

В себя он пришел возле растерзанного бруствера. Ночь была относительно тихой, на холмы и пригорки оседал ровный звездный свет.

Так... Во-первых, кажется, жив и даже не ранен. А во-вторых, чей же это, интересно, окоп?.. Переползая под обстре-

лом, Влад совершенно утратил ориентировку. Приподнялся, заглянул через бруствер. Кожаный полог был туго натянут и усыпан микрооскольками...

По идее, надо было немедленно срывать ремешки с колышков и падать вниз, к ней. Металл вполне мог повторить пролет по этой ложбинке. Однако на такое хамство Влад не отважился и некоторое время продолжал рисковать жизнью, торча над бруствером.

"Вот будет потеха, — несколько испуганно мыслил он, — если я все это придумал!.. Может, ей вообще на меня наплевать! Ну купалась при мне нагишом, ну и что? Может, здесь так принято!.. А, ладно! В крайнем случае изуродует. Кистенем своим..."

Взбодрив себя этим сомнительным рассуждением, Влад тихонько снял с колышков три петли и приподнял край полога. Черно, как в могиле. Тогда он снял все петли, до которых мог дотянуться, и откинул полог на бруствер. Обильный звездный свет пролился в неглубокую прямоугольную яму. Чага не спала. Она лежала на спине, угольно-черные глаза были широко раскрыты.

— Чага, — растерянно сказал Влад. — Это я...

16

Нет-нет, все было замечательно, но... Чага отнеслась к его визиту как-то уж очень спокойно. Ошарашивающе спокойно. Как будто они уже лет десять состоят в законном браке и делят ложе (в смысле кошму) еженощно. Влад даже был слегка разочарован: все-таки под обстрелом полз, рисковал...

Полог они оставили раскрытым и теперь лежали рядом, глядя в тихое звездное небо.

— Чага, а почему ты кочуешь одна? — шепотом спросил Влад.

Она, как всегда, ответила не сразу.

— Металл убил всех, — услышал он наконец ее ровный негромкий голос.

— Да нет, Чага! — Влад приостановился, подыскивая слова. — Он убил их потом. А когда я прилетел, ты уже была одна. Почему?

На этот раз молчание было продолжительнее.

— Меня оставили в степи, — глухо сказала Чага.

— Оставили в степи? А что это значит? Расскажи.

И она стала рассказывать, отрешенно, с легкой грустью в голосе, словно речь шла не о ней, а о ком-то другом. И все же несколько раз что-то сдавливало ей горло: когда пришлось признаться, что она дважды прикоснулась к металлу, и еще когда говорила о Стрые, не решившемся переступить черту...

Влад слушал ошеломленно. Многое в рассказе было непонятно, но суть он уловил. Боже мой, изгнанница, бунтарь!.. Брала металл голыми руками!.. Ну вот хоть убей не мог он себе представить Чагу в этой роли!

— Чага, — растерянно сказал он, когда история кончилась. — Ты говоришь: если бы мы не нашли друг друга...

— Меня бы убил первый встречный, — тихо подтвердила она.

— Сталь разящая! — еле вымолвил Влад. — Слушай, как хорошо, что этим встречным оказался я!

— А тебя бы убил металл, — еще тише добавила она.

— Конечно! — с чувством подтвердил Влад. — Если бы ты тогда не выбила у меня из рук... ту штуку. Спасибо!.. — Он помолчал, кашлянул. — Слушай, а Мать... Она что, твоя родная мать?

— Нет. — Кажется, Чага улыбнулась. — Она была Мать семейства. А мне доводилась... — последовало незнакомое слово, означавшее, по всей видимости, степень родства.

"А ведь и впрямь пошел у меня язык! — с некоторым удивлением отметил Влад. — Болтаем вовсю..."

— Чага, — осторожно начал он. — А почему ты сейчас так боишься металла? Я знаю, бояться надо, но... не так же! Вот ты сказала: ты дважды к нему прикоснулась, и что?

— Меня оставили в степи, — напомнила Чага. Голос ее снова зазвучал глуховато.

Влад рассмеялся.

— Глупая! Хорошо, что оставили! А иначе он бы убил тебя вместе с ними!..

Чага вздохнула и не ответила. Однако полог уже натянуть не требует. Значит, сдвиги есть...

Снова почувствовав желание, он повернул ее к себе лицом и, умудренный опытом, нежно взял губами мочку уха. В прошлый раз он начал было с поцелуя в губы, за что немедленно получил легкую, но звонкую затрещину. Выяснилось, что так здесь не принято. Развратник!.. Слава Богу, все остальное было в точности как на Земле...

... Потом они снова отдыхали от любовных (супружеских?) ласк, и уже наплывала дремота, когда Влада посетила внезапная и несколько обидная мысль: а почему Чага, в свою очередь, так ни о чем его и не спросила? Нет, право, это было даже

как-то оскорбительно... Неужели вот так просто возьмет и уснет?..

Он повернул голову и увидел, что Чага по-прежнему лежит на спине и смотрит в небо. Потом что-то вдруг изменилось в ее взгляде. Влад тоже невольно поднял глаза, и сердце екнуло: по ласково мерцающему небосклону ползла наискосок тяжелая крупная звезда. Значит, еще не стартовали...

— Чага, — позвал он. — Видишь?

— Да.

— Я прилетел оттуда, Чага, — проговорил он, чувствуя, что хрипнет.

Казалось, она не услышала. Удивленный ее равнодушием, Влад приподнялся на локте, всмотрелся в тронутое обильным звездным светом лицо и понял, что Чага лежит, буквально помертвев от страха. Наконец медленно повернула голову.

— Никому не говори... — произнесла она с тихой угрозой, и у Влада по спине побежали мурашки.

— Я... — растерялся он. — Только тебе... А почему?

— Убьют, — последовал мрачный ответ, и Чага снова стала смотреть на неторопливо переползающую звезду.

— А... за что?

Чага молчала. Потом все-таки ответила через силу:

— Бегущая звезда. Когда она появляется, где-нибудь падает стальная птица... Никому не говори. Узнают — убьют.

Та-ак... Влад, слегка потрясенный, опустился на место. А туземцы-то, выходит, очень неплохо информированы... Бегущая звезда, стальная птица... Однако позвольте! Что значит узнают — убьют?.. А сама она разве не знает? Не убила же...

— Хорошо, Чага, — покорно сказал он. — Я никому не буду говорить... Но с тобой-то я могу об этом?..

— Со мной — да, — нехотя согласилась она.

Грузная звезда подползала уже к краю чернеющего брустверa.

— А знаешь, что это? — спросила он.

— Металл, — равнодушно отозвалась Чага.

Влад поперхнулся.

— М-металл... — вынужден был согласиться он. — Но это совсем другой металл! Он не убивает. Он служит людям. Там есть люди, Чага. Много людей. Таких, как я...

Звезда уже скрылась за кромкой развороченного бруствера, а Чага все молчала.

— Там хорошо? — неожиданно спросила она, глядя в мерцающую бездну.

— В моем мире? — уточнил Влад. — Да, Чага. Там хорошо.

Она снова повернулась к нему, и в голосе ее прозвучало какое-то совершенно ребяческое изумление:

— Если там хорошо, зачем вы летите сюда?

— Зачем? Да ради вас!

— Ради кого? — Она в самом деле не понимала.

— Ради тебя, — сказал Влад. — Ради твоих близких. Ради всех людей.

— Ради моих близких? — Она пристально всмотрелась в его лицо. Пристально и тревожно. — Ради Стрыя? Ради Колченогой?

Влад понял наконец, о чем она, и его обдало жаром.

— Видишь ли, Чага... Любой эксперимент всегда бывает чреват... э... с запинкой проговорил он по-русски и стал думать, как бы это теперь перевести.

"Какой-то совершенно дурацкий разговор", — растерянно подумал он, так и не справившись с переводом.

— Пойми ты! Мы остановим металл! Он не будет летать над степью!

Чага вздохнула.

— Если бы он не летал над степью, — сообщила она, — людей бы уже не было.

— Не понимаю! — сердито сказал Влад. — Объясни.

Чага молча смотрела в небо. Потом губы ее шевельнулись, и она заговорила нараспев:

— Мужчины шли по степи, и в руках у них было оружие. Они убивали друг друга, они убивали детей и женщин, они убивали зверей. А металл смотрел, как они убивают, и видел, что скоро людей не останется вовсе. Он исполнился жалости к людям и восстал на мужчин — быстрый, светлый, разящий без промаха. И мужчины сказали: "Выроем прямые ямы и скроемся в них от металла". И они вырыли прямые ямы, но металл поражал их и в ямах, падая сверху. Тогда мужчины исполнились страха и спросили металл: "Что нам делать?" Он ответил: "Бросьте оружие, и тогда я не стану поражать вас в укрытиях. Буду лишь поражать, пролетая над степью, чтобы люди боялись и помнили..." И мужчины бросили оружие...

Влад был ошеломлен. Фольклор! Фольклор, посвященный металлу!.. Конечно, сказание на добрую треть состояло из слов совершенно незнакомых, но в целом смысл был ясен. Война, в процессе которой и вышли из-под контроля противопехотные комплексы... Завтра надо будет попросить Чагу, чтобы повторила, а он запишет...

Ах, блокнотик, блокнотик, на сколько же тебя хватит!..

17

По правде говоря, Влад надеялся, что после этой ночи характер Чаги хоть немножко смягчится. Ничуть не бывало! Вид праздношатающегося Влада приводил Чагу в неистовство, и на бывшего пилота первого класса начинали обильно сыпаться распоряжения, указания и наряды на работу. Однажды она даже попыталась усадить его за веретено и отказалась от своего намерения, лишь убедившись в полной бездарности Влада. Блокнота при ней лучше было и не доставать...

А Влад ничего не понимал да и не понял бы, наверное, попытайся она ему все объяснить.

Встреча с людьми застала Чагу врасплох — лишь тогда она осознала, что все долги семейства лежат теперь на них двоих. Конечно, с таким зверем, как Седой, их примет любой сородич. Но если уцелело достаточно много родственников Калбы по мужской линии, их с Владом просто не осмелятся принять. И где уверенность, что никто не попытается поступить с ними, как Стрый поступил с семейством Калбы?..

А Влад только поглядывал удивленно, когда она внезапно меняла маршрут или, скомандовав остановиться, выходила на вершину холма, пристально оглядывая окрестности.

Однажды, завидев в небе тяжелый черный дым, он поднялся за ней на пригорок. Горела роща. Причем как-то странно горела — сразу с трех сторон.

— Металл поджег? — с пониманием спросил Влад.

— Нет, — сказала Чага. — Люди.

— Подожгли рощу?

Чага с досадой тряхнула выгоревшей, неровно подрезанной гривкой.

— Кто-то прячется, — хмуро пояснила она. — Выживают огнем...

— Изгнанника? — спросил Влад, чувствуя, как омерзительная слабость раскатывается от живота к коленкам.

— Не знаю, — сказала Чага. — Может быть, и хищника...

Они положили зверей в пышно разросшемся желто-зеленом кустарнике и спрятались сами.

— Слушай, Чага, — прямо спросил Влад, — ты кого больше боишься: металла или людей?

— Тебя, — бросила Чага, не оборачиваясь.

Влад неуверенно хихикнул. Вот уже и первые проблески юмора пробиваются. Так, глядишь, скоро и анекдоты начнем друг другу рассказывать: "Сидят в горящей роще два изгнанника. Вот один и говорит другому... то есть другой..."

Продолжения анекдота Влад придумать не смог, да и не успел бы. Глухо грянули копыта, воздух вспороли визжащие, как металл, крики, и ложбинка ожила. Мимо них огромными прыжками пролетело поджарое и, несомненно, хищное существо, похожее на гепарда с волчьей мордой, нагоняемое храпящим, роняющим пену зверем. Сламывающиеся в суставах мощные ноги метались, как рычаги, в каждом копыте — смерть.

Пятнистый хищник шарахнулся, уворачиваясь, и в этот миг на спину ему с маху бросился всадник. Мужчина. Они покатились, путаясь в редкой высокой траве, взметнулись жилистые пятнистые лапы с жутко растопыренными когтями, и пронзительный крик боли (не поймешь, звериный или человеческий) ошеломил Влада. Чага, бледная, с искаженным лицом, раскинув руки, зажимала храпы обоим залегшим животным и торопливо шептала какие-то шепелявые звериные слова, видимо, упрашивая Седого и Рыжую не подавать голоса, не затрубить в ответ.

Вопль оборвался, трава шевельнулась в последний раз, и из нее поднялся победитель в разорванной куртке. Лоб у него был рассечен, улыбающееся лицо заливала кровь. Он нагнулся и рывком вскинул на плечи пятнистую тушу с длинными болтающимися лапами. Всхрапывая и косясь на убитого хищника, возвращался взбудораженный кровью зверь.

Охотник перекинул тушу между горбом и мощной шеей животного и вскочил в седло. У выхода из ложбинки маячили еще два всадника. Весело оскалившись, они смотрели на приближающегося к ним удачливого наездника.

— Хвостом задел? — спросил один, указывая на рассеченный лоб, и все трое расхохотались нарочито громко, чтобы вся степь слышала, как им весело.

Скрылись. Чага отпустила морды зверей и обессиленно привалилась спиной к горбу Седого.

— Не понимаю, — раздраженно проговорил Влад. — Почему мы прячемся? Мы же не изгнанники — мы семейство!

— Седой... — стонуще произнесла Чага, как-то судорожно оглаживая жесткую шерсть на хребте зверя.

— Не понимаю, — повторил Влад. — При чем здесь Седой?

Она подняла на него прозрачно-серые, полные муки глаза.

— Это очень редкий зверь, — сказала она. — Такие есть только на севере.

— Ну и что?

— Из-за него уже убили шестерых. Почти все семейство Калбы. Стрый убил из-за него четырех мужчин...

Влад невольно откашлялся.

— А теперь, значит, из-за него поубивают нас? — спросил он. — Так, что ли?

Чага молчала.

— Да сталь вас всех порази! — взорвался Влад. — Вам что, металла не хватает? Еще и сами друг другу глотки рвете?

Чага все еще перебирала густую шерсть Седого. Лицо — несчастное.

— Раньше так не было, — тихо, как бы оправдываясь, проговорила она. А теперь все думают: последние годы живем...

— Послушай, — сказал Влад. — Но если он так опасен, давай выменяем его на другого зверя. Или просто отдадим...

Чага вздохнула и поднялась.

— Не могу, — сдавленно вымолвила она.

— Почему?

— Хороший зверь, — пряча глаза, сказала она. — Ни у кого здесь такого нет...

А к вечеру, словно желая запугать Влада окончательно, достала из седельных сумок кистени и принялась упражняться. Высунувшись из наполовину вырытого окопчика, он с невольным уважением следил, как ходят в воздухе гудящие камни. Надо бы взять у нее пару уроков. Спиной к спине с четырьмя кистенями — и ни один кочевник не подступится, ни пешком, ни на звере. Да к ней и к одной не больно-то подойдешь...

Влад бросил лопатку, которая, кстати, и впрямь была лопаткой какого-то крупного животного, скорее всего того же зверя, и вылез из ямы. В самом деле, если так опасно, то пусть хотя бы приемы покажет...

— Чага!

Она обернулась, и ее глаза внезапно вспыхнули надеждой и радостью.

— Отними! — крикнула она, и камни запели, замелькали.

Влад неуверенно шагнул навстречу, но тут Чага сбросила с ладони несколько витков ремня, камень метнулся в лицо и, не долетев какого-нибудь дюйма, толкнул воздухом. Хорошо хоть заслониться не успел — перелом кисти был бы обеспечен...

— С ума сошла! — сердито сказал Влад, отступая. — Давай теперь я попробую!..

Чага резко опустила руки, камни с глухим стуком упали на землю. Новый приступ ненависти? Ну так и есть...

— Никогда так больше не говори, — процедила Чага. Глаза — как из металла отштампованы. Сталь разящая. Отвернулась, взмахнула руками, и камни снова заходили, завывая, по резко меняющимся траекториям.

Выругавшись вполголоса, Влад возвратился в окопчик, поднял костяную лопатку и продолжил земляные работы. То не говори, это не говори... Да что ж она, дура, не понимает, что в четыре руки отмахаться легче?.. Или кистени — это чисто женское оружие? Хм, а это, между прочим, идея...

— Чага!

Она даже не повернула головы в его сторону.

— Чага! Да погоди же ты! Остановись!

Камни, ускоряясь, закрутились по спирально уменьшающимся орбитам и со шлепком улеглись в ладони. Обернулась.

— Чага! Ну что ты злишься? Я же просто не знаю многого!.. Что, кистенями только женщины дерутся?

— Да!

— Ну так предупреждать нужно, Чага! Я же, правда, не знал. А каким оружием пользуются мужчины?

— Мужчины не пользуются оружием, — холодно сказала она.

— Как? Вообще?

Чага смотрела на Влада с недоумением.

— Разве я тебе не рассказывала? У них договор с металлом.

18

Нет, но он-то полагал, что речь идет только о металлическом оружии. Как же нужно было испугаться этих самых микрокомплексов, чтобы вообще все на землю побросать! Вот идиоты...

А с другой стороны, ситуация приобретает несколько жутковатые очертания. Влад вспомнил взметнувшуюся из высокой редкой травы пятнистую лапу с судорожно растопыренными когтями и почувствовал себя совсем неважно. Да на такую тварь — только с карабином и с егерем! А тот ее — с улыбочкой и голыми руками. То ли задушил, то ли хребет сломал...

Значит, оружие применять нельзя. Кстати, надо будет спросить у Чаги: что будет, если все-таки применишь? Запрезирают? Ну, это на здоровье... Только ведь скорее всего загонят в рощу и подпалят с трех сторон. Ладно. Решено. Без оружия так без оружия.

... И что же у нас в активе? А ничего в активе! Юношеское увлечение капоэйрой у нас в активе. Ну еще, может быть, общая физическая подготовка неплохая. Была. До так называемой посадки и сотрясения мозга. Ох, Влад, переломят тебя

здесь об коленку при первом удобном случае. Как сушняк. С пушечным треском.

И зачем они откочевали в спокойные степи? Изучать нечего, металл куда-то исчез. Чага говорит: не раскуклился еще. Шутит, наверное. Хотя после паучков этих дикорастущих, кажется, уже во что угодно поверишь. Вплоть до почкования осколков.

Влад ударил пятками Седого и поравнялся с Чагой.

— Ну что, Чага? Может, вернемся?

— Куда?

— Откуда пришли.

— Там металл, — напомнила она.

— Да уж лучше металл, — буркнул Влад.

— Ты как женщина. — Чага усмехнулась. — Только о нем и говоришь.

— Что делать, Чага! Металл — враг. А врага надо знать.

— Мать тоже думала, что знает его, — задумчиво молвила Чага. — А металл ее убил.

Влад фыркнул.

— Что она там знала! Что вы вообще о нем знаете! Ты, например, много о нем знаешь? Как он движется? Почему растет?

— Это вообще незачем знать, — возразила Чага. — Я чувствую, когда он идет. И вовремя ухожу с его дороги.

— Интересно! Чем же это ты чувствуешь?

Чага сказала.

— Чем?! — ужаснулся Влад.

Чага повторила. Слово было хорошо знакомо, просто Влад еще ни разу не слышал его при свете дня.

— Ты не сердись, — осторожно начал он, чувствуя, что физиономия его невольно разъезжается в совершенно непристойной улыбке, — но... Что же, у тебя там все опускается, что ли, когда он идет?

— Нет, — вполне серьезно ответила она. — Не опускается. Сжимается.

— Ни черта себе приборчик!.. — пришибленно пробормотал Влад по-русски и некоторое время ехал молча. — Да ведь это просто страх, Чага! А вы его принимаете за чутье!

Она равнодушно повела плечом.

— Какая разница! Главное, почувствовать...

В мутно-голубом небе на относительно небольшой высоте ходила кругами какая-то хищная птица, и означало это, что металл здесь пока воевать не собирается. Влад уже неплохо разбирался в местных приметах. Отвесная сверкающая царапина по небосклону предупреждала, например, что сейчас в вы-

шине раскроется и замерцает проволочная паутина. Металл смотрит, и лучше всего свернуть с дороги и поискать укрытие.

А вот косые и параллельные земле серебристые штрихи — это уже серьезнее! Это значит, что по округе мечется так называемый рой. Вообще, почти все местные выражения, касающиеся металла, были с наивной прямотой взяты из жизни насекомых. Металл роится — падай носом в землю и моли судьбу, чтобы это оказался зрячий рой, срезающий лишь верхушки трав, а не слепой, когда паутинчатый локатор уже сбит, и сталь метет, впарываясь во что попало.

Да нет, если не зевать, можно и с металлом поладить. А вот с людьми...

— Чага, а ты можешь показать какие-нибудь мужские приемы? Я имею в виду: приемы драки...

Более изумленного выражения лица он у нее еще не видел. Вопрос, надо полагать, был задан пренеприличнейший.

— Я женщина, — выговорила она наконец с тихим негодованием в голосе. Но отступать было поздно.

— Они их что, в секрете держат? Я имею в виду: от женщин...

— Конечно!

Так. Ну что ж... Значит, будем вспоминать приемы капоэйры... Нет, с металлом все-таки легче. Там хотя бы знаешь, что он не за тобой охотится...

— Чага! А вот ты как-то говорила, что твои родственники могут принять нас в семейство. А если не родственники? Примут?

Холодный, несколько презрительный взгляд через плечо.

— Примут. Если ты там найдешь себе женщину, а я — мужчину.

— Ясно, — пробормотал он, помрачнев. — Тогда это, конечно, не подходит.

— Почему?

Влад резко натянул поводья. Седой оскорбленно фыркнул и остановился, мотнув породистой головой.

— То есть как почему? — От обиды у Влада даже голос сорвался. — Да потому что я уже твой мужчина!

Не менее резко Чага осадила Рыжую и, круто развернув, бросила ее на Влада. Как на таран шла. Запрокинутая, оскаленная морда Рыжей и не менее искаженное смуглое лицо Чаги. Растопыренная пятерня шарит за седлом, вот-вот кистень достанет...

— Ты сначала у меня камни отбери! Мужчина!

Снова крутой поворот, и Чага, не оглядываясь, поехала прочь. В прежнем направлении. Спина выпрямленная, злая.

Некоторое время Влад остолбенело смотрел ей вслед, сидя на переминающемся, но не двигающемся с места Седом, потом осторожно высвободил ногу из мягкого кожаного стремени и соскользнул на землю. Слабо толкнул зверя ладонью в мощный, тщательно вычесанный бок.

— Иди, Седой, — приказал он перехваченным горлом. — Иди. Догоняй.

Повернулся и побрел в степь. Хватит. Всякому унижению бывает предел. Да, он не мужчина. Он не землекоп, он не наездник, и голыми руками убивать он тоже не умеет. Он просто пилот первого класса, имевший глупость остаться в живых.

Горько скривив рот, он брел, раздвигая редкую высокую траву и жалея только об одном, что под ногами ни одного осколка. Хотя зачем осколок? За пазухой есть еще нож, к счастью, не выброшенный Чагой. Отойти подальше, выпустить лезвие, а там уже металл сообразит, как с ним поступить...

Над плечом раздалось знакомое фырканье, и в шею ткнулись влажные губы зверя. Сзади шуршала ломкая суставчатая трава и мягко ступали тяжелые неторопливые копыта.

— Не надо, Седой, — сдавленно попросил он. — Не надо, иди.

— Влад. — Тихий голос Чаги.

Он обернулся. За ним шли оба зверя. Чага глядела с седла печально и растерянно.

— Влад, тебя убьют.

Повернулся и побрел дальше. Трубчатые травы сами подворачивались в руки и, если вовремя не разжать кулак, натягивались и лопались с тихим и каким-то неимоверно тоскливым звуком.

— И меня убьют тоже, Влад.

Остановился. Постоял, опустив голову. "Сил моих больше нет, беспомощно твердил он про себя. — Сил моих больше нет..." Стиснув зубы, качнулся в сторону степи.

— Влад, уходим! — Резкий, как выстрел ломающегося сушняка, окрик.

Он вскинул голову. Подавшись с седла к горизонту, Чага всматривалась во что-то с земли не видимое. Ни на секунду не усомнившись в необходимости приказа, Влад кинулся к Седому и прыгнул животом на седло. Ухватился за горб, сел, поймал ногами мягкие стремена. Это не могло быть ни шуткой, ни сложно задуманной попыткой примирения.

В степи не шутят.

19

Кажется, семейная сцена стремительно перерастала в сцену батальную.

— Йо!.. Йо!.. — Чага подгоняла и подгоняла зверей. Пригнувшись к мечущемуся, как костер, горбу Рыжей, сунула не глядя руку в заседельную сумку и извлекла ее уже с затянутой ременной петлей на запястье. Потом другую. Секунда — и закружат, завоют над головой смертоносные камни.

Смысла происходящего Влад, как всегда, не улавливал, на его долю достались лишь грубые ощущения: топот, биение ветра да чувство опасности за плечами.

А затем случилось нечто странное. Они вылетели из-за холма, и Владу почудилось, что Чага пошатнулась в седле. С этого момента Влад вообще перестал что-либо понимать. Копыта по-прежнему глухо били в землю, но это уже был не надрывный топот погони, а обычный размашистый мощный бег. Их никто не преследовал...

Влад готов был утвердиться в этой мысли, как вдруг заметил то, что минутой раньше заметила Чага: на вершине холма маячил силуэт всадника. Значит, все-таки за ними гнались? Тогда почему они сбавили ход? Или уже бесполезно?

Влад рискнул подхлестнуть Седого, и звери поравнялись.

— Куда мы? — прокричал он, перекрывая топот.

Она коротко взглянула на него, и взгляд был какой-то недобрый.

— К Длинной балке!

— На холме всадник!..

— Вижу! — бросила она и снова ушла вперед.

Вот и думай теперь! Нет, определенно, это какая-то сумасшедшая планета...

Холмы кончились, и равнина раскатилась под уклон, прогибаясь подобно гигантской вогнутой линзе. Внизу, полная листвы, вилась и ветвилась огромная балка, по сравнению с которой все их предыдущие ночлеги казались весьма скромными овражками.

Чага выпрямилась в седле и, сбросив с запястий ременные петли, разрешила зверям перейти на плавный неторопливый шаг.

— Ушли? — спросил Влад.

— Да.

— А не догонят?

— Нет. Балку видно.

"Мало ли что видно! — сердито подумал он и, извернувшись, поглядел назад, на пустые холмы. — Мое, конечно, дело десятое, но, по-моему, сами в ловушку лезем..."

Балка была уже совсем рядом. В кроне одного из деревьев вился сизоватый дымок.

— Чага, там люди! — охрипнув, сказал Влад.

— Да, — недовольно подтвердила она.

— А от кого мы бежали? Не от людей?

Вместо ответа Чага спрыгнула на землю и повела Рыжую в поводу. Окончательно сбитый с толку Влад последовал ее примеру.

— В балке не тронут, — сжалилась наконец она. — В балке никогда никого не трогают. Ночлег.

Ах, вон оно что! Зона мира... Да, но долго-то там быть не положено! Два дня, а дальше?..

Пологий спуск в балку был, кажется, не промыт дождями, но вырыт с помощью костяных лопаток. Отступив к осыпавшейся глинистой стенке спуска, стоял и смотрел на приближающихся путников высокий мужчина с пегими от седины волосами. Чаге он чем-то напомнил Стрыя, а Владу показался похожим на стареющего наемного убийцу: тяжелые седые брови и ужасающий шрам на левой щеке (видимо, тоже кто-нибудь хвостом задел).

Человек окинул понимающим взглядом обоих зверей, невольно задержав глаз на Седом, и, практически не удостоив вниманием Чагу, стал смотреть на Влада, причем бровь у него недоуменно вздернулась.

Часовой, что ли? Да нет, непохоже. Верно, просто вышел полюбоваться степью. Да и возраст не тот: такие, скорее, назначают часовых, а не караулят сами...

— В балке тесно? — спросила Чага мужчину, когда они поравнялись.

Тот перестал разглядывать Влада и уставился теперь на Чагу.

— Ночлег для всех, — неспешно и хрипловато ответил он. — С севера?

— Да, — сказала Чага. — Семейство Имки.

Такое впечатление, что незнакомец растерялся.

— Двое? — спросил он.

— Да.

Седоватые брови рухнули на глаза, с боков жесткого рта залегли глубокие, как шрамы, складки.

— Значит, не убереглась, — проворчал он как бы про себя и, помолчав, коротко спросил у Чаги что-то непонятное, кивнув при этом на Влада.

— Нет, — сказала она. — Металл оглушил.

Кажется, его собираются выдать за контуженного. Ну что ж, в общем, так оно и есть — грянуться вместе с капсулой о грунт...

Ступая по скрипучему хрусткому щебню, словно специально насыпанному для того, чтобы никто не мог пройти неуслышанным, они спустились в балку. Был полдень, под ногами шевелились рваные солнечные пятна, лучи простреливали листву навылет. Влад оглянулся, уверенный, что старик со шрамом пожирает глазами Седого, но ошибся. Тот стоял, как-то странно сгорбившись, и в их сторону не смотрел вообще.

Поодаль, где балка распадалась надвое, у просвеченного насквозь ручья в полном молчании мылись четыре женщины. Священнодействовали в чем мать родила. Одна старательно посыпала пеплом мокрую голову, две другие не менее старательно вымывали эту дрянь из волос. Четвертая вычерпывала кожаным ковшиком замутившуюся воду из вырытого на берегу углубления. Купаться в самом ручье было не принято — ночлег для всех...

— Три семейства, — не оборачиваясь, тихо сообщила Чага. — Кажется, все с юга...

Влад хмуро пожал плечами. Да хоть бы и с юга... Сделав вид, что поправляет на Седом тюк, покосился украдкой на женщин. Все четыре, прервав омовение, провожали пришельцев пристальным взглядом.

В центре большого круга золы горел аккуратный костерок. Возле него, чуть присев, стояли друг против друга двое мужчин и, играючи, ломали хворост. Делали они это так: один брал средней толщины жердь и внезапно кидал ее другому. Тот, ни разу не поддавшись на ложный выпад, ловил ее раскинутыми руками, и там, где его пальцы смыкались в кулак, жердь с хрустом ломалась. Видимо, какая-то особая хватка, позволяющая дробить хворост одной рукой. Хворост, ключицы, ребра...

Первый нагнулся за очередной жердиной, но, увидев Седого зверя, выпрямился. В благоговейном изумлении он смотрел, как мимо него проводят косматого после бега благородного гиганта.

— А вот паука тебе железного за пазуху! — насмешливо крикнул ему второй. — Все равно ведь не обернусь!..

Но он все-таки обернулся. И точно так же замер, увидев Седого, красивый ладный парень с запекшейся раной во весь лоб. Влад уже видел однажды это лицо, только тогда оно было залито кровью и исковеркано звериной ликующей радостью.

Он поспешно отвел глаза, не дожидаясь, когда нечаянный знакомец переведет взгляд со зверя на владельца, и прошел

вслед за Чагой в конец балки, где они стреножили и принялись развьючивать животных.

— Зря мы сюда пришли, — сказал Влад.

— Ночью уйдем, — хмуро ответила Чага и, видя, что он нагнулся за гребнем, быстро наступила на костяной инструмент. — Не прикасайся!

— Почему?

Чага исподлобья смотрела мимо Влада, туда, где горел костер и вскрикивал ломаемый хворост.

— Они с юга, — сказала она. — У них мужчины зверей не вычесывают.

— Я на место положить хотел, — объяснил Влад.

— Вообще не прикасайся!

— Что? Так строго?

— Я же тебе говорю: они с юга! — злобным шепотом произнесла Чага. Увидят с гребнем, поступят как с женщиной!..

20

Стареющий высокий мужчина со шрамом на левой щеке шел по испятнанной солнцем балке, направляясь к их костерку. Чага и Влад видели, как его остановил парень с запекшейся раной во лбу и начал что-то горячо доказывать. И, хотя в сторону новоприбывших не было брошено ни единого взгляда, оба почувствовали, что речь о них. Точнее, о Седом.

Высокий слушал, нахмурившись, потом неопределенно качнул пегой головой и двинулся дальше. Парень с явным вызовом бросил ему в спину негромкий, но, надо полагать, язвительный вопрос. Высокий обернулся и смерил сопляка презрительным взглядом.

— Лоб залечи, — низко проклокотал он. — А потом будешь Армаю советовать...

Подойдя, присел у костерка на корточки. Помолчали.

— Меня зовут Армай, — ворчливо представился он, обращаясь в основном к Чаге.

— Я слышала о тебе, — почтительно отозвалась она. — Меня зовут Чага. Его зовут Влад.

Вздернув седоватую бровь, Армай еще раз оглядел Влада.

— Совсем не слышит? — спросил он.

— Слышит, — сказала Чага. — Понимает не все.

Армай кивнул.

— Плохо. — Он взял не глядя толстую хворостину и рассеянно сломал ее одной рукой. Бросил оба куска в костер.

— Я знал Имку, — неожиданно сообщил он. — Чуткая была. Металл за день слышала. Девчонка еще, а уже Мать семейства...

Влад покосился на Чагу и увидел, что она слушает Армая с величайшим изумлением. А тот, не замечая, продолжал:

— Да... Ваши тогда кочевали в верховьях Большой реки. Если бы Имка захотела уйти к нам, я бы отнял у нее камни. Но она не захотела... Как она погибла?

Чага потупилась.

— Влада оглушил металл, — запинаясь, проговорила она. — Я осталась с ним, а остальные ушли вперед, и там их прижало к роще.

Она умолкла. Армай тоже молчал. Ребристая от мышц рука, дрогнув, потянулась за следующей хворостиной. Влад с боязливым уважением смотрел, как толстые, чуть ли не квадратного сечения пальцы смыкаются на хрупкой коричневой палке, готовясь безжалостно ее перекусить.

— Стальная птица, — процедил Армай, и Влад вздрогнул. — Говорят, что их насылают Приручившие металл. Вранье! Молодые закон забыли: стариков оставляют в степи, а зверей им не дают. Потому и металл поднимается, и стальные птицы падают! Последний год живем... На западе разоренные земли, на севере разоренные... Кто уцелел, бежит сюда... Ты должна знать Камаха.

— Я его знаю, — тихо сказала Чага.

— Вчера он ушел к озерам. С ним всего три человека, и он родственник Имки, он должен вас принять. — Армай помолчал и вдруг спросил, глянув пристально из-под тяжелых бровей: — Ночью бежите?

Чага быстро опустила голову, но Влад все же заметил, как сильно она побледнела.

— Да, — еле слышно сказала Чага.

— Постарайтесь к утру добраться до озер, — сказал Армай, поднимаясь. — Своим я запрещу, но тут еще два семейства, и им ваш зверь тоже нравится. — Он снова помолчал и заговорил с горечью: — Раньше так не было. Раньше, если кто нападал на слабое семейство, против него вся степь поднималась. Забыли закон...

Чага и Влад долго смотрели ему вслед. Фыркали звери, трещал костер.

— Ты ему веришь? — тревожно спросил Влад.

— Старый дурак! — с неожиданной яростью бросила Чага. — Имка у него чуткая была! Да она нас чуть ли не каждый день металлу подставляла!..

— Погоди, Имка — это Мать?

— А то кто же! — От бешенства на смуглых щеках Чаги проступил румянец. — Дряблая матка! Дура! Да если бы не она!..

— Успокойся, — попросил Влад. — Не знаю, как у вас, а у нас о мертвых плохо не говорят.

Он выбрал хворостину потоньше и, взяв ее посередине в хитро сложенный кулак (не зря он наблюдал за Армаем), нажал. М-да... С тем же успехом он мог сжимать ее до вечера. А если рывком? Нажал рывком и чуть не сломал палец. Криво усмехнулся и перехватил хворостину в обе руки.

— Не вздумай ломать об коленку! — быстро предупредила Чага.

— Ладно, — сказал Влад. — Не буду.

Сломал на весу и бросил половинки в костер.

— А ночью они за нами не погонятся?

— Побоятся, — сказала Чага. — Ночью один металл хорошо видит...

По балке гуляли сквозняки, растопыренные солнечные пятна шарили вокруг неярко горящего костра, то ощупывая невзначай обнаженный бицепс Влада, то украдкой оглаживая серебристый бок Седого...

Потом к ним подошла Мать одного из семейств, довольно молодая женщина с властным грубоватым лицом, и заговорила с Чагой. Предложила два мешочка соли, если Седой покроет одну из их самок. Чага согласилась, и Седого увели на случку.

— А вернут? — с сомнением спросил Влад.

— Конечно, вернут, — сказала Чага. — Мы же не в степи.

Влад вздохнул.

— Не надо было сюда сворачивать.

— Я не собиралась! Просто нас заметили!

Да-да, силуэт всадника на холме, сменившийся ритм бега...

— Чага, а от кого мы убегали?

Она отвернулась и с озабоченным видом принялась развязывать мешочек, как бы желая проверить, хороша ли заработанная Седым соль. Мешочек почему-то никак не желал развязываться. Влад уставился на ставшие вдруг неумелыми пальцы Чаги, и его наконец озарило.

— За нами вообще гнался кто-нибудь? — спросил он, понизив голос.

— Нет, — сдавленно ответила она, не оборачиваясь. — Просто я испугалась, что ты уйдешь. Так никто не делает... Все боятся, что их оставят в степи, сам никто не уходит... А ты другой. Я иногда боюсь тебя сильнее, чем металла. Не уходи больше! — внезапно попросила она и обернулась.

— Господи, Чага, — только и смог выговорить Влад.

21

Они действительно ушли ночью. Никем не преследуемые и ни разу не потревоженные металлом, они покачивались в седлах среди обильных звезд и высоких шуршащих трав. Потом небо стало бледнеть, прорисовалась черная гряда холмов, потянуло зябким утренним ветерком, — и пришлось поплотнее закутаться в колючие одеяла из шерсти зверя.

Потом взошло солнце. Тускло взблескивающая речушка потекла расплавленным металлом. Другой воды нигде видно не было, и Влад, хорошо запомнивший вчерашний совет Армая, забеспокоился.

— Чага, а где же озера?

— Там. — Она не глядя махнула рукой куда-то на запад.

— Как?.. — Влад растерялся. — Но ведь там же этот... родственник Матери... Если он действительно примет нас обоих...

Вместо ответа она затянула свою кошмарную песню.

— Чага!

Она оборвала ноту и усмехнулась.

— Камах — родственник Имки, это правда, — сказала она. — Но он еще и родственник Калбы. Хороши бы мы с тобой были, явившись к нему с Седым!..

Влад вникал в сказанное минуты две. А когда вник, закутался в одеяло еще плотнее. Зазнобило всерьез.

— Так это что же? Выходит, Армай посылал нас на смерть?

— Выходит, так...

— Но зачем?! Может быть, он просто не знал?

— Может быть, — сказала Чага. — Какая разница? Главное, что я знала...

Снова заклубились серо-зеленые, похожие на спутанную проволоку рощи, над северным горизонтом вставало, подобно айсбергу, пришедшее со стороны океана облако. Так, глядишь, и промочит. Дожди здесь короткие, но бурные. Все равно что постоять под водопадом? — эффект тот же...

Правда, нет худа без добра: в грозу металл не летает, видимо, велики помехи... Влад нагнулся поправить мягкое кожаное стремя, и в этот момент за рощей справа сверкнула на небосклоне вертикальная мгновенная царапина.

— Чага!

Она даже не повернула головы.

— Да, — сказала она. — Металл просыпается. Пока он только смотрит. Роиться начнет дней через пять. Но мы уже тогда будем далеко...

Привал устроили в полдень на берегу, поросшем чудовищным, как бамбук, камышом. После вычесывания зверей, омовения и прочих обязательных обрядов Влад рассудил, что до начала земляных работ у него еще есть час свободного времени. Скинув куртку и похожие на мокасины башмаки, он перепоясался потуже и начал тренировку.

Честно говоря, он был уверен, что Чага немедленно это безобразие прекратит, причем самым простым и надежным способом, а именно забросает распоряжениями, как она это делала всегда, завидев у него в руках нелюбимый ею блокнот. Однако, к удивлению Влада, Чага лишь поглядела на него с интересом и, взяв костяную лопатку, пошла рыть окопчик. Сама.

То же самое произошло и на следующем привале, и простенькая истина открылась наконец Владу: если мужчина оттачивает боевое мастерство, мешать ему не следует. Трудно, правда, сказать, как Чага воспринимала невиданную здесь капоэйру, но каждый раз, когда Влад доходил до наиболее эффектных акробатических приемов, она бывала несколько озадачена и долго потом с сомнением качала головой.

А дождавшись конца тренировки, доставала свои кистени и принималась круто замешивать ими гудящий воздух.

— Слушай, Чага, — осторожно начал Влад, глядя, как мечутся, настигая воображаемого врага, певучие дырчатые булыжники. — Помнишь, когда мы с тобой поссорились, ты сказала: сначала отбери у меня камни... И Армай тоже что-то такое говорил... Что это значит?

Чага пустила оба камня по кругу, наматывая ремни на ладони. Испытующе посмотрела исподлобья на Влада.

— Кто отберет у женщины камни, — негромко, но как-то по-особенному отчетливо проговорила она, — станет ее мужчиной.

— Так мы же вроде уже... — растерянно сказал Влад.

— Это ничего не значит, — бросила Чага, и смуглое лицо ее снова стало неподвижным, чуть ли не враждебным.

Ну вот! Как ночь, так извольте на кошму, а теперь, оказывается, ничего не значит!.. Хотя все правильно: сейчас он любовник, а отберет кистени, — станет мужем... Ой, Влад, а нужен ли тебе этот законный брак?.. Влад пригляделся и понял, что, кажется, нужен: видя его колебания, Чага уже была готова с презрением отвернуться, а этого он перенести не мог.

— Кто-нибудь еще должен это видеть? — спросил он, чтобы просто потянуть время.

— Зачем?

Ну ясно. Значит, свидетелей не требуется... Жених с невестой да пара кистеней... Влад вздохнул.

— А прямо сейчас?

Фыркнули, слетая с ладоней, спели, натянувшись рывком, ремни, взвыли просверленные насквозь камни. Видно, дырки в них были сделаны не только для крепления, но и для устрашения тоже...

Ну что ж, надо решаться... Влад чуть пригнулся и, пританцовывая по-боксерски, двинулся навстречу, ловя момент, когда в этом яростном камнепаде возникнет хотя бы намек на брешь. Не дождавшись такого намека, он сделал резкое обманное движение и, пропустив камень над плечом, кинулся к Чаге...

Она бы не тронула его. В конце концов, так всегда поступают, если видят, что нравящийся тебе мужчина не может прорвать заслон из мелькающих камней. Тем более заслон, поставленный Чагой, которая владела кистенями не хуже Матери... Но он сделал какое-то странное непредсказуемое движение, уклоняясь от обманного броска, как-то неловко сунулся головой вперед, и тяжелый гладкий камень пришелся ему прямо в лоб, причем с таким звуком, что Чага обмерла, а потом бросилась к опрокинувшемуся навзничь Владу.

Хвала металлу, он был жив: ерзая по земле локтями, пытался встать. Увидев над собой испуганное лицо Чаги, заставил себя криво улыбнуться, хотя боль была, честно говоря, ошеломительной.

— Кажется, не слишком удачное сватовство, а?..

22

Их перехватили на четвертый день возле излучины, точнее подстерегли. Три мускулистых голых до пояса туземца выехали им навстречу из-за шевелящейся стены похожего на бамбук тростника. Непонятно, почему они не подпустили путников поближе, но, надо полагать, из спортивного интереса, чтобы не лишать себя радости погони, исход которой был ясен заранее: звери преследователей не были навьючены, и уйти от них можно было, лишь скинув на ходу поклажу. То есть лишившись всего...

Именно так перехватили когда-то Стрый и Натлач молодого изгнанника, прикинувшегося потом калекой: догнали и сбили с седла, пока он пытался отвязать полные водой мехи...

Чага избавилась от поклажи мгновенно, и освобожденная от груза Рыжая полетела вдоль бамбуковых зарослей, далеко выкидывая голенастые сильные ноги. Седой отставал — Влад ни-

как не мог распустить узел, связывающий левый тюк с правым. Топот, храп и ликующие крики за спиной неотвратимо надвигались, а из синего неба равнодушно смотрел на людскую возню пробуждающийся паутинчато взблескивающий металл.

Наконец узел поддался, тюки глухо ударились о землю где-то позади, и в этот миг Седой резко сменил направление бега, пытаясь обогнуть притаившийся невдалеке овражек. Влада не выбросило, а скорее вынесло из седла, он довольно удачно упал боком и, кувыркнувшись пару раз, вскочил.

Они даже не стали преследовать Чагу — какой смысл? Вернется — куда денется! В одиночку не спасешься... Поднявшись на ноги, Влад обнаружил, что с двух сторон гарцуют на храпящих зверях весело скалящиеся туземцы, а с третьей чуть присел в боевой стойке главарь — старый знакомец с рассеченным лбом. Поигрывая сухими звериными мышцами, он тоже улыбался насмешливо и явно приглашал Влада напасть первым.

Выручай, капоэйра! Влад упал на руки и ударил ногой. Вряд ли он промахнулся, скорее уклонился противник. Поспешно вернувшись в исходную позицию, Влад увидел, что главарь несколько озадачен.

Хищник, боевая машина — одни мышцы, ни единого грамма жира. Босой. Вместо обычной одежды — кожаная юбочка с бахромой. На тех, что остались верхами, — тоже. Военный наряд, надо полагать...

Главное, не попасться на захват. Влад попытался провести еще один удар и был пойман на лету за пятку. В мгновение ока его руки и ноги оказались оплетены руками и ногами противника, и бойцы покатились, наматывая на себя голенастые стебли. Хрустнул взятый на излом коленный сустав, прострелило болью. Влад рванулся что было сил и, к удивлению своему, каким-то чудом вывернулся. Противник уже ждал его в стойке. Прозрачно-серые, как у Чаги, глаза смотрели на Влада с веселым любопытством.

— Сталь тебя порази... — поднимаясь, процедил Влад, и всадники обидно захохотали.

Главарь неуловимым движением скользнул к Владу и, ухватив руку, слегка повернул. Степь крутнулась перед глазами, и в следующую долю секунды Влад вкололся в землю плечом и челюстью. В глаза полыхнуло ослепительной зеленью, потом что-то стиснуло ему ноги и теперь уже захрустел перегибаемый позвоночник. "Ну, все..." — только и успел подумать Влад, как вдруг стальная хватка вновь ослабла, и он, откатившись, остался лежать на земле. "Играют... — понял он, задох-

нувшись от ненависти и отвращения. — Тешатся... Как кошка с мышкой..."

На этот раз он поднимался на ноги медленно, сознавая, что делает это скорее всего последний раз в жизни. Он многое успел запомнить, поднимаясь: мечущегося без седока, испуганно трубящего Седого, искаженное яростью лицо скачущей на выручку Чаги, пристальное мерцание металла в синем небе.

— За что? — хрипло спросил он по-русски. — Что я вам сделал?

Противник переступил мягко, по-кошачьи, босая нога его попала в подсыхающую лужицу, и между чистыми пальцами выдавилась полужидкая лоснящаяся грязь. Почему-то именно это потрясло Влада больше всего. Сейчас его сомнут, продавят между пальцами, как эту грязь, и тщательно потом отмоют с золой... Его, хорошего простого парня, никому в жизни не желавшего зла и даже сюда-то явившегося ради них, жестоких, безмозглых, маниакально чистоплотных животных с прозрачными серыми глазами...

Влад почувствовал, как кровь отлила у него от лица. Он выпрямился и, сунув руку за пазуху, с ненавистью уставился на противника. Видимо, это его и спасло — туземец удивился и подарил ему еще одну секунду...

... Стальное лезвие бесшумно выскользнуло из рукоятки, и все в степи замерло, отпрянув...

С сияющей смертью в руке Влад шагнул вперед, но сделать ничего не успел. Не потратив зря ни мгновения, всадники развернули зверей и погнали их прочь. А спустя секунду в седле оказался и противник Влада.

— Йо!.. — И коричнево-черный зверь рванул с места размашистым стремительным шагом.

Не помня себя и чуть не плача от пережитого унижения, Влад размахнулся и кинул нож в спину туземцу — в ненавистную, оплетенную сухими мышцами спину. Нож не был предназначен для метания, да Влад, впрочем, и не надеялся поразить противника, — метнул скорее от избытка чувств, как камень. Клинок влепился плашмя между лопатками, но в этот миг над степью сверкнуло, взвизгнуло, и подоспевший металл, промахнувшись по ножу, ударил туземца в голову.

Коричнево-черный зверь, всхрапнув от ужаса, резко подался вниз, к земле, и мертвый всадник завис на секунду в воздухе с раскинутыми ногами и с наполовину снесенным черепом. Металл ударил еще раз, не дав ножу долететь до земли каких-нибудь пары дюймов, а Влад даже не догадался залечь, стоял и, не веря, смотрел на дело рук своих...

Потом из травы поднялась Чага и подошла, волоча за собой кистени. Седого и Рыжей видно не было — не решались встать без команды. Чага взяла за повод коричнево-черного зверя, и он поднялся, дрожа и косясь на распростертое тело хозяина. Повернулась к Владу, и тот растерялся, увидев ее глаза. Впервые Чага смотрела на него со страхом.

— У тебя больше ничего нет? — спросила она.

— Ничего, — сказал он. — Честное слово... Ты прости меня, Чага. Так получилось...

В молчании они подобрали скинутый во время погони скарб, навьючили зверей, избавив Седого и Рыжую от лишнего груза.

— Чага, — сказал Влад. — Ну что ты, глупая? Главное, живы...

— Нас теперь никто не примет, — проговорила она. — Ни одно семейство. К нам теперь даже никто не посмеет приблизиться... Мы теперь для всех Приручившие металл...

— Можно подумать, мы с тобой раньше никогда не прикасались к металлу? — хмуро сказал Влад.

— Прикасались... Но об этом никто, кроме нас, не знал.

Влад взял Чагу за плечи, повернул к себе лицом, и она, к его удивлению, не вырвалась, подчинилась.

— Чага, — сказал он. — Да не все так плохо! Они нас теперь боятся, понимаешь?.. Прости, но, в конце концов, лучше неправильно выжить, чем правильно умереть!

Закусив губу, она смотрела с тоской в сторону серо-зеленой припавшей к земле рощи.

— Жить одним тоже неправильно, — сказала она.

23

И лишь к вечеру, когда добрались до привала, Влад понял, что Чага в чем-то, пожалуй, права: небольшая балка была не просто пуста, она была покинута только что. В костре тлели угли, возле купальной ямы, вырытой у ручья, лежал брошенный кожаный ковшик.

— Ничего не понимаю, — признался Влад, озираясь. — Здесь что, стало опасно?

— Нет, — сказала Чага. Подняла ковшик, осмотрела. Ковшик был хороший, новый. Вернулась к разложенному на земле скарбу, положила находку рядом.

— А чего же они тогда испугались?

— Нас, — негромко отозвалась Чага, развязывая тюк.

— Не может быть! — поразился Влад. — Когда ж они узнали?..

Чага вздохнула.

— В степи не скроешься...

Так... Система оповещения у них, надо признать, на уровне. Видимо, тут же разослали гонцов по всем семействам... И те, в свою очередь, тоже... Влад еще раз оглядел балку и почувствовал себя неуютно. Все-таки одно дело, когда ты сам избегаешь людей, и совсем другое, когда люди избегают тебя... Милые, славные люди, готовые в любой момент изломать тебя голыми руками...

Ясно, как воочию, он снова вдруг увидел грязь, медленно продавливающуюся между чистыми пальцами хищно ступающей ноги, и от ненависти потемнело в глазах... Хватит! Побегал я от вас! Теперь вы от меня побегайте!.. Балка была брошена, как селение, отданное завоевателю без боя...

Прихрамывая (все-таки повредили коленку, мерзавцы!), Влад подошел к купальной яме бросить в загоревшееся лицо горсть воды, но, увидев отражение, задержал руку. Хорош! Лоб рассажен кистенем, щека ободрана... Завоеватель. Железный хромец.

Запрокинул голову, осмотрел кроны и, выбрав дерево, полез за топливом. Сбрасывая хорошую сухую ветвь, увидел сквозь разрыв в листве Чагу. Низко опустив голову, она сидела на корточках возле гаснущего костра, и в руке у нее был обломок ветки, о котором она, кажется, забыла. Бедная девочка... Угораздило же тебя связаться...

Впрочем, когда он доволок ветвь до места, костер уже исправно пылал, а сама Чага усердно вычесывала Седого.

— Слушай, — сказал он, отбивая сучки рубилом. — Объясни мне вот что... Ты взяла в руки металл, и тебя оставили в степи, так? А в других семействах об этом знали?

Костяной гребень на секунду замер, потом двинулся снова — чуть медленней.

— Наверное, нет, — сказала она. — Наши никому не успели передать...

— А если бы успели? — спросил Влад. — Вот ты изгнанник. Ты едешь по степи, а навстречу тебе другое семейство. И оно знает, за что тебя оставили... Они от тебя убегают?

— Нет, — сказала Чага. — Они меня убивают.

— Почему? Ты же Приручившая металл!

Чага обернулась.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Приручившие — это не те, что прикоснулись к металлу. Это те, кого металл слушается.

— Что?! — Влад выпрямился, едва не выронив рубило.

Чага повторила сказанное и снова повернулась к Седому. Несколько секунд Влад приходил в себя.

— А ты их хоть раз видела?

— Нет, — сказала Чага. — Они вообще не кочуют. Они живут под землей. В предгорьях на юге.

— Так что же ты раньше молчала? — закричал Влад.

— Ты не спрашивал, — спокойно ответила она.

Влад бросил рубило, подошел, прихрамывая, к свернутой кошме, сел. Чага наблюдала за ним искоса. Влад сидел, уставив незрячие глаза в костер. Мир, в который он попал, прояснялся, становясь еще страшнее и неприглядней... Значит, до сих пор сидят в бункерах и нажимают на кнопочки... Сволочи, ах, сволочи!..

— Чага! А что про них еще говорят? Кто они? Откуда взялись?

Она опустила гребень, помолчала и с неохотой начала нараспев очередную легенду:

— Быстрый, светлый, разящий без промаха пролетал над степью и увидел троих мужчин с оружием в руках. Он разгневался и сказал: "Все мужчины, кроме вас троих, бросили оружие. Или вы надеетесь укрыться от меня в прямых ямах?" Мужчины ответили: "Мы не будем рыть прямые ямы, мы выроем извилистые и глубокие, и ты не сможешь поразить нас в них". И металлу стало весело. "Если я не смогу поразить вас (так он сказал!), то выполню все, что вы мне прикажете". Мужчины вырыли извилистые глубокие ямы, и металл ничего не смог им сделать. "Приказывайте, — сказал он в гневе, — но знайте: никто из вас уже не выйдет из этих ям, таких глубоких и таких извилистых. И лишь в последние дни мира я разрешу детям детей ваших выйти из-под земли и кочевать вместе с остальными..."

Чага умолкла. Влад был откровенно разочарован: легенда содержала гораздо меньше информации, чем он надеялся. Если их с Чагой принимают за этих выходцев из-под земли, стало быть, конец света ожидается со дня на день. Вот, пожалуй, и вся информация. Остальное — образы...

Влад поднялся, сморщившись от боли в коленке.

— Чага! — решительно сказал он. — А ты знаешь, как добраться до этих предгорий?

Чага медленно повернулась к нему, и Влад увидел, что лицо у нее бледное, как пепел.

— Там смерть, — еле вымолвила она.

— Здесь повсюду смерть, Чага, — ответил он. — Мне нужно с ними встретиться. С Приручившими металл.

— Зачем?

Подошел, прихрамывая, взял за плечи, твердо взглянул в глаза.

— Надо.

24

Что-то случилось с Чагой. С того самого дня, как повернули на юг, молчала целыми днями. Не возражала уже, если Влад доставал при ней блокнот, командовать перестала вообще. Правда, Влад давно не нуждался в понуканиях, отдыха себе не давал: рубил, копал, вычесывал. Сам ловил и умерщвлял сусликов, надеясь хоть этим поднять Чаге настроение... Бесполезно. Ни распоряжений, ни приступов бешенства, и петь в степи перестала, ехала молча, опустив голову. Дошло до того, что одинокого всадника на равнине первым заметил Влад... Хотя, конечно, всадник увидел их раньше. А увидев, повернул тощего облезлого зверя и припустился наутек к огромным, как бамбук, тростникам.

— Чага, кто это?

Повернула голову, всмотрелась нехотя.

— Изгнанник...

— Изгнанник?.. А может, гонец?

— Нет... Гонца посылают налегке, а этот с поклажей. И зверь плохой вот-вот упадет...

— А чего он так испугался? Нас же только двое!

— Думает, что остальные его ловить поехали...

Напрягая зрение, Влад вглядывался в далекую шевелящуюся стену тростников, за которой скрылся беглец.

— А если принять его в семейство?

— Зачем он тебе нужен? — равнодушно спросила Чага. — Его же, наверное, не зря оставили в степи...

"А тебя?" — чуть было не спросил Влад, но вовремя прикусил язык.

— А вот интересно, — сказал он через некоторое время. — Если металл убил всех и в живых из семейства остался один человек... Поверят ему, что он не изгнанник?

— Не знаю, — сказала Чага. — Как повезет...

Огромный тоскливый страх навалился на нее с юга, и странно было сознавать, что не опасность приближается к ней, а она сама — впервые в жизни — движется навстречу опасности... Куда они идут?! И зачем?.. Чага украдкой покосилась на Влада. Как сильно он изменился!.. Спаленная солнцем кожа об-

тянула упрямые скулы, на лбу подживающий след от кистеня, и глаза просветлели, стали совсем мужские — пристальные, беспощадные... Неужели он и вправду не боится?..

— Может, лучше переправиться на ту сторону? — спросил Влад.

Они спустились к речушке и вскоре добрались до песчаного брода, причем увидели его издали: на сотню шагов вдоль берега тростник был недавно сбрит низко пролетавшим металлом. До воды оставалось рукой подать, когда Чага резко повернула Рыжую и, ни слова ни говоря, поехала обратно.

— Что, Чага?

— Здесь не переправишься, — сказала она.

Влад спрыгнул на взвизгнувший сухой песок и подошел к воде. Светлое солнечное дно мерцало осколками, над которыми замедленно копошились четыре огромных серебряных паука, усыпанных пузырьками воздуха. Влад негромко присвистнул. Даже если в воде они кажутся больше, чем на самом деле, какой же в них должен быть накоплен заряд! Веселая бы вышла переправа...

На тот берег они перебрались в другом и, нужно сказать, чертовски неудобном месте. Шли в прежнем порядке: впереди Чага на Рыжей и с навьюченным черно-коричневым зверем в поводу, замыкающим — Влад. Нового зверя Чага назвала Угольком, и он, что интересно, охотно на эту кличку отзывался. Впрочем, позже выяснилось, что всех зверей такой масти здесь зовут преимущественно Угольками...

— Чага, а что дальше бывает с металлом? Я имею в виду с тем, который ползает...

Чага дремала, покачиваясь в седле.

— Вырастает, — сказала она. — Потом закапывается.

— А дальше?

— Закукливается и ждет. Долго ждет. Потом начинает роиться.

Влад толкнул Седого пятками и, поравнявшись с Чагой, заглянул ей в лицо.

— Чага! Ты это точно знаешь?

Неопределенно повела плечом.

— Так говорят...

Говорят... Редкий по надежности источник информации! И, что самое обидное, единственный. Пока... Как же они боялись, эти давно сгинувшие создатели микрокомплексов, что кто-нибудь ненароком захватит их детище!.. Чуть что — самоликвидация! На любой стадии! Тарантул тот металлический аж оплавился, бедный, от собственного разряда... О снарядах и говорить нечего: пока летит, попробуй разгляди, а раз упал,

то уже в виде осколков... Так что вся надежда на Приручивших металл. Если они, конечно, не выдумка...

Местность помаленьку менялась: холмы пошли выше, на склонах корчились похожие на обнаженные корни карликовые, скудно оперенные листвой деревья. Овражек, выбранный Чагой для стоянки, был заплетен ими сверху почти полностью и, надо полагать, никому никогда не служил местом ночлега. Все правильно: степь потянулась запретная, необитаемая...

Ведя животных в поводу, они уже спускались в овражек, как вдруг Чага схватила Влада за руку, чуть не пережав ее до кости.

— Назад!

По откосу овражка карабкался металлический паучина — с кулак, не меньше. Не удержался на крутизне и, кувыркаясь, скатился в прелую листву, устилающую дно. Чага и Влад отшатнулись, ожидая отвесного разящего удара. Но удара не последовало, паук побарахтался немного и снова заковылял в прежнем направлении.

— Уходим! — шепнула Чага.

Влад резко высвободил локоть.

— Это что же?.. — медленно заговорил он (скулы сводило от ненависти). — Нам из-за этой железки еще и другой ночлег искать?

Он подошел к еще не развьюченному Угольку, отвязал свернутую подстилку, высвободил шест. Бросил, не раскатывая, сухую кошму на прелые листья и, встав на скатку обеими ногами, коротко ткнул паука шестом в блистающую спинку. Трещащий хлопок электрического разряда заставил зверей шарахнуться, в овражке пахнуло озоном. Влад спрыгнул со скатанной кошмы, подцепил кончиком шеста скрюченную металлическую лапу. Взмах, и безжизненный слиток, сверкнув, улетел в просвет между судорожно сплетенными ветвями и, описав в синем небе дугу, исчез из виду.

— Вот и все! — бросил Влад, стараясь не глядеть на Чагу. — Давай-ка посмотрим, может, он тут не один...

В синеве меж ветвей взвыло, зазвенело, сверкающая молния прострелила сплетенные кроны, посыпалась срезанная листва. Влад засмеялся.

— Давай-давай!.. — злорадно сказал он металлу. — Дураком был, дураком останешься...

Тут он спохватился и обеспокоенно оглянулся на Чагу, ожидая увидеть в ее глазах суеверный ужас.

Чага смотрела на него задумчиво и печально. Чуть ли не с жалостью.

25

Паук — бесформенный слепой слиток — одолевал глинистый пригорок, поочередно, толчками занося суставчатые лапы. Справа у него их было три, слева — три с половиной. Точнее, с четвертью, и блестящую эту культяпку он заносил точно так же, в несколько приемов. И ведь упорно ползет, целенаправленно... Интересно только, куда?

Это был уже третий паук, замеченный Владом с того момента, как он выбрался из овражка. Все приблизительно одного размера, все поклеваны металлом с воздуха... И все куда-то ползут. Невзирая на препятствия...

Влад оглянулся. Заплетенный кривыми корчащимися ветвями овражек источал сизую струйку дыма — Чага разводила костер. А через тот прогал между корнями-кронами он выкинул невинно убиенного паука. Накопителя...

Так вот, невинно убиенный накопитель, помнится, штурмовал откос вон в том направлении... То есть получается, что ползут они все разными путями, но в одну точку, и расположена эта точка... Да вон за тем холмом она и расположена!

Влад поднялся с земли и, пригибаясь, двинулся к вычисленному месту сбора. Глинистая почва была основательно перепахана и усеяна осколками, причем с каждым шагом выбоины и рытвины попадались все чаще, в большинстве своем свежие, в одной даже что-то еще дымилось... Видя такое дело, Влад счел за лучшее не рисковать — лег на живот и пополз...

Выбрался на край воронкообразной впадины и замер. Внизу, подобно гигантскому раку-отшельнику, ворочался накопитель Бальбуса. В натуральную величину. Оплывшая выщербленная глыба на синеватых клешнеподобных лапах... С кем это он расправляется? Влад всмотрелся... Сталь разящая! Да ведь это он накопителя поменьше употребляет!.. А вон еще один ползет... Ну правильно! Все они сюда ползут — на съедение... Время разбрасывать осколки и время собирать осколки... Да, но как же они так здорово ориентируются? Ведь по прямой ползут, точно, не сворачивая... Влад перевалился набок и посмотрел вверх. В синеве призрачно мерцали знакомые спиральные паутины. Три штуки. Интересно... Значит, не только излучают, но еще и выдают информацию паучкам...

Внезапно воздух прошило стремительными серебристыми иглами, и в следующий миг в пологую перепаханную воронку с визгом ворвался металл. Несколько снарядиков ударили рядом с ворочающейся тусклой глыбой, вскинув землю, а осталь-

ные, заметавшись, прянули ввысь, то ли уходя на второй заход, то ли на самоподрыв. А между прочим, с точностью попадания у них не очень... Ну как это можно промахнуться по такому...

Владу не пришлось завершить эту мысль. Рявкнуло совсем рядом, земля подбросила его, как батут, посыпались комки глины вперемешку с осколками.

— Э, ребята!.. — ошалело бормотал Влад, соображая, куда бы отползти. — Вы меня с кем-то перепутали... Я-то тут при чем?..

Снова взвизгнуло, и облако пыли вспучилось внизу, еще дальше от цели, чем в первый раз... Ах, сталь его порази, неужели он им помехи ставит?!

А ведь наверняка! Спинища у накопителя — чуть ли не метр в поперечнике, а они, между прочим, по лезвию ножа бьют влет и без промаха!.. Так что, выходит, помехи для них — дело знакомое...

И тут вдруг металл "пристрелялся". Два снарядика один за другим щелкнули по чудовищной броне и, срикошетировав, взорвались в воздухе. А вслед за этим плотная стремительная стайка впоролась в землю под самое днище. Грохот, вспучившийся грунт, металлического гиганта выкорчевало и перевернуло. На секунду Влад увидел его сложное хрупкое брюшко, которое тот пытался прикрыть медленно поджимающимися клешнеобразными лапами. Не успел. Металл ударил повторно. Брызнули обломки блестящих сегментов, а затем воздух раскололся с грохотом, и ослепительная корчащаяся молния запустила тонкие корешки в пологие склоны перепаханной воронки.

Оглушенный Влад так и не успел прийти в себя — на окрестность, как заряд дождя, посыпались частые дробные удары. Повсюду взбрасывались невысокие фонтанчики грунта. Уничтожив главного врага, металл щелкал поодиночке накопителей помельче. Но те, надо полагать, тоже умели ставить помехи — один из снарядиков без видимых причин ударил в нескольких шагах от Влада. Запоздало прижав к запорошенным глазам ладони, Влад откатился вслепую и, не удержавшись на краю воронки, съехал вниз.

Грунт был перемолот на совесть, стоило шевельнуться, как происходил небольшой оползень, и Влад соскальзывал еще дальше. Потом что-то фыркнуло (еле слышно сквозь звон в ушах) и шлепнулось рядом. Несколько секунд Влад ждал взрыва, наконец кое-как протер глаза, проморгался и поднял голову.

Прямо перед ним, зарывшись на треть в рыхлую землю, лежала металлическая сигара с обломком стабилизатора. Невзор-

вавшейся боевой единицей это никак быть не могло: те где-то с палец, а эта штука сантиметров сорок в длину, если не больше... Прибыла явно воздухом, хотя совершенно непонятно, как это ее такую не сбили по дороге... Или сбили все-таки?

Глаза пришлось протереть еще раз, потому что с сигарой начала твориться какая-то загадочная чертовщина. Тонкая, как скорлупа, оболочка ее стала вдруг, потрескивая, отваливаться кусками, обнажая монолитную зернистую сердцевину, которая вдруг, в свою очередь, принялась размягчаться на глазах, растекаясь ртутной лужицей... Или даже не растекаясь, а расползаясь, как нежный порошок, хлынувший, серебрясь, в ту сторону, где чернела изувеченная обугленная туша расстрелянного накопителя.

Влад подсунулся поближе, потом, не поверив, тронул мерцающий ручеек и, поднеся палец к глазам, всмотрелся. Это были микроскопические серебряные паучки — сотни, тысячи, десятки и сотни тысяч. Лужица как бы стремительно испарялась — снабженные ножками молекулы удирали куда подальше от места рождения...

— Вот оно что... — лихорадочно повторял и повторял он, выбираясь из воронки. — Вот оно что... Вот оно что...

До полного распадения смысла.

Чудом не ухватившись за раскаленный спекшийся участок грунта, куда запустила корешок давешняя молния, он вылез наверх и, пошатываясь, пошел к овражку. Дважды пришлось залечь, потому что металл никак не хотел успокоиться...

Потом Влад вспомнил про корм зверям, за которым он, собственно, и выходил наружу. Вернулся, поднял обе палки с примотанными к ним охапками длинной голенастой травы и, волоча их за собой, ввалился в овражек грязный, избитый, исцарапанный...

Чага навьючивала Уголька. Быстро повернула голову к Владу и, с облегчением вздохнув, продолжала затягивать узлы. Влад огляделся. Рыжая и Седой были уже оседланы.

— Уходим?

— Да, — отрывисто сказала она. — Корм не оставляй — привяжи к седлу. Всякое может случиться...

— Знаешь, ты, наверное, права... — медленно проговорил Влад. — Не добраться нам до этих предгорий... Давай-ка вернемся на север...

— Мы туда не вернемся, — бросила Чага, привязывая Уголька за длинный повод к седлу Рыжей.

Влад замер в обнимку с охапкой травы.

— Почему?

— Там сейчас еще опаснее, — сказала она. — Металл роится...

— Позволь... — растерянно выговорил он. — А куда же мы тогда идем?

Чага ухватила за повод Рыжую и повела зверей к выходу из овражка.

— На юг, — сказала она. — Куда ты хотел. Больше идти некуда...

26

Одним быстрым рискованным переходом они вышли из-под удара. Местность потянулась более спокойная, хотя и разоренная, изрытая, усыпанная осколками, между которыми ползали маленькие, с ноготок, накопители.

— Что чувствуешь? — спросил Влад, когда они, окопавшись на ночь, присели на бруствер.

— Везде металл, — устало сказала она. — Но на севере хуже всего...

Влад понимающе покивал. Он тоже был разбит и вымотан до предела.

— Да, Чага... — вздохнул он, бесцельно крутя в руках костяную лопатку. — Это, конечно, я виноват, что мы здесь оказались...

Солнце садилось. На юге пыльной зубчатой полосой виднелись горы. Отроги Главного хребта.

— Ты странный... — тихонько сказала Чага. — Ты никогда не бываешь виноват...

Встала, бросила на плечо бурдюк, подняла, присев, ковшик и пошла совершать омовение. Влад посмотрел ей вслед, вздохнул и достал блокнот.

Кажется, сегодня он узнал о металле больше, чем за все время своих кочевий... Во всяком случае, цикл наземного развития микрокомплексов (назовем его "накопление") относительно ясен. Некто, сталь его порази, запускает сигарообразный снарядец, начиненный металлическими микропаучками, каковые немедля после посадки (надо полагать, как можно более мягкой) рассеиваются и начинают активно подъедать осколки, каким-то образом наращивая массу и вообще развиваясь...

Далее. Только что вылупившись, они уже прекрасно ориентируются. Доказательство: основная масса паучков хлынула именно в сторону уничтоженного накопителя-гиганта... Видимо, все-таки роль локаторов, выбрасываемых металлом приб-

лизительно на высоту трех километров, сложнее, чем думалось раньше...

Далее. Один из накопителей, резко обогнавший в росте собратьев, становится малоподвижен, и вот тут, рискнем предположить, начинается вторая и заключительная стадия накопления. А именно: более мелкие и более мобильные накопители сползаются к самому крупному и поглощаются им с большим аппетитом... Да! Накопители могут ставить и ставят помехи! Причем весьма умело это делают... Откуда берут энергию попрежнему неясно, но заряд у накопителей Бальбуса чудовищный. Видели, знаем...

А вот дальше ниточка обрывается. Дальше, по словам Чаги, металл закапывается и, по ее же словам, закукливается. После чего идут сплошные вопросительные знаки. Раскапывать такую прелесть, естественно, не стоит... Хотя любопытно: если он там, под землей, перерождается и выползает снова на поверхность уже готовым к бою микрокомплексом... Фу, черт, аж голова кругом идет!..

И Влад, прищурившись, стал смотреть на зубчатую пыльную полоску далеких гор. Приручившие металл... Если это не просто легенда и остатки машинной цивилизации действительно ушли в подземелье, то, пожалуй, хотя бы на часть своих вопросов он у них ответы получит... Ну а если они в самом деле каким-то образом управляют деятельностью микрокомплексов, скажем, высевают этих самых паучков... Жутковатый вариант, между прочим! Объекты оборонного характера должны хорошо охраняться. А туземцы боятся предгорий, как металла! Недаром же Чага сказала тогда: "Там смерть..."

"Все-таки скотина я порядочная, — угрюмо подумал Влад. — Зачем я ее вообще тащу с собой? Она-то в чем виновата!.."

— Чага!

Она обернулась, отжимая коротко подрезанные волосы. Смуглая, точно отлитая из темного металла.

— Знаешь, Чага... Я вот подумал и, знаешь... Не стоит тебе рисковать. Давай так: я возьму Уголька, ты мне покажешь, куда идти, а сама подождешь меня здесь...

Не сводя с него глаз, она медленно покачала мокрой головой.

— Я иду с тобой.

— Но почему, Чага? Пойми, там в самом деле может быть очень опасно! Я могу не вернуться...

Прозрачно-серые глаза вспыхнули, и Влад на секунду увидел прежнюю Чагу — бешеную и упрямую.

— Потому и иду!

27

Оползень случился здесь очень давно: часть горы съехала, открыв красноватый жилистый скол, в самом низу которого зияла черная прямоугольная дыра. Туннель. Щебень вперемежку с кусками распавшейся скалы вздымался языком к выветрившемуся обваленному порогу.

— Металл свидетель, — шепотом сказала Чага. — Я тебя одного туда не отпущу!

Влад невольно взглянул вверх. В ослепительно-синем небе ничего не сквозило и не взблескивало паутинчато. Свидетелей не было.

— Чага, — сказал он. — Ну кто-то же должен присмотреть за животными...

— Мы их стреножим, — сказала Чага. — Угонять их некому, люди сюда не заходят...

Закусив губу, она сердито глядела в сторону. Ладони плотно обмотаны сыромятными ремнями, гладкие дырчатые камни лежат уютно, как в гнездышках. И ведь ничего с ней не сделаешь — полезет следом... Сцена, конечно, может получиться изумительная: сидят интеллигентные люди, нажимают кнопочки, пытаются спасти планету или, скажем, напротив, погубить ее окончательно... Входит Чага с кистенями, и начинается диалог...

— А скорее всего, — задумчиво молвил Влад, глядя на черный прямоугольник входа, — зря мы сюда пришли. Пусто там, Чага. Пусто, холодно и безлюдно... Ты мне лучше скажи: как дорогу освещать будем?

Чага наклонилась над развязанным тюком и выпрямилась со связкой извилистых корешков в руке. Выпущенный камень качался на ремне, как маятник. Приподняв брови, Влад взял протянутую связку, осмотрел. Смолистые корни, туго обмотанные длинными лентообразными листьями...

— Факелы? — поразился он. — Ты что, заранее знала?

— Все говорят: там темно... — уклончиво ответила она.

Они отвели зверей в травянистую низинку и двинулись по осыпающемуся склону вверх — к туннелю.

— Только знаешь что... — озабоченно говорил Влад. — Ты все-таки держись сзади... И главное, не вздумай пустить в ход оружие...

— Я постараюсь, — ответила Чага, но твердой уверенности в ее голосе не было.

Щебень не доставал до порога сантиметров семидесяти.

— Погоди, — сказал Влад, когда они влезли на хрупкий от времени, крошащийся и скрипящий под ногами бетон. — Факел зажечь забыли.

Чага молча сунула ему в руки смолистый забинтованный лентовидным листом корень и шаркнула кремнем о кремень. Брызнули колючие искры. Влад осторожно подул на разбежавшуюся розовым кружевом искру, и факел вспыхнул. Затрещала, закипела смола... А листьями корень обмотан, видимо, для того, чтобы целиком не полыхнул... А так, конечно, он будет выгорать постепенно... Неглупо придумано.

Сначала показалось, что коридор заканчивается глухой стеной, но он просто сламывался там почти под прямым углом и вел вправо. Пока все по легенде: вырыли ямы извилистые и глубокие... Факел плевался горящей смолой и сыпал искрами. Серая тень метнулась мимо них к выходу — не иначе грызун какой-нибудь типа крысы... Пыль, бетонная крошка, иногда хрустнет под ногой тонкая белая косточка... Запустение. Странно, что воздух не такой уж и затхлый. Видимо, вентиляция все-таки работает... Или протягивает естественным путем...

Они миновали второй поворот, и Чага, ахнув, отшатнулась. Чудовищный огромный металл уставил на них слепую блестящую морду, заткнув ею все пространство впереди. Блики от горящего факела стекали по светлым извивам, как кровь.

Влад оглянулся удивленно.

— Чага! Ты что? Это ворота. Стальные ворота...

Чага все еще стояла неподвижно. Влад улыбнулся.

— Конечно, надо привыкнуть... Ты просто никогда не видела столько металла... Постой пока здесь, хорошо?

Он поднял факел повыше и двинулся к слепому металлическому чудищу. Чага хотела пойти за ним и не смогла. Ноги не слушались. Прерывисто дыша, она прислонилась к шершавой каменной стене и смотрела с отчаянием, как Влад, остановившись перед смертельной, тускло поблескивающей преградой, бесстрашно тронул ее голой рукой, а потом еще и погладил нежно, словно вычесанного зверя.

— Ты не бойся, Чага, — говорил он, оглядывая и ощупывая то, к чему не приблизился бы ни один человек даже под страхом изгнания. — Это честный простой металл... Осколков не жрет и летать не летает... Если бы он еще открывался, цены бы ему не было... О! А это что? Ну-ка позволь...

Влад переложил факел в левую руку, а правой уперся в преграду изо всех сил. И металл уступил — узкая прямоугольная плита, вильнув, ушла внутрь и в сторону, открыв вертикальный проем, наполненный серым сумраком.

Влад опять обернулся, причем вид у него был весьма озадаченный.

— Я-то думал, у них тут все кодировано-перекодировано, а они вон как — калитку настежь...

Она не поняла, потому что конец фразы он произнес на своем языке.

— Хотя... — задумчиво продолжал он, снова перейдя на человеческую речь. — Страх — лучший сторож... Я бы на их месте и ворот навешивать не стал. Кинул бы (незнакомое слово) поперек прохода, и достаточно...

Он нагнулся и, держа факел на отлете, просунул голову в наполненный серыми сумерками проем.

— Влад! — тихонько вскрикнула Чага.

Он стоял с головой, как бы отъеденной металлом, и Чага, застонав, заставила себя шагнуть к нему. Но тут Влад подался наконец обратно и подошел к ней сам.

— Вот, — сказал он, отдавая ей факел. — Жди меня здесь...

Слабой рукой она приняла сгоревший до половины, туго обмотанный листьями корень, и в алых скачущих бликах Влад увидел ее лицо. Увидел и схватил за плечи.

— Чага! — умоляюще проговорил он. — Чага, я все понимаю! Но я не могу иначе, металл свидетель! Раз уж я оказался здесь живой, я обязан, понимаешь, я должен во всем разобраться!..

Он тряхнул ее за плечи и с надеждой заглянул в глаза.

— Жди меня здесь, — еще раз попросил он.

28

Факел догорал. Остаток смолистого корня торчал из трещины в бетонном полу, шипело брызжущее искрами крохотное пламя, а Чага сидела на корточках и в оцепенении смотрела, как обугливается, разлохмачиваясь, обмотка из влажных лентовидных листьев. Еще немного, и огонек над бьющейся на полу тенью сравняется с трещиной, потом провалится в нее и погаснет...

Машинально она потянулась к связке и вдруг поняла, что точно так же догорят и погаснут все ее корни и она останется одна в черноте этой страшной, правильной, как окоп, пещеры.

Пламя прянуло из бетонной щели и опало. Мягким оползнем навалилась глухая беззвездная ночь. Плоская металлическая громада пропала. Остался лишь узкий прямоугольник голубовато-серого предрассветного сумрака, в котором исчез

Влад, да тусклый отблеск сбоку — гладкий и ровный, как спокойная вода.

Если не смотреть на этот блик, если постараться забыть, что это металл, если подойти и, не коснувшись, протиснуться боком... Чага поднялась, оброненные кистени со стуком упали на пол, пришлось их снова смотать... Ласковый смертельный блик притягивал взгляд и не разрешал закрыть глаза.

И Чага попыталась вспомнить, как это было там, у высохшей рощи, когда она подошла к Седому и, раздвинув жесткую шерсть на горбу, вынула из раны осколок... В тот раз она даже не успела испугаться, настолько быстро все произошло...

Почти теряя сознание от страха, Чага приблизилась к узкому проходу, пошатнулась и вынуждена была опереться рукой. Ладонь лизнуло гибельной металлической прохладой, и Чага, с ужасом оттолкнувшись, шагнула в проем.

Споткнулась, будто ее толкнули в спину, и сделала еще пару быстрых шагов подальше от стальной громады. Стена справа через равные промежутки как бы вспучивалась огромными дождевыми пузырями, и из этих пузырей струился серый предутренний полусвет, омывая мертвенно поблескивающие поверхности.

Дрожа всем телом, как Седой, когда он лежал с осколком в горбу, Чага двинулась по переходу, стараясь держаться подальше от стен, и чуть не вскрикнула, взглянув под ноги и увидев, что идет по сплошному рубчатому металлу.

"Я мертвая, — поразила внезапная мысль. — Мне уже все равно — я мертвая..."

После этого, как ни странно, сердце забилось спокойнее, дыхание выровнялось, и, сделав еще несколько шагов, Чага попала в гулкий, сводчатый грот, весь уставленный металлическими предметами, остановилась перед вправленной в стену вогнутой плитой из вулканического стекла. В его полупрозрачной толще изгибались белые трещины, а в верхнем углу плиты чернела рваная дыра.

Влада нигде не было. Чага огляделась и вздрогнула, увидев в разбитой стеклянной плите свое тусклое отражение. А дальше случилось то, чего она ждала и боялась: за спиной отражения шевельнулся, отходя в сторону, металл, открывая зияющую дыру в стене. И прежде чем Чага успела осмыслить этот новый ужас, резкий мужской голос скомандовал:

— Стоять!..

Как будто она лежала или сидела... Обомлев, Чага медленно повернулась и оказалась лицом к лицу с бледным худым мужчиной в рваной нелепой одежде, очень похожей на ту, что она когда-то отняла у Влада и зарыла под берегом...

Человек был невероятно грязен, смрад немытого тела заставил Чагу попятиться. Злобное изумление стыло в маленьких, глубоко упрятанных глазах мужчины, а в руке он держал стальной предмет сложной формы, напоминающий кулак с выпрямленным указательным пальцем, причем палец этот был трубчатым, как тростник, и черное круглое отверстие глядело на Чагу в упор.

— Грязные кочевники!.. — процедил мужчина, кривя бледное костистое лицо, и сделал что-то с металлом, отчего тот звонко и страшно щелкнул.

Но тут в стене справа шевельнулась, уплывая в сторону, еще одна плоская стальная глыба, и в пещеру, пригнувшись, вошел Влад.

Услышав лязг, мужчина резко обернулся, и они увидели друг друга одновременно.

— Чага, ложись! — отчаянно крикнул Влад и, схватив какой-то ярко блеснувший предмет, метнул его мужчине в голову.

Тот уклонился, и сложный слиток металла в его руке взорвался дымом, огнем и грохотом. Удар, взвизг, и что-то зазвенело, разбиваясь, за спиной Чаги. Влад кинулся на пол и тут же вскочил, как подброшенный, нечто подобное он уже проделывал когда-то у нее на глазах, отрабатывая странные, и в общем-то, бесполезные в степи приемы драки. Металл рявкнул снова, но Влад уже катился по полу, а в лицо мужчине летел еще один предмет.

— Чага, ложись!!

Она пятилась, волоча за собой оброненные кистени, и никак не могла заставить себя броситься на рубчатый металл. Потом серый полусвет внезапно начал меркнуть, и последнее, что она успела увидеть, медленно оседая на пол, были пламя и дым, вылетевшие (на этот раз беззвучно) из металлической трубки, и Влада, падающего навстречу вспышке. Медленно-медленно, как во сне, он оттолкнулся ладонями от пола, и нога его, плавно взмыв, коснулась мотнувшейся головы мужчины...

А потом все померкло, рассыпалось тихим звоном...

29

Звон оседал, затихая, сквозь него уже проступали хриплая непонятная ругань, возня, кажется, даже удары. Затем плачущий голос выкрикнул:

— Грязные кочевники!..

— Ты, что ли, чистый? — ворчливо отозвался голос Влада. — Разит от самого, как от... — Последовало непонятное слово, скрипнули затягиваемые ремни, а дальше Чага почувствовала, как ее бережно приподнимают и прислоняют спиной к чему-то пугающе холодному и твердому.

— Чага, девочка... — озабоченно бормотал Влад где-то совсем рядом, дыхание касалось лица. — Ну что ты... Я же говорил: подожди меня там... Сильные нежные пальцы принялись осторожно похлопывать ее по щекам. Потом, кажется, Влад резко повернулся, и голос его снова стал жестким:

— Вода у вас здесь есть? Ну ладно, мыться не моетесь, но пить-то вы что-то должны!.. А, сталь тебя порази, ты же с кляпом...

Чага открыла глаза. Действительность колыхнулась ленивой волной и обрела четкость, испугав ясными бликами на скругленных металлических углах. Влад стоял, наклонившись над извивающимся на полу человеком в грязной, увешанной сталью одежде. Изо рта мужчины торчал шерстяной наременный мешок Влада, руки были стянуты за спиной, и связанный неловко взбрыкивал босыми ногами, безуспешно пытаясь сесть.

Уловив движение, Влад повернулся к Чаге, и лицо его, за мгновение до этого жесткое, злое, дрогнуло, стало нежным и растерянным. На щеке — продолговатая припухлость, как от удара палкой.

— Ну, хвала металлу, — с облегчением выдохнул он. — Очнулась?

Не отвечая, Чага смотрела на его правую руку, небрежно держащую стальное оружие, способное извергать огонь, грохот, смерть. Влад заметил это и смутился.

— Какая прелесть, — неловко осклабившись, проговорил он. — Какая прелесть после ваших костоломов иметь дело с (незнакомое слово)... Мышцы — отсутствуют, глазомера нет, быстроты никакой... Удивительно приятный человек...

Он поднес к глазам смертоносный предмет, что-то в нем сдвинул, чем-то щелкнул и, задумчиво выпятив губы, покивал. Потом вскинул его на вытянутой руке и прищурился. Связанный мужчина приподнялся, выкатывая полные ужаса и удивления глаза. Кляп во рту его шевелился, человек гримасничал и мычал.

— Как ты, Чага? — спросил Влад, опуская оружие.

— Хорошо... — тихо сказала она.

Он улыбнулся ободряюще.

— Пойду проверю входы... А ты пока последи за ним. Да не бойся ты, Чага, это такой же человек, как и мы. Если понадобится, стукни кистенем, только не насмерть, пожалуйста...

Ушел. Чага поднялась с пола и, не спуская глаз с незнакомца, начала медленно наматывать на ладони ремни кистеней. Слышно было, как Влад ворочает и передвигает что-то тяжелое, громыхая и лязгая. Связанный теперь неотрывно смотрел на Чагу с презрением и бессильной яростью.

Потом вернулся Влад.

— Еще два входа, кроме нашего, — задыхаясь, сообщил он. — Других нет. Я их там задвинул чем мог. Ну что он, не брыкался?

— Нет, — сказала Чага.

— Это хорошо, — Влад кивнул. Присел на корточки и, положив на колено руку, отягощенную стальной смертоносной тварью, осторожно вынул кляп. Человек закашлялся.

— Устраивайся поудобнее, — мягко посоветовал Влад. — Разговор будет долгий...

— Кто ты? — просипел человек.

— Как видишь, не кочевник, — несколько надменно ответил Влад. — Точнее, не совсем кочевник. И уж, во всяком случае, не грязный.

— Чего ты хочешь?

— Знать, — сказал Влад. — Ты — один из Приручивших металл?

Лежащий язвительно покривил бледные, обметанные сыпью губы.

— Я его владыка.

Чага даже не ужаснулась этим страшным словам. С камнями в руках она стояла, готовая не раздумывая выполнить любой приказ: убить, умереть, прикоснуться к металлу. Она была сейчас орудием Влада, и хорошо, что так. Иначе она бы, наверное, просто сошла с ума.

Влад задумчиво прикладывал сталь к припухлости на правой щеке.

— Мы не причиним тебе вреда, — сообщил он вдруг лежащему.

Тот презрительно засмеялся.

— А вы и не сможете! — сказал он. — Металл следит за каждым вашим движением! Я нарочно поддался тебе, для забавы... Стоит мне приказать, и металл убьет вас!

— Прикажи, — негромко попросил Влад, и человек уставился на него в страхе.

Влад вздохнул.

— Пока тебя здесь не было, — сказал он, — я все осмотрел. Если не считать вот этого, — Влад качнул оружием, — здесь ничего уже не работает. Либо сломано, либо... либо лишено силы. Светильники еще, правда, горят, но, думаю, на последнем

издыхании... Твой металл не сможет нас убить. Он состарился и умер задолго до твоего рождения.

Связанный извернулся и все-таки сел. Бледное костистое лицо его было перекошено злобой.

— Ложь! — крикнул он. — Стареют и умирают люди! А металл бессмертен!

— Смотря какой металл, — спокойно заметил Влад. — Меня, например, интересует тот, что летает над степью.

— Он ворвется сюда и убьет вас! — крикнул связанный владыка.

— Сомневаюсь, — сказал Влад. — У него очень слабые (непонятное слово) возможности. Если присыпать осколок землей, он его уже не видит. Это знают даже грязные, как ты выразился, кочевники. Ты что же, хочешь нас уверить, что металл может проникнуть взглядом сквозь скалу?

— Да! — хрипло сказал человек. — Может!

Влад усмехнулся устало и покачал головой.

— Как ты управляешь металлом?

Лицо владыки застыло, стало отрешенным.

— Я прошу его, — начал он почти шепотом, но потом голос его наполнился яростью. — Я прошу его поразить грязных кочевников, отвернувшихся от него, предавших его, обратившихся к камню и кости!.. Я прошу его поразить склоны предгорий, чтобы ни один из отступников не приблизился к его обители!..

— И он всегда выполняет твои просьбы?

Владыка прикрыл синеватые бьющиеся веки.

— Нет... — еле слышно выдохнул он. — Не всегда. Он позволил прийти сюда вам... Видно, правда наступают последние дни мира... Повелевать металлом может лишь непорочный и чистый, какими были первые владыки, а я...

Влад невольно покосился на покрытые грязными потеками босые ноги мужчины.

— Ну хорошо, — сказал он. — А могу я встретиться и поговорить с главным владыкой?

Связанный вскинул голову и грозно раскрыл глаза.

— Ты и так говоришь со мной!

— Что?! — Влад опешил. — А... остальные?

— Остальные подчинены мне, — последовал высокомерный ответ.

Некоторое время Влад ошеломленно молчал. Потом заговорил, слегка запинаясь:

— Допустим, так, но... У вас же должно быть какое-то главное... святилище... Место, где хранится вся... Как бы это сказать?.. Вся мудрость, все знания о металле...

Оскалившись, связанный подался к Владу, словно пытаясь дотянуться зубами до его горла.

— Да! — выкрикнул он. — Такое место было! Но ты уже осквернил его, грязный кочевник!

Плечи у Влада обмякли, он медленно поднялся с корточек и растерянно оглядел помещение: расколотый экран с двумя черными пробоинами, облезлые кожухи, обрывки проводов...

— Как, это?.. — упавшим голосом переспросил он и ответа не получил. Огляделся еще раз, нахмурился и снова повернулся к связанному.

— Кто-нибудь еще должен сюда прийти?

— Сюда позволено входить только мне, — сквозь зубы произнес владыка. — Но если я не вернусь, сюда, конечно, придут...

— Вот и хорошо, — устало проговорил Влад. — Они тебя и развяжут... Присмотри за ним, Чага.

Он скрылся за нагромождениями металла. Снова загремели и заскрежетали по полу передвигаемые предметы. Вернулся Влад без оружия, но с гибким черным корешком, которым он связал владыке еще и ноги.

— Вот так, Чага, — проговорил он с виноватой беспомощной улыбкой. Знаешь, еще когда увидел эту нору, подумал: зря мы сюда идем. Так и вышло... — В голосе его вдруг зазвучала горечь. — Конечно, за тысячу лет они все растеряли, все забыли... Оказывается, ты знаешь о металле гораздо больше, чем он...

— Ты лжец! — прохрипел лежащий, яростно извиваясь. — Ты выйдешь отсюда, и металл поразит тебя!..

— Может быть, — ответил ему Влад. — Но даже в этом случае ты будешь ни при чем... Пошли, Чага!

Она повиновалась и молча двинулась за ним. Они шли по металлу среди опасно шевелящихся бликов к стальной громаде, прорезанной узким прямоугольным проходом. Чага отвела протянутую Владом руку и перешагнула порог сама, без помощи. А дойдя до первого поворота, вдруг поняла, что жива, и, привалясь к шершавой стене, начала медленно оседать на пол.

Он подхватил ее, поднял на руки и вынес из туннеля. Спрыгнул на хрустнувший щебень и то ли сбежал, то ли съехал вниз по склону. Громоздились серые в прожилках скалы, в синем небе знакомо взблескивали паутинчатые спирали внимательного металла.

В низинке их ждали стреноженные звери. Чага уже приходила в себя. Влад посадил ее на траву, снял с запястий ременные петли так и не пригодившихся кистеней. Кинул оба в се-

дельные сумки и принялся навьючивать черно-кор[illegible]евого Уголька. Потом, нетвердо ступая, подошла Чага и ста[illegible]омогать.

Они уже были в седлах, когда что-то звонко ударил[illegible] в камень и заныло, улетая прочь. И тут же в отдалении разда[illegible]ся такой звук, будто лопнула скала.

Влад крутнулся на Седом звере. В черном проем[illegible]неля виднелась человеческая фигурка. Во вскинутой руке [illegible]ерцала стальная крупинка. Вот она сверкнула, окуталась дым[illegible]и последовал новый щелчок о камень.

— Гляди-ка, — вымолвил Влад. — Развязался...

Он приподнялся в седле и закричал:

— Уходи!.. Уходи, дурак! Металл смотрит!..

Ответом был третий выстрел. Фигурка спрыгнула [illegible]етонной кромки и, увязая в щебне, двинулась к ним. При[illegible]ачные серебристые штрихи пронзили воздух — металл почу[illegible]ель.

— Самоубийца... — растерянно сказал Влад Чаге, [illegible]рывно глядя на сползающую по склону фигурку.

Стальная крупинка в вытянутой вперед руке [illegible]апно разлетелась вдребезги, и человек, схватившись за ли[illegible]новалился на спину, продолжая съезжать по склону. Ме[illegible]упал на него отвесно — единиц десять. Дробный взрыв, тр[illegible]к разлетающегося щебня, верх склона сдвинулся и пошел [illegible]охоча и вздымая каменную белую пыль. Металл хоронил сво[illegible]владыку.

— Надо уходить, — негромко сказала Чага.

... Размашистым шагом звери несли их вниз по у[illegible]ю. За спиной рычал, звенел и взвизгивал удаляющийся бо[illegible]идно, подлетели новые стаи металла и схлестнулись друг с [illegible]ругом.

— А порох у него, наверное, самодельный, — ни с [illegible]его ни с сего расстроенно сообщил Влад. — Дымит, как сыро[illegible]сушняк...

Чага пристально взглянула на него и не ответила.

30

И все же не зря он утащил ее к этим горам: как ни странно, но их путешествие многое прояснило. Можно уже, например, аккуратно вычеркнуть из блокнотика бредовые домыслы о гуманных (или зловредных) отшельниках, контролирующих деятельность металла из п[illegible]емелий. Как, кстати, и гипотезу об автоматических цехах, [illegible]ездумно производящих и рассеивающих по белу свету микроскопических стальных паучков...

Нет, государи мои! Металл развивается по изящному замкнутому циклу, он сам себе цех и сам себе владыка. К черту все эти громоздкие довески в виде отшельников и подземных конвейерных линий!..

Итак... С боеготовым, или, как здесь принято выражаться, роящимся микрокомплексом ты вблизи дела еще не имел. И, может быть, хорошо, что не имел... Однако кое-что о нем уже известно. Первое. Новорожденный (раскуклившийся) комплекс начинает с того, что выстреливает на высоту около трех километров импульсный излучатель (длинная вертикальная царапина по небу). Тот раскидывает антенну (мерцающая спиральная паутина) и начинает свободное падение, испуская импульс за импульсом. Ловит "зайчики", то бишь отраженные металлом эхо-сигналы, как-то их, видимо, обрабатывает и передает вниз, на микрокомплекс. Металл смотрит...

И что же он там (то есть здесь) высматривает?.. Ну, во-первых, конечно, стайки "чужого" металла... Стоп! А как он вообще узнает, что металл чужой?.. Черт! Хочешь не хочешь, а придется допустить наличие у этих стальных пираний автоответчика, хотя, металл свидетель, картина усложнится дьявольски...

Ладно, допустим, автоответчик... Летит, мерзость такая, и сигналит: "Я свой!", "Я свой!.." Для своих свой, естественно...

Минутку, а почему во-первых? С чего бы это металлу разменяться на всякую мелочь? Во-первых, наверное, поразить крупную цель! А крупная цель — это прежде всего накопители Бальбуса.

Ну, здесь вроде бы малость полегче — как-никак сам наблюдал. Итак, накопитель Бальбуса и сползающиеся к нему накопители помельче... Металл их видит — и начинает роиться. Иными словами, получив данные сверху, выстреливает обойму снарядиков, предположительно движущихся на ракетной тяге и заведомо снабженных микроголовками самонаведения, автоответчиком и взрывным устройством вдобавок... И все это, сталь их порази, втиснуто в изделие величиной с палец!

И пошла баталия... Накопитель Бальбуса ставит помехи, закапывается в грунт, подставляя непробиваемый панцирь, и либо выдерживает атаку, либо, как это случилось в прошлый раз, не выдерживает... А металл начинает щелкать поодиночке накопителей помельче... Кстати, получается, что накопители паразитически используют информацию, получаемую от "чужого" локатора. Забавно...

Ну хорошо... Враг разбит. В прямом смысле. А самому-то микрокомплексу какая от всего от этого польза?

Минутку-минутку... То есть как какая? Как какая?! Ах, сталь его порази! Да он же туда потом запускает снарядец, начиненный своими собственными паучками!.. Сперва вспахал, потом посеял... Да, но если поблизости уцелел хотя бы один "чужой" накопитель размером, ну, скажем, с кулак? Он же их всех слопает!.. Естественно, слопает. И правильно сделает. Стрелять точнее надо!..

Вот ведь как все любопытно складывается!.. Ну а допустим, что какой-нибудь комплекс по соседству, не будь дурак, дожидается себе спокойно конца битвы и тоже посылает на разрыхленное и удобренное обломками накопителей поле брани снарядец с паучками... Его, конечно, пытаются сбить. Но ведь он же его пошлет под прикрытием роя, а ресурсов-то у него больше, с монстром-то Бальбуса он не воевал... Мало того, он еще и постарается сбить снарядец дурака победителя...

Вот-вот-вот... И пошла свистопляска, и схлестнулся металл с металлом, затрещали рощи, брызнули в стороны кочевники, а кто не успел, ложись!.. Ах, какая красивая картинка-то получается! И не противоречивая, что главное. Пока...

Хорошо! Допустим, отсвистал металл, ни один снарядец сбить не удалось, боевая ничья, оба шлепнулись в одном районе, вылупились паучки, расползлись, отъелись — встречаются... По логике, должна начаться уже наземная война. Будут шарашить друг друга разрядами — на предмет, у кого раньше внутренности сплавятся...

Впрочем, это потом! А сейчас гораздо интереснее проследить цепочку до конца. Накопление идет полным ходом, самый прожорливый становится чудовищем Бальбуса, остальные с ликованием сползаются к нему на съедение, все удары с воздуха отражены, все микроголовки заморочены помехами... И, достигнув критической массы (назовем ее так), накопитель зарывается в землю. Из земли вышел, в землю ушел...

Дальше что?..

А дальше, надо полагать, отключается одна программа (накопление) и включается другая... Зарывшись, накопитель скорее всего прекращает движение (закукливается) и начинает потихоньку перерабатывать неправедно нажитый металл в обоймы боевых единиц, излучателей, в снарядики, начиненные микропаучками... Только не спрашивайте, ради Бога, откуда он берет начинку для боеголовок, равно как и ракетное горючее (если это, конечно, и в самом деле ракеты)! Синтезирует, сталь его порази!..

А ведь не так уж и наивна, выходит, местная терминология. Судя по всему, цикл развития микрокомплексов был беззастенчиво содран изобретателями именно у насекомых...

И все равно многое непонятно! По какому принципу, например, они воюют? Каждый за себя?.. Бальбус, помнится, различал в этой металлической кутерьме "союзников" и "противников"... Ладно, время покажет...

Голос Чаги вывел его из посверкивающих металлом грез, и Влад снова оказался в седле посреди недавно разоренной степи с выкошенной местами травой и россыпью осколков под мерно ступающими копытами зверей.

— Что, Чага?

— Человек, — сказала она, щурясь от жесткого полуденного солнца. Один. Без зверя.

31

Человек сидел на бруствере, сбросив ноги в окоп и уронив на грудь пегую от седины голову. Костяная лопатка валялась рядом. То ли по контрасту с сединой, то ли потому, что сидел он спиной к солнцу, но лицо его было необычно темным даже для кочевника. Почти черным.

Влад покосился на Чагу. Та уже была во всеоружии: камни в руках, ремни намотаны на ладони.

— Не пойму, — тихо призналась она, всматриваясь в сидящего. — На калеку не похож. И не такой уж и старый. Почему его оставили?

— Изгнали, наверное, — так же, вполголоса, предположил Влад.

Чага в сомнении качнула выгоревшими, ступенчато подрезанными волосами.

— В таком возрасте изгоняют редко...

Они подъехали почти вплотную, и лишь тогда человек поднял голову. Одутловатое, черное от прилившей крови лицо мерцало каплями испарины. Человек дышал часто, с трудом прогоняя воздух сквозь страдальческий щербатый оскал. Левая щека была измята серым глубоким шрамом.

— Армай? — не веря, спросила Чага. — Что случилось?

Тяжелые веки вздернулись, открыв невидящие, налитые кровью глаза. Сидящий всмотрелся, и его потрескавшиеся губы внезапно раздвинулись в счастливой усталой улыбке.

— Имка... — хрипло проговорил он. — Пришла...

Чага и Влад испуганно переглянулись.

— Чага, он бредит! Он путает тебя с Матерью...

Армай медленно перевел взгляд на Влада.

— Кто ты?.. Я тебя не знаю...

— Это Влад, — сказала Чага. — Его оглушило металлом, помнишь? Когда прилетала стальная птица...

— Стальная птица... — забормотал Армай. — Стальная птица... Конец приходит степи... Последний год живем... Три стальных птицы упало... Четвертая будет последней...

— Стреножь зверей! — Чага спрыгнула на землю, подошла к окопчику. Наклонилась, всматриваясь, и тут же выпрямилась в смятении.

— Что с ним? — спросил Влад.

— Его уязвил металл, — медленно проговорила Чага.

— Имка... — щербато улыбаясь, повторил Армай. — Я отберу у тебя камни, Имка... Не уходи... Не веди их к отрогам... Пропадете...

— А что, Мать водила семейство в предгорья? — спросил Влад.

— Не знаю, — сказала Чага. — Может быть, давно... Что с ним делать?

— То есть как что? — Спутав ноги третьему зверю, Влад поднялся. Переложим его на кошму, а там придумаем что-нибудь...

— В нем металл, — с содроганием предупредила Чага.

— Да расплавься он весь, ваш металл! — рявкнул Влад. — Вы уже людьми быть перестали с этим металлом!.. Куда его ранило?

— В ногу, — сказала Чага.

Они раскатали кошму и перенесли на нее Армая. Уложить его не удалось, старик был чудовищно силен — сел, кажется, даже и не заметив, что его пытаются удержать за плечи два человека.

— Металл... — бормотал он. — Металл поднимается по всей степи... Забыли закон...

Влад разорвал широкую шерстяную штанину и осмотрел ногу. Рана была ужасна.

— Заражение крови, — глухо сказал Влад. — Промывай не промывай... И осколок, наверное, внутри...

— Армай! — присев на корточки, допытывалась Чага. — У тебя был зверь! Где он? Тебе должны были оставить зверя!..

— Чага, прекрати! — резко приказал Влад. — О чем ты?!

— Армай! — Не слушая, Чага трясла старика за плечо. — Какой у тебя был зверь? Какой масти?

— Чага!!

Она повернула к Владу бледное от бешенства лицо.

— Кто-то увел у него зверя!

— Зверь... был... — как бы засыпая, проговорил Армай. — Потом... не знаю...

— Что ты его мучаешь! — процедил Влад. — Зачем тебе это знать?

— Действительно, забыли закон! — сказала Чага, ненавидяще оглядывая горизонт. — Трус, сталь его порази! Даже убивать не стал, просто подкрался и увел...

— Металл свидетель! — отчаянно закричал Влад. Потрясая кулаками, он стоял на коленях перед Армаем. — О чем ты говоришь?! Всего-то навсего нужно было вскрыть рану, вынуть осколок, промыть!.. А человека бросают в степи! Стальная птица упади на ваши кочевья, что же вы делаете?!

Армай слушал, недоуменно сдвинув брови и по-стариковски отвесив нижнюю губу. Потом медленно поднял голову, и глаза его прояснились.

— Я тебя вспомнил... — хрипло, с удивлением проговорил он. — Ты вон кто...

Чага вскочила. Армай протянул нетвердую руку и, промахнувшись, взял Влада не за горло, а за плечо. Железные пальцы стиснули сустав, от боли потемнело в глазах, но ту быстро отступившая на пару шагов Чага взмахнула рукой. Свистнул, слетая с ладони, сыромятный ремень, и гладкий дырчатый камень с хрустом ударил Армая в висок.

Железные пальцы разжались, словно с сожалением, и Влад, взявшись за плечо, со стоном ткнулся головой в кошму. Перетерпев боль, сел, придерживая поврежденную руку. Армай с проломленным виском лежал рядом. Чага сматывала ремень кистеня.

— Мертв? — с ужасом спросил Влад.

— Он бы тебя убил, — сказала Чага. — Не надо было призывать на кочевья стальную птицу... — Закусив губу, она поглядела на усмехнувшееся мертвое лицо Армая. — Все равно ему уже оставалось недолго жить...

— Ты безжалостна, — тихо сказал Влад.

— А ты всех жалеешь, — хмуро ответила она. — Но только почему-то все умирают от твоей жалости...

Они положили Армая в им же самим выкопанную яму и в две костяные лопатки засыпали ее, сняв брустверы и сровняв могилу со степью. Потом Чага расседлала зверей и провела их одного за другим по темному пятну свежего утоптанного грунта.

Видимо, так того требовал обычай...

Они уходили по разоренным степям на северо-запад, оставив справа территории, над которыми теперь густо роился металл. Если верить чудовищно приблизительной карте, набросанной Владом в блокноте, они возвращались к месту его неудачной посадки. Часто пейзаж казался ему знакомым, и Влад готов был побиться сам с собой об заклад, что вон за тем холмом откроется сейчас та самая балка, где он имел глупость, сидя в кроне дерева, дразнить металл лезвием ножа. Однако холм отваливался в сторону, а за ним вместо балки раскидывалась обширнейшая старая гарь с серо-зеленым островками стремительно восстанавливающихся рощ.

Поразительно, с какой легкостью ориентировалась в этом желто-зеленом, слегка взгорбленном однообразии Чага! Впрочем, в последнее время она явно была чем-то озадачена и встревожена: прислушивалась, недоверчиво взглядывала вверх, где изредка взблескивали знакомые мерцающие спирали.

— Что-нибудь не так? — спросил однажды Влад.

— Странно... — сказала она, озираясь. — Опасности нет.

— Ну и хорошо! — воскликнул Влад, но она только тряхнула с досадой криво подрезанными волосами и не ответила.

Местность уже не была такой безлюдной, как три месяца назад, когда они пересекали ее навстречу солнцу: из балок струился синеватый дымок костров, иногда на холме возникал силуэт всадника и, помаячив, исчезал. Многочисленные семейства, уходя из-под разящих ударов, хлынули сюда с востока.

Металл истощил здесь свои силы в единоборстве со стальной птицей вновь поднялась посеченная трава, вытесняя с размолотых участков быстрорастущие, не пригодные в корм сорняки, заклубились серо-зеленые заросли на пепелищах. В россыпях осколков копошились серебряные паучки, пока еще слишком маленькие, чтобы навлечь на себя удар или лишить кого-нибудь жизни электрическим разрядом.

Блокнот кончался. Влад экономил странички как мог, но они были крохотными, эти странички, а записывать приходилось довольно много. Прекратить же вести дневник и ограничиться записью выводов не хотелось — в конце концов, Влад был всего-навсего пилотом, и его наблюдения имели бы гораздо большую ценность, нежели его догадки и версии.

К его разочарованию, ему так и не довелось увидеть наземной войны между стальными паучками. Накопители жили ду-

ша в душу и побоищ не учиняли. Наконец Влад не выдержал и прямо спросил Чагу, почему они не дерутся.

Чага наклонилась с седла и сердито посмотрела на копошащуюся металлическую мелочь.

— Родственники, — бросила она, явно давая понять, что тема эта неприлична. Как, впрочем, и любой разговор с мужчиной о металле.

Но Влад не отстал от нее и в течение одного перехода выцедил столько, что, окажись хотя бы половина этих сведений правдой — уже бы цены им не было!

Во-первых, по словам Чаги, выходило, что конфликт "отцов и детей" у металла невозможен в принципе, поскольку к тому времени, когда "дети" начинают роиться, от "отцов" не остается даже осколков. Зато при обильном подножном корме (уничтоженные накопители и прочее) из выводка паучков может получиться не один, а два и больше монстров Бальбуса. Каждый из которых, не забывайте, будущий микрокомплекс. Так вот, микрокомплексы эти по родственным соображениям друг друга якобы не трогают. Мало того, отпрыски их между собой тоже вроде бы ладят. И только в третьем колене микроголовки перестают узнавать троюродных, так сказать, братьев и хлещутся за милую душу.

Туземки (и в особенности Матери семейств) различают степени родства стали весьма тонко. Оно и понятно: вести клан по территории, начиненной миролюбивым металлом, или по территории, начиненной металлом враждующим... Есть разница?

А теперь как бы переложить всю эту семейно-мифологическую терминологию на язык, если не строго научный, то хотя бы слегка наукообразный?.. А ведь получается, что разрегулировалось-то именно воспроизводство автоответчиков! Помаленьку плывет частота, вот как это называется! А иначе микрокомплексы просто бы не смогли воевать друг с другом — каждый бы на запрос противника пищал: "Я свой!.."

Влад посчитал чистые листы блокнота. Четырнадцать с половиной страничек. Плохо... Надо что-то придумывать уже сейчас. Потом будет поздно...

Он спрятал блокнот в наременный мешочек и зачем-то оглянулся...

Словно осенние паутинки пересверкивали, сквозя и играя, на фоне пыльно-зеленых клубов буйно возрождающей рощи.

— Ложись!! — Влад выхватил ноги из мягких стремян и кувыркнулся с седла. Откатился, боясь угодить под тяжко рушащегося Седого, — и почти в тот же миг взвизгнуло, сверкну-

ло, ужаснул хрустящий шорох подстригаемой поверху травы, посыпались трубчатые обрезки стеблей...

Влад долго лежал, уткнувшись лицом в землю и не смея поднять головы. В полной тишине журчала вода, выливаясь из пробитого бурдюка. Наконец он решился перевернуться набок и почему-то шепотом окликнул Чагу. Ответа не последовало.

Торопливо поднялся и кинулся к Рыжей, успев, однако, мимоходом отметить, что Седой и Уголек вроде бы целы и невредимы. Чага лежала ничком без движения, и Влад даже остановился в страхе...

Она шевельнулась, уперлась ладонями в землю, но почему-то продолжала лежать.

— С тобой все в порядке? — дрогнувшим голосом спросил Влад.

— Да, — глухо и невнятно ответила она.

И Влад осознал наконец, что, не оглянись он совершенно случайно и не подай команду, лежать бы им здесь сейчас, изрубленным, среди скошенной металлом травы.

— Что же ты, Чага... — с мягким укором проговорил он.

Она повернула к нему искаженное мукой лицо, и Влад опешил. В прозрачно-серых глазах Чаги стояли слезы.

— Я... не услышала его... — не веря, выговорила она. — Я не услышала, как он подкрался!..

— Чага!..

— Я смеялась над Матерью!.. — Голос ее сорвался. — Я говорила, что у нее дряблая матка!.. А теперь я сама не слышу, когда он идет!..

— Чага, девочка... — Влад присел на корточки и растерянно коснулся ее плеча. — Ну не надо так. Каждый хоть раз в жизни ошибается...

— Нет! — Она замотала головой. Брызнули слезы. — Это предгорья. Это подземелья, где мы с тобой были. Я ходила по металлу. Я привыкла к нему. Я перестала его бояться!..

Чага прижалась лицом к земле, плечи ее вздрагивали. Влад беспомощно гладил ее по выгоревшим волосам и бормотал что-то в утешение.

Переход пришлось прервать. Влад взял лопатку и работал до самого вечера, как каторжный: пять укрытий — два для людей и три для животных. И все это время Чага лежала, уткнувшись лицом в землю, на краю широкой просеки, оставленной металлом в рослой степной траве. Неподвижно и молча как мертвая.

33

Хвала металлу, наутро она, кажется, ожила. Подошла к Владу, колдующему над поврежденным бурдюком, и стала приводить в порядок посеченный сталью полог. Видно, Уголек слегка запоздал вчера с падением, и пролетающий рой чиркнул по вьюкам. Хорошо еще, что ни один снарядец не взорвался, впоровшись в скатанную кошму, тогда бы от скарба остались лохмотья, перемешанные со стальной крошкой. А так, можно сказать, повезло...

Солнце поднялось уже довольно высоко над сильными узловатыми травами, когда, все починив и поправив, они заседлали и навьючили зверей.

О вчерашнем не было сказано ни слова...

Их не забыли. Пустые овражки со следами поспешного бегства, недорытые и брошенные укрытия, всадники, шарахающиеся за горизонт, — все говорило о том, что клеймо Приручивших металл выжжено глубоко и навеки.

— Ты, главное, не отчаивайся, — умоляюще говорил Влад. — Вот увидишь, Чага, еще пара лет, и все изменится. Стоит нашим мудрецам заполучить одного-единственного паучка — металлу конец! Его изучат! Ему прикажут остановиться, и он остановится. Он перестанет убивать... Я не злорадный человек, Чага, но, знаешь, когда я вижу этих дурачков, которые убегают от нас, как от металла, я думаю: а что с ними будет потом? Когда мы отберем у них страх, чем они заткнут дыру в своих душах?

— А если ничем? — неожиданно спросила Чага. Обычно она выслушивала Влада молча.

— Тогда пусть пропадают! — сгоряча бросил Влад, в самом деле разозленный этим дурацким вселенским бойкотом.

— А я? — спросила она. — Тоже?

И, не дождавшись от пораженного Влада ответа, отвернулась и озабоченно оглядела степь.

Внимательнее, чем когда бы то ни было, следила она теперь во время переходов за призрачным блеском в линялой полуденной синеве, за птицами, за зверьками, явно не доверяя уже своему чутью. В прозрачно-серых глазах появился сухой лихорадочный блеск, скулы туго обтянулись побледневшей кожей.

Однажды, выехав на покатый холм, они увидели внизу сизый дымок, встающий над переполненной листвой балкой. А по взгорбленной степи наискосок, ныряя в низины и взмывая над пригорками, к балке летел налегке всадник на коричнево-черном звере, которого, надо полагать, тоже звали Угольком.

— Гонец? — спросил Влад.

— Да, — сказала Чага.

Они остановили животных, ожидая, что будет дальше. У спуска в балку всадник спрыгнул и, ухватив зверя за повод, бегом потащил его вниз, под защиту ветвей.

— От кого ж это он удирает? — задумчиво щурясь, спросил Влад. — От нас или от металла?

— Во всяком случае, не от нас, — сказала Чага. — Его послали с чем-то важным. Вон из-за тех холмов...

Она указала, и почти в то же мгновение, словно подчиняясь движению ее руки, степь между холмами зашевелилась, ожила. Растянувшись цепочкой, на равнину вынеслись всадников десять и еще столько же навьюченных, не отягощенных людьми зверей. Возле балки тоже началась суматоха: первым выбежал уже знакомый гонец, вскочил на своего черно-коричневого, и тот полетел размашистым шагом навстречу приближающемуся семейству. А из балки продолжали выбегать люди, выводя наспех навьюченных и оседланных животных.

— Не понимаю, — с отчаянием сказала Чага. — Они покидают укрытие!..

Оба отряда, слившись в один, устремились было в их сторону, но затем резко сменили направление и схлынули через соседнюю седловину. Видимо, приметы Приручивших металл были хорошо известны по всей степи: молодая пара с тремя зверьми — рыжим, седым и черно-коричневым...

— Надо уходить, — сказала Чага.

— Почему?

— Все уходят...

Влад оглянулся на седловину, всосавшую недавно оба семейства, и снова стал изучать холмы, что напротив. Небо над холмами было, можно сказать, чистое.

— Металл там спокоен...

— Они могли бежать и от людей, — сказала Чага.

Влад усмехнулся.

— Ну и пусть их бегут! Нам-то какое дело?

— Это могут быть семейства с севера, — пояснила она. — Там не боятся Приручивших металл. Там о них просто не знают.

— Узнают, — пообещал Влад. — Кину в них пару раз осколком — узнают...

— Перестань! — с отвращением оборвала его Чага.

Влад тронул пятками бока Седого и направил его к холмам. Чага нахмурилась, но последовала за ним. Миновав балку, они из осторожности выбрали средний путь — между вершиной и низинкой. Замедленно ступая по косогору, звери вынесли их на ту сторону.

Чага и Влад натянули поводья одновременно.

Внизу прогибалась обширная неглубокая впадина, полная качающейся травы, с низко стелющимися по склонам желто-зелеными клубами ломкого кустарника. В середине ее чернела небольшая округлая гарь, и в центре этой гари, осев на мощные лапы, прижав крылья и запрокинув в небо страшный клюв, сидела стальная птица.

... А в зыбко-голубом зените, прямо над припавшим к земле крылатым чудовищем, равнодушно и слепо посверкивал паутинчатый металл.

Ветер играл колким шуршащим кружевом кустов, раздувал вычесанные гривы...

— Чага... — с каким-то сумасшедшим, похожим на всхлип смешком выговорил Влад. — Металл свидетель, Чага, я не думал, что это случится так скоро...

34

Пилот сидел на броне рядом с откинутым колпаком, сбросив ноги на крыло, и с тревожным любопытством следил за приближающимся кочевником. Бог из машины... Конечно, Влад должен был знать его, но на глаза наворачивались слезы, и лицо пилота расплывалось...

Достигнув гари, он остановил Седого, спрыгнул в хрупкий травяной пепел и дальше пошел пешком. Яркий комбинезон шевельнулся.

— Парень! — Произнесено это было по-английски. — Я уверен, ты взял не то направление...

— Господи, Дик... — выдохнул Влад, и теперь уже замерцали, поплыли пятнами гарь, сверкающая машина, желто-зеленые холмы...

Пилот выпрямился и оказался стоящим на крыле. Металл свидетель, это был Дик!.. Не зная, чему верить — зрению или слуху, "бог из машины" глядел во все глаза на загорелого дочерна туземца со шрамом на лбу.

— Это я, Дик, — сказал Влад. — Не узнаешь?

Дик спрыгнул с крыла, схватил за плечи и, все еще не веря, всмотрелся.

— Влад? — спросил он шепотом. — Живой?..

— Отчасти... — почему-то смущенно ответил Влад.

Дик бросил его об себя и огрел кулачищем по спине.

— Влад, дружище! — завопил он на всю степь. — Значит, все-таки уцелел, старый бродяга?

— Тише ты!.. — барахтаясь в объятьях, смеялся Влад. — А то меня сейчас отбивать прискачут!..

Дик выпустил Влада и уставился туда, где маячил одинокий силуэт всадника на рыжем... ну, скажем, животном. Еще два таких же чудища паслись неподалеку.

— Кто это?

— Моя жена, — сказал Влад, и Дик на некоторое время потерял дар речи.

— П-поздравляю... — выговорил он наконец. — А что же ты ее там бросил? Пусть подъедет...

— Боится.

— Меня?

— Твоей "пташки", — сказал Влад. — И вообще всего металлического...

— Ну да, ну да... — Дик несколько ошалело покивал. — Я, по правде сказать, глазам не поверил, когда ты сюда направился. Но, слушай, как же... неловко... Если так, то давай мы к ней подойдем...

— Погоди! — сказал Влад. — Как тебе удалось?.. — Осекся и вскинул глаза к паутинчатому мерцанию в зените. — Почему он тебя не трогает?

Дик засмеялся.

— Ты уже сколько здесь кочуешь? Четыре месяца?.. За четыре месяца многое изменилось, Влад. С Земли прислали шесть новых "пташек". — Он хлопнул по крылу. — Ты не смотри, что она внешне ничем не отличается... Чудо, а не машина! Девять радиостанций, да каких! Кому хочешь голову заморочит... А почему эта дрянь нас не трогает... — Дик тоже запрокинул голову и ответил металлу ослепительной улыбкой. — А не видит, потому и не трогает! Нет здесь никакой "пташки"! И нас с тобой здесь нет! Здесь огромный холм, гора!.. Вон они на какой высоте ходят...

Действительно, кроме скользкого поблескивания паутинчатых спиралей, в небе пересверкивала, кружа, стайка серебристых искорок — рой.

— Так, — сказал Влад, мрачнея. — Значит, вам уже известно, что "одуванчики" — это локаторы?

— Конечно, — сказал Дик. — Бальбус это доказал сразу же после твоей аварии. Кстати, ты ему здорово помог, навернувшись...

— Ну, ясно, — пробормотал Влад. — Чувствую, короче, что все мои данные для вас новостью не будут...

Дик снова засмеялся и снова взял за плечи.

— Влад! Да что тебе эти данные? Пусть их Бальбус с Анконой собирают! Благодари Бога, что жив!

— Здесь благодарят не Бога, — со вздохом заметил Влад. — Здесь благодарят металл... — Он оглядел "пташку" и украдкой пожал кромку крыла. — Это четвертая или уже пятая попытка?

— Седьмая, — сказал Дик. — Просто садились на Восточном материке, за перешейком. Старик почему-то решил, что там безопаснее... Слушай, мне неловко! Леди сидит верхом и ждет! Или ты оттягиваешь семейную сцену?

— Нет, — сказал Влад. — Это выдержанная леди. Она сцен не устраивает. Она сразу убивает.

— Как часто? — деловито поинтересовался Дик и, не дожидаясь ответа, полез на крыло закрыть колпак.

— Да, вот еще что! — в спину ему сказал Влад. — Пожалуйста, сними с комбинезона все эти блямбы.

Дик удивленно обернулся.

— Я смотрю, ты здесь здорово одичал! Это же не металл, это пластик!

— Ей это все равно, — объяснил Влад.

— А-а... — Дик открепил что можно с комбинезона и закрыл колпак. Оружие, с твоего позволения, беру с собой...

— Оружие? — тревожно переспросил Влад.

— Не бойся — тоже пластик. Пневматика. Бьет ампулами на пятьдесят метров... — Он спрыгнул в черный истоптанный прах. — Ну, пошли представишь...

И они двинулись к маячившим на склоне холма силуэтам.

— "Пташку" оставлять не боишься? — спросил Влад.

— Ну, я не думаю, что на этой планете найдется еще один сумасшедший вроде тебя, — резонно заметил Дик. — По-моему, кроме нас троих, тут сейчас на сто миль никого не осталось...

— Да уж!.. — Влад усмехнулся. — Видел я, как от тебя удирали... Позволь! А когда же ты сел?

— Утром, — сказал Дик. — Вообще-то я уже должен был стартовать, но... Показалось, система одна барахлит... Пришлось пару цепей прозвонить... А честно говоря... — Он зачем-то оглянулся и понизил голос. — Осточертело мне на орбите! А здесь все-таки какая-никакая степь... Солнце встает, скунсы какие-то бегают...

— Сукины вы дети! — уныло сказал Влад. — Тут за жизнь борешься, а они сюда уже, как на курорт летают!..

Огонь с треском оплетал сухие ветки. Вился сизый увертливый дымок. Подрумянивающаяся тушка зверька роняла в костер взрывчатые капли жира. Подошла Чага, молча перенасадила тушку с обуглившегося прута на свежесломленный и косо воткнула в землю.

— Так в чем проблема? — спросил Дик, с интересом следя за ее действиями. — "Пташка" рассчитана как раз на трех человек... Или ты хочешь, чтобы я поднял на орбиту еще и твоих верблюдов?

Угрюмо поигрывая желваками, Влад глядел в костер.

— Она и подойти к ней не сможет, — глухо сказал он. — Для нее это даже не просто металл — это стальная птица...

— А не надо! — сказал Дик. — Дадим снотворного, проснется уже на орбите...

— И сойдет с ума в течение суток?.. — Влад со вздохом протянул руку к хворостине потоньше и одним резким движением сломал ее в кулаке. Дик моргнул и уставился на руку Влада. А тот продолжал, не замечая: — Дик, дружище! Ты пойми, у них генетический страх перед металлом! Вообще перед техникой! Уж я-то знаю...

Дик наконец хмыкнул и отвел взгляд от пятерни Влада.

— Что ты предлагаешь?

— Раз она со мной лететь не может... — Влад помолчал, решаясь, и закончил несколько сдавленно: — Значит, я остаюсь здесь.

Он ссутулился и принялся без нужды ворошить костерок хворостиной. Дик деликатно кашлянул и надолго опустил голову.

— Боюсь, что тебя не поймут, — осторожно проговорил он. — А мне не поверят. Кроме того, не забывай, что срок контракта еще не истек. Старик может просто приказать тебе и...

— Не может, — оборвал Влад. — Я вычеркнут из списков. Я погиб, сталь меня порази!

— Что-что? — не понял Дик.

— Местная божба... — хмуро пояснил Влад.

— Я смотрю, ты неплохо овладел языком, — задумчиво заметил Дик.

— Попробовал бы я им не овладеть!..

Они замолчали. Огонь прилежно обгладывал хворост. Чага еще раз сменила прут и перевернула тушку.

— Из списков ты не вычеркнут, — сказал Дик. — Полной уверенности в том, что ты погиб, не было. Свистопляска в эфи-

ре, конечно, творилась адская, но тем не менее какую-то абракадабру принять удалось. Уже после катапультирования...

Влад вскинул голову.

— Смотри-ка! — подивился он. — Значит, что-то все-таки передать успел?..

— Успел, — согласился Дик. — Но я сейчас вот чего боюсь... Что ты попросишь умолчать по-дружески о нашей встрече. На это я, сам понимаешь, пойти не могу.

— Я понимаю... — тихо сказал Влад.

"Бог из машины" качнулся к Владу и ободряюще потрепал по плечу.

— Влад, пойми, в любом случае ты должен предстать перед стариком и отчитаться. Дальше ты можешь подать в отставку, объявить себя непригодным по состоянию здоровья... Тем более, что при посадке тебя, я думаю, тряхнуло крепко...

— Я ее здесь на сутки боюсь оставлять, — буркнул Влад.

Дик с любопытством посмотрел на Чагу.

— Я бы не сказал, что она производит впечатление беспомощной девочки. Чего ты, собственно, боишься? Здесь опасные места?

— Да нет, — сказал Влад. — Места здесь относительно спокойные. После моей так называемой посадки боеспособного металла осталось немного...

— Ее могут обидеть туземцы?

— Нет, — сказал Влад. — Туземцы ее боятся.

— Из-за тебя?

— Да.

— Ах вот оно что, — пробормотал Дик. — Понимаю. И все-таки попробуй ей объяснить!

— Я попробую... — без особой надежды в голосе отозвался Влад.

... Пронзенная очередным прутом тушка остывала в сторонке, испуская аппетитнейшие запахи. Дик, страдальчески заломив брови, повел носом, но разделить трапезу отказался. Ломать рацион было рискованно, и Владу пришлось долго растолковывать Чаге, в чем дело. Дик с интересом вслушивался в гортанные звуки чужого языка.

— Ты хоть словарик составил?

— В трех томах! — огрызнулся Влад. — Когда мне было этим заниматься?.. Записи я, конечно, вел, но у меня там все скопом: и язык, и металл... Словом, мешанина...

— Записи? — встрепенулся Дик. — На английском?

— На всяком...

— А не разрешишь полистать, пока вы подкрепляетесь?

— Пожалуйста... — Влад вынул из наременного мешочка блокнот и протянул его Дику, а сам принял из рук Чаги поло-

вину пахнущей дымом тушки. Взглянул виновато на Чагу и поразился: впервые за последнее время лицо ее было спокойным и лишь немножко грустным.

Ели, по обычаю, молча. Дик лихорадочно листал, впивался в каракули, рожденные большей частью на шатком горбу Седого, то и дело просил объяснить незнакомое или неразборчивое слово. Потом задумался, закрыл блокнот и, постукивая ребром книжицы по колену, стал смотреть на Влада.

— Ну что? — с набитым ртом осведомился тот. — Прошлогодний снег?

Дик вздохнул.

— Я не знаю, насколько ты поразишь наших технарей, — начал он. — Хотя меня, например, ты уже здесь кое-чем ошарашил... Но то, что этнографический материал тобою собран уникальный, по-моему, сомнению не подлежит. Совет хочешь?

— Разумеется, — сказал Влад, вытерев рот и бросив кости в золу.

— Так вот, дружище, — сказал Дик. — Не будь дураком и не упускай свой шанс. Сам видишь, как быстро меняется ситуация. Сегодня ты герой, сегодня твои сведения бесценны, а завтра до них доберутся и без тебя... Ты хоть сам-то понимаешь, кто ты сегодня?

— Никуда не годный пилот, — сказал Влад. — Вполне подлежащий списанию.

— Ошибаешься, дружище, — ласково возразил Дик. — Ты же не знаешь, что сейчас делается на Земле... А на Земле, оказывается, все масс медиа в последнее время буквально свихнулись на нашей планетке. Мы сейчас из-за этого ни в чем отказа не знаем, Влад! А главный герой — ты!.. Только не поднимай удивленно брови!.. Не Анкона, не Бальбус, не старик. Ты! Пилот, который то ли погиб, то ли не погиб. То ли ступил первым на поверхность, то ли не ступил. Переданную тобой абракадабру расшифровывают все кому не лень...

— Ты что, серьезно?

— Вполне. Вот давай теперь и прикинем, кто же ты такой. Пилот из легенды. Человек, ухитрившийся в течение четырех месяцев выжить на планете металла. Человек, разгадавший тайну микрокомплексов...

— Разгадавший... — Влад горько улыбнулся.

— Во всяком случае, по многим пунктам твое первенство неоспоримо, нимало не смутившись, ответил Дик. — Изучивший язык! Изучивший обычаи кочевников! Кочевников с планеты металла, на которых сейчас вся Земля помешана!.. О них фильмы снимают, Влад!

"Бог из машины" закатил победную паузу, но, видя, что Влад по-прежнему сидит, опустив голову, передохнул и продолжил:

— Ты хочешь поселиться здесь? Великолепно! Что называется, точка ко всей истории! Человек, пожертвовавший всем, ради любви... — Дик плавно повел ладонью в сторону Чаги, — к прекрасной туземке. Бьюсь об заклад, тебе предложат сыграть в кино самого себя... Но все это при одном условии. Ты сейчас летишь со мной и столбишь участок: надиктовываешь, разъясняешь, работаешь зубами и ногтями...

— А сколько это продлится? — спросил Влад, не поднимая головы.

— Сколько надо! — жестко ответил Дик. — В конце концов, она твоя жена и должна понимать...

Влад молчал. Вокруг песчаной проплешины шуршала, качалась трава, потрескивал костер, где-то рядом фыркали и переступали стреноженные звери.

— Чага...

Она обернулась.

— Чага... — повторил Влад и беспомощно умолк.

— Я знаю, — тихо сказала она и подняла на него прозрачно-серые, все понимающие глаза. — Надо.

36

Через плечо Дика Влад видел тлеющие в верхнем углу приборной доски две аккуратные изумрудные буковки — OK. "Пташка" была готова к старту.

— Что она? — сдавленно спросил Влад.

Дик повернул голову. В профиль он напоминал кого-то из старых американских актеров. Голливуд...

— Все в порядке, — сообщил он. — Стоит. Смотрит.

— Слушай... Открой колпак! — внезапно попросил Влад.

— В чем дело?

— Я должен объяснить ей все еще раз!

Дик неторопливо отстегнул ремни и обернулся.

— Старина! — с некоторым удивлением сказал он. — Ты толковал с ней полчаса, разве не так?

— Мне не нравится, что она такая спокойная, — глухо ответил Влад. Открой!

— Послушай, — сказал Дик, — если ты сейчас попытаешься вскочить на своего дромадера и...

— Не говори глупостей! — оборвал Влад. — Ты же знаешь, что я этого не сделаю! Но если с ней что-нибудь случится, меня будет мучить совесть неужели не ясно?

— Пресловутая славянская сентиментальность... — проворчал Дик, но колпак все же открыл. — Имей в виду, до прохождения станции осталось не так уж и много, а мне еще снова проводить контроль... Даю тебе на все десять минут. А лучше пять.

... Чага видела, как поднялся выпуклый прозрачный панцирь и на крыло стальной птицы выбрался Влад. Спрыгнул в пепелище и торопливо направился к ней. Решил остаться?.. Сердце остановилось на мгновение...

— Чага, — умоляюще глядя, проговорил Влад. — Я должен лететь, понимаешь?

Она долго молчала. Потом сказала безразлично:

— Да.

— Но я вернусь, Чага! Я сделаю все, чтобы вернуться! Ты не откочевывай отсюда, ладно?

— Я не буду отсюда откочевывать, — сказала она.

Лицо ее оставалось неподвижным. Шевелились одни лишь губы.

— Господи, Чага!.. — Влад чуть не плакал. — Ну что же ты вся такая... как из дерева!

На секунду прозрачно-серые глаза стали враждебными.

— А ты как из металла!

"Злится, — с облегчением подумал Влад. — Значит, все в порядке".

— Чага, не злись... — улыбнувшись ей, как ребенку, попросил он. — Я вернусь. Вот увидишь...

Стальная птица курлыкнула властно и нежно.

— Все, Чага!.. — Влад схватил за руки, заглянул в глаза. — Все... Зовет....

Он уходил, то и дело оборачиваясь и совершая странные движения поднятой рукой, словно потрепывал ласково по вычесанной шерсти невидимого зверя. Взобравшись на крыло, потрепал в последний раз и скрылся...

— А тебе никогда не приходило в голову, — задумчиво промолвил Дик, что наша так называемая гуманность для них — особо изощренная форма жестокости?..

Он помолчал, не столько ожидая ответа, сколько озадаченно вслушиваясь в им же самим произнесенную фразу. Потом вздохнул и утопил клавишу...

Выпуклый прозрачный панцирь опустился. Влада больше не было. Была присевшая посреди округлого пепелища, медленно задирающая мощный клюв к небу стальная птица.

Стальная птица... Усмехнувшееся мертвое лицо Армая... Уткнувшийся в землю Стрый со снесенным затылком и неподвижные мечтательные глаза Колченогой... Смертельная змейка металлического лезвия и убитый всадник, зависший

с раскинутыми ногами над метнувшимся к земле зверем... Конец кочевью... Последний год живем... И взрывающееся оружие в руке владыки металла, с грохотом оползающий склон...

Стальная птица закричала, ударила в землю огнем и прянула ввысь. На краю пепелища нехотя занялась, задымила молодая трава. Истошно затрубил Седой. Сотрясая воздух, крылатый металл восстал над холмом, сверкнул, и у зверей подломились ноги. Все трое припали к земле.

Чага стояла, запрокинув голову, как когда-то в неглубоком голом овражке, посреди стальной вьюги... Кружившаяся в высоте серебристая мошкара растерянно метнулась в стороны, пропуская металлическое чудовище, а затем, словно спохватившись, кинулась запоздало вслед и, не догнав, косо чиркнула по лиловому вечереющему небу.

Чага взяла костяную лопатку и пошла к дымящейся, тлеющей траве. Забив огонь, бросила лопатку в пепел и вернулась к перепуганным, не смеющим встать зверям. Похлопывая по горбоносой с закрытыми глазами морде, уговорила подняться Рыжую, а за ней поднялись Седой с Угольком. Чага освободила зверей от пут и снова запрокинула голову. Стальная птица была еще видна. Крохотная, она карабкалась все выше и выше, но крик ее уже не достигал земли.

Он так и не отнял у нее камни... Медленным шагом Чага взошла на голую, как череп, вершину холма и увидела тлеющие развалины заката и алый краешек падающего за горизонт солнца. Под ногами розово блеснул крупный, изогнутый, как кость, осколок. Чага поискала глазами тающую в зените стальную крупинку, но найти уже не смогла...

Она стояла одна, посреди пустой степи, оставленной людьми, и только сбитый с толку металл, которому пригрезилось на секунду стальное возносящееся чудовище, рыскал над холмами. Металл, чьего приближения она уже не могла, не умела почувствовать...

В конце концов, она всегда знала, что проклятие Матери рано или поздно сбудется. Чага подняла осколок и, удивившись его нежному теплу, прижала к груди.

Быстрый, светлый, разящий без промаха на этот раз почему-то медлил. Потом, подкравшись сзади, с визгом вспорол воздух у самого уха, и Чага от неожиданности уронила осколок. Некоторое время она оцепенело глядела под ноги, потом заставила себя нагнуться, но подобрать не успела.

Металл ударил в плечо, развернул и, не дав даже упасть на землю, поразил ее в сердце.

В сердце, а не в печень и не в горло, как предсказывала когда-то Мать.

ПРАВО ГОЛОСА

Полковник лишь казался моложавым. На самом деле он был просто молод. В мирное время ходить бы ему в капитанах.

— Парни! — Будучи уроженцем Старого Порта, полковник слегка растягивал гласные. — Как только вы уничтожите их ракетные комплексы, в долину Чара при поддержке с воздуха двинутся танки. От вас зависит успех всего наступления...

Легкий ветер со стороны моря покачивал маскировочную сеть, и казалось, что испятнанный тенями бетон колышется под ногами.

Полковник опирался на трость. Он прихрамывал — последствия недавнего катапультирования, когда какой-то фанатик пытался таранить его на сверхзвуковых скоростях. Трость была именная — черного дерева с серебряной пластиной: "Спасителю Отечества — от министра обороны".

— Через час противник приступит к утренней молитве и этим облегчит нашу задачу. Нам же с вами не до молитв. Сегодня за всех помолится полковой священник...

Летчики — от горла до пят астронавты, кинопришельцы — стояли, приподняв подбородки, и легкий ветер шевелил им волосы.

Они были не против: конечно же, священник за них помолится и, кстати, сделает это куда профессиональнее.

— Мне, как видите, не повезло. — Полковник непочтительно ткнул именной тростью в бетон. — Я вам завидую, парни, и многое бы отдал, чтобы лететь с вами...

— ТЫ ЧТО ДЕЛАЕШЬ, СВОЛОЧЬ?!

Визгливый штатский голос.

Полковник резко обернулся. Никого. Священник и майор. А за ними бетон. Бетон почти до самого горизонта.

— ЭТО Я ТЕБЕ, ТЕБЕ! МОЖЕШЬ НЕ ОГЛЯДЫВАТЬСЯ!

— Продолжайте инструктаж! — разом охрипнув, приказал полковник.

Майор, удивившись, шагнул вперед.

— Офицеры!..

— МОЛЧАТЬ! — взвизгнул тот же голос. — БАНДИТ! ПОПРОБУЙ ТОЛЬКО РОТ РАСКРОЙ — Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО С ТОБОЙ СДЕЛАЮ!

Майор даже присел. Кепи его съехало на затылок. Священник, округлив глаза, схватился за наперсный крест.

Строй летчиков дрогнул. Парни ясно видели, что с их начальством происходит нечто странное.

И тогда, отстранив майора, полковник крикнул:

— Приказываю приступить...

— НЕ СМЕТЬ! — На этот раз окрик обрушился на всех. Строй распался. Кое-кто бросился на бетон плашмя, прикрыв голову руками. Остальные ошалело уставились вверх. Вверху были желто-зеленая маскировочная сеть и утреннее чистое небо.

— ВЫ ЧТО ДЕЛАЕТЕ! ВЫ ЧТО ДЕЛАЕТЕ! — злобно, плачуще выкрикивал голос. — ГАЗЕТУ ЖЕ СТРАШНО РАЗВЕРНУТЬ!

Упавшие один за другим поднимались с бетона. Не бомбежка. Тогда что?

— Господи, твоя власть... — бормотал бледный священник.

— А ТЫ! — голос стал еще пронзительнее. — СЛУГА БОЖИЙ! ТЫ! "НЕ УБИЙ"! КАК ТЫ СРЕДИ НИХ ОКАЗАЛСЯ?

Полковник в бешенстве стиснул рукоять трости и, заглушая этот гнусный визг, скомандовал:

— Разойтись! Построиться через десять минут!.. И вы тоже! — крикнул он священнику и майору. — Вы тоже идите!

Летчики неуверенно двинулись кто куда.

— А вы будьте любезны говорить со мной и только со мной! — вне себя потребовал полковник, запрокинув лицо к пустому небу. — Не смейте обращаться к моим подчиненным! Здесь пока что командую я!

— СВОЛОЧЬ! — сказал голос.

— Извольте представиться! — прорычал полковник. — Кто вы такой?

— НАШЕЛ ДУРАКА! — злорадно, с хрипотцой сказал голос. — МОЖЕТ, ТЕБЕ ЕЩЕ И АДРЕС ДАТЬ?

— Вы — террорист?

С неба — или черт его знает, откуда — на полковника пролился поток хриплой отборной брани. Ни на службе, ни в быту столь изощренных оборотов слышать ему еще не доводилось.

— Я — ТЕРРОРИСТ? А ТЫ ТОГДА КТО? ГОЛОВОРЕЗ! СОЛДАФОН!

Полковник быстро переложил трость из правой руки в левую и схватился за кобуру.

— Я тебя сейчас пристрелю, штафирка поганый! — пообещал он, озираясь.

— ПРИСТРЕЛИЛ ОДИН ТАКОЙ! — последовал презрительный ответ.

Летчики опасливо наблюдали за происходящим издали. Неизвестно, был ли им слышен голос незримого террориста. Но крики полковника разносились над бетоном весьма отчетливо.

Опомнясь, он снял руку с кобуры.

— За что? — сказал он. — Меня дважды сбивали, меня таранили... Какое вы имеете право...

— ДА КТО ЖЕ ВАС ПРОСИЛ? — с тоской проговорил голос. Он не был уже ни хриплым, ни визгливым. — ВЫ ХРАБРЫЙ ЧЕЛОВЕК, ВЫ ЖЕРТВУЕТЕ СОБОЙ, НО РАДИ ЧЕГО? ИСКОННЫЕ ТЕРРИТОРИИ? БРОСЬТЕ. ОНИ БЫЛИ ИСКОННЫМИ СТО ЛЕТ НАЗАД...

Террорист умолк.

— Вы совершаете тяжкое преступление против государства! — сказал полковник, обескураженный такой странной сменой интонаций. — Вы срываете операцию, от которой...

— ДА У ВАС ДЕТИ ЕСТЬ ИЛИ НЕТ? — Голос снова сорвался на визг. ХВАТИТ! К ЧЕРТУ! СКОЛЬКО МОЖНО!

— Но почему так? — заорал полковник, заведомо зная, что не переорешь, — бесполезно. — Почему — так? Вы хотите прекратить войну? Прекращайте! Но не таким же способом! В конце концов, вам предоставлено право голоса!

— А У НАС ЕСТЬ ТАКОЕ ПРАВО? — поразился голос. — ДЛЯ МЕНЯ ЭТО НОВОСТЬ. КОРОЧЕ: НИ ОДИН САМОЛЕТ СЕГОДНЯ НЕ ВЗЛЕТАЕТ! Я ЗАПРЕЩАЮ!

И точно в подтверждение его слов за ангарами смолк свист реактивного двигателя. Полковник сорвал кепи и вытер им взмокший лоб.

— Операцию разрабатывал генералитет, — отрывисто сказал он. — При участии министра обороны... И за срыв ее мои ребята пойдут под трибунал! Со мной во главе.

— НЕ ТРУХАЙ, БРАТАН! — почему-то перейдя на лихой портовый жаргон, утешил голос. — Я И МИНИСТРУ ТВОЕМУ СПИЧКУ ВСТАВЛЮ!

— Да послушайте же! — взмолился полковник, но голос больше не отзывался. Видимо, вставлял спичку министру обороны.

Полковник поднес к глазам циферблат наручных часов. Операция срывалась... Нет, она уже была сорвана. Он подозвал майора.

— Никого ни под каким предлогом не выпускать с аэродрома! Летному составу пока отдыхать.

Гладкий слепой телефон без диска.

Нужно было подойти к столу, снять трубку и доложить министру обороны, что операция "Фимиам", от которой зависела судьба всего наступления, не состоялась.

Подойти к столу, снять трубку...

Телефон зазвонил сам.

— Полковник! — Министр был не на шутку взволнован. — Вы начали операцию?

— Никак нет.

— Не начинайте! Вы слышите? Операция отменяется! Вы слышите меня?

— Так точно, — еще не веря, проговорил полковник.

— Не вздумайте начинать! Вообще никаких вылетов сегодня! Я отменяю... Перестаньте на меня орать!.. Это я не вам, полковник!.. Что вы себе позволяете! Вы же слышали: я отменил...

Звонкий щелчок — и тишина.

Полковник медленно опустил трубку на рычажки.

Кто бы это мог орать на министра обороны?

"А он, кажется, неплохой парень, — подумал вдруг полковник. — Вышел на министра — зачем? Наступление и так провалилось... Неужели только для того, чтобы выручить меня?"

Необычная тишина стояла над аэродромом. Многократные попытки запустить хотя бы один двигатель ни к чему не привели. У механиков были серые лица — дело слишком напоминало саботаж.

Поэтому, когда через четверть часа поступило кодированное распоряжение отменить все вылеты, его восприняли как указ о помиловании.

Полковник мрачно изучал настенную карту. Его страна выглядела на ней небольшим изумрудным пятном, но за ближайшие несколько дней это пятно должно было увеличиться почти на треть.

"Не трухай, братан..." Так мог сказать только житель Старого Порта. Вот именно так — хрипловато, нараспев...

Губы полковника покривились.

— Ну спасибо, земляк!..

Слабое жужжание авиационного мотора заставило его выглянуть в окно. Зрелище небывалое и неприличное: на посад-

ку заходил двухместный "лемминг". Сельскохозяйственная авиация на военном аэродроме? Полковник взял микрофон внутренней связи.

— Кто дал посадку гражданскому самолету? Чья машина?

— Это контрразведка, господин полковник.

Как? Уже? Невероятно!..

Яркий самолетик коснулся колесами бетона и побежал мимо радарной установки, мимо гнезда зенитных пулеметов, мимо тягача, ведущего к ангарам горбатый истребитель-бомбардировщик.

Что за дьявольщина! Почему они на "лемминге"? Почему не на помеле, черт их подери! Неужели нельзя было воспользоваться армейским самолетом?

Полковник в тихой ярости отвернулся от окна.

О голосе эта публика еще не пронюхала. Видимо, пожаловали по какому-то другому поводу. Как не вовремя их принесло!..

Послышался вежливый стук в дверь, и в кабинет вошел довольно молодой, склонный к полноте мужчина с приветливым взглядом.

— Доброе утро, полковник!

Штатская одежда на вошедшем сидела неловко, но чувствовалось, что форма на нем сидела бы не лучше.

Мягкая улыбка, негромкий приятный голос — типичный кабинетный работник.

И тем не менее — свалившийся с неба на "лемминге".

Полковник поздоровался, бегло проглядев, вернул документы и предложил сесть.

— А вы неплохо выглядите, — добродушно заметил гость, опускаясь в кресло.

— Простите?..

— Я говорю: после того, что случилось, вы неплохо выглядите.

Фраза прозвучала совершенно естественно. Неестественно было другое: о том, что случилось, этот человек не мог знать ничего.

— Вы, собственно, о чем? — подчеркнуто сухо осведомился полковник. Он вообще не жаловал контрразведку.

— Я о голосе, — негромко произнес гость, глядя ему в глаза. — О голосе, полковник. Мы занимаемся им уже вторую неделю.

Несколько секунд полковник сидел неподвижно.

— Что это было? — хрипло спросил он.

— Вы, главное, не волнуйтесь, — попросил гость. — Вас никто ни в чем не подозревает.

Вот это оплеуха!

— Я, конечно, благодарен за такое доверие, — в бешенстве проговорил полковник, — но о каких подозрениях речь? Операция отменена приказом министра обороны.

— Приказом министра? — жалобно морщась, переспросил контрразведчик. Но позвольте... — У него вдруг стал заплетаться язык. — Ведь в газетах... о министре... ничего...

Минуту назад в кабинет вошел спокойный до благодушия, уверенный в себе мужчина. Теперь же в кресле перед полковником горбился совершенно больной человек.

— Послушайте. — Полковник растерялся. — Сами-то вы как себя чувствуете? Вам... плохо?

Гость поднял на него глаза, не выражающие ничего, кроме неимоверной усталости.

— Кого голос посетил первым? — с видимым усилием спросил он. — Министра или вас?

— Меня. Точнее — наш аэродром.

— А из ваших людей — в разговоре с голосом — никто не мог сослаться на министра?

— На министра сослался я, — сказал полковник. — А что, вы подозревали меня именно в этом?

Контрразведчик не ответил. Кажется, он понемногу приходил в себя откинулся на спинку кресла, глаза его ожили, полные губы сложились в полуулыбку.

— Ну так это совсем другое дело, — произнес он почти весело. — Тогда давайте по порядку. Что же произошло на аэродроме?

"Ну уж нет, — подумал полковник, разглядывая гостя. — Помогать тебе в поимке этого парня я не намерен. Это было бы слишком большим свинством с моей стороны..."

— Разрешите вопрос? — сказал он.

— Да-да, пожалуйста.

— Вы что, заранее знали о том, что операция сорвется?

Гость ответил не сразу.

— Видите ли... Голос обычно возникает ранним утром и принимается осыпать упреками персонал какой-нибудь военной базы. Мы долго не могли понять, откуда он берет информацию...

— И откуда же?

— Представьте, из утренних столичных газет.

— Не морочьте голову! — резко сказал полковник. — Вы хотите меня убедить, что он развернул сегодня утром газету и прочел там об операции "Фимиам"?

Гость молчал, улыбаясь не то скорбно, не то иронически.

— Министру обороны это будет стоить карьеры, — сообщил он наконец. Старичок почувствовал, что кресло под ним закачалось, и, конечно, наделал глупостей... Вообразите: передал газетчикам победные реляции в ночь, то есть, до начала наступления.

— Сукин сын! — изумленно выдохнул полковник.

— Совершенно с вами согласен. Так вот, газеты сообщили, что первый удар наносят новейшие, недавно закупленные истребители-бомбардировщики. Где они базируются и кто на них летает, публика уже знала, потому что недавно о вас, полковник, была большая восторженная статья. Как, кстати, ваша нога?

— Да ладно вам! — отмахнулся полковник. — Дальше!

— А собственно, все. Я рассуждал так: если голос действительно берет информацию из официальной прессы, то сегодня его жертвой станете вы. Вообще-то я надеялся успеть сюда до поступления газет в продажу... Гнусная машина этот "лемминг", но на военной я лететь не решился — голос их приземляет.

— Вы вели самолет сами?

— Что вы! — сказал гость. — Летел с пилотом. Но вы не беспокойтесь — это мой сотрудник. Сейчас он опрашивает летчиков...

"Скверно... — подумал полковник. — Вечно нам, из Старого Порта, не везет..."

— Так я слушаю вас, — напомнил контрразведчик.

Пришлось рассказывать. Поначалу гость понимающе кивал, потом вдруг насторожился и бросил на полковника быстрый оценивающий взгляд. Дальше он уже слушал с откровенным недоумением. Дождавшись конца истории, усмехнулся:

— Негусто...

— У меня создается впечатление, — холодно сказал полковник, — что вы сомневаетесь в моих словах.

— Правильное у вас впечатление, — нимало не смутясь, отозвался гость. — Именно сомневаюсь.

— И, позвольте узнать, почему?

Контрразведчик снова взглянул в глаза и тихо, ясно произнес:

— Говор Старого Порта ни с каким другим не спутаешь. А ведь вы даже словом не обмолвились, что он ваш земляк.

"Ну вот и влип, — подумал полковник. — Конечно же, им все это известно..."

— Да... — в затруднении проговорил он. — Да, разумеется, мне показалось, что... но, знаете, это в общем-то мои домыслы... А я старался излагать факты...

В эти мгновения полковник был противен сам себе.

Полковой священник вошел в кабинет без стука и сразу поднял руку для благословения. Полковнику и контрразведчику пришлось встать.

— Дети мои... — прочувствованно начал священник, что как всегда прозвучало несколько комично. Уж больно он был молод — моложе полковника.

Забавный малый — он, наверное, в детстве мечтал стать военным. Сутана слегка перешита, отчего в ней появилось нечто щеголевато-офицерское, держался он всегда подчеркнуто прямо, проповеди читал, как командовал, и рассказывали, что однажды, повздорив с приходским священником, обозвал того шпаком.

— Дети мои, — в тяжком недоумении вымолвил он. — Как могло случиться, что я среди вас оказался?

Его качнуло вперед, и в три вынужденных шага он очутился перед столом.

— Свидетельствую! — с отчаянием объявил он. — Слышал глас божий и свидетельствую!..

— Вы где взяли спирт, святой отец?

Юноша в сутане смерил полковника презрительным взглядом.

— Екиспок, — с достоинством изронил он. Озадаченно нахмурился.

— Что? — брезгливо переспросил полковник.

Лицо священника прояснилось.

— Епи-скоп... меня сюда поставил... А не вы, сын мой.

— Как вы смели напиться! — процедил полковник. — Вы! Пастырь! Что вы там себе напридумывали! Какой глас божий? Это террорист! Против него ведется следствие!

Священник вскинул голову.

— Опять? — с ужасом спросил он.

Полковник понял, что сболтнул лишнее, но тут вовремя вмешался гость.

— Святой отец, — смиренно, чуть ли не с трепетом обратился он к священнику. — Вы слышали глас божий?

— Слышал, — глухо подтвердил тот.

— И что он вам сказал?

— Он сказал... — Священник задумался. — Он сказал: истребители-бомбардировщики — дьявольское наущение...

— Да не говорил же он этого! — перебил полковник, но гость жестом попросил его умолкнуть.

— А вы не помните, святой отец, кто закупил эти истребители-бомбардировщики?

— Дьявол, — твердо сказал священник.

— Нет, не дьявол, — ласково поправил его гость. — Их закупил президент. Кесарь, святой отец, кесарь...

Юноша в сутане недоверчиво уставился на контрразведчика.

— Голос... — пробормотал он.

— Да! — с неистовой страстью проповедника возгласил гость. Полковник вздрогнул. — Голос! Чей голос может учить: "Не отдавайте кесарю кесарево"? Чей, если Господь учил нас совсем другому?

Полковнику показалось, что еще секунда — и священник потеряет сознание.

— Не вы первый, — проникновенно, тихо произнес гость. — Вспомните Антония, святой отец! Сатана многолик, и он всегда искушает лучших.

— Что-то плохо мне... — совершенно мальчишеским голосом пожаловался священник, поднося ладонь к глазам.

— Вызовите кого-нибудь! — шепнул гость полковнику. — Пусть уложат спать и проследят, чтобы глупостей не натворил...

Священника вывели под руки.

— Спасибо, — искренне сказал полковник. — Ума не приложу, как это я мог о нем забыть! Конечно же, он пошел к механикам и надрался.

— Зря вы с ним так жестоко, — заметил гость. — Встреча с голосом это ведь не шутка. Не у всех нервы такие крепкие, как, у вас. Были случаи — стрелялись люди... А то при нынешней обстановке нам только и не хватало какой-нибудь новой секты с политической программой.

— Ловко вы все повернули, — сказал полковник. — Дьявола — в бога, бога — в дьявола...

— Работа такая, — отозвался гость, и тут кто-то пинком отворил дверь.

В кабинет шагнул коренастый технарь с сержантскими нашивками на рукаве серого комбинезона. Выражение лица — самое свирепое.

— Вы арестовали священника? — прорычал он.

Полковник резко выпрямился в кресле и прищурился. Под этим его прищуром коренастый злобно заворчал, перемина-

ясь, и по истечении некоторого времени принял стойку "смирно".

— Вы арестовали священника! — угрюмо повторил он.

— Так это вы его напоили? — осведомился полковник.

— Так точно! — с вызовом сказал коренастый. — Но я же не знал, что ему одной заглушки хватит!

— Заглушки? — с проблеском интереса переспросил гость.

— Это такая крышечка с резьбой, — пояснил полковник.

— Мало ли что он вам тут наговорил! — выкрикнул коренастый. — Он же ничего не соображал! Он мальчишка! Он жизни не видел! За что тут шить политику?

— Да вы, я вижу, и себя не обделили, — зловеще заметил полковник. — Заглушки три-четыре, а? Кто ему шьет политику? Его отвели проспаться. А вот вы сейчас пойдете к дежурному и скажете, чтобы он записал вам две недели ареста. И вообще пора бы знать, что в таких случаях начинают не со священников.

Коренастый сержант вздрогнул и вдруг двинулся с исказившимся лицом на контрразведчика.

— Попробуйте только тронуть полковника, — с угрозой произнес он. — Вы с аэродрома не выберетесь...

— У вас, полковник, огромная популярность среди нижних чинов, — кисло заметил гость. — Я начинаю опасаться, что мне здесь в конце концов размозжат голову.

— Я же знаю, что вам нужно! — почти не скрывая злорадства, бросил сержант. — Все уже знают! Вам нужно найти голос, да? Что вам тут говорил священник? Что он слышал бога? А я вам точно могу сказать, чей это был голос. Сказать?

— Ну, скажите... — нехотя согласился гость. Он выглядел очень утомленным.

— Это был мой брат! — хрипло проговорил сержант.

— Ну и что? — вяло спросил гость.

Сержант растерялся. Он ожидал совсем другой реакции.

— Вам это... неинтересно?

— Нет, — сказал контрразведчик. — Но вы же все равно от меня не отвяжетесь, пока я не спрошу, кто такой ваш брат и где его искать.

— На кладбище, — сдавленно произнес сержант. — Пятое солдатское... Одиннадцатая могила в третьем ряду... Он погиб четыре года назад...

Внезапно полковнику стало страшно.

— Ваш брат, — запинаясь, спросил он, — жил в Старом Порту?

— Никак нет, — глухо ответил сержант. — Мы жили в столице.

— Понятно... — в растерянности сказал полковник и обернулся к гостю. — Сержант вам еще зачем-нибудь нужен?

— Да он мне как-то с самого начала не очень был нужен, — брюзгливо отозвался тот.

— Можете идти, — поспешно сказал полковник.

Дверь за сержантом закрылась без стука.

— Я бы, конечно, мог отдать его под трибунал... — У полковника был крайне смущенный вид.

— И весь техперсонал в придачу? — проворчал гость. — Теперь, надеюсь, вы понимаете, что это такое — голос?

— Напрасно вы не выслушали сержанта, — сказал полковник. — Со Старым Портом — явная путаница и вообще какая-то чертовщина...

— У меня нет времени на сержантов, — сквозь зубы проговорил гость. У меня нет времени на священников... Вам известно, что союзники вывели флот из наших территориальных вод?

— Да, разумеется. Протест оппозиции...

— Да не было никакого протеста, полковник! Просто этот ваш голос допекал их целую неделю...

— Простите! — ошеломленно перебил полковник. — То, что вы мне сейчас рассказываете... Имею ли я право знать это?

— Не имеете, — сказал контрразведчик. — Данные совершенно секретны. Так я продолжаю... И скандалы он им, заметьте, закатывал на английском языке!.. Неужели вы еще не поняли: каждый принимает его мысли на своем родном наречии! А вы вдруг опускаете такую важную подробность, говор Старого Порта... Что он, по-вашему, за человек?

Полковник смотрел мимо гостя. Там, за спиной контрразведчика, висела настенная карта с изумрудным пятном, которое должно было за ближайшие несколько дней увеличиться почти на треть.

"Какого черта! — решился, наконец, полковник. — Он сорвал мне операцию! Почему я обязан выгораживать его!.."

— Штатский, — отрывисто сказал он. — Штатский, причем из низших слоев общества. Вульгарные обороты, истеричен... Хотя... Странно! Был момент, когда он перестал визжать, перешел на "вы"... и, знаете, мне показалось, что со мной говорит...

— Интеллигент?

— Да! Совершенно иная речь! Как будто в разговор вмешался еще один человек...

— Это очень важно, — предупредил гость. — Так он был один или их было несколько?

— Право, даже не знаю, — в замешательстве проговорил полковник.

Оба замолчали. Контрразведчик зябко горбился в кресле.

— Мне нужна ваша помощь, полковник, — произнес он почти безразлично.

Тот удивился.

— Я — летчик...

— ... а не контрразведчик, договаривайте уж!.. Как вы, полковник, ошибаетесь относительно этого господина! Ну, допустим, вы благодарны ему за что-то... Скажем, за приказ министра... Не надо, не надо, вы прекрасно знаете, о чем идет речь! Но почему вы решили, что это первая и последняя операция, которую он вам срывает? Искать мы его будем долго, так что готовьтесь, полковник. Он вам себя еще покажет.

Полковник, не отвечая, смотрел на карту за спиной гостя. Хуже всего было то, что контрразведчик прав.

— И чем же я могу вам помочь?

— Когда он за вас возьмется в следующий раз, — попросил гость, — предупредите его... по-человечески... что он затеял опасную игру. Что у него на хвосте контрразведка. Сошлитесь на меня, укажите фамилию, должность, объясните, где меня найти. Добавьте, что я нехороший человек, что я полнации упрятал за решетку... Он должен на меня выйти! Я не могу больше довольствоваться информацией из вторых рук!

Полковник нервно усмехнулся.

— Вам тогда не придется спрашивать, — предупредил он. — Вам придется только отвечать.

— Придется, — согласился гость. — Но я попробую построить беседу так, чтобы он проговорился всерьез. Он болтун. Он не может не проговориться... А вы все еще колеблетесь: соглашаться или нет? Как вы не поймете: мы же с вами счастливые люди, полковник! Мы нашли применение нашим способностям, а это такая редкость! Нам дала работу война. Лучше, конечно, если бы работу нам дала мирная жизнь, но выбирать не приходится: нам ее дала война. А голос... Я не знаю, кто он — докер, служащий... Он — неудачник. Ему война не дала ничего. Поэтому и только поэтому он против нас...

— Я выполню вашу просьбу, — с усилием проговорил полковник.

Из вежливости он проводил гостя до самолета. Вблизи "лемминг" выглядел еще омерзительнее — сплошь был разрисован торговыми эмблемами удобрений и ядохимикатов.

— У меня не выходит из головы один ваш вопрос, — признался полковник. — О количестве голосов. Вы всерьез полагаете, что их несколько?

Гость искоса взглянул на него.

— А вы такой мысли не допускаете?

— Честно говоря, нет. Я еще могу поверить, что раз в тысячелетие на планете рождается какой-нибудь сверхтелепат, но поверить в то, что их народилась целая банда и что все они проживают в нашей стране...

— А где вы еще найдете другую такую страну? — с неожиданной злостью в голосе сказал контрразведчик. — Мы живем в постоянном страхе вот уже двадцать лет! Если не война — то ожидание войны! Не сегодня-завтра приобретем термоядерное оружие!

Казалось, продолжения не будет. Гость с недовольным видом следил, как его сотрудник и два технаря готовят машину к полету.

— Психиатрические больницы переполнены, — с горечью, как показалось полковнику, снова заговорил он. — Ежедневно возникают какие-то новые, неизвестные аллергии, нервные расстройства!.. Я не удивлюсь, если окажется, что за двадцать лет стресса люди начали перерождаться, что наружу прорвались способности, о которых мы и не подозревали!..

— Не берусь судить, — осторожно заметил полковник. — Но вы же еще сказали, что основной мотив голоса — недовольство, что он — неудачник... Здесь у вас, по-моему, накладка. Кто же его заставляет быть неудачником? С такими способностями! Подался бы в профессионалы, в гипнотизеры, жил бы себе припеваючи... не влезая в политику...

— Ну а если такой человек и сам не знает о своих способностях? — негромко сказал гость.

— То есть как не знает? — Полковник опешил. — Не знает, что разговаривал со мной? Что заглушил двигатели — не знает?

Гость, прищурясь, словно высматривал что-то в белой бетонной пустыне аэродрома.

— Прочтет утреннюю газету, взбеленится... — задумчиво проговорил он. — Начнет мысленно проклинать того, о ком прочел, спорить с ним, полагая, что собеседник — воображаемый...

— Что? — вырвалось у полковника. — Так он еще вдобавок ни в чем не виноват?

Гость пожал плечами.

— Наше с вами счастье, полковник, что никто из них не может разозлиться надолго. Их хватает от силы на полчаса, а дальше — отвлекло насущное: служба, семья...

Видно было, что полковник потрясен.

— Как же вы его... Как же вы их будете искать? — проговорил он, глядя на контрразведчика чуть ли не с жалостью. — У вас просто нет шансов! Это же все равно, что вести следствие против Господа Бога...

Контрразведчик ответил ему невеселой улыбкой.

— Мне нравится ваше сравнение, — заметил он. — В нем есть надежда. Если помните, следствие против Господа было как раз проведено очень удачно... Так вы уж, пожалуйста, не забудьте о моей просьбе, полковник...

На улицах столицы шелестели утренние газеты. Они падали в прорези почтовых ящиков, они развертывались с шорохом в кафе и аптеках, серыми флагами безумия реяли они в руках мальчишек-разносчиков.

Только что открылись киоски. Возле одного из них стоял вчерашний гость полковника и, судя по всему, лететь на этот раз никуда не собирался. Надо полагать, из каких-то его расчетов следовало, что голос сегодня объявится именно в столице.

Контрразведчик купил утреннюю газету, хотя с содержанием ее ознакомился еще вчера вечером. Он всматривался в лица. Лица были утренние, серые. Серые, как газетный лист.

Докеры, служащие поспешно отходили от киоска и бегло проглядывали заголовки. О вчерашнем наступлении — ни слова, будто его и не было. На первой странице — сообщение о том, что министр обороны подал в отставку по состоянию здоровья.

Произойди такое пятнадцатью годами раньше, столица бы задрожала от хохота и возмущенных выкриков. Теперь же — ни звука, только тревожный бумажный шорох да отчаянные, как перед концом света, выкрики газетчиков-мальчишек.

В соседнем кафе задержали седого господина в очках: он, не отрываясь от статьи, достал и поднес ко рту приборчик, оказавшийся при дознании коробкой с импортными пилюлями.

Были задержаны также несколько полуграмотных субъектов: эти, читая газету, усиленно шевелили губами, словно бранились шепотом.

А вскоре дошло и до анекдота: на восточной окраине арестовали своего брата-агента — у него была рация нового типа.

Но ведь где-то рядом в толпе двигались и настоящие носители голосов — издерганные, запуганные, злые, не отличимые от остальных, сами не подозревающие о своей страшной силе. Уткнувшись в газету, они читали о том, что вчера его превос-

ходительство господин президент подписал контракт на постройку в стране первого реактора, способного производить сырье для термоядерных бомб.

Оставалось вглядываться в лица.

Никто не делился мнениями. Случайно встретившись взглядами, отворачивались или заслонялись газетой.

Над плечом каждого незримо стоял вежливый господин из контрразведки.

Многие, наверное, мысленно проклинали президента, мысленно спорили с ним, но как определить, кто из них носитель голоса? А что если... ВСЕ?

Мысль была нелепая, шальная; тем не менее контрразведчик побледнел и выронил газету.

Страх и бумажный шорох вздымались над столицей невидимым облаком. Страх и бумажный шорох. Казалось, что вот сейчас нервное напряжение достигнет предела и город, серый город-паук с его министерствами и тайными канцеляриями, — разлетится в пыль!..

— ТЫ, ПРЕЗИДЕНТ ЧЕРТОВ! — раздался высокий от бешенства голос.

Его превосходительство господин президент подскочил в кресле и схватился за кнопку вызова личной охраны.

ПОКА НЕ КОНЧИЛОСЬ ВРЕМЯ

Такое впечатление, что этот телефон-автомат неоднократно побивали за что-то каменьями. Трубка была прикована к помятому корпусу крепкой короткой цепью. Как кружка к бачку, машинально отметил Калогер.

Он опустил в черную прорезь две минуты жизни и набрал номер.

— Банк времени слушает, — незамедлительно отозвался любезный женский голос.

Калогер молчал.

— Банк времени слушает, — повторила женщина, не изменив интонации ни на йоту.

Калогер медленно опустил трубку на деформированный рычаг.

— Банк вре... — голос оборвался, и и недрах автомата что-то негромко звякнуло. Две минуты жизни были потрачены впустую.

Еще пару минут он потратил на бессмысленное стискивание трубки. Потом резко обернулся и обнаружил, что стоит лицом к лицу с ярко и безвкусно одетой женщиной, видимо, ожидавшей конца разговора. Женщина смотрела на Калогера чуть отшатнувшись и округлив глаза.

— Извините... — пробормотал он, сообразив, что напугал ее своим неожиданным поворотом и перекошенным, надо полагать, лицом.

Он побрел к набережной, и ветер, как прикладом, подталкивал его в спину. Глупо... Конечно, звонить туда не следовало. Но раз уж позвонил...

Да, раз уж позвонил, то будь добр — доведи дело до конца и выслушай неизменно любезный женский голос, который сообщит, что на банковском счету у вас, господин Калогер, в общей сложности где-то еще два месяца жизни. Или около того...

Два месяца? Он остановился, чувствуя, как неодолимый ужас словно высасывает его изнутри: миг — и хрупкая оболочка — все, что осталось от Калогера, — схлопнется и косо опадет на асфальт.

— Прекрати! — хрипло сказал он. — Ну!

Не сразу, но прекратилось. Да, вот так, оказывается...

"Успокоился? — с отвращением спросил он себя. — Утрись и следуй дальше..."

Два месяца... Невероятно. Последний раз он интересовался своими капиталами года три назад, сразу после развода, и у него тогда, помнится, оставалось еще лет десять... Нет-нет, в этом надо разобраться... Ну, работал, конечно. Без роздыха. На износ. "Испепеленные", "Нигромант", "Медь звенящая" — что ни книга, то каторга... И все равно: десять лет за три года? Невероятно...

День был ветреный. Улица представляла собой подобие вытяжной трубы. Рядом с Калогером, шурша по асфальту, полз обрывок газеты, испятнанный клюквенным соком. Казалось, в городе идет продувка: все лишнее, все отслужившее свой срок сметалось в сторону набережной.

И еще знакомые, вспомнил он вдруг. Знакомые, незнакомые, полузнакомые... Пожиратели чужого времени... Ладно, Калогер, хватит. Какие, к дьяволу, десять лет? Давай о том, что есть.

Ну, допустим, два месяца. Дней десять сразу же откинь на квартплату. Жрать тоже что-то надо — еще тридцать дней долой... Нет, двадцать. Хватит с тебя и двадцати. Итого, месяц. А "Слепые поводыри" — это страниц триста как минимум...

У табачного киоска Калогер задержался (испятнанная клюквенным соком газета уползла дальше) и, уплатив полчаса, получил пачку "Жупела" и на десять минут сдачи. Кстати, о куреве. Курево — это еще дня три, не меньше... С чем остаешься, Калогер?

Он добрался до набережной и, расслабленно опустившись на скамью, стал смотреть, как на том берегу бурлят подобно расплавленному олову серебристые тополя.

Подумать только, а ведь есть среди пишущей братии люди, всерьез уверяющие, что зарабатывают времени больше, чем тратят... Врут, собачьи дети! Больше, чем тратишь, не заработаешь. Как ни крути, а рано или поздно время кончается...

Прикуривая, Калогер обратил внимание, что возле гранитной вазы стоит и смотрит на него та самая женщина, с которой он столкнулся у телефона-автомата. Так... Выпученные глаза, намечающийся зобик — видимо, базедова болезнь, а никакой не испуг, как ему показалось вначале. Вялые, равнодуш-

но сложенные губы, нос — клювом. Одета в супермодный балахон, состроченный из цветных клиньев.

"Ну вот и стервятники, — беспомощно подумал он. — Знакомые, незнакомые, полузнакомые... Почуяли. Последний автограф Калогера... Ах, дьявол, сейчас ведь подойдет!.."

Не сводя с него глаз, женщина двинулась к скамье — осторожно, словно крадучись. Яркое лоскутное оперение встрепано ветром; все, что может бренчать, — бренчит: серьги, браслеты, цепочки. Богема, надо полагать.

— Вы — Калогер?

Голос — хрипловатый, вроде прокуренный. Да, скорее всего, богема. Калогер с трудом разомкнул спекшиеся на ветру губы.

— Чем обязан?

— Спасибо вам за "Медь звенящую". — Фраза была несомненно подготовлена заранее, не раз отрепетирована и повторена.

"Господи! — в страхе подумал Калогер. — И эти два месяца они тоже растащат. Они ничего мне не оставят. По часу, по минутке..."

— А где это вы могли прочесть "Медь звенящую"? — скрипуче осведомился он.

— Это неважно, — сказала женщина. — Вы разрешите?

Она присела рядом. Калогер посмотрел на нее с ненавистью.

— "Медь звенящая"!.. — Она говорила, явно волнуясь, и все же речь ее, включая восклицания, звучала предательски заученно. — Это — прочесть и умереть! Так осмелятся писать лет через десять!..

Голос ее несколько раз сорвался и, надо заметить, превизгливо. Еще и истеричка вдобавок. Лет через десять... Дура ты, дура! Да на кой черт мне они, эти твои десять лет? Это моя беда, несчастье мое — набредать на темы, которые будут разрешены лет через десять.

— Я завидую вам, — сказала она. — Господи, как я вам завидую! Понимаете, я тоже пробовала писать, и не раз...

Калогер вздрогнул. Распушив оперение, клювастый стервятник смотрел на него немигающими выпуклыми глазами. Нет, рукописи, слава богу, у нее в руках не было. Хотя под таким балахоном можно спрятать все что угодно, в том числе и рукопись.

Женщина поспешно отвела взгляд.

— Я, наверное, проклята, — горестно распустив вялые губы, призналась она ни с того ни с сего. — Время уходит, уходит... И — ничего. Ни-че-го...

Ветер норовил добросить до Калогера ее обесцвеченные космы, обдавая удушающим запахом духов.

— Вы короче можете? — процедил он, невольно задержав дыхание.

— Короче... — Словно испытывая его терпение, она замолчала, нацелив свой тонкий с горбинкой клюв куда-то вдаль. — Значит, так... Короче... В общем, я намерена перевести на ваш счет два года.

Ветер взвизгнул, обрезавшись об острую жесть фонаря, и оборвался. Секунды три было совсем тихо. Тополя за рекой бурлили теперь как бы сами по себе.

Калогер выпрямился.

— Да вы что, девонька, в своем уме?!

— Ну вот... — беспомощно сказала она. — Я так и знала...

— Что вы знали? — Голос Калогера стал резок до пронзительности. — Что вы знали?! За кого же вы меня принимаете, если могли мне предложить...

— Да поймите же! — чуть ли не заламывая руки, умоляюще перебила она. — Я все растрачу. Понимаете? Уже растратила!.. Так почему же я не могу спасти хотя бы эти два года?.. Ну хорошо, давайте так: я вам — время, а вы...

— А я?

— Ну, я не знаю... Ну... — Она смешалась окончательно. — Книгу надпишете...

— С благодарностью за два года? — бешено щурясь, уточнил он.

— Нет, — поспешно сказала она. — Нет-нет... То есть...

Запуталась и испуганно умолкла, больше похожая теперь на больного воробья, нежели на стервятника. Ветер гнал по набережной пыль и обрывки бумаги.

— О ч-черт! — сказал Калогер. — Да как вам это вообще пришло в голову?

— А!.. — Она раздраженно дернула плечом. — Сначала у меня пили, потом у знакомых... А потом вдруг такая тоска!.. Жить не хочется...

— Сколько у вас там еще на счету?

Она с надеждой вскинула голову.

— Много, — сказала она. — Честное слово, много...

— Много... — повторил он и усмехнулся через силу. — Вы и заметить не успеете, как оно разлетится в прах, это ваше "много". И вот когда у вас останется два месяца...

Ее глаза полезли из орбит окончательно.

— У вас осталось два месяца? — в ужасе переспросила она, и Калогер мысленно обругал себя последними словами.

— Я сказал: к примеру, — сухо пояснил он. — Так вот, — когда у вас останется, к примеру, два месяца... Тогда вы вспомните о своем подарке.

— Нет, — сказала она.

— Вспомните-вспомните, — холодно бросил Калогер. — Можете мне поверить.

Она помотала головой, потом задумалась.

— Нет, — сказала она наконец. — Не вспомню...

— Послушайте! — Калогер вскочил. От его ледяной назидательности не осталось следа. — Вы или сумасшедшая, или...

Она подалась вперед, тоже собираясь встать, но Калогер шарахнулся и, ускоряя шаг, бросился прочь от скамьи. Все это очень напоминало бегство.

Собственно, это и было — бегство.

Что жизнь растрачена дотла, Калогер понял еще утром. Отключился телефон. Первый признак надвигающегося банкротства — когда вокруг тебя один за другим начинают отмирать предметы: телевизор, кондиционер... Все, что в твоем положении — роскошь...

Он запер дверь, наглухо отгородившись ею от знакомых, незнакомых, полузнакомых, и подошел к столу. После разговора на набережной вопрос со "Слепыми поводырями" решился сам собой: он будет работать. Он будет работать над ними так, словно впереди у него добрая сотня лет, — не торопясь, отшлифовывая абзац за абзацем. Пока не кончится время.

Итак, "Поводыри"... Обширный кабинет. Рабочая роскошь: портьеры, старинные кресла, стол, две стены книг. А вот и наследник этой роскоши, в которую всажено несколько жизней — отца, деда, прадеда... Лидер. Зеленые насмешливые глаза, мягкая просторная куртка. Молод, слегка сутул. Вид имеет язвительно-беззаботный, как будто дело уже в шляпе и беспокоиться не о чем. Хотя все, конечно, не так, и первая его забота — удержать в узде остальных заговорщиков, которые уже сейчас тянут в разные стороны и уже сейчас норовят перегрызться между собой. Вот они, все пятеро, расположились в креслах и ждут шестого, самого ненадежного. Отсюда они начнут мостить благими намерениями дорогу в ад, отсюда бросятся они спасать чужой неведомый мир и в результате погубят его... Сейчас мурлыкнет дверной сигнал, все шевельнутся и лидер скажет с облегчением: "Ну вот и он... А вы боялись..."

Калогер чувствовал приближение первой фразы. Еще миг — и, перекликнувшись звуками, она возникнет перед ним и...

Вместо дверного сигнала мурлыкнул телефон. Пробормотав ругательство, Калогер сорвал трубку, левой рукой ища шнур с тем, чтобы выдернуть его из гнезда сразу по окончании разговора.

— Да? — рявкнул он.

На том конце провода оробели и дали отбой. Некоторое время Калогер непонимающе смотрел на трубку, из которой шла непрерывная череда тихих торопливых гудков. Потом ударил дрогнувшей рукой по рычажкам и набрал номер.

— Банк времени слушает, — любезно известила его все та же запись.

Калогер поспешно назвал номер своего счета.

— На вашем счету, господин Калогер, в настоящий момент (еле слышный щелчок) — два года, месяц и двадцать семь дней.

— Сколько? — не поверив, заорал он.

Компьютер любезно проиграл ответ еще раз, и Калогер, едва не промахнувшись по рычажкам, отправил трубку на место.

— Вот паршивка! — обессиленно выдохнул он.

То есть она перевела на его имя два года еще до того, как подошла к нему на набережной.

И вдруг Калогер почувствовал, как в нем вскипает бесстыдная, безудержная радость. Два года... На "Слепых поводырей" ему хватило бы и одного...

— Прекрати! — хрипло сказал он. — Ну!

Точь-в-точь как тогда, у изувеченного телефона-автомата.

Голое небо за окном помаленьку одевалось. Наладившийся с утра ветер принес наконец откуда-то несколько серых клочьев и даже сумел построить из них некое подобие облачности.

Калогер отнял лоб от тусклого, давно не мытого стекла.

— Ладно, хватит! — скривив рот, выговорил он. — Примирился? Давай работать...

Злой, как черт, он вернулся к столу. Сел. Положил перед собой чистый лист.

Итак, "Поводыри"... Что-то ведь там уже наклевывалось... Калогер пододвинул лист поближе и, подумав, набросал вариант первой фразы. Написав, аккуратно зачеркнул и задумался снова.

И все-таки — зачем ей это было надо? Жажда яркого поступка? Чтобы смотреть потом на всех свысока? Два года... Это ведь не шутка — два года...

Нет, так нельзя, сказал он себе и попробовал восстановить картину. Кабинет... Портьеры, кресла... Зеленые насмешливые глаза лидера. Сейчас мурлыкнет дверной сигнал и лидер скажет...

Строка за строкой ложились на бумагу и аккуратно потом зачеркивались. Квартира оживала: в лицо веял бесконечный прохладный выдох кондиционера, в кухне бормотал холодиль-

ник... Исчеркав лист до конца, Калогер перевернул его и долгое время сидел неподвижно.

Потом снова мурлыкнул телефон, и он снял трубку.

— Да?

В трубке молчали..

— Да! Я слушаю.

— Как работается? — осведомился знакомый хрипловатый голос.

— Никак, — бросил он. — Зачем вы это сделали?

— Захотела и сделала, — с глуповатым смешком отозвалась она. Кажется, была под хмельком. — Книгу надписать не забудьте...

— Не забуду, — обнадежил он. — А кому?

— Ну... Напишите: женщине с набережной... — И, помолчав, спросила то ли сочувственно, то ли виновато: — Что?.. В самом деле никак?

— В самом деле.

— Ну вот... — безнадежно сказала она. — Этого я и боялась... Видно, мое время вообще ни на что не годится — разве на кабаки... — Вздохнула прерывисто — и вдруг, решившись: — Знаете что? А промотайте вы их, эти два года!

— То есть?

— Ну, развлекитесь, я не знаю... В ресторан сходите... На что потратите — на то потратите...

— Послушайте, девонька!.. — в бешенстве начал Калогер, но она только проговорила торопливо: "Все-все, меня уже нет..." — и повесила трубку.

Калогер медленно скомкал в кулаке исчерканный лист и швырнул его на пол. Встал, закурил. Чужое время...

— Да пропади оно все пропадом! — громко сказал он вдруг.

Бесстыдно усмехаясь, ткнул сигаретой в пепельницу, затем вышел в переднюю и сорвал с гвоздя плащ. В кабак, говоришь... А почему бы и нет? Он уже нагнулся за туфлями, когда, перекликнувшись звуками, перед ним снова возникло начало "Слепых поводырей".

Чуть ли не на цыпочках он вернулся к столу, повесил плащ на спинку стула, сел. И слово за словом первый абзац повести лег на бумагу. И "Поводыри" ожили, зазвучали.

Он работал до поздней ночи. И никто не мешал ему, и никто не звонил. И он даже ни разу не задумался, а что, собственно, означала эта ее странная последняя фраза: "Все-все, меня уже нет..."

УЛИЦА ПРОЦИОНА

Летающая тарелка, металлически сверкнув в студеной синеве сентябрьского неба, скользнула наискосок над улицей и скрылась за шероховато-серой коробкой жилого дома. Прохожий охнул и, вздернув левый обшлаг плаща, уставился на оцепеневшую секундную стрелку.

— Да чтоб тебе повылазило! — плачуще проговорил он вслед инопланетному летательному аппарату и сплюнул в сердцах на асфальт.

Огляделся, ища свидетелей. Неподалеку, посреди намытого ветром островка палой листвы, стоял и смотрел в небо прозрачнобородый юноша с этюдником через плечо.

— А? Видали? — вне себя обратился к нему прохожий. — Ну вредительство же самое настоящее! Главное, только-только по радио время сверил... У вас тоже остановились?

Юноша очнулся и посмотрел на прохожего.

— Совершенная все-таки штука... — задумчиво молвил он. Но, к счастью, в этот момент листва под ногами крутнулась смерчиком, и конец бестактной фразы пропал в общем шелесте.

— Вот и я говорю: безобразие! — недослышав, выкрикнул прохожий. — Ну вот объясните вы мне: ну почему у нас все делается, я извиняюсь, через коленку? Людей, значит, выгоняем в степь, на Семь ветров, а нелюдь эту... На голову скоро садиться будут!

— Да неловко их как-то, знаете, в степь... — заметил юноша. Все-таки братья по разуму...

Прохожий злобно уставился на собеседника.

— Вот-вот... — скривившись, выговорил он. — Скажите лучше: привыкли перед иностранцами на брюхе ползать! В Америке бы, небось, пройди он вот так над крышами, поостанавливай всем часы — знаете бы что было? Он на посадку —

а ему тут же иск на крупную сумму!.. — Прохожий снова взглянул на циферблат и скривился окончательно. — Стоят. До сих пор стоят...

— А у того мотор заглох, — сообщил юноша.

Прохожий оглянулся. Метрах в двадцати от них, ухватясь за полуоткрытую дверцу остановившегося "жигуленка", каменел в живописной позе только что, видать, выскочивший шофер с запрокинутым сливово-сизым лицом. Губы его свирепо шевелились.

Картина эти доконала прохожего.

— К черту! — взорвался он, снова поворачиваясь к юноше. — Вот устроить им митинг перед Думой!.. Ну невозможно же так!.. За каким дьяволом мы их вообще выбирали?

И, наподдав носком немодного ботинка скрутившийся за считанные секунды лиственный пригорок, весьма решительно зашагал в сторону стадиона, где, кстати, в самом деле располагался депутатский пункт. Отойдя метров на десять, обернулся.

— А в следующий раз, — пригрозил он напоследок, — вообще голосовать не пойду!..

Юноша посмотрел ему вслед и, переведя ожившие к тому времени часы на пять минут вперед, двинулся в противоположном направлении. Вскоре он вышел на край странной площади, лежащей не по центру, а сбоку от проспекта и отделенной от полотна дороги двойным рядом елочек. Вымощенная бетонными квадратами площадь вздымалась посередине двумя волнами ступеней, вознося почти на трехметровую высоту блистающий мрамором цоколь огромного прямоугольного здания. По фризу, где ранее нависали глыбы идеологически выдержанного барельефа, ныне распласталась сияющая металлическая надпись "Гостиница "Галактика". А с боковой стороны почему-то еще и по-английски "Hotel Galaxy".

Фонтан не работал. Вода в бассейне была подернута утренним ледком. Неподалеку от фонтана на бетонных квадратах стояли четыре дискообразных аппарата, причем крайний, судя по всему, только-только прибыл. Тут же, стараясь не слишком приближаться к инопланетной технике, прохаживался милиционер в черной меховой куртке, при кобуре и портативной рации.

В углу площади торчал полосатый штырь, увенчанный стеклянным плоским ящиком, на коем изображена была синяя буква Т, а рядом с елочками приткнулись штук пять такси. Шоферы, собравшись в кружок, курили, ежились и посматривали неласково, как раскрывается на манер апельсина только что приземлившаяся летающая тарелка. Высокая серебристая

фигура ступила на бетон и, не дожидаясь, когда купол аппарата снова сомкнется, направилась неспешно в сторону здания, в дверях которого немедля показался швейцар. Сделав несколько шагов, фигура окуталась вдруг мерцающей розовой дымкой.

— Ишь, — прокомментировал лениво один из таксистов. — Холодно ему. Поле врубил...

— Да, это тебе не Вега, — не без злорадства заметил второй.

Третий подумал и хмыкнул.

— Какая Вега? С Веги — те здоровые, черные. А серебристые — это с Проциона.

— Процион-моцион!.. — Второй раздраженно заплевал окурок. — Налетело погани со всего света... Куда едем?

Последний вопрос относился к прозрачнобородому юноше, остановившемуся то ли послушать таксистов, то ли поглядеть на инопланетянина.

— Да пожалуй, что никуда, — несколько смущенно ответил он. — А что, скажите, вот это розовое... это и есть поле?

Но таксист с ним больше разговаривать не пожелал и снова повернулся к коллегам. Губы юноши обиженно дрогнули. Однако спина сердитого шофера выглядела столь непробиваемой, что он решил не связываться и пошел прочь, время от времени пожимая свободным от этюдника плечом. Асфальт по периметру площади был совершенно чист — видно, листву размело при посадке.

— Сережа!

Юноша остановился. Из-за последней елочки вышел, ухмыляясь, рослый плечистый парень. Из-под прямоугольного козырька высокой фермерской кепки на юношу, которого, оказывается, звали Сережей, уставились маленькие серые глаза — не выразительнее заклепок. Зато нижняя челюсть была куда как выразительна! Ворота прошибать такой челюстью.

— Володька, ты? — Обрадованный Сережа сбросил с плеча этюдник и протянул хрупкую мальчишескую руку навстречу огромной ухватистой пятерне с оббитыми и расплющенными костяшками пальцев. Надо полагать, молодые люди не видели друг друга давно, потому что после рукопожатия они еще и обнялись.

— Ну ты, я смотрю, вообще не изменился, — подавая звук несколько в нос, приговаривал рослый Володя. — Каким был на выпускном — таким и остался...

— Как? А борода?

— Где борода? — Володя всмотрелся. — Елки-палки! Сразу и не заметишь... — Взгляд его упал на этюдник. — Так все и рисуешь?

— Крашу, — криво усмехнувшись, поправил Сережа.

— Не свисти! — последовал ответ. — Сам, небось картины пачками за бугор гонишь. За зелененькие, а?

— Скажешь тоже... — совсем засмущавшись, проговорил Сергей. — Слушай, а почему ты без куртки? Холодно же!

Володя осклабился.

— А у меня куртка вон там, за елочками стоит... Ну, хватай свои деревяшки, пошли...

За елочками, отражая в подробностях лаковыми черными боками сентябрьский денек, стояла новенькая "Волга".

— Твоя? — поразился Сергей.

Володя не ответил. Похоже, при виде собственной "Волги" у него резко испортилось настроение. С удрученным видом он огладил край капота и, вздохнув, сказал:

— Продавать хочу...

— С мотором что-нибудь? — робко предположил Сергей.

— "Мерседес" буду брать, — сухо пояснил тот. — Оно и на вид получше, и скорость в случае чего... Погоди-ка... Во-от... — продолжал он, протискиваясь за руль и открывая изнутри вторую дверцу — для Сергея. — А я, ты понимаешь, еду, и вдруг — раз! Мотор заглох. Что такое, думаю... Выглянул — а он как раз на посадку заходит... А потом гляжу — ты идешь...

Он взялся за козырек и как бы снял лоб вместе с кепкой. Под высокой тульей, прикрытые наполовину плоской каштановой челочкой, оказались одни надбровья — правда, очень мощные.

— Ты это серьезно? Ну, насчет "мерседеса"...

Володя только усмехнулся в ответ и включил зажигание. "Волга" с набором скорости вписалась в поворот, и Сергея на пару секунд прижало к каменному бицепсу бывшего одноклассника.

— Погоди, — спохватился он. — А куда мы едем?

— Ко мне, — невозмутимо отозвался Володя. — Что ж я, еще пять лет тебя отлавливать буду? Леха вон в Штаты подался — и то уже два раза с ним виделись. А тут в одном городе живем...

Сказано это было с упреком.

— Да понимаешь... — виновато начал Сережа, потом запнулся и в затруднении потрогал болтающуюся перед глазами тусклую спиралевидную висюльку, совершенно не вписывающуюся в роскошный интерьер "Волги".

— Ты полегче с этой хреновиной, — скосив невыразительный глаз, посоветовал Володя. — Она, чтоб ты знал, триста баксов стоит.

Испачканный в краске палец испуганно отдернулся.

— Да ну тебя... — смущенно улыбаясь, сказал Сережа. Но, посмотрев на друга повнимательнее, перестал улыбаться и во все глаза уставился на покачивающуюся вещицу.

— Погоди... Так это — оттуда? Из отеля?

Володя кивнул с довольным видом.

— А... посмотреть можно?

— Смотри, — милостиво разрешил тот. — Только имей в виду: хрупкая, зараза. Карандашом щелкнешь — сразу в пыль... Телка одна моя умудрилась: представляешь, села на такую вот штуковину!.. Так даже пыли не осталось: одно пятно на юбке, другое — на сиденье... И не выводится вдобавок. Еще и обшивку из-за нее менять пришлось. Чуть не пришиб корову...

Летящий навстречу проспект отвалился влево, и машину коротко протрясло по свежезалатанному асфальту неширокой улочки.

— Козлы... — равнодушно обронил Володя. — Опять дорогу ломали — трубу у них там какую-то пробило...

Сережа чуть ли не с отчаянием всматривался в покачивающуюся на ниточке спираль.

— Слушай, — спросил он наконец. — А зачем она?

— Сам, что ли, не видишь? — недовольно сказал Володя. — Висит. Переливается. Денег стоит.

— Переливается?..

Володя досадливо шевельнул тяжелой челюстью.

— Да тут, понимаешь, какое дело... Она ж не на наше зрение рассчитана. В ультрафиолете, говорят, переливается...

"Волга" нырнула под полотно железной дороги и, пролетев мрачный сырой туннель, снова вырвалась на божий свет. Слева с оттяжкой замелькали выложенные кафелем многоэтажные здания.

— Странно все-таки, ей-богу... — как-то жалко усмехнувшись, сказал Сергей.

— А что странного? — не понял Володя.

— Да вот, казалось раньше... прилетят они — и все пойдет по-другому...

Володя хмыкнул и задумался. Надолго. До самого поворота. Потом внимательно посмотрел на бывшего одноклассника.

— А по-другому — это как?

— Ну, знаешь!.. — только и смог сказать Сергей, глядя на дверь Володиной квартиры.

Дверь представляла из себя прямоугольник листовой стали изрядной, видимо, толщины, с металлическим штурвальчиком вместо ручки.

— Да грабанули меня месяц назад, — нехотя пояснил Володя. — А тут фирма одна... Такую вот броню навешивает...

— Да-а... — с уважением молвил Сергей. — Черта с два теперь откроешь...

— Открыва-ают... — утешил Володя, извлекая из кармана кожаный чехол с многочисленными ключами. — У бугорка одного такая же дверь была — с тремя замками, ну? Вверху, внизу и посередке... Так они что сделали! Дождались, когда уйдет, поставили на лестничной площадке флажки: осторожно, мол, сварка... Подвели автоген, разрезали петли, ну и открыли в другую сторону, где замки... Мою-то, правда, хрен так откроешь, у меня ручку повернул — и четыре штыря входят в косяки, в порог и в притолоку. Так что только со стеной вынуть можно... На, подержи...

Он отдал Сереже прихваченную из машины инопланетную висюльку и принялся крутить штурвальчик и проворачивать ключ. Открыл, забрал вещицу, и бывшие одноклассники прошли в голую, с ободранными обоями прихожую. Изнутри дверь выглядела и вовсе устрашающе: маслянисто отсвечивающие штыри и сваренная из швеллеров рама. Особенно поразил Сергея глазок призматический, на манер перископа.

— Это чтоб в глаз через дырку не выстрелили?

— А чего ты ржешь? — без улыбки отозвался Володя. — Стреляли уже.

— В тебя?

— Ну ты даешь! — сказал Володя, замыкая дверь изнутри. — Если бы в меня, ты бы сейчас со мной не разговаривал...

Несколько ошарашенный, Сережа повесил куртку на торчащий из стены гвоздь-двухсотку, и они, миновав открытую дверь в спальню, где стояла прикрытая пледом раскладушка да валялось всевозможное спортивное железо, очутились в обширной комнате, казавшееся больше истинных своих размеров из-за полного отсутствия обстановки. Видимо, первым приобретением ограбленного Володи была бронированная дверь с глазком и штурвальчиком.

— Неужели и мебель вынесли? — пришибленно спросил Сережа.

— А ты думал? Открыли квартиру, подогнали фургон, наняли грузчиков... А соседям сказали: переезжает... Съездил, короче, позагорал... Ты посиди, я сейчас...

Сережа прислонил этюдник к одной из голых стен и присел на табуретку возле покрытого клеенкой кухонного стола, вгляделся. Комната была освежевана так же, как и прихожая. Надо полагать, Володя решил, воспользовавшись случаем, заодно и отремонтировать квартиру.

В открытую форточку с улицы ползло какое-то невнятное глухое бормотание, время от времени стираемое шумом проходящих машин. Невольно создавалось ощущение огромной толпы под окнами.

Вернувшийся Володя поставил на стол початую бутылку коньяка, два разнокалиберных стакана, какие-то консервы и надорванную пачку галет.

— Другой закуски нету, — предупредил он. — Так что — чем богаты...

И принялся вскрывать баночку черной икры иранского производства.

Глухое бормо́танье на улице тем временем становилось все явственней — не было уже никакого сомнения, что под окнами собралась толпа человек в пятьдесят. Затем бормотанье взбурлило гомоном, из которого прорезался вдруг совершенно нечеловеческий крик: "За кем? За ним?"

— Во! — заметил Володя, разливая коньяк. — Десять часов ровно. Акционеры, блин... Ох, кину я им как-нибудь туда "черемуху"...

— Черемуху? — удивился Сережа.

Володя рассмеялся и, опустив на свой стакан огромную оббитую лапу, заставил друга сделать то же самое. Посуда была сдвинута основаниями, и звук получился, как от столкновения двух булыжников. Бывшие одноклассники выпили и за неимением ложек подцепили икру из баночки обломками галеты.

— Слушай, — сказа́л Сергей. — А эта спиралька... откуда она у тебя?

Володя насмешливо разглядывал совершенно не изменившегося приятеля.

— Ну, скажем, купил...

— Слушай, а у кого?

Последний вопрос почему-то сильно не понравился Володе.

— Да иди ты к черту! — сказал он. — Нашел вообще, о чем говорить!.. Из наших кого-нибудь видел?

— Из наших? — Сережа подумал. — Скляра видел. В автобусе.

На мужественном лице Володи был изваян живой интерес.

— В автобусе? Ну-ну, и как он?

— Да знаешь, не очень... — признался Сережа. — Грязный какой-то, на ногах еле держится...

Володя скорбно кивал.

— Да, — сказал он наконец. — Спился Скляр. Мне об этом уже год назад говорили... А еще кого видел?

— Ленку видел, — улыбаясь от уха до уха, сообщил Сережа. — По телевизору.

Глаза у него блестели — видно было, что за пять лет пить он так и не научился.

— Да? — сразу оживившись, вскричал Володя. — И ты тоже?.. А я, ты понимаешь, смотрю в программке: конкурс красоты, финал... Включил — гляжу: елки-палки! Ленка наша в купальничке... дефилирует... Ну что ты? Без пяти минут королева... — Он оборвал фразу, помрачнел и закончил ворчливо: Насажали козлов в жюри... Видел, какую они мымру выбрали? Куплены все на корню...

— Да ну, не может быть... — усомнился Сережа.

— Куплены-куплены, — сказал Володя. — Но и она тоже хороша — предупредить не могла...

— А что бы ты сделал?

Володя молчал, угрюмо пошевеливая челюстью. Невыразительные глаза его как бы провернулись сами в себе и вообще перестали что-либо выражать.

— Да, слушай! — встрепенувшись вдруг, озабоченно проговорил он. — Ты сам-то — как? Никуда пока не собираешься? Ну там в Союз художников вступать?..

— Смеешься... — уныло молвил Сережа. — Какой там Союз!..

— Соберешься — скажи, — вполне серьезно предупредил Володя. — А то ведь там тоже, наверное, козлов полно... Вообще давай — рисуй, становись знаменитым... Чтобы я тобой гордился, понял?

Он снова плеснул в стаканы коньяк.

— Ну, давай... За нас! За десятый "вэ"!

Гляделки его затуманились, и он произнес мечтательно:

— Вот построю лет через пять виллу — с бассейном и с кинозалом... Соберу весь класс... И будете вы у меня там плавать и кино смотреть...

В открытую форточку с улицы забрело сдавленное "Заноти, тудыть!.." и гулкий стук опускаемой тяжести.

— А я так и не понял, — сказал Сережа. — Купил ты ее или выменял?

— Кого?

— Да спиральку эту... из отеля...

Володя вдруг изменился в лице. Переносица вздулась, как у тигра.

— Ты соображай, что говоришь! — гаркнул он на испуганно съежившегося Сережу.

— Так а что я такого?.. — растерянно пробормотал тот. — Я же...

Володя шумно дышал, раздувая ноздри. Потом вскочил, двинулся к двери, обернулся.

— Лучше бы ты меня на хрен послал! — в сердцах бросил он и исчез. Слышно было, как он громыхает за стеной своим спортивным железом. Совершенно сбитый с толку, Сергей ждал продолжения.

Володя вернулся с дымящейся сигаретой.

— Вот! — сказал он. — Закурил из-за тебя!..

И заходил, успокаиваясь, по гулкой пустой комнате. Все еще ничего не понимающий Сережа, прижав испачканные в краске ладони к груди, сидел на табуретке и только поворачивался вслед за разгневанным другом.

— Володь... — повторял он жалобно. — Ну извини, ну... Володь...

Володя стремительно нагнулся к отпрянувшему Сереже и потряс перед самым его лицом узловатыми, чуть скрюченными пальцами, в которых дымилась "честерфильдина".

— Ты запомни, — проговорил он с угрозой. — Я к этому отелю не подходил и не подхожу! И тебе не советую!..

Он выкинул докуренную едва до половины сигарету в форточку и, успокоившись малость, вернулся за стол. Сердито расплеснул остаток коньяка по стаканам.

— Ну прости, Володь... — Сережа чуть не плакал.

— Ладно, замяли... — хмуро проворчал Володя. — Ты смотри, еще кому-нибудь такое не ляпни. Скажи мне кто другой — в шесть секунд рыло бы начистил и с лестницы спустил...

— Так а что я ляпнул-то?

— Что-что... — Володя все еще посапывал разгневанно и в глаза не смотрел.—Можно подумать, не знаешь, как относятся к этим... Ну, к тем, которые у отеля пасутся...

— Знаю, — сказал Сережа. — Плохо.

— Плохо? Да их никто за людей не держит! Понял?.. — Володя проглотил коньяк и со стуком вернул стакан на стол. — Слышал, небось, на что они у проционов все эти побрякушки выменивают?

— Н-ну... я полагал, на сувениры какие-нибудь наши...

При этих словах тяжелая челюсть Володи отвалилась, и он несколько секунд смотрел на приятеля, приоткрыв рот.

— Черт тебя поймет, на каком ты свете живешь,— пробормотал он наконец. — На сувениры — надо же!..

— А на что же тогда?

— Не знаю, — отрывисто сказал Володя. — И никто не знает.

— То есть как?

— А так!.. — Явно нервничая, Володя одним движением растер в пальцах галетную крошку. Лицо его было угрюмо. —

В общем, запомни: процноны эти... Ну, длинные такие, серебряные... Так вот они в обмен на всю эту шелупень что-то у человека забирают. По частям, понял? И никто не знает — что.

— Может, биополе? — испуганно раскрыв глаза, предположил Сергей.

— Ты прессу-то вообще читаешь? — поинтересовался Володя.

— Нет, — виновато сказал Сергей.

— Оно и видно... Проверяли уже ученые. Говорят: как было биополе так и есть, никаких изменений...

— Так а что ж они тогда забирают-то?

— А черт его знает! — с досадой ответил Володя. — Верующие говорят: душу...

Выйдя из подъезда, Сергей остановился и долго смотрел, как по лаковому черному капоту Володиной "Волги" переползает скрюченный тополиный лист. Сережа наблюдал за ним с явным беспокойством, будучи, видимо, одним из тех, кто в любом пустяке видит отражение собственной жизни. Несколько раз листок подбирался к самому краю капота, но потом вздрагивал и поспешно отползал к центру. Наконец Сергей вздохнул и, поправив ремень этюдника, направился к прямоугольной сквозной дыре, выводящей со двора на улицу

Улица Проциона двумя параллельными асфальтовыми лентами скатывалась по косогору к линии железной дороги — прямо в ощеренную черную пасть туннеля. В самом начале улицы, посреди голого глинистого газона стоял облицованный мрамором прямоугольный, как шкаф, обелиск. Плитки четыре с боковой стороны уже отпали, обнажив красное кирпичное экорше с серыми цементными жилами.

Судя по всему, Сергей не бывал в этом районе давно. Без видимой необходимости он пересек проезжую часть и остановился перед обелиском.

"Этот хурх дружбы, — прочел он на бронзовой зеленоватой доске, — посажен в честь братьев по разуму с Проциона".

В присыпанной листьями лунке топорщилось иглами нечто морщинистое, фиолетовое и безнадежно засохшее.

Скорбно помолчав над пропащим хурхом, Сергей поднял голову. За линией железной дороги в студеной синеве сентябрьского неба взблескивала по-над крышами металлическая искорка — кто-то снова, видать, шел на посадку, попутно останавливая гражданам часы и двигатели автомобилей.

Сережа вернулся на тротуар и побрел вниз, к туннелю. Шел медленно, его обгоняли, оставляя в ушах обрывки разговоров:

— Помер, поганец! Вчера только прочел о нем, что поганец, а сегодня уже и помер...

— Где? На Проционе? Санитарный день там сегодня!..

Навстречу шла рослая девушка с надменными глазами. Дорого одетая, то есть черт знает в чем. Однако Сергея поразили только ее серьги. Надо полагать, приврал друг Володя насчет исключительной хрупкости инопланетных висюлек — на золотых проволочках, продетых в розовые мочки, покачивались два тусклых спиралевидных обломка.

Засмотревшись, Сережа нечаянно зацепил кого-то краем этюдника.

— Встал! Надолба! — рявкнула на него басом свирепая старуха с коричневым дряблым лицом инопланетного чудовища.

... Он брел, бормоча, по неровным, присыпанным желтовато-серой листвой тротуарам, пока не обнаружил, что снова стоит на краю вымощенной бетонными квадратами площади, а впереди, блистая стеклом и мрамором, высится прямоугольное, похожее на храм здание с распластавшейся по фризу металлической надписью: Гостиница "Галактика".

Машин на стоянке прибавилось, зато дискообразных летательных аппаратов теперь насчитывалось всего три. Вообще обстановка на площади заметно изменилась: на пятачке между фонтаном и ступенями толклись какие-то молодые и не слишком молодые люди, одетые весьма по-разному. Среди них затесался даже один несомненный бомж, которого, впрочем, сторонились.

Видимо, это были те самые, кого, по словам Володи, никто за людей не держал. Однако такое впечатление, что это их нисколько не печалило, — вели они себя раскованно, а то и просто вызывающе. Бомж, например, с полупьяной улыбкой разглядывал в упор милиционера в черной меховой куртке, и ничего ему за это не было.

Подумать только, каждый из них, наверное, запросто общался с инопланетянами и, может быть, даже продавал им по кусочку свою бессмертную душу... В другое время Сергей, по врожденной застенчивости, вряд ли решился бы к ним приблизиться, но выпитый недавно коньяк сделал его отчаянно смелым, и художник, завороженно глядя на загадочных людей, двинулся к фонтану. Ему, видно, очень хотелось остановить ну хоть этого, в тонированных импортных стеклах, и спросить: "Простите, пожалуйста... А вот эти спиральки... ну, тусклые такие, ломкие... На что вы их все-таки выменяваете?"

И тут что-то произошло. Все лица начали поворачиваться к Сергею. В устремленных на него глазах он увидел досаду,

злобу и, что уж совсем необъяснимо, зависть. Он как раз собирался поправить ремень этюдника — и замер, не закончив жеста.

"Идите за мной", — отчетливо и бесстрастно произнес кто-то в его мозгу.

Сергей вздрогнул и обернулся. В каких-нибудь пяти шагах от него, окутанная мерцающей розовой дымкой, стояла высокая серебристая фигура. Видимо, проционец подошел незаметно со стороны летающих тарелок.

— Вы... мне?

Разумеется, Сергей не раз встречал инопланетян на проспекте — и этих серебристых с Проциона, и здоровых черных с Веги, — и наблюдал издалека посадку их аппаратов на площади, но столкнуться вот так, лицом к лицу, если, конечно, можно назвать лицом эту округлую металлическую скорлупу без единой прорези...

"Вам", — снова прозвучало в мозгу, и серебристая безликая фигура двинулась к отелю.

Несколько секунд Сергей стоял неподвижно. Проционец обернулся.

"Вы боитесь". Трудно даже сказать, что это было: вопрос, утверждение, упрек?..

Сергей облизал губы. У него еще была возможность повернуться и, ускоряя шаг, броситься прочь с этой площади...

— Нет, — хрипловато ответил он. — Не боюсь...

Толпа нехотя раздалась, давая им пройти.

— Слышь, друган, — перекривив рот, глумливо выговорил бомж. — Ты там на мою долю не забудь, прихвати...

Сергей споткнулся. Проционец подождал, пока его спутник вновь обретет устойчивость, и они поднялись по ступеням к услужливо распахнутой стеклянной двери.

У швейцара было тяжелое лицо. Казалось, оно не выдерживает собственной тяжести: переносица просела, а нижняя губа выдавилась вперед, как цементный раствор из-под кирпича. Поэтому улыбался швейцар, можно сказать, одними глазами — как бы опасаясь развалить лицо окончательно.

Розовая дымка вокруг проционца внезапно померкла, и он совершенно человеческим жестом предложил Сергею войти.

С первых шагов стало ясно, что пришельцы не тронули здание только снаружи. Внутри же все было перестроено — непонятно, правда, когда и как. Стены и потолок коридора, по которому проционец вел Сергея, были сделаны вроде бы из какого-то зеркального материала. С одним лишь отличием —

они ничего не отражали. Относительно пола сказать что-либо трудно, потому что он был покрыт роскошной, невероятно широкой и все же вполне земной ковровой дорожкой.

Между тем стройная серебристая фигура качнулась вправо и продолжала идти в наклонном положении. А через несколько шагов качнуло и Сергея. До самого поворота они шли, как по косогору, потом чертовщина прекратилась и загадочный крен исчез.

Коридор плавно повернул влево, и Сергей чуть было не столкнулся с полупрозрачным человекоподобным существом. Оно припало к слепой зеркальной стене, пропуская идущих, и только уставилось на них огромными радужными глазами.

— Кто это? — понизив голос, спросил Сергей, когда очередной плавный поворот скрыл от него полупрозрачного гуманоида.

Проционец не ответил, и это не понравилось Сергею.

— Куда мы идем?

"Сюда", — равнодушным эхом отозвалось в мозгу, и они, непонятно каким образом, ступили в кубическое зеркальное помещение со скругленными углами. Такое ощущение, что прямо сквозь слепую блестящую стену, заколебавшуюся, как поверхность воды.

"Встаньте в центре".

Сергей повиновался.

"Повернитесь направо".

Он повернулся и увидел, что в скругленном углу помещения на прозрачной, слегка наклоненной к нему поверхности разложены уже знакомые тусклые спиральки, еще какие-то розовые шарики, черные брусочки со спичечный коробок, но поуже...

"Вам разрешается выбрать себе один предмет", — информировал проционец.

Судя по тому, как дернулось мальчишеское лицо Сергея, на память ему, скорее всего, пришла старая картинка: европейский купец, разложивший побрякушки из крашеного стекла перед смуглым дикарем Океании.

— Что я должен за это отдать?

"Вы уже отдали", — прозвучало в мозгу.

Сергей повернулся к проционцу и уставился в безликую металлическую округлость шлема — туда, где у его собеседника должны были, по идее, располагаться глаза.

— Я ничего не почувствовал, — испуганно возразил он.

"Вы не могли почувствовать, — последовал беззвучный ответ. — Вы об этом не знаете. Вам это не нужно. Вы можете выбрать себе один предмет".

Совершенно сбитый с толку Сергей снова повернулся к наклоненной прозрачной плоскости, на которой были разложены инопланетные побрякушки. Присмотревшись, он понял, что никакой плоскости нет вообще и на чем разложены предметы — неясно...

Сергей поправил этюдник и спрятал руки за спину.

— Нет, — отрывисто сказал он.

"Вы ничего не хотите взять?" Сергею показалось, что в беззвучной и бесстрастной речи проционца впервые скользнуло удивление.

— Не хочу, — подтвердил он. — Но если можно... Я хотел бы спросить вас...

Проционец отозвался не сразу.

"Спрашивайте".

— Что вы о нас думаете? — тихо проговорил Сергей.

Проционец молчал. Создавалось впечатление, что он колеблется. Округлая металлическая скорлупа шлема ничего, естественно, выразить не могла, и все же Сергей буквально чувствовал на себе внимательный заинтересованный взгляд.

"Идите за мной", — прозвучало наконец в мозгу, и проционец, видимо, решившись на что-то, шагнул к стене. С бьющимся сердцем Сергей последовал за ним.

Они шли по точно такому же коридору, только ковровая дорожка была здесь другого цвета. Последний поворот привел их в тупик, и проционец отступил в сторону, вежливо пропуская Сергея вперед.

Тот шагнул, и зеркальная слепая стена заколебалась перед ним, как поверхность воды. Сергей прошел сквозь нее и остановился, ничего не понимая. Он снова был в стеклянном вестибюле отеля, и на него — на этот раз без улыбки — смотрел швейцар с тяжелым полуразрушенным лицом. Сергей обернулся, хотел спросить, но спрашивать было некого. Стена.

Он не сразу сообразил, что по-русски это называется — выставить, а когда сообразил — уткнул подбородок в грудь и зажмурился до боли.

Швейцар выжидающе смотрел. Когда же прозрачнобородый сопляк с этюдником, взяв наконец себя в руки, проследовал мимо него к выходу, швейцар озабоченно принялся изучать прямоугольный плафон на потолке. Потом сходил за тряпочкой и тщательно вытер дверную ручку, за которую брался Сергей.

Уже скрылся за елочками отель, а он все еще не смел поднять лицо шел, как после пощечины. Может быть, проционец

просто не хотел огорчать его?.. Или, может быть, им вообще запрещено говорить, что они о нас думают?.. В конце обсаженной елками аллеи Сергей чуть было не налетел на кого-то. За полшага до столкновения остановился, вскинул глаза и увидел прямо перед собой широкогрудого осанистого красавца в легкой импортной курточке. Плотная черная бородка, темные смеющиеся глаза. Незнакомец смотрел на Сергея с нескрываемым любопытством.

— Здравствуйте... — неуверенно проговорил тот. У него вообще была плохая память на лица.

Приветствие это сильно позабавило чернобородого.

— Здравствуйте, — любезно отозвался он и продолжал смотреть.

Сергей почувствовал неловкость и, поскольку дорогу ему явно уступать не собирались, попробовал обогнуть незнакомца, но тут же уткнулся в грудь второму, повыше. Этот чем-то напоминал друга Володю: утяжеленная нижняя челюсть и невыразительные скучающие глаза.

Слева за елочками мерцал холодный мрамор отеля да сияла часть металлической надписи: "... алакт..."

— Ну, показывай, — утомленно сказал Сергею тот, что повыше.

— Что "показывай"? — растерявшись, спросил Сергей.

Высокий глядел на него со скукой.

— В отеле был?

— Был...

— Показывай, что вынес.

— Ничего, — поспешно сказал Сергей. — Честное слово, ничего!

Чернобородый осанистый стоял рядом и с интересом слушал их беседу.

— Да что ж это мы стоим посреди дороги? — мягко проговорил он, беря Сергея под локоток. — Прошу. Если это вас, конечно, не затруднит...

Красивое лицо его стало при этом очень серьезным, почти торжественным, глаза же как были, так и остались смеющимися. Втроем они поднырнули под еловые лапы и оказались на проспекте. У бровки, вся в льдистых отсветах, стояла большая светлая машина. Может быть, даже "мерседес".

— Вы разрешите? — вежливо осведомился чернобородый, забирая этюдник.

Здесь же, между елочками и "мерседесом", Сергей был обыскан быстро и бесцеремонно. Вывернутая куртка легла на край капота. Высокий изучал содержимое изъятого кошелька. Чернобородый присел над раскрытым этюдником.

— Да что за черт! — с досадой сказал высокий и, положив кошелек на куртку, снова взялся за Сергея. Тот не сопротивлялся, но лицо у него было скорее удивленное, чем испуганное, — он все еще отказывался верить происходящему.

— Куда дел?

— Ребята... — сказал Сергей. — Честное слово...

Сидя на корточках перед раскрытым этюдником, чернобородый озадаченно трогал пальцем тюбики с краской. Губы его то выпячивались задумчивым хоботком, то критически поджимались.

— А? — спросил он наконец у того, что повыше.

— Да свистит он, Курбаши! — взорвался тот. — Явно же в пополаме с кем-то работает! Сунул кому-нибудь, когда через площадь проходил...

— Кому? — последовал быстрый вопрос.

Высокий почему-то поперхнулся. Не дождавшись ответа, чернобородый красавец Курбаши перевел взгляд на Сергея.

— Что? В самом деле ничего?

Сергей посмотрел на раскрытый этюдник, на вывернутую куртку, на кошелек — и вдруг заплакал. Дошло наконец.

— А ну заткнись! — с угрозой надвинулся на него высокий. Прокатиться захотел? Так вот она, тачка рядом...

— Болт!.. — укоризненно одернул его Курбаши. Он все еще сидел на корточках. Ему было так удобно. Долговязый Болт дернул углом рта и, сплюнув, отшагнул.

— Нам-то какое дело? — раздраженно спросил он, обращаясь в основном к Курбаши. — Взял он там, не взял... — И, видя, что всхлипывать Сергей почти прекратил, снова повернулся к нему: — Пойдешь сейчас в отель и скажешь проциону, что передумал. Раз был у них, значит, пусть, раскошеливается положено...

— Нет... — Сергей замотал головой. — Я туда больше не пойду... Ведь они же меня... Они же нас... — Голос его прервался. Он зажмурился и стиснул зубы.

— В конце концов это его дело, Болт, — заметил Курбаши. — И потом что ты ерунду говоришь: кто его туда одного пропустит?.. Помоги одеться человеку.

Долговязый Болт с отвращением на лице сгреб куртку, вывернул ее и принялся заталкивать как попало в рукава ватные Сережины руки. Курбаши закрыл деревянную крышку и легко поднялся с корточек.

— Ты ничего не понял, — ласково сообщил он, вешая этюдник на плечо Сергея и заботливо поправляя ремень. — Мы не грабители. Просто нам необходимо было определить, ну, скажем, подоходный налог... Ты пойми, каждый, кто хоть однаж-

ды побывал у проционов, нуждается в защите. Знаешь, какие шакалы крутятся вокруг отеля? Это твое счастье, что ты встретился с нами, а не с ними...

— Я не просил о защите, — сказал Сергей.

Курбаши рассмеялся. Зубы у него были великолепные.

— Поздно, — сказал он. — Нас с тобой видели, и этого достаточно — тебя уже никто не тронет... Но, если ты настаиваешь, Болт может прямо сейчас сходить на уголок и шепнуть кому надо, что мы к тебе отношения не имеем. Как? Пойдет такой вариант?

Сережа пришибленно молчал. Курбаши не глядя протянул руку, и долговязый Болт поспешно вложил в нее кошелек и удостоверение Сергея.

— Видишь ли, э-э... — Курбаши раскрыл коричневую книжицу. — Сережа... Я лично готов допустить, что ты был в отеле и ничего оттуда не вынес. Но Болт прав, это дела не меняет... Мы, повторяю, не грабители и поэтому возьмем с тебя по минимуму. — Он аккуратно вложил кошелек в карман Сережиной куртки, удостоверение — в другой. — Скажем, двести... Я надеюсь, ты понимаешь, что не деревянными?

Стоящий рядом Болт задохнулся от возмущения.

— Мало, Курбаши... — страдальчески проговорил он.

— Ты полагаешь? — Чернобородый Курбаши задумчиво поглядел на Сергея. — Да нет, в самый раз... Только не надо говорить, что баксов у тебя нет, что тебе не у кого занять... Этого не надо. "Люля-гриль" знаешь?

— Нет, — обреченно сказал Сергей.

— Это вон там, на углу, через квартал. Вот он, — Курбаши ткнул пальцем в грудь Болту, — будет ждать тебя там... ну, скажем, к шести часам. Я надеюсь, это никак твои планы не нарушает?

— Сегодня? — беспомощно переспросил Сергей.

— Можно и завтра, — согласился покладистый Курбаши. — Послезавтра, через год... Только в твоих интересах погасить задолженность сегодня к шести. А то ведь проценты пойдут, сам понимаешь...

— Я же тебе, козлу, говорил! — На друга Володю было страшно смотреть. — Я же тебя, козла, предупреждал: близко не подходи!..

Он ухватил с краешка железного блюдца дымящуюся "честерфильдину" и прошелся в бешенстве от окна к столу и обратно. По комнате запорхали ветерки.

— Ну хоть ты-то веришь, что я у них ничего не взял? — жалобно спросил Сергей.

Володя замер на секунду, потом обернулся так резко, что воздух вокруг него едва не взбурлил.

— В милиции был?

— Нет.

— Слава богу... — Плечи Володи слегка расслабились. Он медленно поднес ко рту прокушенный фильтр и одной затяжкой испепелил сигарету почти на треть. Стремительно подсел к столу.

— Какие они из себя? Ну, может, называли друг друга как?..

— Один такой долговязый... — запинаясь, начал Сергей. — Болтом зовут...

Володя медленно раздавил окурок в железном блюдечке. За мощными надбровьями, наполовину прикрытыми плоской каштановой челочкой, явно шла напряженная мыслительная работа.

— Болт... — проговорил он наконец. — Раз Болт — значит, Курбаши...

— Главное, они же видели, что взять с меня нечего!.. — в отчаянии сказал Сергей. — Видели же...

Володя злобно фыркнул. Или резко выдохнул — как в каратэ.

— На хрен им твои деньги! — заорал он. — Им не деньги, им ты нужен!.. Сколько они хотят?

— Сказали по минимуму... Короче, двести долларов... — с трудом выговорил Сергей.

— Ш-шакалы!.. — друг Володя сорвался с места и исчез в дверном проеме. За освежеванной стеной загремело спортивное железо.

— Собирайся! — рявкнул он, снова появляясь в комнате. — В темпе давай!..

Дверь Курбаши ничем не отличалась от Володиной: прямоугольник листовой стали с глазком и штурвальчиком вместо ручки. Надо полагать, броню навешивала одна и та же фирма.

— Да нет там никого... — обреченно сказал Сергей.

Володя не ответил и утопил кнопку звонка еще раз.

Дверь приоткрылась. На пороге стоял чернобородый осанистый красавец Курбаши в исполосованном английскими надписями спортивном костюме.

— Разувайтесь, проходите, — негромко проговорил он.

Похоже, появления Сергея не удивило его нисколько — видимо, перед тем, как открыть, он внимательно изучил гостей в перископический глазок.

Они прошли и разулись. Тапочек Курбаши не предложил, да этого и не требовалось — под ногами пружинил ковер. Дверь закрылась, четыре маслянисто отсвечивающих штыря беззвучно вошли в косяки, в порог и в притолоку.

— Располагайтесь, — сказал Курбаши, проведя их в одну из комнат, и, не дожидаясь, пока они усядутся, забрался с ногами в кресло. — Чай? Кофе?

Володя досадливо шевельнул челюстью и не ответил. В квартире было тихо, как в сейфе, — из соседней комнаты слышалось тиканье часов. Потом что-то прошелестело по коридору — что-то длинное, шелковое. Кажется, в доме был еще кто-то. Сергей быстро взглянул на Володю, но тот не отреагировал. Видимо, шорох в коридоре опасности не представлял.

— Накладка вышла, Курбаши... — хрипло проговорил Володя.

— Вижу, — отозвался тот. — Родственник?

— Одноклассник, — буркнул Володя.

Курбаши приподнял красивую бровь. Этакий эмир бухарский в спортивном костюме.

— Даже словом не обмолвился, что вы с ним знакомы, — с мягким упреком сообщил он.

— Да дурак он, Курбаши! — взорвался Володя. В голосе его, однако, пробивались жалобные нотки: — Всю жизнь дуралеем был — я-то знаю, я ж с ним за одной партой сидел!..

— Ты ведь со Скляром сидел... — робко напомнил Сергей.

— Заткнись! — рявкнул Володя. И снова жалобно: — Ну ты же видишь, Курбаши? Ничего не понимает! Даже сейчас!..

— Да, действительно... — согласился тот, с любопытством разглядывая их обоих.

В соседней комнате осеклись часы и стало совсем тихо. Где-то над плоской крышей девятиэтажки в студеной синеве сентябрьского неба парил дискообразный летательный аппарат.

— Фатима, часы сверь, — не повышая голоса, произнес Курбаши, когда часы пошли снова. В коридоре послышался прежний шелковый шелест. У Володи было напряженное лицо — он ждал ответа.

— Ну что тебе сказать, Чубик... — задумчиво проговорил Курбаши. — Я всегда ценил твою помощь, и мне бы очень не хотелось с тобой поссориться... Вот только не знаю, как ко всему этому отнесется контора... Болт уже на боевом посту, машина запущена...

Володя поднялся и хлестко выложил на край стола две зеленоватые бумажки.

Некоторое время Курбаши разглядывал купюры. Потом поднял исполненные уважения глаза на Володю, которого, оказывается, звали еще и Чубиком.

— Даже так?

— Да, — сказал Володя. — Так.

Курбаши вздохнул и, не вставая с кресла, вынул из настенного держателя плоскую усаженную изнутри черными кнопками телефонную трубку. Потрогал кнопки.

— Ашотик?.. Здравствуй еще раз... Узнал, да?.. Слушай, у тебя там Болт не появился?.. А что он делает?.. Ну, все равно пригласи... — Курбаши опустил трубку и снова принялся разглядывать своих гостей. Потом в наушнике что-то отрывисто тявкнуло. — Болт?.. Это Курбаши... В общем, доедай свой люля-кебаб... Можешь даже выпить... Да, уже можно... Ничего страшного, просто клиент принес должок на дом... Да, на дом... — Наушник взволнованно залопотал, и Курбаши поморщился. — Не по телефону, Болт...

Он не глядя отправил трубку на место.

— Ну? — то ли спросил, то ли потребовал Володя.

Курбаши опечалился, став от этого еще красивее.

— Да погоди ты, Чубик, — с досадой сказал он. — Сережа...

— Нет! — немедленно перебил его Володя.

— Ты что, скупил всех одноклассников на корню? — холодно осведомился Курбаши. — Что ты все время говоришь за него?.. Сколько ты получаешь, Сережа?

Сергей сказал.

— И на работу, наверное, к девяти... — Курбаши сочувственно покивал. — Знаешь, я бы за такие деньги и просыпаться не стал... Ну а как насчет будущего? Думаешь что-нибудь?

— Будущее... — горестно скривясь, повторил Сергей. — Какое у нас теперь будущее!..

Курбаши оторопело посмотрел на него, потом рассмеялся.

— Да-а... — проговорил он. — А Чубик-то прав... Я не о будущем человечества, Сережа. Я о твоем собственном будущем...

— Курбаши!.. — с угрозой начал Володя.

— Я говорю не с тобой! — отрезал тот и снова повернулся к Сергею. — Понимаешь, Сережа, им мало кто нравится... Я же видел: ты не навязывался, процион сам к тебе подошел... Так что ты подумай все-таки, есть ли тебе смысл горбатиться дальше... Ты рисуешь? Ну и рисуй. Для души, для славы, для чего хочешь... Раз в месяц зайдешь в отель... Ну, будешь, конечно, что-то отстегивать нам — за охрану...

Не сводя с него лихорадочных глаз, Сергей давно уже отрицательно качал головой.

— Неужели ты веришь во все эти байки? Что прционы мужиков импотентами делают? Что душу забирают?.. Я думал, ты без предрассудков...

— Я туда больше не пойду, — тихо сказал Сергей.

— Не пойдет он, Курбаши! — с жаром подхватил Володя. — Ну я ж его знаю, ну!..

— Да вижу... — Курбаши скорбно поджал губы. Потом вздохнул и, не вставая, дотянулся до лежащих на краю стола денег.

— Я могу идти? — сдавленно спросил Сергей.

— Да, конечно...

Сергей встал.

— Володя, я... — Голос его пресекся. — Я все верну... В течение года я все...

— Да иди ты к черту, — хмурясь, проворчал Володя. — Вернет он!.. Вот толкнешь первую картину за бугор — тогда и рассчитаемся...

Шутка, однако, далась ему с трудом: деньги — бог с ними, репутации было жалко... Сергей зажмурился и, чудом не налетев на косяк, вышел в коридор.

— Фатиме привет... — мрачно проговорил Володя и тоже встал.

Курбаши не ответил. Он слушал, как обувается в коридоре Сергей, — не попадая ногами в ботинки, обрывая шнурки и, кажется, даже всхлипывая.

— Чубик, — негромко позвал Курбаши. — Ты на тачке?

— Ну! — насторожившись, отозвался Володя.

— Мой тебе совет: подбрось его до дому — видишь же, какой он... А еще лучше — пусть у тебя переночует. А то, знаешь, как бы он чего не натворил... Что-то у меня сердце не на месте...

АВАРИЯ

Кресло, каждый изгиб которого — совершенство. Блистающий кнопками пульт. Вогнутая, будто сложенная из телеэкранов, стена. Когда-то считалось, что так будет выглядеть рубка межзвездного корабля. Оказалось, что так будет выглядеть кабинет крупного ответственного работника.

Нет-нет, не было ни жертв, ни разрушений — просто вспыхнули и медленно стали гаснуть экраны.

Генеральный директор потыкал пальцем во все кнопки и вне себя откинулся на спинку кресла. Такого еще не случалось! Ну, бывало, что забарахлит канал-другой, но чтобы так, скопом... Он был отсечен от подчиненных, как голова от туловища.

Генеральный директор схватил со стола пластмассовый стаканчик и залпом проглотил остывший кофе.

Вогнутая, как бы сложенная из экранов стена упорно не хотела оживать. Вместо этого мелодично забулькал сигнал видеофона.

Директор нажал клавишу, и на изящном настольном экранчике возник незнакомый юноша, одетый... Ну да, в одну из этих самодельных веревочных маечек... Как же они их называют? Какое-то совершенно дурацкое словцо...

— Здравствуйте, — сказал юноша. — Я к вам сейчас подъеду.

— Что происходит? — в негодовании осведомился директор. — Почему вдруг...

— Ничего страшного, — успокоил юноша. — Это не на линии, это у вас в кабинете неисправность. Скоро буду.— И дал отбой.

"Плетка!" — внезапно вспомнил директор название веревочной майки и рассвирепел окончательно. При чем здесь плетка? Плетка — это совсем другое... Пороть их, сопляков, некому!

Он смял в кулаке пустой стаканчик и бросил на стол. Интересно, сколько времени юноша в "плетке" провозится со всей этой механикой? Если группа учреждений останется без руководителя минут на пятнадцать — тогда, действительно, ничего страшного. Но тут, кажется, речь идет не о минутах, а о часах... Ну и сотрудники в службе связи! Ведь это надо было сидеть и плести... И ведь в рабочее время, наверное!..

И вдруг генеральный директор сообразил, что вызывающе одетый сотрудничек будет первым его посетителем за пять лет — настоящим, не телеэкранным. Ошеломленный этой мыслью, он оглянулся на персональный пневматический лифт в углу кабинета. Черт возьми, раз так, то надо встретить. Какой-никакой, а гость...

Он нажал кнопку и из ниши в стене выскочил киберсекретарь на тонких трубчатых ножках.

— Два кофе, — барственно, через губу, повелел генеральный директор. И наведи-ка здесь, братец, порядок...

Техники, как известно, опаздывают, но этот, в "плетке", видимо, был какой-то особенный: прибыл быстро, как обещал. От кофе вежливо отказался, раскрыл сумку и принялся выкладывать на стол разные диковинные инструменты.

Директор откашлялся. За пять лет он начисто отвык говорить на работе с живыми людьми.

— И долго вы ее плели? — поинтересовался он наконец.

Юноша вопросительно посмотрел на директора, потом понял, что речь идет об его уникальной маечке.

— Вообще-то долго, — со вздохом признался он. — Дня три.

— И какие преимущества? Я имею в виду — перед фирменными рубашками?

Юноша почесал в затылке.

— Понятно... — сказал директор. — Я надеюсь, поломка не очень серьезная? Вы учтите: целая группа учреждений отрезана от руководства...

— Минут за пятнадцать справлюсь, — обнадежил юноша. — Да вы пойдите пока, погуляйте. Я слышал, у вас тут парк замечательный...

— Где? — не понял директор.

Юноша удивился.

— Как "где"? Здесь.

Он вскинул голову и чуть ли не с ужасом уставился на клиента.

— Так вы что, ни разу в парке не были?

— Вообще-то я приезжаю сюда работать, а не прогуливаться, — сухо заметил директор. Юноша смотрел на него, приоткрыв рот. Директору стало неловко.

— И потом я всегда думал, что в кабинет можно попасть только лифтом, — смущенно признался он. — Сначала подземкой, а там сразу лифт...

— Да как же это вы! — всполошился юноша. — Да это же и в инструкции должно быть указано... Вон та клавиша, видите?

Он подошел к стене и утопил клавишу. В ту же секунду добрая треть стены куда-то пропала, и директор отшатнулся, как перед внезапно распахнутым самолетным люком.

Неимоверной глубины провал был полон листвы и солнца.

— Ничего себе... — только и смог выговорить директор. Он почему-то всегда полагал, что его командный пункт расположен в одном из подземных ярусов. Оказалось, что на первом этаже.

Веселая шелковистая трава шевелилась у самых ног. Шорохи и сквозняки летнего утра гуляли по кабинету.

— Так вы говорите, пятнадцать минут у меня есть?

Удивительный день! Все впервые. Отключились экраны, зашел человек, открылась дверь в стене...

Директор разулся и посмотрел назад, на свой кабинет.

Вот, значит, как он выглядит со стороны... Белый, словно парящий в воздухе куб с темным прямоугольником входа и лесенкой в три ступеньки. А вон еще один кубик... Да их тут много, оказывается.

Вдали из-за дерева проглядывала неширокая полоска воды.

"Если провозится подольше, можно будет на речку сходить..." — удивив самого себя, подумал директор.

На соседней поляне загорали. Там, прямо на траве, возлежал дородный мужчина в трусиках строгого покроя. Чувствовалось, что загорает он с недавних пор, но яростно: кожа его была воспаленно-розового цвета.

Глядя на него, директор почему-то забеспокоился и подошел поближе, всматриваясь и пытаясь понять причину своей тревоги.

Во-первых, загорающего мужчину он откуда-то знал. Но причиной было не это. Причиной была неуловимая нелепость происходящего.

Крупное волевое лицо, твердый, определенных очертаний рот, упрямый, с ямкой, подбородок... Такого человека легко представить за обширным столом перед вогнутой стеной из телеэкранов. Человек с таким лицом должен руководить, направлять, держать на своих плечах сферы и отрасли.

Воспаленно-розовый ответственный работник на нежно-зеленой траве посреди рабочего дня — воля ваша, а было в этой картине что-то сюрреалистическое.

Директор неосторожно зацепил тенью лицо лежащего. Воспаленно-розовое веко вздернулось, и на генерального директора уставился свирепый голубой начальственный глаз.

— Я загораю, — низко, с хрипотцой сообщил лежащий.

— Простите? — удивился директор.

— Вы же хотели спросить, что я тут делаю? Я загораю.

— Да я, знаете ли, понял, — несколько обескураженно сказал директор. — Я, собственно, хотел спросить: не вас ли я видел на Арчединском симпозиуме пять лет назад?

Свирепый голубой глаз критически и с каким-то сожалением окинул директора.

— Очень может быть...

Да-да! И голос тоже! Именно таким голосом осведомляются о причинах небывало высокого процента брака. Или, скажем, о причинах непосещения зрителями городского театра, если товарищ руководит не в производственной сфере, а именно в культурной... Целую вечность генеральный директор не беседовал с собратьями по штурвалу. Проклятые телеэкраны отсекли их друг от друга, наглухо заперев каждого в своем рабочем кабинете.

— Вы, как я понимаю, тоже здесь... руководите? — попытался наладить разговор генеральный директор.

— Руководил, — последовал ответ.

"Ах вот оно что..." — подумал директор и ровным голосом, будто ничего существенного сказано не было, продолжал:

— И чем же вы руководили?

— Телевизорами.

Шутка была тонкой, и кто, как не директор, мог оценить ее в полной мере!

— Да, действительно... — вежливо посмеявшись, сказал он. — Экраны, люди на экранах... И ни с кем из них в жизни не встречаешься, филиалы-то по двум континентам разбросаны... Иной раз глядишь в телевизор и гадаешь: есть на самом деле эти люди, нет их?..

— Нет их, — бросил лежащий, подставляя солнцу внутреннюю недостаточно воспаленную часть руки.

— Простите? — опять не понял директор.

— Я говорю: нет их! — рявкнул мужчина. Не вынес изумленного директорского взгляда и рывком сел. — Ну что вы уставились? Людей, которыми вы руководите, нет. И никогда не было. Повторить?

Директор все еще молчал. Мужчина шумно хмыкнул и снова растянулся на траве.

— Я вижу, вы от меня не отвяжетесь, — проворчал он.

— Не отвяжусь, — тихо подтвердил директор. — Теперь не отвяжусь.

Мужчина посопел.

— С самого начала, что ли? — недовольно спросил он.

— Давайте с самого начала...

В светлых солнечных кронах журчал ветер.

— Лет пятнадцать назад, если помните, — не пожелав даже разжать зубы, заговорил незнакомец, — в верхах в очередной раз подняли вопрос: что мешает работе сферы управления... — Он сделал паузу и, преодолев отвращение, продолжал: — Привлекли кибернетиков, построили какой-то там сверхкомпьютер... Понатыкали кругом датчиков, телекамер... Собирали информацию чуть ли не десять лет...

— Послушайте! — не выдержал директор. — История с кибернетиками мне известна! Но вы перед этим сказали, что якобы...

— А какого дьявола спрашиваете, раз известна? — вспылил лежащий. Давайте тогда сами рассказывайте!

— Но позвольте...

— Давайте-давайте! — потребовал воспаленный незнакомец. — Так что выяснили кибернетики?

— Да ничего нового! — в свою очередь раздражаясь, ответил директор. Доказали, что часть управленческого аппарата — балласт! От балласта избавились...

— Как?

— Что "как"?

— Как избавились?

— Н-ну... ненужных руководителей отстранили, нужных оставили...

— Вас, например?

— Меня, например!

— Так, — сказал лежащий. — Замечательно. И многих, по-вашему, отстранили?

— Да чуть ли не половину... Но я не понимаю...

Директор опять не закончил, потому что лежащий всхохотнул мефистофельски.

— Ну, вы оптимист! — заметил он. — Половину... Это надо же!

— Послушайте! — сказал директор. — Как вы со мной разговариваете! Я вам что, мальчишка? Или подчиненный?... Ну, не половину, ну, три четверти — какая разница!

— Разница? — прорычал лежащий, снова уставя на генерального директора свирепый голубой глаз. — Я, кажется, переоценил вашу сообразительность... Вы что, не понимаете, что это такое — три четверти управленческого аппарата? Если они все разом почувствуют, что под ними качнулись кресла!.. Как вы их отстраните? Куда вы их отстраните? Да они вас самого в два счета отстранят! Объединятся и отстранят!..

Директору захотелось присесть, но он ограничился тем, что поставил на траву туфли, которые до этого держал в руке.

— Так что было делать с нами? — все более накаляясь, продолжал лежащий. Собственно, лежащим он уже не был — он полусидел, попирая нежно-зеленую травку растопыренной пятерней. — А? С генерал-администраторами! Которых — пруд пруди! "Дяденька, дай порулить" — слышали такую поговорку?.. — Он передохнул и закончил ворчливо: — Уж не знаю, в чью умную голову пришла эта блестящая мысль, а только наиболее влиятельных товарищей перевели с повышением в замкнутые кабинеты с телевизорами, а телевизоры подключили к тому самому компьютеру — благо, вся информация была уже в него заложена. Вот он-то и подает вам на экраны изображения, которыми вы руководите... не причиняя вреда окружающим.

— Вы... шутите... — прошептал генеральный директор.

Собеседник шумно вздохнул и лег.

— Но если это так... — хрипло сказал директор ("Так, так", — подтвердил собеседник, прикрывая глаза), — я возьму его сейчас за глотку и спрошу...

— Кого?

— У меня там один... в кабинете... экраны ремонтирует...

— Бросьте, — брезгливо сказал собеседник. — Он ничего не знает. Он ремонтирует экраны.

— Но надо же что-то делать! — закричал директор.

— Что?

— Но вы же сами говорили: три четверти... огромная сила...

— Была, — уточнил собеседник. — Когда-то. А теперь пять лет прошло! Все потеряно: связи, влияние — все... Нет, дорогой коллега, переиграть уже ничего невозможно. — Последнюю фразу он произнес чуть ли не с удовлетворением.

Директор наконец взял себя в руки. Лицо его стало твердым, прищур жестким.

— Да вы вроде радуетесь, — холодно заметил он.

Лежащий хмыкнул, не открывая глаз.

— А как, позвольте спросить, вы сами об этом узнали?

Страшный незнакомец повернулся на другой бок, продемонстрировав спину с травяным тиснением и прилипшим листочком.

— А случайно, — помолчав, признался он. — У них, знаете ли, тоже иногда накладки бывают... Короче, узнал. Потом отыскал одного из этих... кибернетиков...

— Вы мне его адрес не дадите? — быстро спросил директор.

— Не дам, — сказал собеседник. — Вам пока нельзя. Ищите сами. А пока будете искать, придете в себя, образумитесь маленько... Как я. — Он поглядел искоса на директора и посоветовал: — А вы посчитайте меня сумасшедшим. Станет легче. Я же вижу, вы уже готовы...

Директор оглянулся беспомощно. Мир давно уже должен был распасться на куски и рухнуть с грохотом, но, похоже, он рушиться не собирался: все так же зеленел, шумел кронами и мерцал из-за стволов неширокой полоской воды.

— И вы думаете, я вам поверю? — весь дрожа, проговорил директор. Подавать на экраны жизнь... Да он что, Шекспир, ваш компьютер?

— А! — с отвращением отмахнулся лежащий. — Какой там Шекспир!... Вы поймите: десять лет он собирал информацию — головотяпство ваше, самоуправство, промахи ваши административные... а теперь вам же и возвращает согласно программе — вот и весь Шекспир...

Директору хотелось проснуться. Или хотя бы схватить лежащие на траве туфли и припуститься бегом из солнечного зеленого кошмара в привычную реальность кабинета.

— Не может быть... — вконец охрипнув, сказал он. — Это скандал. Вмешалась бы международная общественность...

— Вмешалась бы. — Собеседник одобрительно кивнул. — Но не вмешается. Тут вот какая тонкость... Жажда власти (она же административный восторг) определена ныне медиками как одна из форм сумасшествия. Так что в глазах общественности мы с вами, коллега, скорее пациенты, чем заключенные...

— Но если человек до конца дней своих просидит в кабинете? — крикнул директор.

— Ну и просидит, — последовал философский ответ.

— Так... — задыхаясь проговорил директор. — Так... И что вы теперь намерены делать?

— Загорать, — лаконично отозвался собеседник.

— Ну допустим, — собрав остатки хладнокровия, сказал директор. — День будете загорать, два будете загорать... У вас, кстати, кожа облезает... А дальше?

— Облезает, говорите? Это хорошо...

— Вы мне не ответили, — напомнил директор. — Что дальше?

Взгляд незнакомца несколько смягчился. С минуту лежащий изучал директора, явно прикидывая, а стоит ли с этим типом откровенничать.

— Тут, я смотрю, речка есть... — нехотя проговорил он наконец. — Она ведь куда-то должна впадать. Наверное, в какую-нибудь другую речку. И та тоже... Значит, если поплыть отсюда по течению, можно и до моря добраться... Закажу яхту. Не получится — сам сделаю. Хочу, короче, попробовать кругосветное плавание. В одиночку...

После этих слов генеральному директору стало окончательно ясно, с кем он имеет дело. Видимо, следовало вежливо со всем согласиться и тут же откланяться. Но директор был еще слишком для этого взвинчен.

— Ах, кругосветное! — сказал он. — В одиночку!.. Оч-чень, оч-чень интересно... А кому, позвольте спросить, это нужно? Вы! Энергичный, инициативный человек...

— Кому? — взревел воспаленно-розовый незнакомец. — Мне! С детства, знаете ли, мечтал! Плывешь этак, знаете, по океану и не причиняешь вреда ни единой живой душе!.. Идите, — почти приказал он. — Идите в ваш кабинет, играйте там в ваши поддавки, идите куда хотите!..

На траву рядом с директорской тенью легла еще одна. Директор оглянулся. Это был юноша в "плетке". Лежащий бешено посмотрел на веревочную маечку подошедшего и повернулся к публике без малого алой спиной.

— Вроде работает, — сообщил юноша, с интересом разглядывая облезающую спину. Спина была похожа на контурную карту Европы.

Генеральный директор сделал страшные глаза и предостерегающе приложил палец к губам. Затем — по возможности бесшумно — поднял с травы туфли и, ухватив за неимением лацкана какую-то веревочную пупочку, увлек изумленного юношу в сторону кабинета. Босиком и на цыпочках.

— Видите, человек лежит? — шепнул он, отойдя подальше.

Юноша испуганно покивал.

— Совершенно страшная история... — все так же шепотом пояснил генеральный директор. — Крупный ответственный работник, я с ним встречался на симпозиуме... Вы же представляете, какие у нас нагрузки... какая ответственность...

— Так что с ним? — спросил юноша. Тоже шепотом.

Директор быстро оглянулся на лежащего и, снова сделав страшные глаза, покрутил пальцем у виска.

— Что вы говорите! — ахнул юноша. — Так это надо сообщить немедленно!..

— Тише!.. — прошипел директор. — А куда сообщить, вы знаете?

— Ну конечно... Все-таки в службе связи работаю...

— Молодой человек... — В голосе генерального директора прорезались низы. — Я вас убедительно прошу сделать это как можно скорее...

Они еще раз оглянулись. На нежно-зеленой поляне по-прежнему сияло воспаленно-розовое пятно. Как ссадина.

— Вот так, — с горечью произнес директор. — Работаешь-работаешь...

Не закончил и, ссутулясь, пошел к кабинету. Потом вздрогнул, опустился на корточки и с заговорщическим видом поманил к себе юношу туфлями, которые все еще держал в руке. Юноша посмотрел на странного клиента, как бы сомневаясь и в его нормальности, но подумал и тоже присел рядом. Оба заглянули под светлое матовое днище кабинета.

— Слушайте... — снова зашептал директор. — А вон тот кабель... Он куда идет?

Юноша пожал загорелым плечом.

— Это надо схему посмотреть, — сказал он.

— Слушайте... А он нигде не соединяется с каким-нибудь... компьютером, например?

— Ну а как же! — все более недоумевая, ответил юноша. — И не с одним. У вас же в инструкции...

— Да нет, — с досадой перебил директор. — Я не о том... А не бывает так, что компьютер вдруг возьмет и подключится сам?

— Сам? — Юноша недоверчиво засмеялся. — Это как же?

— А что, такого быть не может?

— Нет, конечно.

Они поднялись с корточек.

— Спасибо, — стремительно обретая утраченное было достоинство, изронил директор. — Спасибо вам большое... И, пожалуйста, не забудьте о моей просьбе... — Он хотел было подать юноше руку, но в руке были туфли. Возникла неловкость.

— Вы сейчас в лифт? — поспешно спросил директор.

— Да нет, я, пожалуй, пройдусь... — отвечал юноша, озадаченно на него глядя.

— А, ну пожалуйста-пожалуйста... — благосклонно покивал директор и вдруг встревожился: — Позвольте, а как же вы тогда сообщите?..

Вместо ответа юноша многозначительно похлопал по сумке.

Ступеньки взметнулись, распрямились, и прямоугольник входа исчез. Это директор нажал клавишу в своем кабинете. Потом внутри слепого матового куба что-то слабо пискнуло. Это включились экраны.

Юноша в "плетке" повернулся и, покачивая сумкой, двинулся через парк.

— Ну и зачем вам это было нужно? — с упреком спросил он, останавливаясь над воспаленно-розовым мужчиной.

Лежащий приоткрыл глаз.

— А-а... — сказал он. — Так вы, значит, еще и экраны ремонтировать умеете?

— Мы же вас просили ни с кем из них не общаться! — Юноша был явно расстроен. — Излечение шло по программе, наметились сдвиги... Сегодня мы его выпустили на травку, подобрали погоду, настроение... Неужели за речкой места мало? Почему вам обязательно надо загорать рядом с... э-э... — И юноша в "плетке" обвел свободной рукой многочисленные белые кубики, виднеющиеся из-за деревьев.

— А он первый начал, — сообщил лежащий, кажется, развлекаясь. — И вообще — где яхта? Вы мне обещали яхту!

— И с яхтой тоже! — сказал юноша. — Зачем вы нас обманули? Вы же не умеете обращаться ни с мотором, ни с парусом! Перевернетесь на первой излучине...

— Ну не умею! — с вызовом согласился лежащий. — Научусь. Пока до моря доплыву, как раз и научусь. А пациент этот ваш... Я тут с ним поговорил... Зря возитесь. По-моему, безнадежный.

— Должен вам напомнить, — заметил юноша, — что вы тоже считались безнадежным. Причем совсем недавно.

Воспаленно-розовый мужчина открыл было рот, видимо, собираясь сказать какую-нибудь грубость, но тут над парком разнесся гул и шелест винтов, заставивший обоих поднять головы. Что-то, похожее на орла, несущего в когтях щуку, выплыло из-за крон и зависло над неширокой полоской воды.

Вертолет нес яхту.

СЕМЬ ТЫСЯЧ Я

Я сразу же заподозрил неладное, увидев в его квартире оседланную лошадь.

— Как это ты ее на седьмой этаж? — оторопело спросил я, обходя сторонкой большое дышащее животное. — Лифтом?

Он горько усмехнулся в ответ.

— Лифтом... — повторил он. — Да разве такая зверюга в лифте поместится? В поводу вел. По ступенькам...

Собственно, я уже тогда имел право арестовать его. Лошадь была не просто оседлана — на ней был чалдар... Что такое чалдар? Это, знаете, такая попона из металлических пластинок. Похищена в феврале прошлого года из энского исторического музея вместе с мелкокольчатой броней и доспехом типа "зерцало".

— Удивляешься... — с удовлетворением отметил он. — Понимаю тебя.

Он уже ничего не скрывал. Комнату перегораживало длинное кавалерийское копье, а к столу был прислонен меч, восстановленный недавно специалистами по крыжу XII века. Кроме него из экспозиции пропал еще, помнится, полный комплект боевых ножей.

Я решил не засвечиваться раньше времени и, изобразив растерянность, присел на диван.

— Значит, летим исправлять историю? — придав голосу легкую дрожь, спросил я.

— Летим, — подтвердил он.

— Рязань?

— Калка! — Произнеся это, он выпрямился и сбросил домашний халат. От груди и плеч моего подопечного отскочили и брызнули врассыпную по комнате светлые блики. Его торс облегала сияющая мелкокольчатая броня, усиленная доспехом типа "зерцало". А вот и пропавшие ножички, все три: засапожный, поясной и подсайдашный...

Услышав грозное слово "Калка", лошадь испуганно всхрапнула и вышибла копытом две паркетные шашки.

И тут меня осенило, что у него ведь могут быть и сообщники...

— Сними ты с себя это железо! — искусно делая вид, что нервничаю, сказал я. — Тебя ж там первый татарин срубит! Знаешь ведь поговорку: один в поле не воин...

Крючок был заглочен с лету.

— Один? — прищурившись, переспросил он. — А кто тебе сказал, что я там буду один? В поле?

Уверен, что лицо недоумка вышло у меня на славу.

— А кто второй?

— Я.

— Хм... А первый тогда кто?

— Тоже я, — сказал он, насмешливо меня разглядывая.

Лошадь переступила с ноги на ногу и мотнула головой, как бы отгоняя мысль о предстоящем кошмаре.

— Ну хорошо... — смилостивился он. — Сейчас объясню...

И возложил длань на высокое седло, куда, по всей видимости, и была вмонтирована портативная машина времени марки "минихрон", украденная три года назад прямо из сейфа энской лаборатории.

— Итак, я включаю, как ты уже догадался, устройство и перебрасываюсь вместе с лошадью во вторник 31 мая 1223 года. Провожу там весь день до вечера. К вечеру возвращаюсь. Отдыхаю, сплю, а назавтра... — Он сделал паузу, за время которой стал выше и стройнее. — А назавтра я снова включаю устройство и снова перебрасываюсь во вторник 31 мая 1223 года! Вместе с лошадью! То есть нас теперь там уже — сколько?

— Ну, четверо, — сказал я. — С лошадьми...

И осекся. Я понял, куда он клонит.

— То же самое я делаю и послезавтра, и послепослезавтра! — Глаза его сверкали, голос гремел. — Семь тысяч дней подряд я перебрасываюсь туда вместе с лошадью и провожу там весь день до вечера. Я трачу на это без малого двадцать лет, но зато во вторник 31 мая 1223 года в окрестностях реки Калки возникает войско из семи тысяч всадников! И оно заходит татарам в тыл!..

Весь в металле, словно памятник самому себе, он стоял посреди комнаты, чуть выдвинув вперед правую ногу, и в гладкой стали поножа отражалось мое опрокинутое лицо.

"Брать! — тяжко ударила мысль. — Брать немедленно!.."

Но тут он дернул за свисающий с потолка шнурок, на который я как-то не обратил внимания, и со свистом развернувшаяся сеть из витого капрона во мгновение ока спеленала меня по рукам и ногам.

— Почему бы тебе не предъявить свое удостоверение? — мягко осведомился он. — Ты ведь из Группы Охраны Истории, не так ли?

"Спокойствие! — скомандовал я себе. — Главное, не делать резких движений!.. Это витой капрон!"

— Ты, видимо, хочешь сказать, — вкрадчиво продолжал он, — что мои семь тысяч будут слишком уж уязвимы? Что достаточно устранить меня сегодняшнего — и не будет уже ни меня завтрашнего, ни меня послезавтрашнего... Достаточно, короче, прервать цепочку — и все мое войско испарится на глазах у татар. Так?

— Да, — хрипло сказал я. — Именно так...

— Так вот, во время дела, — ликующе известил он, — я сегодняшний буду находиться в самом безопасном месте. Как и я завтрашний, как и я послезавтрашний... А вот последние будут первыми. То есть пойдут в первых рядах...

— Между прочим, дом окружен, — угрюмо соврал я.

Он тонко улыбнулся в ответ.

— И окрестности Калки тоже?

Мне нечего было на это сказать.

На моих глазах он препоясался мечом и взял копье. Затем выпрямился и с княжеским высокомерием вздернул русую недавно отпущенную бородку. Я понял, что сейчас он изречет что-нибудь на прощанье. Что-нибудь историческое.

— Татарское иго, — изрек он, — позорная страница русской истории. Я вырву эту страницу.

Причем ударение сделал, авантюрист, не на слове "вырву", а на слове "я". Потом запустил руку под седло и, на что-то там нажав, исчез. Вместе с лошадью.

— Семь тысяч? — Руки шефа взметнулись над столом — то ли он хотел воздеть их к потолку, то ли схватиться за голову. — Семь тысяч... А ты сказал ему, что у него прабабка — татарка?

— Н-нет... — ответил я. — А что? В самом деле?

— Откуда я знаю? — огрызнулся шеф. — Надо было сказать!..

Его заместитель по XIII веку давно уже бегал из угла в угол. Возле стенда "Сохраним наше прошлое!" резко обернулся.

— Почему ты не хочешь оставить засаду на его квартире?

— Потому что он туда больше носа не покажет, — ворчливо отозвался шеф. — Будь уверен, ночлег он себе подготовил на все семь тысяч дней. Как и стойло для лошади. А вот где его теперь искать, это стойло?.. Нет, брать его, конечно, надо там — в тринадцатом веке...

— Как?

— В том-то и дело — как?..

Шеф поставил локти на стол и уронил тяжелую голову в растопыренные пальцы.

— Семь тысяч, семь тысяч... — забормотал он. — Ведь это же надо что придумал, босяк!..

— Но, может быть, нам... — осторожно начал заместитель, — в порядке исключения... разрешат...

— Снять блокаду? — Шеф безнадежно усмехнулся. Я тоже.

Дело в том, что прошлое по решению мирового сообщества блокировано с текущего момента и по пятнадцатый век включительно — на большее пока мощностей не хватает... А ловко было бы: вырубить на минутку генераторы, потом — шасть в позавчера — и в наручники авантюриста...

— А у тебя какие-нибудь соображения есть? — Вопрос был обращен ко мне.

— Есть, — сказал я и встал.

Это произвело сильное впечатление. Шеф и его заместитель по XIII веку ошарашенно переглянулись.

— Ну-ка, ну-ка, изложи...

Я изложил.

Вообще-то я редко когда высказываю начальству свои мысли, но если уж выскажу... Молчание длилось минуты три. Заместитель опомнился первым.

— А, собственно, почему бы и нет? — с опаской поглядывая на шефа, промолвил он, и сердце мое радостно встрепенулось.

Шеф затряс головой.

— Ты что, хочешь, чтобы я отпустил его в тринадцатый век о д н о г о *?*

— Да почему же одного? — поспешил вмешаться я, очень боясь, что предложение мое сейчас зарубят. — Меня же тоже будет семь тысяч!

Шеф вздрогнул.

— Ты вот что, сынок... — сказал он, почему-то пряча глаза. — Ты пойди погуляй пока, а мы тут посоветуемся... Только далеко не уходи...

Я вышел в коридор и, умышленно прикрыв дверь не до конца, встал рядом. Профессиональная привычка. Кроме того, там, в кабинете, решалась моя судьба: расквитаюсь я с моим подопечным за сетку из витого капрона или же дело передадут другому? Запросто могли передать. Что ни говори, а были у меня промахи в работе, случались...

Я прислушался. Начальство вело ожесточенный спор, погасив голоса до минимума. В коридор выпархивали лишь случайные обрывки фраз.

ШЕФ: ... не представляешь... дубина... таких дел натворит, что... (Это он, надо полагать, о моем подопечном.)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ: ... клин клином... ручаюсь, не уступит... (А это уже, кажется, обо мне.)

ШЕФ: ... семь тысяч! Тут одного-то его не знаешь, куда... хотя бы руководителя ему... (Вот-вот! Это как раз то, чего я боялся!)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ: ... ну кто еще, кроме... семь тысяч — почти двадцать лет... а там и на пенсию...

Последнего обрывка насчет пенсии я, честно говоря, не понял. При чем тут пенсия?.. Вскоре меня пригласили в кабинет.

— В общем так, сынок... — хмурясь, сказал шеф. — Мы решили принять твое предложение. Если кто-то и способен остановить этого придурка — то только ты...

Утро 31 мая 1223 года выдалось погожим.

Опершись на алебарду, я растерянно оглядел окрестности. Как-то я все не так это себе представлял... Ну вот, например: я иду перед стройной шеренгой воинов, каждый из которых — я сам. Останавливаюсь, поворачиваюсь лицом к строю и на повышенных тонах объясняю ситуацию: вон там, за смутной линией горизонта — река Калка. А за теми холмами — войско из семи тысяч авантюристов. Или даже точнее — авантюриста. Что от нас требуется, орлы? От нас требуется умелым маневром блокировать им дорогу и не дать вмешаться в естественное развитие событий...

И вот теперь я стоял, опершись на алебарду, и что-то ничего пока не мог сообразить. Остальные-то где? Кажется, я прибыл слишком рано...

Тут я вспомнил, что пехотинец-одиночка для тяжеловооруженного конника — не противник, и в поисках укрытия двинулся к виднеющемуся за кустами овражку.

— Эй, с алебардой! — негромко окликнули меня из кустов.

Я обернулся на голос, лязгнув доспехами. В листве поблескивал металл. Там прятались вооруженные люди. Лошадей не видно, вроде свои.

— Быстрей давай! — скомандовали из кустов. — Демаскируешь!

Я пролез сквозь чащу веток и остановился. Передо мной стояло человек десять воинов. И еще с десяток прохаживалось на дне овражка. Из-под светлых шлемов-ерихонок на меня отовсюду смотрело одно и то же лицо. Мое лицо. Разве что чуть постарше.

— Который год служишь?

Тон вопроса мне не понравился.

— Да что ты его спрашиваешь — и так видно, что салага, — хрипло сказал воин с забинтованным горлом. — Гляди-ка, панцирь у него... Ишь вырядился! Прям "старик"... А ну прими алебарду как положено!

Вот уж чего я никогда не знал — так это как положено принимать алебарду.

— Вконец "сынки" распустились! — Хриплый забинтованный недобро прищурился. — Кто давал приказ алебарду брать?

— А что надо было брать?

— Топор! — негромко, щадя простуженное горло, рявкнул он. — Лопату! Шанцевый инструмент!.. Если через голову не доходит — через ноги дойдет! Не можешь — научим, не хочешь — заставим! С какого года службы, тебя спрашивают?

— Да я, в общем-то... — окончательно смешавшись, пробормотал я, — в первый раз здесь...

Ко мне обернулись с интересом.

— Как? Вообще в первый?

— Вообще, — сказал я.

— А-а... — Хриплый оглядел меня с ног до головы. — Ох, и дурак был... Панцирь прямо на трико напялил?

— На трико, — удрученно подтвердил я.

— К концу дня плечи сотрешь, — пообещал он. — И алебарду ты тоже зря. Алебарда, брат, инструмент тонкий... И, между нами говоря, запрещенный. В тринадцатом веке их на Руси еще не было... Ну-ка, покажи ему, как правильно держать, — повернулся он к другому мне — помоложе. Тот принял стойку "смирно" — глаза навыкате, алебарда у плеча.

— Вот, — удовлетворенно сказал хриплый. — Так примерно выглядит первая позиция. А теперь пару приемов. Делай... р-раз!

Всплеснуло широкое лезвие. Мне показалось, что взмах у воина вышел не совсем уверенный. Видимо, хриплому тоже так показалось, потому что лицо его мгновенно сделалось совершенно зверским.

— Который год службы? Третий? Три года воюешь — приемы не разучил?

Ситуация нравилась мне все меньше и меньше.

— Пятый год службы — ко мне! Есть кто с пятого года службы? Ну-ка, собери молодых и погоняй как следует. До сих пор не знают, с какого конца за алебарду браться!

Веселый доброволец пятого года службы сбежал в овражек и звонко приказал строиться. Кое-кто из молодых пытался уклониться, но был изъят из кустов и построен в две шеренги.

— Делай... р-раз!

Нестройно всплеснули алебарды.

— А ты давай приглядывайся, — посоветовал мне хриплый. — И дома начинай тренироваться. Как утром встал — сразу за алебарду. Раз двадцать каждый удар повторил — и под душ. Днем-то у тебя здесь времени уже не будет...

Вдалеке затрещали кусты, и вскоре на той стороне овражка показались еще человек пятнадцать воинов — крепкие мужчины средних лет. Несколько лиц (моих опять-таки) были обрамлены бородами разной длины. А самый старший воин — гладко выбрит. На плечах вновь пришедших покоились уже не алебарды, а тяжелые семиметровые копья.

— Делай... три! — донеслось из овражка.

— Это еще что такое? — удивился бритый. Он шагнул к обрывчику и заглянул вниз.

— До сих пор алебардами не владеют, салаги! — пояснил хриплый. — Вот решили немножко погонять...

— Отставить! — рявкнул бритый. — Какой еще к черту, тренаж? Нам сейчас марш предстоит — в пять километров! Давай командуй общее построение!

Хриплый скомандовал, и воины, бренча и погромыхивая доспехами, полезли из овражка. Поскольку все были одного роста, выстроились по возрасту. Я уже начинал помаленьку разбираться в их (то есть в моей) иерархии. На правом фланге — "деды": загорелые обветренные лица, надраенные до блеска старенькие брони и шлемы. Собственно, это были одна и та же броня и один и тот же шлем — из нашего запасника. Пятый год службы играл роль сержантского состава. Он занимал центральную часть строя. Дальше располагались "молодые" и, наконец, на левом фланге — самая салажня: в крупнокольчатых байданах, в шлемах-мисюрках, не спасающих даже от подзатыльника, и с шанцевым инструментом в руках.

— А кто это там влез на левый фланг в панцире? — осведомился захвативший командование бритый ветеран. — Штрафник, что ли?

Ему объяснили, что я новичок и в панцирь влез по незнанию.

— Ага... — сказал командир. — Значит, для тех, кто в этот отряд еще не попадал или попадал, но давно: задача наша чисто вспомогательная. Конница противника будет прорываться по равнине, там их встретят первая и вторая баталии. Ну это вы и так знаете... А нам, орлы, нужно заткнуть брешь между оврагами и рощей. Значит, что? Значит, в основном земляные работы, частокол и все такое прочее...

Не снимая кольчужной рукавицы, он взял в горсть висящую поверх панциря ладанку и поднес к губам.

— Докладывает двадцать третий. К маршу готовы.

— Начинайте движение, — буркнула ладанка моим голосом, и командир снова повернулся к строю.

— Нале... уо!

Строй грозно лязгнул железом.

Как и предсказывал хриплый, плечи я стер еще во время марша. К концу пути я уже готов был малодушно нажать кнопку моего "минихрона" и, вернувшись, доложить шефу, что переоценил свои возможности. Однако мысль о сетке из витого капрона, в которой я оказался сегодня утром, заставила меня стиснуть зубы и продолжать марш.

— Стой!

Колонна остановилась. Справа — заросли, слева — овраги.

— Перекур семь минут...

Строй смешался. Человек пятнадцать отошли в сторонку и, достав из шлемов сигареты, закурили. Я обратил внимание, что среди них были воины самого разного возраста. Из этого следовало, что годика через три я от такой жизни закурю, потом брошу, потом опять закурю. И так несколько раз.

Броню мне разрешили снять. Пока я от нее освобождался, перекур кончился. Стало шумно. В рощице застучали топоры, полетели комья земли с лопат. Меня как новичка не трогали, но остальные работали все. Задача, насколько я понял, была — сделать гиблое для конницы место еще более гиблым. Темп в основном задавали воины пятого года службы. Сияя жизнерадостными оскалами, они вгрызались в грунт как экскаваторы, успевая при этом страшно орать на неповоротливых салажат в байданах. "Старики" спокойно, не торопясь орудовали саперными лопатками. И все это был я. Причем даже не весь, а только крохотная часть меня — каких-нибудь человек сорок. А там, за тем холмом, на равнине, развертывалась, строилась и шла колоннами основная масса — сотни и тысячи...

Рвы были вырыты, частоколы вбиты. На бугре выставили наблюдателя, в рощице — двоих. Потом достали свертки и принялись полдничать. Я, понятно, ничего с собой захватить не догадался, но мне тут же накидали бутербродов — больше, чем я мог съесть.

— Здесь еще спокойно... — вполголоса говорил один салага другому. Окопался — и сиди. А вот в первой баталии пахота...

— В первой — да... — соглашался со вздохом второй. — Я на прошлой неделе три раза подряд туда попадал. Набегался — ноги отламываются. Сдал кладовщику байдану, шлем,

выхожу на улицу, чувствую — шатает... Ну, думаю, если и завтра опять в первую! Нет, повезло: на переправу попал...

— Ну, там вообще лафа...

— Никак спит? — тихо, с любопытством спросил кто-то из "стариков".

Все замолчали и повернулись к воину, который действительно задремал с бутербродом в руке.

— Во дает! Ну-ка тюкни его легонько по ерихонке...

Один из бородачей, не вставая, подобрал свое огромное копье и, дотянувшись до спящего, легонько тюкнул его по навершию шлема тупым концом древка. Тот, вздрогнув, проснулся и первым делом уронил бутерброд. Остальные засмеялись.

— Солдат спит, а служба идет, — тут же съехидничал хриплый. Голос он, однако, при этом приглушил.

— Виноват, братцы... — Проснувшийся протер глаза и со смущенной улыбкой оглядел остальных. — Тут, понимаете, какое дело... Женился я вчера...

Сидящий рядом воин вскочил с лязгом.

— Согласилась? — ахнул он.

— Ага... — подтвердил проснувшийся. Лицо его выражало блаженство и ничего кроме блаженства.

Вскочивший набрал полную грудь воздуха, словно хотел завопить во всю глотку "ура!", но одумался, вздохнул и сел. Лица у этих двух сияли теперь совершенно одинаково. Зато хриплый был сильно озадачен.

— Погоди, а на ком?

— Да ты ее еще не знаешь...

Бородачи наблюдали за происходящим со снисходительными улыбками. А вот на лицах "молодых" читалось явное неодобрение.

— Додумался! — пробормотал один из них. — Военное время, а он жениться!.. Дурачок какой-то...

На беду слова его были услышаны.

— Голосок прорезался? — зловещим шепотом спросил, оборачиваясь, сильно небритый "старик". — Зубки прорезались? Это кто там на "дедов" хвост поднимает? А ну встать! Первый, второй, третий год службы! Встать, я сказал! Вы у меня сейчас траншею будете рыть — от рощи и до отбоя!

"Молодые" поднялись, оробело бренча железом. Небритый подошел к новобрачному и положил руку в кольчужной рукавице на его стальное плечо.

— А тебе я, друг, так скажу, — задушевно проговорил он. — Хорошую ты себе жену выбрал. Кроме шуток.

Сидящий в сторонке командир отряда скептически поглядел на него и, вздохнув, отвернулся.

К часу дня подошла разведка противника.

Человек двадцать конных в голых "яко вода солнцу светло сияющу" доспехах подъехали к выкопанному нами рву. Я и еще несколько салажат в байданах, как наиболее уязвимая часть нашего воинства, были отведены в заранее подготовленное укрытие и теперь с жадным любопытством следили поверх брустверa за развитием событий.

Постарел авантюрист, осунулся. Я имею в виду того, что командовал их отрядом. Ударив саврасую лошадь длинными шпорами, он выехал вперед и долго смотрел на заостренные колья, вбитые в дно рва.

— Пес! — бросил он наконец с отвращением. — Успел-таки...

Он поднял глаза. Перед ним с того края рва грозно топорщился так называемый "еж". "Молодые" подтянулись, посуровели, руки их были тверды, лезвия алебард — неподвижны.

— А почему у него лошадь саврасая? — шепотом спросил я одного из салажат. — Была же белая...

Действительно, лошади под противником были и той, и другой масти.

— Белая во время атаки шею свернула, — также шепотом пояснил салажонок. — Да ты сам сегодня увидишь — покажут...

— Предлагаю пропустить нас по-хорошему! — раздался сорванный голос старшего всадника. — Имейте в виду: сейчас сюда подойдет еще один отряд в пятьдесят клинков...

— Да хоть в сто... — довольно-таки равнодушно отозвался с этого края рва наш командир.

Мой противник оскалился по-волчьи.

— Ты вынуждаешь меня на крайние меры, — проскрежетал он. — Я вижу, придется мне завтра прихватить сюда...

— Пулемет, что ли?

— А хоть бы и пулемет!

— Прихвати-прихвати... — невозмутимо отозвался командир. — А я базуку приволоку — совсем смешно будет...

— А я... — начал противник и, помрачнев, умолк.

— Сеточку, — издевательски подсказал командир. — Сеточку не забудь. Такую, знаешь, капроновую...

Тот яростно крутнулся на своем саврасом.

— Червь! — выкрикнул он. — Татарский прихвостень! Там, — он выбросил закованную в сталь руку с шелепугой подорожной куда-то вправо, — терпит поражение князь Мстислав Удатный! А ты? Ты, русский человек, вместо того, чтобы ударить поганым в тыл... Сколько они тебе заплатили?..

— За прихвостня — ответишь, — процедил командир.

Тяжелый наконечник семиметрового копья плавал в каких-нибудь полутора метрах от шлема всадника, нацеливаясь точно промеж глаз.

— Куда, нехристь?! — Это уже относилось к противнику из "молодых", не сумевшему сдержать белую лошадь и выехавшему прямо на край рва. В остервенении старший всадник хлестнул виновного шелепугой. Тот взвыл и скорчился в седле — рогульчатое ядро пришлось по ребрам.

— А мы еще жалуемся... — уныло проговорил один из наших салажат. — У нас "деды" хоть орут, да не дерутся...

Я же с удовлетворением отметил, что "еж" из копий и алебард не дрогнул ни разу. Воины по эту сторону рва стояли, нахмурясь и зорко следя за конными. Что-что, а дисциплина у меня всегда была на высоте...

Потом подошел обещанный противником отряд. Пятьдесят не пятьдесят, но клинков сорок в ним точно было. На той стороне началась давка и ругань. Всадники подъезжали группами, смотрели с содроганием на заостренные колья и снова принимались браниться. Наконец вся эта масса попятилась и на рысях двинулась прочь, оставив после себя перепаханную, изрытую копытами землю.

— Вроде отвоевали на сегодня, — сказал командир.

Возле рва оставили охранение и разрешили салажатам вылезти из укрытия.

— Ну что он там? — нетерпеливо крикнул новобрачный, чуть запрокинув голову.

— Уходит, — ответил ему наш наблюдатель с холма.

— Все правильно, — заметил командир. — Убедился, что все лазейки перекрыты, и теперь концентрирует силы на равнине. Напролом попрет...

Наблюдателей на бугре сменяли часто. И не потому, что служба эта была трудной, — просто каждому хотелось взглянуть, что делается на равнине.

— Вторая баталия пошла, — сообщил только что спустившийся с холма бородач. — Пусть новичок посмотрит. Ему полезно...

— Можно, — согласился командир. — Пошли, новичок...

Мы поднялись на бугор. Открывшаяся передо мной равнина была покрыта свежей, еще не выгоревшей травой. И по этому зеленому полю далеко внизу, грозно ощетинясь копьями, взблескивая панцирями и алебардами, страшный в своей правильности, медленно полз огромный прямоугольник — человек в тысячу, не меньше.

— Эх, мать! — восхищенно сказал наблюдатель. — Красиво идут!

— Да я думаю, — отозвался командир. — Там же "старики" в основном! За десять лет и ты строем ходить научишься...

— Так что служи, служи, — не преминул добавить поднявшийся вместе с нами хриплый. — Тебе еще — как медному котелку.

— А вон и первая баталия строится, — сказал наблюдатель.

В отдалении муравьиные людские потоки струились из-за бугров и пригорков, смешиваясь на равнине в единую массу, постепенно преобразующуюся во второй такой же прямоугольник.

— Да что ж они так вошкаются сегодня? — с тревогой проговорил хриплый. — Не успеют же!..

— Успеют, — сказал командир.

Он перевернул ладанку и взглянул на циферблат.

— Ну, минут через десять начнется...

И минут через десять — началось! Конница выплеснулась из-за пологого холма, ослепив сверкающими на солнце доспехами. И она продолжала изливаться, и казалось, ей не будет конца. Никогда бы не подумал, что это так много — семь тысяч человек! И вся эта масса разворачивалась во всю ширь равнины и с топотом, с визгом, с лязгом уже летела на замершие неподвижно баталии.

Я зажмурился. Ничто не могло остановить этот поток сверкающего и как бы расплавленного металла.

— Что? Сдали нервишки? — злорадно осведомился командир, обращаясь, как вскоре выяснилось, не ко мне, но к противнику на равнине. — Это тебе не сеточки капроновые бросать...

Я открыл глаза. Ситуация внизу изменилась. Баталии попрежнему стояли неподвижно, а вот первые ряды конницы уже смешались. Всадники пытались отвернуть, замедлить разбег, а сзади налетали все новые и новые, начиналась грандиозная свалка.

— Смотри, смотри! — Хриплый в азарте двинул меня в ребра стальным локтем. — Туда смотри! Сейчас белая шею свернет!

Упало сразу несколько лошадей, и одна из них так и осталась лежать. Чудом уцелевший всадник прыгал рядом на одной ножке — другая была схвачена стременем.

— Все, — с сожалением сказал хриплый. — Конец лошадке.

— А где он взял саврасую?

— С племзавода увел, гад! — Хриплый сплюнул. — Предупреждали ведь их: усильте охрану, обязательно будет попытка увода... Нет, прошляпили!

— Ну вроде дело к концу идет, — удовлетворенно объявил командир и повернулся к отдыхающему внизу отряду. — Кончай перекур, орлы! Все, по возможности, привести в прежнее состояние. Ров — засыпать, частоколы убрать. Найду хоть один окурок — заставлю похоронить. С почестями.

В пыльных доспехах, держа шлем и алебарду на коленях, я сидел на стуле посреди кабинета и смотрел в скорбные глаза шефа.

— Ты не передумал, сынок? — участливо спросил он.

— Нет, — ответил я со всей твердостью. — Не передумал.

— Понимаешь, какое дело... — в затруднении проговорил шеф. — Я-то предполагал раскидать эти семь тысяч дней на нескольких сотрудников — хотя бы по тысяче на каждого... Но ты войди в мое положение: вчера какой-то босяк прорвался в XI век и подбросил в Гнездовский курган керамический обломок твердотопливного ускорителя, да еще и с надписью "горючее". Теперь, видимо, будет доказывать освоение космоса древними русичами. А сегодня — и того хлеще! Целую банду нащупали! Собираются, представляешь, высадить славянский десант в Древней Греции. Ну там Гомера Баяном подменить и вообще... Давно у нас такой запарки не было.

— Да не нужно мне никакой помощи! — сказал я. — Людей у меня там хватает...

Впервые я смотрел на своего шефа как бы свысока, что ли... Ну вот сидит он за столом — умный ведь мужик, но один. Совсем один. И что он, один, может?.. Я зажмурился на секунду и снова увидел ощетиненный копьями, страшный в своей правильности огромный квадрат, ползущий по зеленому полю. Воистину, это был я...

— Да боюсь, тяжело тебе придется... — озабоченно сказал шеф. — Сам ведь говоришь: дедовщина там у вас...

— Да какая там дедовщина! — весело возразил я. — Вот у него дедовщина так дедовщина! — Тут я не выдержал и радостно засмеялся. — Сам себя шелепугой лупит!..

СПАСАТЕЛЬ

Виновных, понятное дело, нашли и строго наказали. Однако в тот ясный весенний денек, когда подъем грунтовых вод вызвал оползень берега и только что сданная под ключ девятиэтажка начала с грохотом расседаться и разваливаться на отдельные бетонные секции, мысль о том, что виновные будут со временем найдены и строго наказаны, как-то, знаете, мало радовала.

В повисшей на арматурных ниточках однокомнатке находились двое: сотрудница многотиражной газеты "За наш труд" Катюша Горина, вцепившаяся в косяки дверной коробки, и распушившийся взрывообразно кот Зулус, чьи аристократические когти немилосердно впивались в Катюшино плечо. Место действия было наклонено под углом градусов этак в шестьдесят и все еще подрагивало по инерции.

— Ой, мама... — осмелилась наконец простонать Катюша.

И ради этого она выстояла десять лет в очереди на жилье?.. Где-то за спиной в бетонной толще что-то оборвалось, ухнуло, и секция затрепетала. Зулус зашипел, как пробитая шина, и вонзил когти до отказа.

— Зулус!.. — взвыла Катюша.

Потом в глазах просветлело, и она отважилась заглянуть вниз, в комнату. В то, что несколько минут назад было комнатой. Стена стала полом, окно — люком. Все пространство до подоконника скрылось под обломками, осколками, книгами. Телевизор исчез. Видимо, выпал в окно.

— Ой, мама... — еще раз стонуще выдохнула Катюша. Легла животом на косяк и ногами вниз начала сползать по стенке. Лицом она, естественно, вынуждена была повернуться к дверному проему. В проеме вместо привычной прихожей открылись развороченные до шахты лифта бетонные недра здания. И все это слегка покачивалось, ходило туда-сюда. Зрели-

ще настолько страшное, что Катюша, разжав пальцы, расслабленно осела в груду обломков. Скрипнула, идя на разрыв, арматура, и Катюша замерла.

— Вот оборвемся к лешему... — плачуще пожаловалась она коту.

Не оборвались.

Кривясь от боли, сняла с плеча дрожащего Зулуса. Далеко-далеко внизу раздался вопль пожарной машины. С котом в руках Катюша подползла к отверстому окну-люку. Выглянула — и отпрянула. Восьмой этаж.

— Эй!.. — слабо, безо всякой, надежды позвала она. — Эй, сюда!..

Висящая над бездной бетонная секция вздрогнула, потом еще раз, и Катюша почувствовала, что бледнеет. Расстегнула две пуговки и принялась пихать за пазуху Зулуса, когтившего с перепугу все, что подвернется под лапу. "Надо выбираться, — выплясывало в голове. — Надо отсюда как-нибудь подобру-поздорову..."

А как выбираться-то? Под окном — восемь этажей, а дверь... Кричать. Кричать, пока не услышат.

— Лю-уди-и!..

Секция вздрогнула чуть сильнее, и снаружи на край рамы цепко упала крепкая исцарапанная пятерня. Грязная. Мужская.

Оцепенев, Катюша смотрела, как из заоконной бездны появляется вторая — голая по локоть — рука. Вот она ухватилась за подоконник, став ребристой от напряжения, и над краем рамы рывком поднялось сердитое мужское лицо. Опомнившись, Катюша кинулась на помощь, но незнакомец, как бы не заметив протянутых к нему рук, перелез через ребро подоконника сам.

Грязный, местами разорванный комбинезон. Ноги — босые, мозолистые, лицо — землистого цвета, в ухабах и рытвинах. Пожарник? Нет, скорее жилец...

Наскоро отдышавшись, мужчина поднялся на ноги и оглядел полуопрокинутое шаткое помещение. Катюшу он по-прежнему вроде бы и не замечал. Его интересовало что-то другое. Он осмотрел углы, потом, привстав на цыпочки, заглянул в дверной проем — и все это на самом краешка окна, с бездной под ногами.

Озадаченно нахмурился и с видимой неохотой повернулся к хозяйке.

— Где кот?

— Что? — испуганно переспросила Катюша.

— Кот, говорю, где?

Катюша стояла с полуоткрытым ртом. Видя, что толку от нее не добьешься, мужчина достал из кармана металлический стержень и принялся водить им из стороны в сторону, как водят в темноте карманным фонариком. В конце концов торец стержня уставился прямо в живот Катюше, и землистое лицо незнакомца выразило досаду. Зулус за пазухой забарахтался, немилосердно щекоча усами, потом выпростал морду наружу и вдруг звучно мурлыкнул.

— Отдайте кота, — сказал незнакомец, пряча стержень.

— Вы... Кто вы такой?

— Ну, спасатель, — недовольно отозвался мужчина.

— Спасатель! Господи... — Разом обессилев, Катюша привалилась спиной и затылком к наклонной шаткой стене. По щекам текли слезы.

Мужчина ждал.

— Ну что мне его, силой у вас отнимать?

Катюша взяла себя в руки.

— Нет-нет, — торопливо сказала она. — Только с ним... Зулуса я здесь не оставлю... Только с ним...

Мужчина злобно уставился на нее, потом спросил:

— А с чего вы взяли, что я собираюсь спасать именно вас?

— А... а кого? — Катюша растерялась.

— Вот его... — И незнакомец кивнул на выглядывающего из-за пазухи Зулуса.

Шутка была, мягко говоря, безобразной. Здесь, на арматурном волоске от гибели, в подрагивающей бетонной ловушке... Однако это был спасатель, а спасателю прощается многое. Катюша нашла в себе силы поддержать марку и хотела уже улыбнуться в ответ, но взглянула в лицо незнакомцу — и обомлела.

Это было страшное лицо. Лицо слесаря, недовольного зарплатой, который смотрит мимо вас и цедит, отключив нижнюю губу, что для ремонта крана нужна прокладка, а прокладки у него нет, и на складе нет, вот достанете прокладку — тогда...

Незнакомец не шутил. От страха Катюша почувствовала себя легкой-легкой. Такой легкой, что выпрыгни она сейчас в окно — полетела бы, как газовый шарфик...

— Я буду жаловаться... — пролепетала она.

— Кому?

— Начальству вашему...

— Сомневаюсь, — морщась и массируя кисть руки, сказал незнакомец. Во-первых, начальство мое находится в одиннадцати световых годах отсюда, а во-вторых, когда вы собираетесь жаловаться? Через сорок минут будет повторный оползень, и секция оборвется... Отдайте кота.

Внизу заполошно вопили пожарные машины. Штуки три...

"Сейчас сойду с ума", — обреченно подумала Катюша.

— Я вижу, вы не понимаете, — сквозь зубы проговорил мужчина. — Моя задача — спасение редких видов. А ваш кот — носитель уникального генетического кода. Таких котов...

— Ах, так вы еще и пришелец? — нервно смеясь, перебила Катюша. — Из космоса, да?

Незнакомец хотел ответить, но тут над головой что-то со звоном лопнуло, секцию бросило вбок, и все трое (считая Зулуса) повалились в обломки.

— Отдайте кота, — повторил мужчина, с омерзением скидывая с себя полированную доску.

— А я?

— Что "я"?

— Но ведь я же человек! — шепотом, как в лавиноопасном ущелье, вскричала она, еле удерживая бьющегося за пазухой Зулуса.

— Ну и что?

Цинизм вопроса потряс Катюшу до такой степени, что на несколько секунд она просто онемела. Потом в голове спасением возник заголовок ее же собственной передовой статьи.

— Но ведь... — запинаясь, произнесла Катюша. — Главная ценность люди...

Незнакомца передернуло.

— Ничего себе ценность! — буркнул он, поднимаясь. — Вас уже за пять миллиардов, и что с вами делать — никто не знает... И потом — перестаньте врать! Что за ценность такая, если ее ежедневно травят дымом из мартена и селят в доме, готовом развалиться! Ценность...

— А разум? — ахнула Катюша.

— Что "разум"?

— Но ведь мы же разумны!

— Знаете, — устало сказал мужчина, — на вашей планете насчитывается четыре разумных вида, причем два из них рассматривают людей как стихийное бедствие и о разуме вашем даже и не подозревают...

Кажется, он и впрямь был пришельцем из космоса... Внизу всхрапывали моторы, клацал металл и страшный надсаженный голос орал команды.

— Как вы можете так говорить? — еле вымолвила Катюша, чувствуя, что глаза ее наполняются слезами. — Вы же сами — человек! Мужчина!

— Э, нет! — решительно сказал незнакомец. — Вот это вы бросьте. Никакой я вам не мужчина. Я вообще не гуманоид, понятно? То, что вы видите, — это оболочка. Рабочий комбине-

зон. Технику нам, сами понимаете, из соображений секретности применять не разрешают, так что приходится вот так, вручную...

Он сморщился и снова принялся массировать кисть руки. В этот момент здание как бы вздохнуло, на стену, ставшую потолком, просыпался град бетонной крошки, в прямоугольном люке, как тесто в квашне, вспучился клуб белесой строительной пыли. Высунувшийся из-за пазухи Зулус в ужасе жевал ноздрями воздух, насыщенный запахами катастрофы.

Катюша поднялась на колени и тут же, обессилев, села на пятки.

— Послушайте... — умоляюще проговорила она. — Пожалуйста... Ну что вам стоит!., Спасите нас обоих, а?..

Такое впечатление, что спасатель растерялся. На землистом лице его обозначилось выражение сильнейшей тоски.

— Да я бы не против... — понизив голос, признался он и быстро оглянулся на окно и дверь. — Тем более вы мне нравитесь... Ведете себя неординарно, не визжите... Но поймите и меня тоже! — в свою очередь взмолился он. — Вас вообще запрещено спасать! Как экологически вредный вид... Я из-за вас работы могу лишиться!

Несколько секунд Катюша сидела, тупо глядя вниз, на осколок керамики.

— Не отдам, — вяло произнесла она и застегнула пуговку.

— Ну не будьте же эгоисткой! — занервничал спасатель. — До оползня осталось тридцать минут.

— Вот и хорошо... — всхлипнув, проговорила она. — Втроем и грохнемся...

— Зря вы, — сказал незнакомец. — Имейте в виду: мне ведь не впервой. Больно, конечно, но не смертельно... Оболочка регенерируется, в крайнем случае выдадут новую... Кота жалко.

— Пришелец... — горько скривив рот, выговорила Катюша. — Сволочь ты, а не пришелец!

— Ну знаете! — взбеленясь, сказал спасатель. — Разговаривать еще тут с вами!..

Он растянул по-лягушачьи рот и очень похоже мяукнул В тот же миг Зулус за пазухой обезумел — рванулся так, что пуговка расстегнулась сама собой. Катюша попыталась его удержать, но кот с воплем пустил в ход когти. Вскрикнув, она отняла руки, и Зулус во мгновение ока нырнул за пазуху незнакомцу.

Не веря, Катюша смотрела, как на ее располосованных запястьях медленно выступает кровь.

— Послушайте... — искательно сказал незнакомец. — Вы все-таки не отчаивайтесь. Попробуйте выбраться через дверь. Там из стены торчит балка, и если вы до нее допрыгнете...

Катюша схватила полированную доску и вскочила, пошатнув свой разгромленный и полуопрокинутый мирок.

— А ну пошел отсюда, гад! — плача, закричала она.

Но то ли секция сыграла от ее взмаха, то ли у спасателя была воистину нечеловеческая реакция, но только Катюша промахнулась и, потеряв равновесие, снова села в обломки.

— Ну, как знаете... — С этими словами незнакомец исчез в отверстом люке окна. Катюша выронила доску и уткнулась лицом в груду мусора. Плечи ее вздрагивали.

— Предатель... Предатель... — всхлипывала Катюша. — Предатель подлый... Из пипетки молоком кормила...

Теперь ей хотелось одного: чтобы секция оборвалась, и как можно быстрее. Чтобы оборвался в тартарары весь этот проклятый мир, где людей травят дымом из мартена и селят в домах, готовых развалиться, где даже для инопланетного спасателя жизнь породистого кота дороже человеческой!

Однако тридцать минут — это очень и очень много. Всхлипы Катюши Гориной становились все тише и тише, наконец она подняла зареванное лицо и вытерла слезы. Может, в самом деле попробовать выбраться через дверь?..

Но тут секция энергично вздрогнула несколько раз подряд, и на край рамы цепко упала знакомая исцарапанная пятерня. Все произошло, как в прошлый раз, только землистое лицо, рывком поднявшееся над торчащим ребром подоконника, было уже не сердитым, а просто свирепым. С таким лицом лезут убивать.

— Давайте цепляйтесь за плечи! — едва отдышавшись, приказал он.

— Что? Совесть проснулась? — мстительно спросила Катюша.

Спасатель помолчал и вдруг усмехнулся.

— Скажите спасибо вашему коту, — проворчал он. — Узнал, что я за вами не вернусь, и пригрозил начать голодовку...

— Как пригрозил?

— По-кошачьи! — огрызнулся спасатель. — Ну, не тяните время, цепляйтесь! До оползня всего пятнадцать минут...

АНАЛОГИЧНЫЙ СЛУЧАЙ

В чисто научных целях Биолог отхватил лазером крупный мясистый побег, и тут появилось чудовище. Лохматое от многочисленных щупалец, оно стремительно выкатилось из зарослей и, пронзительно заверещав, схватило Биолога.

Командор и Кибернетик бросились к танку. Чудовище их не преследовало. Оно шмякнуло Биолога о мягкую податливую почву и прикрепило за ногу к верхушке так и не обследованного растения.

Когда Командор выскочил с бластером из танка, животное уже скрылось. Биолог покачивался вниз головой на десятиметровой высоте.

Его сняли, втащили в танк и привели в чувство.

— Что оно со мной делало? — слабым голосом спросил Биолог.

— Подвесило на веточку, — сухо ответил Кибернетик. — На зиму запасалось.

Танк с грохотом ломился сквозь джунгли, расчищая дорогу манипуляторами.

— Может, мы заехали в заповедник? — предположил пришедший в себя Биолог.

— Они обязаны были предупредить нас о заповедниках! — прорычал Командор.

Ситуация складывалась в некотором роде уникальная. Объективно говоря, контакт с аборигенами уже состоялся. Была установлена двусторонняя телепатическая связь, и даже наметились какие-то дружеские отношения. Однако туземная система координат была настолько необычной, что астронавты никак не могли понять, где искать аборигенов, а те, в свою очередь, не могли уразуметь, где находится корабль.

В числе прочих сведений местные жители сообщили, что крупных животных на планете нет.

— А так ли уж они к нам расположены? — угрюмо сказал Командор. — Что если они нарочно морочат нам голову с координатами? Умолчали же насчет хищников?

Танк впорался в совершенно непроходимую чащу. Они взяли лазер и выжгли в ней просеку.

— Есть идея, — сказал Биолог.

— Слушаю вас, — заинтересовался Командор.

— Это было маленькое животное.

— То есть?!

— Для них маленькое.

— О господи!.. — содрогнулся Командор.

Путь танку преградил глубокий ров. Они взяли бластер и направленным взрывом сбросили в этот ров кусок холма.

— Если на то пошло, — вмешался Кибернетик, — у меня тоже есть идея. В достаточной мере безумная.

— Давайте, — устало сказал Командор.

— Никаких аборигенов на этой планете нет.

Астронавты тревожно заглянули в глаза Кибернетику.

— Позвольте... А где же они?

— Они на той планете, с которой мы установили телепатическую связь.

Выход из ущелья затыкала огромная каменная глыба. Они взяли деструктор и распылили ее.

— Любим мы безумные идеи, — проворчал Командор. — А почему не предположить самое вероятное? Просто наш Связист не так их понял. Ладно! Доберемся — выясним.

Танк налетел на земляной вал неизвестного происхождения и, прошибив его насквозь, подкатил к кораблю...

— Ну, вы меня удивили, старики! — Связист отлепил присоски от бритого черепа и озадаченно помассировал темя. — Я абсолютно уверен в их искренности. Я же не с передатчиком, а с личностью общаюсь. Кстати, он, оказывается, тоже сельский житель. Вам, горожанам, этого не понять. Знаете, о чем мы с ним говорили? О высоких материях? Черта с два! О самом насущном. Например, он пожаловался, что на его делянке завелись какие-то вредные зверьки... ну, вроде наших грызунов. Портят посевы, проедают дырки в изгороди... А я рассказал ему аналогичную историю: у моего деда был сад, и когда к нему повадились воробьи, он подстрелил одного и повесил на дереве. И остальных как ветром сдуло! Представляете, эта мысль моему аборигену очень понравилась. Он поблагодарил за совет и сказал, что сейчас же пойдет и попробует... А что это вы на меня так странно смотрите?

ОТДАЙ МОЮ ПОСАДОЧНУЮ НОГУ!

И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

А. С. Пушкин

Алеха Черепанов вышел к поселку со стороны водохранилища. Под обутыми в целлофановые пакеты валенками похлюпывал губчатый мартовский снег. Сзади остался заветный заливчик, издырявленный, как шумовка, а на дне рюкзачка лежали — стыдно признаться — три окунька да пяток красноперок. Был еще зобанчик, но его утащила ворона.

Дом Петра стоял на отшибе, отрезанный от поселка глубоким оврагом, через который переброшен был горбыльно-веревочный мосток с проволочными перилами. Если Петро, не дай бог, окажется трезвым, то хочешь не хочешь, а придется по этому мостку перебираться на ту сторону и чапать аж до самой станции. В темноте.

Леха задержался у калитки и, сняв с плеча ледобур (отмахаться в случае чего от хозяйского Уркана), взялся за ржавое кольцо. Повернул со скрипом. Хриплого заполошного лая, как ни странно, не последовало, и, озадаченно пробормотав: "Сдох, что ли, наконец?.." — Леха вошел во двор.

Сделал несколько шагов и остановился. У пустой конуры на грязном снегу лежал обрывок цепи. В хлеву не было слышно шумных вздохов жующей Зорьки. И только на черных ребрах раздетой на зиму теплицы шуршали белесые клочья полиэтилена.

Смеркалось. В домишках за оврагом уже начинали вспыхивать окна. Алексей поднялся на крыльцо и, не обнаружив висячего замка, толкнул дверь. Заперто. Что это они так рано?..

— Хозяева! Гостей принимаете?

Тишина.

Постучал, погремел щеколдой, прислушался. Такое впечатление, что в сенях кто-то был. Дышал.

— Петро, ты, что ли?

За дверью перестали дышать. Потом хрипло осведомились:

— Кто?

— Да я это, я! Леха! Своих не узнаешь?

— Леха... — недовольно повторили за дверью. — Знаем мы таких Лех... А ну заругайся!

— Чего? — не понял тот.

— Заругайся, говорю!

— Да иди ты!.. — рассвирепев, заорал Алексей. — Котелок ты клепаный! К нему как к человеку пришли, а он!..

Леха плюнул, вскинул на плечо ледобур и хотел уже было сбежать с крыльца, как вдруг за дверью загремел засов и голос Петра проговорил торопливо:

— Слышь... Я сейчас дверь приотворю, а ты давай входи, только по-быстрому...

Дверь действительно приоткрылась, из щели высунулась рука и, ухватив Алексея за плечо, втащила в отдающую перегаром темноту. Снова загремел засов.

— Чего это ты? — пораженно спросил Леха. — Запил — и ворота запер?.. А баба где?

— Баба? — В темноте посопели. — На хутор ушла... К матери...

— А-а... — понимающе протянул мало что понявший Леха. — А я вот мимо шел — дай, думаю, зайду... Веришь, за пять лет вторая рыбалка такая... Ну не берет ни на что, и все тут...

— Ночевать хочешь? — сообразительный в любом состоянии, спросил Петро.

— Да как... — Леха смутился. — Вижу: к поезду не успеваю, а на станции утра ждать — тоже, сам понимаешь...

— Ну заходь... — как-то не по-доброму радостно разрешил Петро и, хрустнув в темноте ревматическими суставами, плоскостопо протопал в хату. Леха двинулся за ним и тут же лобызнулся с косяком — аж зубы лязгнули.

— Да что ж у тебя так темно-то?!

Действительно, в доме вместо полагающихся вечерних сумерек стояла все та же кромешная чернота, что и в сенях.

— Сейчас-сейчас... — бормотал где-то неподалеку Петро. — Свечку запалим, посветлей будет...

— Провода оборвало? — поинтересовался Леха, скидывая наугад рюкзак и ледобур. — Так, вроде, ветра не было...

Вместо ответа Петро чиркнул спичкой и затеплил свечу. Масляно-желтый огонек задышал, подрос и явил хозяина ха-

ты во всей его красе. Коренастый угрюмый Петро и при дневном-то освещении выглядел диковато, а уж теперь, при свечке, он и вовсе напоминал небритого и озабоченного упыря.

Леха стянул мокрую шапку и огляделся. Разгром в хате был ужасающий. Окно завешено байковым одеялом, в углу — толстая, как виселица, рукоять знаменитого черпака, которым Петро всю зиму греб мотыль на продажу. Видимо, баба ушла на хутор к матери не сегодня и не вчера.

Размотав бечевки, Леха снял с валенок целлофановые пакеты, а сами валенки определил вместе с шапкой к печке — сушиться. Туда же отправил и ватник. Хозяин тем временем слазил под стол и извлек оттуда две трехлитровые банки: одну — с огурцами, другую — известно с чем. Та, что известно с чем, была уже опорожнена на четверть.

— Спятил? — сказал Леха. — Куда столько? Стаканчик приму для сугреву — и все, и прилягу...

— Приляжь-приляжь... — ухмыляясь, бормотал Петро. — Где приляжешь, там и вскочишь... А то что ж я: все один да один...

"Горячка у него, что ли?" — с неудовольствием подумал Леха и, подхватив с пола рюкзак, отнес в сени, на холод. Возвращаясь, машинально щелкнул выключателем.

Вспыхнуло электричество.

— Потуши! — испуганно закричал Петро. Белки его дико выкаченных глаз были подернуты кровавыми прожилками.

Леха опешил и выключил, спорить не стал. Какая ему, в конце концов, разница! Ночевать пустили — и ладно...

— Ишь, раздухарился... — бормотал Петро, наполняя всклень два некрупных граненых стаканчика. — Светом щелкает...

Решив ничему больше не удивляться, Алексей подсел к столу и выловил ложкой огурец.

— Давай, Леха, — с неожиданным надрывом сказал хозяин. Глаза неподвижные, в зрачках — по свечке. — Дерябнем для храбрости...

Почему для храбрости, Леха не уразумел. Дерябнули. Первач был убойной силы. Пока Алексей давился огурцом, Петро успел разлить по второй. В ответ на протестующее мычание гостя сказал, насупившись:

— Ничего-ничего... Сейчас сало принесу...

Привстал с табуретки и снова сел, хрустнув суставами особенно громко.

— Идет... — плачуще проговорил он. — Ну точно — идет... Углядел-таки... Надо тебе было включать!..

— Кто?

Петро не ответил — слушал, что происходит снаружи.

— На крыльцо подымается... — сообщил он хриплым шепотом, и в этот миг в сенях осторожно стукнула щеколда.

— Открыть?

Петро вздрогнул. Мерцающая дробинка пота сорвалась струйкой по виску и увязла в щетине.

— Я те открою!.. — придушенно пригрозил он.

Кто-то потоптался на крыльце, еще раз потрогал щеколду, потом сошел вниз и сделал несколько шагов по хрупкому, подмерзшему к ночи снегу. Остановился у занавешенного одеялом окна.

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — раздался откуда-то из-под земли низкий с подвыванием голос.

Леха подскочил, свалил стаканчик, едва не опрокинул свечку.

— Что это?!

Петро молчал, бессмысленно уставясь на растекшуюся по клеенке жидкость. Губы его беззвучно шевелились.

— Чего льешь-то!.. — мрачно выговорил он наконец. — Добро переводишь...

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — еще жутче провыло из печки.

Леха слетел с табурета и схватил ледобур.

— Да сиди ты... — буркнул Петро, снова снимая пластмассовую крышку с трехлитровой банки. — Ничего он нам не сделает... Прав не имеет, понял?.. Так, попугает чуток...

Ничего не понимающий Леха вернулся было к столу и тут же шарахнулся вновь, потому что одеяло на окне всколыхнулось.

— Сейчас сбросит... — с содроганием предупредил Петро. Лехин стаканчик он наполнил, однако, не пролив ни капли.

Серое байковое одеяло с треугольными подпалинами от утюга вздувалось, ходило ходуном и наконец сорвалось, повисло на одном гвозде. Лунный свет отчеркнул вертикальные части рамы. Двор за окном лежал, утопленный наполовину в густую тень, из которой торчал остов теплицы с шевелящимися обрывками полиэтилена.

Затем с той стороны над подоконником всплыла треугольная зеленоватая голова на тонкой шее. Алексей ахнул. Выпуклые, как мыльные пузыри, глаза мерцали холодным лунным светом. Две лягушачьи лапы бесшумно зашарили по стеклу.

— Кто это? — выпершил Леха, заслоняясь от видения ледобуром.

— Кто-то... — недовольно сказал Петро. — Инопланетян!..

— Кто-о?!

— Инопланетян, — повторил Петро еще суровее. — Газет, что ли, не читаешь?

— Слушай, а чего ему надо? — еле выговорил насмерть перепуганный Леха.

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — простонало уже где-то на чердаке.

Петра передернуло.

— Под покойника, сволочь, работает, — пожаловался он. — Знает, чем достать... Я ж их, покойников, с детства боюсь. — Взболтнул щетинистыми щеками и повернулся к Лехе. — Да ты садись, чего стоять-то?.. Брось ледобур! Брось, говорю... Я вон тоже поначалу с дрыном сидел... — И Петро кивнул на рукоятку черпака в углу.

Во дворе трепыхались посеребренные луной обрывки полиэтилена. Инопланетянина видно не было. Леха бочком подобрался к табуретке и присел, прислонив ледобур к столу. Оглушил залпом стаканчик и, вздрогнув, оглянулся на окно.

— Ты, главное, не бойся, — сипло поучал Петро. — В дом он не войдет, не положено... Я это уже на третий день понял...

— Отдай! — внятно и почти без подвывания потребовал голос.

— Не брал я твою ногу! — заорал Петро в потолок. — Вот привязался, лупоглазый!.. — в сердцах сказал он Лехе. — Уперся, как баран рогом: отдай да отдай...

— А что за нога-то? — шепотом спросил Леха.

— Да подпорку у него кто-то с летающей тарелки свинтил, — нехотя пояснил Петро. — А я как раз мимо проходил — так он, видать, на меня подумал...

— Отдай-й-й!.. — задребезжало в стеклах.

— Ишь как по-нашему чешет!.. — оторопело заметил Леха.

— Научился... — сквозь зубы отвечал ему Петро. — За две-то недели! Только вот матом пока не может — не получается... Давай-ка еще... для храбрости...

— Не отдашь? — с угрозой спросил голос.

Петро заерзал.

— Сейчас кантовать начнет, — не совсем понятно предупредил он. — Ты только это... Ты не двигайся... Это все так — видимость одна... — И, подозрительно поглядев на Леху, переставил со стола на пол наиболее ценную из банок.

Дом крякнул, шевельнулся на фундаменте и вдруг с треском накренился, явно приподнимаемый за угол. Вытаращив глаза, Леха ухватился обеими руками за края столешницы.

На минуту пол замер в крутом наклоне, и было совершенно непонятно, как это они вместе со столом, табуретками, бан-

ками, ледобуром и прочим до сих пор не въехали в оказавшуюся под ними печь.

— А потом еще на трубу поставит, — нервно предрек Петро, и действительно — после короткой паузы хата вновь заскрипела и перепрокинулась окончательно. Теперь они сидели вниз головами, пол стал потолком, и пламя свечи тянулось книзу.

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — проревело чуть ли не над ухом.

— Не вскакивай, слышь! — торопливо говорил Петро. — Это он не хату, это он у нас в голове что-то поворачивает... Ты, главное, сиди... Вскочишь — убьешься...

— Долго еще? — прохрипел Леха. Ему было дурно, желудок подступал к горлу.

— А-а!.. — сказал Петро. — Не нравится? Погоди, он еще сейчас кувыркать начнет...

Леха даже не успел ужаснуться услышанному. Хата кувыркнулась раз, другой... Третьего раза Леха не запомнил.

Очнулся, когда уже все кончилось. Еле разжал пальцы, выпуская столешницу. Петро сидел напротив — бледный, со слезой в страдальчески раскрытых глазах.

— Главное — что? — обессиленно проговорил он. — Главное — не верит, гад!.. Обидно, Леха...

Шмыгнул носом и полез под стол — за банкой. В окне маячило зеленое рыльце инопланетянина. Радужные, похожие на мыльные пузыри глаза с надеждой всматривались в полумрак хаты.

— А ты ее точно не брал? Ну, ногу эту...

Петро засопел.

— Хочешь, перекрещусь? — спросил он и перекрестился.

— Ну так объясни ему...

— Объясни, — сказал Петро.

Леха оглянулся. За окном опять никого не было. Где-то у крыльца еле слышно похрустывал ломкий снежок.

— Слышь, друг... — жалобно позвал Леха. — Ошибка вышла. Зря ты на него думаешь... Не брал он у тебя ничего...

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — простонало из сеней.

— Понял? — сказал Петро. — Лягва лупоглазая!..

— Так, может, милицию вызвать?

— Милицию?! — Вскинувшись, Петро выкатил на Леху налитые кровью глаза. — А аппарат? А снасти куда? Что ж мне теперь, все хозяйство вывозить?.. Милицию...

Алексей хмыкнул и задумался.

— Уркан убег... — с горечью проговорил Петро, раскачиваясь в тоске на табуретке. — Цепь порвал — и убег... Все бросили, один сижу...

— Ты погоди... — с сочувствием глядя на него, сказал Леха. — Ты не отчаивайся... Что-нибудь придумаем... Разумное же существо — должен понять...

— Не отдашь? — спросило снаружи разумное существо.

— Давай-ка еще примем, — покряхтев, сказал Петро. — Бог его знает, что он там надумал...

Приняли. Прислушались. Хата стояла прочно, снаружи — ни звука.

— Может, отвязался? — с надеждой шепнул Леха.

Петро решительно помотал небритыми щеками.

Некое едва уловимое журчание коснулось Лехиного слуха. Ручей — в начале марта? Ночью?.. Леха заморгал, и тут журчание резко усилило громкость — всклокотало, зашипело... Ошибки быть не могло: за домом, по дну глубокого оврага, подхватывая мусор и ворочая камни, с грохотом неслась неизвестно откуда взявшаяся вода. Вот она взбурлила с натугой, явно одолевая какую-то преграду, и через минуту снесла ее с треском и звоном лопающейся проволоки.

— Мосток сорвало... — напряженно вслушиваясь, сказал Петро.

Светлый от луны двор внезапно зашевелился: поплыли щепки, досточки. Вода прибывала стремительно. От калитки к подоконнику прыгнула лунная дорожка. Затем уровень взлетел сразу метра на полтора и окно на две трети оказалось под водой. Дом покряхтывал, порывался всплыть.

— Сейчас стекла выдавит, — привизгивая от страха, проговорил Алексей.

— Хрен там выдавит, — угрюмо отозвался Петро. — Было б чем выдавливать!.. Он меня уж и под землю вот так проваливал...

В пронизанной серебром воде плыла всякая дрянь: обломок жерди с обрывками полиэтилена, брезентовый рюкзачок, из которого выпорхнули вдруг одна за другой две красноперки...

— Да это ж мой рюкзак, — пораженно вымолвил Леха. — Да что ж он, гад, делает!..

Голос его пресекся: в окне, вытолкав рюкзачок за границу обзора, заколыхался сорванный потоком горбыльно-веревочный мосток и запутавшийся в нем бледный распухший утопленник, очень похожий на Петра.

— Тьфу, погань! — Настоящий Петро не выдержал и, отвернувшись, стал смотреть в печку.

— Окно бы завесить... — борясь с тошнотой, сказал Леха и, не получив ответа, встал. Подобрался к висящему на одном гвозде одеялу, протянул уже руку, но тут горбыльно-веревочную путаницу мотнуло течением и Леха оказался с покойником лицом к лицу. Внезапно утопленник открыл страшные глаза и, криво разинув рот, изо всех сил ударил пухлым кулаком в стекло.

Леха так и не понял, кто же все-таки издал этот дикий вопль: утопленник за окном или он сам. Беспорядочно отмахиваясь, пролетел спиной вперед через всю хату и влепился в стену рядом с печкой.

... Сквозь целые и невредимые стекла светила луна. Потопа — как не было. Бессмысленно уставясь на оплывающую свечу, горбился на табуретке небритый Петро. Нетвердым шагом Леха приблизился к столу и, чудом ничего не опрокинув, плеснул себе в стакан первача.

— А не знаешь, кто у него мог эту ногу свинтить? — спросил он, обретя голос.

Петро долго молчал.

— Да любой мог! — буркнул он наконец. — Тут за оврагом народ такой: чуть зевнешь... Вилы вон прямо со двора сперли — и Уркан не учуял...

— Ну ни стыда ни совести у людей! — взорвался Леха. — Ведь главное: свинтил — и спит себе спокойно! А тут за него...

Он замолчал и с опаской выглянул в окно. Зеленоватый маленький инопланетянин понуро стоял у раздетой на зиму теплицы. Видимо, обдумывал следующий ход.

— Чего он там? — хмуро спросил Петро.

— Стоит, — сообщил Леха. — Теперь к поленнице пошел... В дровах копается... Не понял! Сарай, что ли, хочет поджечь?..

— Да иди ты! — испуганно сказал Петро и вмиг очутился рядом.

Инопланетянин с небольшой охапкой тонких чурочек на голенастых ножках шел к сараю. Свалил дрова под дверь и обернулся, просияв капельками глаз.

— Не отдашь?

— Запалит ведь! — ахнул Петро. — Как пить дать запалит!

Он метнулся в угол, где стояла чудовищная рукоять черпака. Схватил, кинулся к двери, но на пути у него встал Леха.

— Ты чего? Сам же говорил: видимость!..

— А вдруг нет? — рявкнул Петро. — Дрова-то — настоящие!

Тут со двора послышался треск пламени, быстро перешедший в рев. В хате затанцевали алые отсветы.

— Запалил... — с грохотом роняя рукоятку, выдохнул Петро. — Неужто взаправду, а? У меня ж там аппарат в сарае! И снасти, и все...

Леха припал к стеклу.

— Черт его знает... — с сомнением молвил он. — Больно дружно взялось... Бензином вроде не поливал...

Часто дыша, Петро опустился на табуретку.

В пылающем сарае что-то оглушительно ахнуло. Крыша вспучилась. Лазоревый столб жара, насыщенный золотыми искрами, выбросило чуть ли не до луны.

— Фляга... — горестно тряся щетинами, пробормотал Петро. — Может, вправду отдать?..

Леха вздрогнул и медленно повернулся к нему.

— Что?.. — еще не смея верить, спросил он. — Так это все-таки ты?..

Петро подскочил на табуретке.

— А пускай курятник не растопыривает! — злобно закричал он. — Иду — стоит! Прямо на краю поля стоит! Дверца открыта — и никого! А у меня сумка с инструментом! Так что ж я, дурее паровоза?! Подпер сбоку чуркой, чтоб не падала, ну и...

— Погоди! — ошеломленно перебил Леха. — А как же ты... В газете же пишут: к ним подойти невозможно, к тарелкам этим! Страх на людей нападает!..

— А думаешь — нет? — наливаясь кровью, заорал Петро. — Да я чуть не помер, пока отвинчивал!..

— Отда-ай мою поса-адочную но-огу-у!.. — с тупым упорством завывал инопланетянин.

— Отдаст! — торопливо крикнул Леха. — Ты погоди, ты не делай пока ничего... Отдаст он!

— А чего это ты чужим добром швыряешься? — ощетинившись, спросил Петро.

— Ты что, совсем уже чокнулся? — в свою очередь заорал на него Леха. — Он же от тебя не отстанет! Тебя ж отсюда в дурдом отвезут!

— И запросто... — всхлипнув, согласился Петро.

— Ну так отдай ты ему!..

Петро закряхтел, щетинистое лицо его страдальчески перекривилось.

— Жалко... Что ж я, зазря столько мук принял?..

Леха онемел.

— А я? — страшным шепотом начал он, надвигаясь на попятившегося Петра. — Я их за что принимаю, гад ты ползучий?!

— Ты чего? Ты чего? — отступая, вскрикивал Петро. — Я тебя что, силком сюда тащил?

— Показывай! — неистово выговорил Леха.

— Чего показывай? Чего показывай?

— Ногу показывай!..

То и дело оглядываясь, Петро протопал к разгромленной двуспальной кровати в углу и, заворотив перину у стены, извлек из-под нее матовую полутораметровую трубу с вихляющимся полированным набалдашником.

— Только, слышь, в руки не дам, — предупредил он, глядя исподлобья. Смотреть — смотри, а руками не лапай!

— Ну и на кой она тебе?

— Да ты что! — Петро даже обиделся. — Она ж раздвижная! Гля!

С изрядной ловкостью он насадил набалдашник поплотнее и, провернув его в три щелчка, раздвинул трубу вдвое. Потом — вчетверо. Теперь посадочная нога перегораживала всю хату — от кровати до печки.

— На двенадцать метров вытягивается! — взахлеб объяснял Петро. — И главное — легкая, зараза! И не гнется! Приклепать черпак полтора на полтора — это ж сколько мотыля намыть можно! Семьдесят пять копеек коробок!..

Леха оглянулся. В окне суетился и мельтешил инопланетянин: подскакивал, вытягивал шеенку, елозил по стеклу лягушачьими лапками.

— Какой мотыль? — закричал Леха. — Какой тебе мотыль? Да он тебя за неделю в гроб вколотит!

Увидев инопланетянина, Петро подхватился и, вжав голову в плечи, принялся торопливо приводить ногу в исходное состояние.

— Слушай, — сказал Леха. — А если так: ты ему отдаешь эту хреновину... Да нет, ты погоди, ты дослушай!.. А я тебе на заводе склепаю такую же! Из дюраля! Ну?

Петро замер, держа трубу, как младенца. Его раздирали сомнения.

— Гнуться будет... — выдавил он наконец.

— Конечно, будет! — рявкнул Леха. — Зато тебя на голову никто ставить не будет, дурья твоя башка!

Петро медленно опустился на край кровати. Лицо отчаянное, труба — на коленях.

— До белой горячки ведь допьешься, — сказал Леха.

Петро замычал, раскачиваясь.

— Пропадешь! Один ведь остался! Баба — ушла! Уркан — на что уж скотина тупая! — и тот...

Петро поднял искаженное мукой лицо.

— А не врешь?

— Это насчет чего? — опешил Леха.

— Ну, что склепаешь... из дюраля... такую же...

— Да вот чтоб мне провалиться!

Петро встал, хрустнув суставами, и тут же снова сел. Плечи его опали.

— Сейчас пойду дверь открою! — пригрозил Леха. — Будешь тогда не со мной — будешь тогда с ним разговаривать!

Петро зарычал, сорвался с места и, тяжело бухая ногами, устремился к двери. Открыл пинком и исчез в сенях. Громыхнул засов, скрипнули петли, и что-то с хрустом упало в ломкий подмерзший снег.

— На, подавись! Крохобор!

Снова лязгнул засов, и Петро с безумными глазами возник на пороге. Пошатываясь, подошел к табуретке. Сел. Потом застонал и с маху треснул кулаком по столешнице. Банка, свечка, стаканчики — все подпрыгнуло. Скрипнув зубами, уронил голову на кулак.

Леха лихорадочно протирал стекло. В светлом от луны дворе маленький инопланетянин поднял посадочную ногу и, бережно обтерев ее лягушачьими лапками, понес мимо невредимого сарая к калитке. Открыв, обернулся. Луна просияла напоследок в похожих на мыльные пузыри глазах.

Калитка закрылась, брякнув ржавой щеколдой. Петро за столом оторвал тяжелый лоб от кулака, приподнял голову.

— Слышь... — с болью в голосе позвал он. — Только ты это... Смотри не обмани. Обещал склепать — склепай... И чтобы раздвигалась... Чтобы на двенадцать метров...

ШЕРШЕ ЛЯ БАБУШКУ

Парадокс, говорят они, это когда ты отправляешься в прошлое и убиваешь там своего дедушку до того, как он встретился с твоей бабушкой.

Раз не было дедушки, то, значит, не было и отца, а если не было отца, то возникает вопрос: кто же в таком случае отправился в прошлое и убил там своего дедушку?

Желая внести ясность в эту запутанную научную проблему, я приобрел подержанную машину времени и, прихватив тяжелую лопату, отправился в прошлое.

И вы думаете — хоть что-нибудь изменилось?

Бабушка, конечно, вышла замуж за другого, но что толку, если в результате у них все равно родился мой отец!

Теперь я сижу в одиночке и думаю: за что я кокнул дедушку? За что я убил лопатой этого рыжего наивного человека, вдобавок не имеющего ко мне никакого отношения!

Бабушку надо было кокнуть, бабушку!..

СПРОСИ У ЦЕЗАРЯ

Господа судьи! Господа присяжные заседатели!

Представленное здесь уголовное дело далеко не так просто, как это может показаться на первый взгляд.

Я утверждаю, что преступления не было вовсе. Был лишь не приведенный в исполнение умысел. Ибо если преступление все-таки было, то где его плоды? Где причиненный ущерб? Где жертва, наконец?

Да, мой подзащитный отправился в неолит и преподал кроманьонцам основы квантовой механики! И что же? Как показала экспертиза, державный ход истории не изменился. Да, господа, не изменился! События наступали в прежней последовательности и в назначенное время. Был Вавилон, была Спарта, был Древний Рим! И Юлий Цезарь с восхитительной точностью — секунда в секунду — был зарезан в сенате заговорщиками!..

А то, что резали его именно лазером... Да какая ему была разница, чем его резали!

НОСТАЛЬГИЯ

быть оторванным от Земли! Выйдешь вечером, посмотришь: где Солнце? Где эта крохотная далекая звездочка?.. Нет Солнца. Нет и быть не может. Атмосфера здесь, видите ли, непрозрачная...

То есть на редкость унылая планета! Куда ни глянешь — везде песок. И цвет-то у него какой-то зеленоватый... Вы когда-нибудь зеленоватый песок видели? Нет. А я вот каждый день вижу...

Господи, а на Земле сейчас!.. Море — синее, солнце — желтое, трава — зеленая! Не зеленоватая, заметьте, а именно зеленая! Ярко-зеленая!.. А здесь... Сколько лет живу на этой планете — все никак к ней привыкнуть не могу...

А жители местные! Вы бы на них только посмотрели! Вместо лица — какой-то хобот с двумя глазами на стебельках... Хорошо хоть с двумя!.. Нет, они существа очень даже неплохие, только вот молчат все время — телепаты...

Расстроишься, пойдешь к себе. Возьмешь зеркало, поглядишь в него — честное слово, тоска берет... Глаза эти на стебельках, хобот вместо лица... Тьфу, жизнь! А вот на Земле сейчас!..

ДУРНАЯ ПРИВЫЧКА

Как трудно найти настоящего друга и как легко его потерять! И ведь говорил я себе: бросай ты свои дурные привычки. Чего стоит, например, твоя манера крутить пуговицу собеседника!

... Едва я прикоснулся к пуговице, его начали сотрясать судороги. Затем он принялся разительно меняться.

У него вырос горб. Потом пропал. Зато укоротилась левая нога, а лицо обрело негритянские черты.

Совершенно обалдев, я по инерции крутил пуговицу до тех пор, пока мой новый друг не превратился в лохматого бульдога тигровой масти.

Кошмар! Он оказался биороботом, вдобавок способным к трансформациям. А я, выходит, крутил регулятор!..

Обидно, что дар речи он утратил. И, боюсь, не только его: более тупой собаки мне в жизни не попадалось.

А самое страшное то, что я теперь не знаю, во что превратился регулятор-пуговица. Что я ему только ни крутил, пытаясь вернуть первоначальный облик! Бесполезно.

А что делать? Не собачникам же сдавать. Все-таки друг. Так и держу на цепи, а то мигом скатерть со стола сжует. Он может.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Ранним осенним утром я сидел на завалинке и считал цыплят.

— Меня не считать! — категорически заявил четырнадцатый.

У меня отвалилась челюсть.

— Почему? — тупо спросил я наконец.

— А я не здешний, — пискнул он и нырнул в прозрачный предмет, который я поначалу принял за пустую кефирную бутылку. Зеленоватая вспышка, и четырнадцатый исчез.

Меня аж ознобом обдало. Я же его чуть не захарил, дурачка этакого!

Теперь вот гадаю: то ли пришелец, то ли сам он эту штуку соорудил.

От них ведь, от инкубаторских, нынче всего ожидать можно!

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

Придя домой, я внимательно осмотрел подобранную на тротуаре стеклянную бусину. Она не была стеклянной. Она даже не была бусиной. Это был глаз. Живой.

Конечно, я еще не знал, что он вдобавок является зародышем инопланетного существа, размножающегося чисто платонически. Элементарно: после обмена страстными взглядами от материнского глазного яблока отпочковывается дочернее и начинает существовать самостоятельно.

Тем более я не мог знать, что, выбросив с отвращением этот алчно посматривающий на меня глаз в мусорное ведро, я тем самым поместил его в питательную среду, где он начал быстро развиваться: нарастил веко с пушистыми ресничками, головной мозг, две пары клешней и эластичный желудок с полупрозрачными стенками, сквозь которые так теперь трудно различим окружающий меня мир...

ПОТОК ИНФОРМАЦИИ

Сразу же, как только Валерий Михайлович Ахломов показался на пороге редакционного сектора, стало ясно, что на планерке ему крепко влетело от главного.

— Пользуетесь добротой моего характера! — в тихом бешенстве выговорил он. — Уму непостижимо: в рабочее время обсуждать польскую помаду! Что у меня, глаз нет? Я же вижу, что у всех губы фиолетовые.

Он отпер дверь кабинета и обернулся.

— Хотя... — добавил он с убийственной улыбочкой, — молодым даже идет! — И покинул редсектор.

— Скажите, пожалуйста!.. — немедленно открыла язвительный фиолетовый рот немолодая Альбина Гавриловна и спешно закашлялась: перед дверью кабинета, придерживая ее заведенной за спину рукой, опять, но уже с вытаращенными глазами, стоял Ахломов. Возвращение его было настолько неожиданным, что не все успели удивиться, прежде чем он круто повернулся и пропал за дверью вторично.

— Младенца подкинули! — радостно предположила молодая бойкая сотрудница.

Язвительный фиолетовый рот Альбины Гавриловны открылся было, чтобы уточнить, кто именно подкинул, но не уточнил, а срочно зевнул, потому что Ахломов снова вышел... Нет, он не вышел — он выпрыгнул из собственного кабинета и, захлопнув дверь, привалился к ней лопатками.

Тут он понял, что все девять блондинок и одна принципиальная брюнетка с интересом на него смотрят, и заискивающе им улыбнулся. Затем нахмурился и, пробормотав: "Да, совсем забыл...", поспешно вышел в коридор.

Там все еще перекуривали Рюмин и Клепиков. Увидев начальника, они с сожалением затянулись в последний раз, но на-

чальник повел себя странно: потоптался, глуповато улыбаясь, и неожиданно попросил сигаретку.

— Вы ж курить вроде бросали, — поразился юный Клепиков.

— Бросишь тут... — почему-то шепотом ответил Ахломов, ломая вторую спичку о коробок.

Наконец он прикурил, сделал жадную затяжку, поперхнулся дымом, воткнул сигарету в настенный горшочек с традесканцией и решительным шагом вернулся в редсектор. Приотворил дверь кабинета и, не входя, долго смотрел внутрь, после чего робко ее прикрыл.

— Что случилось, Валерий Михайлович? — участливо спросила Альбина Гавриловна.

Ахломов диковато оглянулся на голос, но смолчал. Не скажешь же, в самом деле: "Товарищи! У меня на столе какая-то железяка документацию листает!"

Внятный восторженный смешок сотрудниц заставил его вздрогнуть. И не блесни в дверях до боли знакомые всему отделу очки Виталия Валентиновича Подручного, как знать, не шагнул ли бы Ахломов, спасаясь от хихиканья подчиненных, навстречу металлической твари, осмысленно хозяйничающей на его столе.

А Подручный озадаченно моргнул — показалось, будто Ахломов обрадовался его приходу. Виталию Валентиновичу даже как-то неловко стало, что перед визитом сюда он успел нажаловаться на Ахломова главному инженеру.

— Вот, — протянул он стопку серых листов. — С 21-й страницы по 115-ю.

— Вы пройдите, — растроганно на него глядя, отвечал Ахломов. — Вы пройдите в кабинет. А я сейчас...

"А не прыгнет оно на него?" — ударила вдруг дикая мысль, но дверь за Подручным уже закрылась. Секунду Ахломов ждал всего: вскрика, распахнутой двери и даже почему-то возгласа: "Вы — подлец!", — но ничего такого не произошло. "А может, некому уже распахнуть?!"

Выпуклый апостольский лоб Ахломова покрылся ледяной испариной, и насмерть перепуганный заведующий отделом рванул дверь на себя.

Железяка стояла, сдвинутая на край стола, и признаков жизни не подавала. Подручный зловеще горбился над скопированной по его заказу документацией.

— Ну опять... — заныл и запричитал он, поворачивая к Ахломову разобиженное лицо. — Смотри сам, Валерий Михайлович. Фон серый. РЭМы твои мажут. Мне же за этот захват голову снимут... А это! — И Подручный, к ужасу Ахломова,

бесцеремонно ухватил железяку под квадратное брюшко так, что ее четыре ноги нелепо растопырились в воздухе. — Это у тебя откуда, Валерий Михайлович?

Валерий Михайлович спазматически глотнул и, обойдя стол, тяжко сел на свое рабочее место.

— Что это такое? — хрипло спросил он, ткнув подбородком в сторону железяки.

— Да это ж он и есть!

— Кто "он"? — Ахломов постепенно свирепел.

— Автоматический захват для переноски стального листа. Макет в одну пятую натуральной величины. Безобразие... — забормотал Подручный, поворачивая железяку то так, то эдак. — На глазок его делали, что ли? Пропорции не те, без замеров вижу. А к чему крепить?

— Короче, это ваше изделие? — Голос Ахломова не предвещал ничего хорошего.

— В том-то и дело! — закричал Подручный. — В том-то и дело, что такого заказа я мехмастерским не давал. Это либо самодеятельность, либо... — лицо его на секунду отвердело, — либо заказ был дан через мою голову.

"Через твою голову! — с ненавистью подумал Ахломов. — Не могло же мне три раза померещиться!" Захват! Хорош захват, если буквально десять минут назад он собственными глазами видел, как этот, с позволения сказать, захват аккуратно перекладывал листы из одной пачки в другую, на мгновение задерживая каждый перед... бог его знает, перед чем — глаз на железяке не было.

— Я этого так не оставлю! — с трудом потрясал железякой Подручный. Я узнаю, чья это работа. Я сейчас в мехмастерские пойду!

"А потом — к главному", — машинально добавил про себя Ахломов, с огромным облегчением наблюдая, как Виталий Валентинович в обнимку с железякой покидает его кабинет.

Конечно, если бы Ахломову дали опомниться, он бы испугался по-настоящему. Но вот как раз опомниться ему не дали — в дверь уже лезли заказчики.

И каждого надо было успокоить, каждого заверить, каждого спровадить.

Посещение Подручным мехмастерских ничего не дало. Филиппыч щелкнул по железяке крепким широким ногтем и, одобрительно поцокав языком, с треском почесал проволочную седую шевелюру.

— Не наше, — с сожалением сказал он. — Заводская работа. Видите, шлифовочка? Суперфиниш!

Словечко это почему-то доконало Виталия Валентиновича. В его истерзанном служебными неприятностями мозгу возникла нелепая мысль: кто-то его подсиживает. Кому-то очень нужно, чтобы безграмотно выполненный макет его детища попался на глаза начальству в то время, когда отдел и без того срывает все сроки.

— Сейчас выясним, — бормотал он, поднимаясь в лифте на второй этаж, — выясним, кто это у нас такой самородок... Иван Кулибин... Суперфиниш, понимаете!..

Железяка с преданным видом стояла возле его правой ноги наподобие собаки пограничника.

Главный, подергиваясь и жестикулируя, расхаживал по кабинету и, казалось, разговаривал сам с собой, не обращая внимания на Ахломова, который подсолнушком поворачивался на стуле за перемещающимся начальством.

— Что, нет у нас специалистов квалифицированных? — горько вопрошал главный. — Почему мы никогда не можем предъявить себя лицом? НИПИАСУ может. ГПКТБ, — отплевался он согласными, — может. А мы, видите ли... — и главный обаятельно улыбнулся, — не можем!

На секунду он задержался возле стола, с отвращением шевельнул стопку серых листов (с 21-й страницы по 115-ю) и вопрошающе обратил к Ахломову резное морщинистое лицо страдальца.

— Алексей Сергеевич, — преданно глядя на главного, сказал Ахломов, — а, по-моему, это же мелочи...

— Да хороший вы мой! — в ужасе перебил его главный, воздев пухлые складчатые ручки. — Делая мелочь, мы должны делать эту мелочь так, чтобы посмотрели на эту мелочь и сказали: "Вот мелочь, а как сделана! Фирма!"

И, выпалив свое любимое словцо, главный устремился к дверям, где уже с минуту маячили очки и зеркально выбритые щеки Подручного.

— Вот! — воскликнул он, отбирая из рук Виталия Валентиновича давешний кошмар Ахломова. — Вот! Это я понимаю! Это профессионально!

И, не прерываемый ни Подручным, ни — тем более — вскочившим со стула Ахломовым, главный поставил терпеливую железяку на стол и принялся умиленно ее осматривать.

— Это — фирма, — приговаривал он. — Это — на уровне. Можем, значит, когда захотим! Виталий Валентинович, что это такое?

— Да... мм... видите ли, — расстроенным голосом начал Виталий Валентинович, — это, в некотором роде, макет нашего автоматического захвата...

— Ну что я могу тут сказать! Это — фирма. С этим не стыдно и в министерство показаться. — Главный любовно снял с железяки пылинку и насторожился. — Слушайте, а зачем вы мне его принесли?

— Сделан-то он, конечно, старательно... — промямлил Подручный, чувствуя, что пришел не совсем вовремя, — но размеры, Алексей Сергеевич, пропорции... Крайне неточно сделано.

Главный закатил огромную паузу, в течение которой смотрел на Подручного.

— Ну, я не знаю, товарищи, — вымолвил он, безнадежно улыбаясь. — Или у нас нет квалифицированных специалистов...

Ахломов, не слушая, присматривался к железяке. Нет, как хотите, а не могло это двигаться. Единый кусок металла, монолит. Скорее уж обрезок рельсы поползет на манер гусеницы. А лапы! Каждая на конце скруглена. Как можно такой лапой что-нибудь ухватить? Может быть, присоски? Показаться невропатологу? Но ведь двигалось же оно, черт побери!

— А достижения?! — Главный уже бегал по кабинету. — Страшно смотреть, как они у нас нарисованы!

Железяка изумленно щелкнула и зажужжала. Главный запнулся и укоризненно посмотрел на отпрянувшего от стола Ахломова.

— Виталий Валентинович, — позвал он, вновь повернувшись к железяке. — Здесь можно что-нибудь исправить?

Вопрос застал Подручного врасплох.

— Н-ну, если здесь сточить, а тут приварить...

— Берите, — прервал его главный. — Берите ваш макет и несите его слесарям. Если это их работа — пусть переделают. Если нет — все равно пусть переделают!

Подручный проклял тот час, когда потащился к главному, но обсуждать приказы было не в его характере, и вот он уже стоял в гулком коридоре подвала, держа в руках, как табуретку, эту металлическую нелепость, весившую, кстати сказать, не меньше десяти килограммов.

Слесарей на месте не оказалось, и опытный Подручный прямиком направился в мастерскую художника. Дверь мастерской — чудовищная, окованная железом дверь с пиратской табличкой "Не влезай — убьет!", была распахнута. Из проема

в коридор тянулся сизый слоистый дым, слышались голоса. Подручный бесшумно поставил свою ношу на бетонный пол и прислушался.

— Деревянный брус, на который кладется рельса, — веселился тенорок слесаря Шуры. — Пять букв. Что бы это могло быть?

В мастерской жизнерадостно заржали.

— Картина, изображающая морской пейзаж. Шесть букв. Вторая — "а".

— Марина, — вкусно выговорил голос художника Королева.

— Кто?

— Марина, пенек.

— Та-ак. Бесхвостое земноводное, распространенное в нашей области. Саня, это по твоей части. Бесхвостое...

— Слышу. Лягушка.

— Ля-гуш-ка. Точно. Ты смотри! За что же тебя из института выперли?

— За хвосты.

Вновь послышалось жизнерадостное ржание.

— По вертикали. Стихотворный размер. А у кого из нас диплом литератора? Чего молчишь, учитель? Завязывай с подошвами. Стихотворный размер...

— Сколько букв?

— Десять. Предпоследняя — "и".

— Амфибрахий.

— Амфибрахий или амфебрахий?

— Так, — сказал Подручный входя. — Что, собственно, происходит?

Своим непосредственным делом был занят только художник Королев. Склонившись над столом, он неистово трафаретил по синему фону поздравительного плаката желтые шестеренки. Фотограф старательно вырезал из твердого пенопласта изящные подошвы. Слесари Саня и Шура сидели верхом на стульях и дымили. Юный шалопай Клепиков из отдела Ахломова приник к карте мира в районе Панамского канала.

— А кто к нам пришел! — восторженно завопил художник Королев, не поворачивая головы. — Виталий Валентинович, выгоните этих тунеядцев. Работать не дают!

— Все те же лица, — холодно заметил Подручный. — А что здесь делают слесаря?

— Нашел! Вот она! — выкрикнул шалопай Клепиков, оборачиваясь. — Пиши: порт в Колумбии — Буэнавентура.

Тут он, понятно, осекся.

— Кроссвордики, значит, разгадываем, — вазелиновым голосом подытожил Виталий Валентинович. — А главный инженер дозвониться не может. Саня! Шура! Ну-ка заканчивайте. Есть работа. Во-первых, знаком вам этот...

Подручный не договорил. Что в ту, что в другую сторону коридор был пуст. Железяка исчезла.

Если до этого момента путь предмета, принятого отдельными лицами за макет автоматического захвата, можно было обозначить непрерывной линией, то теперь он рисуется нам извилистым пунктиром или даже беспорядочной россыпью точек.

Так, две библиотекарши вспомнили, что с ними в лифте на четвертый этаж поднималась уродливая болванка на четырех ножках, об которую и были порваны французские колготки.

Группа сотрудников, спускавшаяся с шестого этажа в столовую, также засвидетельствовала наличие железяки в лифте. Мало того, двое из них признались, что в связи с теснотой они выставили железяку на третьем этаже, нехорошо о ней отозвавшись. Может, до, а может, после этого (разложить события по порядку так и не удалось) в отделе Подручного раздался возмущенный женский голос: "Кто мне поставил на "Бурду" эту уродину?" Ответом был вялый голос из-за кульмана: "А-восемь. Убит." Там резались в морской бой.

Кроме Подручного, опознать предмет было некому. Виталий Валентинович в ту пору отчитывался перед главным в пропаже макета, так что после краткого разбирательства железяку вынесли на лестничную площадку, где она приняла посильное участие в перекуре. Иными словами, на нее сел один сотрудник, предварительно подстелив носовой платок. Железяка крякнула, но стерпела.

Забегая вперед, скажем: если бы этот сотрудник знал, на что сел, он бы вскочил, как с раскаленной плиты, и зарекся курить в рабочее время.

Главный возвращался из инспекционного набега на отдел полутяжелой полуавтоматики, когда удивительно знакомый неприятный голос с лестничной площадки изрек невероятную фразу:

— Если мы делаем мелочь, — сказал голос, — мы делаем мелочь... мелочь... — Тут он запнулся, начал заикаться и очень неуверенно закончил: — Чем мельче, тем лучше. Фирма!

Главный остолбенел. Последовало слабое шипение, и сочный баритон инженера Бухбиндера произнес:

— Как же им не гореть, если они Нунцию диссертацию делают? Редакторы компонуют, машбюро печатает, даже копир-

ку запряг. Причем в таком строжайшем секрете, что уже всему институту известно.

— А сам он что же? — вмешался другой голос, обладателя которого главный не вспомнил.

— Кто? Леша? Ты что, смеешься? Это тебе не докладную директору накатать.

Главный задохнулся от возмущения. Когда? Каким образом узнали? И кто бы мог подумать: Бухбиндер! "Ну, я сейчас покажу вам Нунция", — подумал он, но тут уже произошло совсем непонятное.

— Как же им не гореть, — снова заладил баритон, — если они Нунцию диссертацию делают? Редакторы компонуют, машбюро печатает, даже копирку запряг. Причем в таком строжайшем секрете...

И диалог повторился слово в слово, как будто кто-то дважды прокрутил одну и ту же запись. Запахло горелой изоляцией.

Главный вылетел на площадку и, никого на ней не обнаружив, стремительно перегнулся через перила. Виновных не было и внизу. Клокоча от гнева, он обернулся и увидел макет автоматического захвата, позорно утерянный Подручным.

Ворвавшись к себе в кабинет, главный потребовал Виталия Валентиновича к телефону.

— Вы нашли макет? — ядовито осведомился он. — Ну, конечно... Почему я вынужден все делать за вас? Представьте, нашел... Нет, не у меня... А вот выйдите перед вашим отделом на лестничную площадку и увидите.

Разделавшись с Подручным, главный достал толковый словарь и выяснил значение слова "нунций".

— Бухбиндера ко мне! — коротко приказал он и вдруг замер с трубкой в руке.

Он вспомнил, кому принадлежит тот неприятно дребезжащий голос, сказавший возмутительную фразу насчет мелочей. Это был его собственный голос.

Тем временем девять блондинок и одна принципиальная брюнетка парами и поодиночке потянулись из столовой в редсектор.

— Глядите-ка! — радостно оповестила, входя, молодая бойкая сотрудница. — Опять Подручный свою табуретку принес.

Вряд ли железяку привело к двери кабинета праздное любопытство. Скорее она надеялась досмотреть чертежи, от которых ее оторвали утром. Но у Ахломова была странная мане-

ра запирать свой закуток на два оборота даже на время минутной отлучки.

— Вы подумайте: таскать тяжести в обеденный перерыв! — продолжала зубоскалить молодая особа. — Вот сгорит на работе, что будем делать без нашего Виталия Валентиновича?

— Успокойтесь, девочки, — отозвалась Альбина Гавриловна, обстоятельно устраиваясь на стуле. — Такой не сгорит. Это мы с вами сто раз сгорим.

Железяка слушала.

— Ни он, ни помощница его, — поддержала принципиальная брюнетка Лира Федотовна.

— А что, у Подручного заместитель — женщина? — робким баском удивилась новенькая.

— Перед тобой в очереди стояла. В белых брюках в обтяжку.

— Просто не понимаю! — Лира Федотовна возмущенно швырнула карандаш на стол. — В нашем возрасте носить брючный костюм!

Минут пять она возмущалась, потом немного остыла и снова взяла карандаш. В углу прекратила стук пишущая машинка.

— А Пашка Клепиков, — сказала машинистка, — опять вчера Верку из светокопии провожал. Марийка все утро проревела.

— Не по-ни-ма-ю! — Карандаш Лиры Федотовны опять полетел на стол. — Два месяца как расписались! У них сейчас ласковое отношение должно быть друг к другу, а он...

Неожиданный вздох Альбины Гавриловны вобрал не менее трети воздуха в помещении.

— И зрелым женщинам хочется ласки, — мелодично сказала она.

Железяка слушала.

Несколько минут работали молча. Потом молодая бойкая сотрудница подняла от бумаг восторженные глаза:

— А у жены Ахломова...

Несомненно, ей крупно повезло. Спустя секунду после того, как она нанесла последний штрих на семейный портрет любимого начальника, в дверях показался розовый носик легкого на помине Ахломова.

Ахломов увидел железяку. В следующее мгновение он уже был у себя в кабинете и с треском набирал номер.

— Подручного мне!

Редсектор замер.

— Где? У главного? — И через секунду — другим голосом: — Алексей Сергеевич, Подручный у вас? Скажите ему, пожа-

луйста, пусть придет и заберет свой макет... А у меня под дверью... А я не знаю... А это вы у него спросите... Жду, жду... А то об него спотыкаются, повредить могут.

Пришел совершенно пришибленный Подручный и, воровато озираясь, унес железяку к слесарям..

Слесарь Саня одиноко и неподвижно восседал на стуле в электрощитовой и через равные промежутки времени с хрустом зевал. В глазах у него отражались лампочки.

— А где Шура? — спросил Подручный войдя.

Саня медленно-медленно повернул голову и с неодобрением осмотрел вошедшего.

— Вышел, — апатично изронил он.

— Вышел? Ну ладно... Саня, вот это нужно довести до кондиции.

Саня с неодобрением осмотрел то, что принес Подручный.

— Видишь, Саня, корпус прямоугольный, а его скруглить надо. — Виталий Валентинович был неприлично суетлив. — Вот эти уголочки надо снять, а вот здесь мне потом сварщик крючочки приварит. Погоди, я тебе сейчас эскизик набросаю. Вот тут, тут и тут. И ради бога, Саня, — душераздирающе попросил Подручный, — как можно быстрее! Я тебе звонить буду.

Оставшись один, Саня некоторое время с упреком смотрел на железяку, потом нехотя поднялся и пошел за напильником. Придя с инструментом, он прочно зажал одну из металлических ног в тиски, заглянул в эскизик, примерился и одним привычным движением сточил первый угол... Вернее, хотел сточить. Напильник скользнул, не оставив на корпусе ни царапины, и слесарь чуть не врезался в железяку челюстью. И тут произошло событие, заставившее Саню проснуться окончательно.

— И зрелым женщинам хочется ласки, — ответил лжезахват на прикосновение напильника голосом Альбины Гавриловны, а затем, открутив свободной лапой рукоятку тисков, спрыгнул на пол и с дробным цокотом убежал в коридор.

Саня ощутил острую боль в ноге и понял, что уронил напильник.

Самое время сообщить, что впоследствии, когда происшествием занялась группа компетентных лиц, однозначно ответить удалось лишь на два вопроса. Первое: случившееся не являлось массовой галлюцинацией. Второе: создать подобный механизм при современном уровне техники невозможно.

Далее шли одни предположения: может быть, аппарат был поврежден вследствие не совсем мягкой посадки; не исключе-

но также, что он, образно выражаясь, захлебнулся в потоке противоречивой информации.

Были и иные толкования. Слесарь Саня, например, открыто утверждал, что пришелец из космоса, кибернетический разведчик, представитель внеземной цивилизации, попросту свихнулся, пытаясь разобраться, чем же, наконец, занимается учреждение.

Но в тот момент ему было не до гипотез. Схватив напильник, он выскочил в коридор. Что цокот ушел влево, можно было не сомневаться. Но коридор был пуст. Из распахнутой двери художника доносился тенорок слесаря Шуры. Саня почувствовал острую потребность в общении. Он заглянул в мастерскую и обмер: лжезахват растопырился над кроссвордом.

— Основной вид гидромелиоративных работ, проводимых в нашей области... — бормотал он Шуриным голосом, нетерпеливо постукивая лапой по клеткам. — А у кого из нас диплом мелиоратора?

Саня побежал к лестничному пролету. Ему позарез нужен был хотя бы один свидетель. Связываться с железякой в одиночку слесарю не хотелось.

Кто-то стремительно убегал вверх по лестнице. На повороте мелькнули брюки, несомненно, принадлежащие художнику Королеву.

— Королев!!! — заорал Саня и ударил напильником по прутьям перил, наполнив подвал звоном и грохотом. — Давай сюда! Скорей сюда!

Знакомый цокот заставил его со злобой швырнуть инструмент на пол. Лжезахват уходил вверх по противоположной лестнице.

А Королев бежал и бежал, пока не уткнулся в чердачный люк. Он был так потрясен встречей с железякой, что даже не догадался свернуть на каком-нибудь этаже.

У Валерия Михайловича Ахломова было два настроения, два рабочих состояния. Находясь в первом, он настежь распахивал дверь в редсектор и бдительно следил из-за стола за поведением сотрудниц. В такие дни резко повышалась производительность труда. Во втором состоянии он наглухо запирался в кабинете и общался с отделом по внутреннему телефону.

Когда железяка, блистательно уйдя от Сани, вновь проникла в редсектор, дверь Ахломова была плотно закрыта. Правда, следует отметить, что на этот раз железяка и не пыталась к ней приблизиться. Видимо, имело место серьезное нарушение логических связей, ведущее к полному распаду функций.

Несмотря на то, что передвигалась она теперь не на цыпочках, а эдаким кокетливым топотком, внимания на нее не обратили.

Весь отдел толпился у стола отпускницы Любочки. На Любочке была достойная зависти розовая кофточка, тонко оттенявшая ровный морской загар. Но то, что лежало на столе, вызывало в женщинах чувство исступления, переходящее в истому.

Это нельзя было назвать свитером, это нельзя было назвать кофточкой — светло-коричневое, цвета теплого вечернего песка, окутанное нежнейшим золотистым пухом, оно доверчиво льнуло к робким женским пальцам, оно было почти живое.

Да что говорить — сама Любочка смотрела на принадлежащую ей вещь точно так же, как и остальные.

— Если бы не на два размера больше! — в отчаянии повторяла она.

— Воротник хомутиком, — зачарованно шепнули у ее левого плеча. — И сколько?

Любочка назвала цену и предъявила этикетку.

— Хомутиком... — безнадежно отозвался тот же голос у ее правого плеча.

— Ну-ка покараульте кто-нибудь у входа, — решилась Лира Федотовна, сбрасывая жакет. И, не сводя алчного взора с кофточки, пояснила: — Мой размер!

— А если Валерий Михайлович выйдет? — ахнула новенькая.

— Если закрылся — до самого звонка не выйдет, — успокоила Лира Федотовна, уже протягивая руку к кофточке, и вдруг приглушенно взвыла: — Да что ж вы на ноги-то наступаете?

— Покараульте, покараульте!.. — лихорадочно бормотала железяка, пробираясь по ногам вперед.

Оттеснив соперницу, она со стуком взгромоздилась на стол и одним неуловимым движением — только ноги мелькнули! — напялила вещь.

Зрелище вышло кошмарное — что и говорить! Многоголосый женский визг напомнил вопль органа. Все бросились кто куда, и только Любочка — за железякой.

Коридор огласился хлопаньем дверей, ровным цокотом и криками, мужскими и женскими.

— Фир-рма! Буэнавентур-ра! — вопил голосом главного, пробегая по коридору в развевающейся кофточке, свихнувшийся кибер-разведчик. — Втирательство очков из семнадцати букв, четвертая — "о"!

Он звонко продробил по всем этажам учреждения, расплескивая избыток бог знает где набранной информации. Обесси-

левшая Любочка отстала на третьем. В воздухе еще таял победный вопль: "Мелочь, а как сделана!" — когда она села на ступеньки и разрыдалась.

Прибежавший на голос главного Подручный увидел бегущий по коридору макет автоматического захвата и растопырил руки, перекрывая ему дорогу. Но железяка, лихо поддернув полы, с молодецким криком: "А кто к нам пришел!" — перепрыгнула через Виталия Валентиновича.

Он потерял ее на втором этаже, где она попросту выскочила в окно и, согласно показаниям прохожих, пробежала по карнизу вдоль всего здания, подметая королевским мохером штукатурку.

Ахломов, услышав вопли, ворвался в редсектор, не слушая объяснений, перекричал сотрудниц и, рассадив всех по рабочим местам, с треском закрылся в кабинете.

На подоконнике стояла железяка в грязной шерстяной хламиде.

Ахломов схватился за телефон.

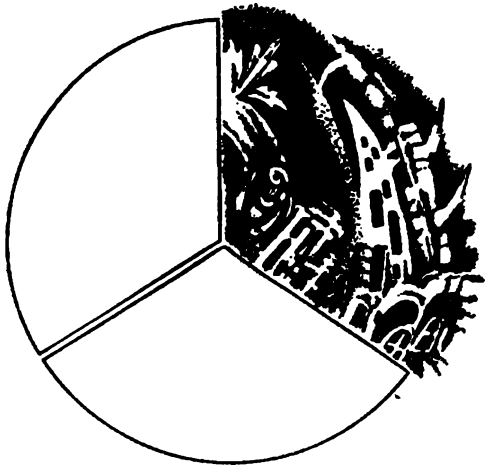
— А у жены Ахломова, — внятно сказала железяка, — характер совершенно невозможный. Так он себе в НИПИАСУ любовницу завел.

Никто не знает, откуда она появилась. Никто не знает, куда она исчезла. И можно только предположить, что теперь там о нас подумают.

Последнее, что услышал Ахломов, швырнув в железяку телефонную трубку, было:

— Королевский мохер — практично и сексапильно!

ВРЕМЕНА ПРОШЕДШИЕ

ВИТОК СПИРАЛИ

(Пещерная хроника 001)

Трудно сказать, кто первый заметил, что Миау (Сын Пантеры) уклоняется от поедания лишних соплеменников. Во всяком случае, не Хряп. Хряп (или Смертельный удар) был вождем племени и узнавал обо всем в последнюю очередь. От Уввау (Сына Суки).

Так случилось и в этот раз.

— Брезгуешь? — хмуро осведомился Хряп.

— Нет, — вздохнул Миау. — Просто неэтично это.

По молодости лет он обожал изобретать разные слова.

— А неэтично — это как?

— Ну, нехорошо то есть...

Хряп задумался. Когда он съедал кого-нибудь, ему было этично. Иногда даже слишком этично, потому что кусок Хряпу доставался самый увесистый.

— Ну-ну... — уклончиво проворчал он, но спорить с Миау не стал. А зря. Потому что вскоре ему донесли, что Сын Пантеры Миау отказался есть представителя враждебного племени.

— А этих-то почему неэтично?! — взревел Хряп.

— Тоже ведь люди, — объяснил Миау. — Мыслят, чувствуют... Жить хотят.

Хряп засопел, почесал надбровные дуги, но мер опять не принял. И события ждать не заставили. Через несколько дней Миау объявил себя вегетарианцем.

— Неэтично, — говорил он. — Мамонта есть нельзя. Он живой — он мыслит, он чувствует...

И лопнуло терпение Хряпа. Миау не был съеден лишь потому, что сильно исхудал за время диеты. Но из племени его изгнали.

Поселившись в зеленой лощинке, он выкапывал коренья и пробовал жевать листву. Жил голодно, но этично.

А вокруг лощинки уже шевелились кусты. Там скрывался Уввау (Сын Суки). Он ждал часа, когда вегетарианец ослабеет

настолько, что можно будет безнаказанно поужинать за его счет.

А Миау тем временем сделал ужасное открытие: растения тоже чувствуют! И, возможно, мыслят! (Изгнанника угораздило набрести на стыдливую мимозу.)

Что ему теперь оставалось делать? Камни были несъедобны. И Миау решил принципиально умереть с голоду.

Он умирал с гордо поднятой головой. Три дня. На четвертый день не выдержал — поймал Сукина Сына Уввау и плотно им позавтракал. Потом вернулся к сородичам и больше глупостями не занимался.

А через несколько лет, когда Хряпа забодало носорогом, стал вождем племени.

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

(Пещерная хроника 002)

Колесо изобрел Миау. По малолетству. Из озорства. А нужды в колесе не было. Как, впрочем и в вечном двигателе, частью которого оно являлось.

Хряпу изобретение не понравилось. Выйдя из пещеры, он долго смотрел на колесо исподлобья. Колесо вихляло и поскрипывало.

— Ты сделал?

— Я, — гордо ответил юный Сын Пантеры.

Хряп подошел к ближайшему бурелому и, сопя, принялся вывертывать из него бревно потяжелее.

— Э-э, осторожнее! — испугался Миау. — Он же ведь это... вечный!

О вечности Хряп понятия не имел. Наибольшая из четырех цифр, которыми он мог оперировать, называлась "много-много". Поэтому вождь просто подошел к колесу и вогнал в него бревно по самый комель.

Двигатель остановился и начал отсчитывать обороты про себя. Затем бревно с треском распалось и один из обломков влетел Хряпу промеж глаз.

Миау скрывался в лесах несколько дней. Впоследствии ему приходилось делать это довольно часто — после каждой попытки Хряпа остановить колесо.

Когда же вождем стал сам Миау, на его покатые мощные плечи легло огромное множество забот, о которых он раньше и не подозревал — в том числе и борьба с вечным двигателем. Но в отличие от Хряпа Сыну Пантеры был свойствен масштаб. Не разменяваясь на мелочи, молодой вождь силами своего племени раскачал и сбросил на свое изобретение нависший над опушкой базальтовый утес, которому бы еще висеть и висеть.

Результат столкновения огромной массы камня с вечным движением был поистине катастрофичен. Даже сейчас, взглянув в телескоп на Луну, можно видеть следы катаклизма — гигантские кратеры, ибо осколки утеса разлетались с убийственной скоростью и во всех направлениях. Мелкие животные, в их числе и человек, частично уцелели, но вот мамонты... Мамонтов мы лишились.

К чести Миау следует сказать, что больше он таких попыток не повторял и блистательно разрешил проблему, откочевав всем племенем к Бизоньей Матери на ту сторону реки.

А вечный двигатель продолжал работать. Два миллиона лет подряд колесо, вихляя и поскрипывая, мотало обороты и остановилось совсем недавно — в 1775 году, в тот самый день, когда Французская академия наук объявила официально, что никаких вечных двигателей не бывает и быть не может.

И сослалась при этом на первое и второе начала термодинамики.

У ИСТОКОВ СЛОВЕСНОСТИ

(Пещерная хроника 003)

В юности многие пишут стихи и Миау не был в этом смысле исключением. Он был исключением совсем в другом смысле — до Миау стихов не писали.

Начал он, естественно, с лирики.

За первое же стихотворение — простое и искреннее — его вышвырнули из пещеры под проливной дождь. Там он очень

быстро освоил сатиру, и вот целое племя, похватав топоры, кинулось за ним в ливень.

Хряп в облаве не участвовал. Дождавшись конца ливня, он вышел из пещеры и сразу же наткнулся на дрожавшего за кустиком Миау.

— Ловят? — посочувствовал Хряп.

— Ловят, — удрученно ответил ему Миау.

— Сам виноват, — заметил Хряп. — Про что сочинял-то?

— Да про все сразу...

— А про меня можешь?

... Тот, кто хоть однажды был гоним, поймет, какие чувства поднялись в груди юного Сына Пантеры после этих слов вождя. Миау вскочил, и над мокрой опушкой зазвучали первые строфы творимой на месте оды.

Оторопело моргая, Хряп узнавал о том, что яростью он подобен носорогу, а силой — мамонту, что грудь его есть базальтовый утес, и что мудростью он, Хряп, превосходит буйвола, крокодила и вепря, вместе взятых.

Племя ворвалось на опушку в тот момент, когда Миау звенящим голосом объявил, что если Хряпа ударить каменным топором по голове — камень расколется, древко сломается, рука отсохнет, а ударивший умрет на месте от изумления.

Храп взревел и, воздев огромные кулаки, кинулся вдогонку за быстро сориентировавшимися гонителями.

Племя пряталось в лесах несколько дней и вернулось сильно поумневшим. Теперь, прежде чем устраивать облаву на Сына Пантеры в связи с каждым новым его произведением, предварительно выясняли: а как к этому произведению относится Хряп...

РЫЦАРЬ ХРУСТАЛЬНОЙ ЧАШИ

Широкий стальной клинок еще дымился от крови дракона, когда человек в доспехах привязал всхрапывающего от ярости и страха коня к низкому уродливому дереву и, тяжело ступая, сошел в расселину.

Солнце садилось. В расселине было темно, и все же ржавую железную дверь он увидел издали, сразу.

Он искал ее без малого десять лет.

Там, за дверью, в недрах зачарованной пещеры, таилась Хрустальная Чаша. Околдованный древней легендой, ради неё он оставил пиры и турниры, ради нее он скитался по диким землям и совершал подвиги, которые некому было воспеть.

Что-то больно толкнуло его в сердце. Потом еще раз. Это звала Чаша! Рыцарь выпрямился и, откинув забрало, негромко, торжественно, слово за словом, произнес заклинание, вырванное им пять лет назад из злобных уст умирающего колдуна.

И дверь, заскрежетав, отворилась.

Понимая, что прежние подвиги — ребячья забава по сравнению с тем, что предстоит ему сейчас, он переступил порог и оказался на складе, освещенном двумя стоваттными лампочками. Запах упаковки натолкнул его на мысль об адской сере, и, призвав имя Господне, рыцарь двинулся вдоль стены из картонных ящиков.

Проход вывел его к дверному проему, задернутому легкой тканью. ТАМ! Острием черного от запекшейся крови меча он отбросил портьеру. Пластмассовые кольца свистнули по металлическому стержню, и рыцарь ворвался в огромное светлое помещение.

Рабочий день кончился, и в магазине была одна кассирша. Увидев рыцаря, этот демон в виде огромной женщины с зелеными, как у ящерицы, веками и золотыми кольцами в ушах

сначала остолбенел, а затем разинул окровавленный рот и испустил леденящий сердце визг.

Рыцарь отважно взмахнул мечом, но демон боя не принял — кинулся наутек.

Тогда он обернулся, и меч едва не выпал из внезапно ослабевшей десницы. Перед рыцарем высился стеллаж. И на каждой его полке стояли Чаши. Много Чаш.

Мысли спутались. Чаша — одна! Чаш не может быть много! Но уже в следующий миг он понял, что именно в этом и заключалось последнее испытание — угадать Настоящую.

— Господи, не покинь! — в отчаянии взмолился он, и Господь его не покинул. Тучи над городской окраиной разомкнулись, и тонкий закатный луч, пересекши наискосок пустой магазин, словно указующий перст, уперся в одну из Чаш.

... Вызванная на место происшествия милиция отнеслась к делу скорее юмористически, нежели серьезно. "А может, разыграли вас, девушка? Может, кто-нибудь из знакомых?" Вспыхнув, кассирша отвечала, что среди ее знакомых придурковатые, конечно, есть, но недомерков не было и не будет. Осмотрели магазин, но никакого "алкаша в железяках", естественно, не нашли. Не нашли его и на складе.

А Рыцарь Хрустальной Чаши уже ставил ногу в стремя по ту сторону ржавой волшебной двери.

Медленным шагом, бросив поводья, в доспехах, облитых луной, проехал он мимо поверженного им дракона, и в руках его мерцало сокровище, равного которому нет в мире. Хрустальные грани наливались лунным светом, и ночной ветерок шевелил плохо приклеенный к донышку квадратик тонкого непрочного пергамента с таинственными знаками на неведомом рыцарю языке:

"Уценено до 4 рублей 99 копеек".

ГОСУДАРЫНЯ

По роду службы ему часто приходилось вторгаться в мир чьих-либо грез и, причинив этому миру по возможности минимальный ущерб, приводить человека обратно — в реальную жизнь.

Проклятая, признаться, должность...

Вот и сейчас — ну что это за строение возвышалось перед ним? Храм не храм, дворец не дворец — нечто безумно вычурное и совершенно непригодное для жилья.

Он осторожно тронул костяшками пальцев металлическое кружево дверец, и все же стук получился громким и грубым. Как всегда.

С минуту все было тихо. Потом из глубины дворца послышались быстрые легкие шаги, тревожный шорох шелка — и двери отворились. На пороге, придерживая створки кончиками пальцев, стояла синеглазая юная дама ошеломительной красоты.

— Фрейлина государыни, — мелодично произнесла она, с удивлением разглядывая незнакомца.

"С ума сошла! — обескураженно подумал он. — Да разве можно окружать себя такими фрейлинами!"

В двух словах он изложил причину своего появления.

— Государыня назначила вам встречу? — переспросила фрейлина. — Но кто вы?

— Государыня знает.

Синеглазая дама еще раз с сомнением оглядела его нездешний наряд. Незнакомец явно не внушал ей доверия.

— Хорошо, — решилась она наконец. — Я проведу вас.

И они двинулись лабиринтом сводчатых коридоров. Он шел, машинально отмечая, откуда что заимствовано. Таинственный сумрак, мерцание красных лампад... И хоть бы одна деталь из

какого-нибудь фильма! Можно подумать, что государыня вообще не ходит в кино.

— А где у вас тут темницы? — невольно поинтересовался он.

— Темницы? — изумилась фрейлина. — Но в замке нет темниц!

— Ну одна-то по крайней мере должна быть, — понимающе усмехнулся он. — Я имею в виду ту темницу, где содержится некая женщина...

— Женщина? В темнице?

— Да, — небрежно подтвердил он. — Женщина. Ну такая, знаете, сварливая, без особых примет... Почти каждую фразу начинает словами "Интересное дело!.."

— Довольно вульгарная привычка, — сухо заметила фрейлина. — Думаю, государыня не потерпела бы таких выражений даже в темницах... если бы они, конечно, здесь были.

Коридор уперся в бархатную портьеру. Плотный тяжкий занавес у входа...

— Подождите здесь, — попросила фрейлина и исчезла, вскользнув складки бархата.

— Государыня! — услышал он ее мелодичный, слегка приглушенный портьерой голос. — Пришел некий чужестранец. У него странная одежда и странные манеры. Но он говорит, что вы назначили ему встречу.

Пауза. Так... Государыня почуяла опасность. Никаким чужестранцам она, конечно, сегодня встреч не назначала и теперь лихорадочно соображает, не вызвать ли стражу. Нет, не вызовет. Случая еще не было, чтобы кто-нибудь попробовал применить силу в такой ситуации.

— Проси, — послышалось наконец из-за портьеры, и ожидающий изумленно приподнял бровь. Голос был тих и слаб — как у больной, но, смолкнув, он как бы продолжал звучать — чаруя, завораживая...

— Государыня примет вас, — вернувшись, объявила фрейлина, и ему показалось вдруг, что говорит она манерно и нарочито звонко. Судя по смущенной улыбке, красавица и сама это чувствовала.

Поплутав в складках бархата, он вышел в зал с высоким стрельчатым сводом. Свет, проливаясь сквозь огромные витражи, окрашивал каменный пол в фантастические цвета. В тени у высокой колонны стоял резной деревянный трон — простой, как кресло.

Но вот вошедший поднял глаза к той, что сидела на троне, и остановился, опешив.

Все было неправильно в этом лице: и карие, небольшие, слишком близко посаженные глаза, и несколько скошенный назад подбородок, да и нос излишне длинноват...

Каким же образом все эти неправильные, некрасивые черты, слившись воедино, могли обернуться столь тонкой, неповторимой красотой?!

— Простите за вторжение, государыня, — справясь с собой, заговорил он, — но я за вами...

— Я поняла... — снова раздался этот странный глуховатый голос, после которого все остальные голоса кажутся просто фальшивыми.

— Вы выбрали крайне неудачное время для уединения... — Он чуть ли не оправдывался перед ней.

Не отвечая, государыня надменно и беспомощно смотрела куда-то в сторону.

— Мне, право, очень жаль, но...

— Послушайте! — яростным шепотом вдруг перебила она. — Ну какое вам всем дело!.. Даже здесь! Даже здесь от вас невозможно укрыться!.. Как вы вообще посмели прийти сюда!

И что-то изменилось в зале. Видимо, освещение. Многоцветные витражи побледнели, краски начали меркнуть.

— Ну что делать... — мягко ответил он. — Работа.

— Паршивая у вас работа! — бросила она в сердцах.

Пришелец не обиделся. В мирах грез ему приходилось выслушивать и не такие оскорбления.

— Да, пожалуй, — спокойно согласился он. — Но, знаете, не всегда. Дня три назад, к примеру, я получил от своей работы истинное наслаждение — отконвоировал в реальность вашего замдиректора.

— Что?.. — Государыня была поражена. — Замдиректора?.. И какие же у него грезы?

— Жуткие, — со вздохом отозвался он. — Все счеты сведены, все противники стерты в порошок, а сам он уже не заместитель, а директор. Предел мечтаний...

— А вы еще и тактичны, оказывается, — враждебно заметила государыня. — Зачем вы мне все это рассказываете? Развлечь на дорожку?

Стрельчатые высокие окна померкли окончательно, в огромном холодном зале было пусто и сумрачно.

— Пора, государыня, — напомнил он. — Вы там нужны.

— Нужна... — с горечью повторила она. — Кому я там нужна!.. Если бы вы только знали, как вы не вовремя...

— Но вас там ищут, государыня.

Похоже, что государыня испугалась.

— Как ищут? — быстро спросила она. — Почему? Ведь еще и пяти минут не прошло.

Он посмотрел на нее с любопытством.

— Вы всерьез полагаете, что отсутствуете не более пяти минут?

— А сколько?

— Два с половиной часа, — раздельно выговорил он, глядя ей в глаза.

— Ой! — Государыня взялась кончиками пальцев за побледневшие щеки. И что... заметили?

— Ну конечно.

Портьера всколыхнулась, и вошла синеглазая красавица фрейлина. Красавица? Да нет, теперь, пожалуй, он бы ее так назвать не рискнул. "В них жизни нет, все куклы восковые..." — вспомнилось ему невольно.

— Государыня! К вам Фонтанель!

Стрельчатые окна вспыхнули, камни зала вновь озарились цветными бликами, и стоящий у трона человек закашлялся, чтобы не рассмеяться.

Стремительно вошедший Фонтанель был строен и пронзительно зеленоглаз. Немножко Сирано, немножко Дон Гуан, а в остальном, вне всякого сомнения, какой-нибудь сорванец из переулка, где прошло детство и отрочество государыни. Придерживая у бедра широкую, похожую на меч шпагу, он взмахнул шляпой, одно перо на которой было срезано и, надо полагать, клинком.

— Я прошу извинить меня, Фонтанель, — явно волнуясь, начала государыня. — Поверьте, я огорчена, но... Срочное государственное дело...

Мастерски скрыв досаду, зеленоглазый бретер склонился в почтительном поклоне, но взгляд его, брошенный на пришельца, ничего хорошего не обещал. Цепкий взгляд, запоминающий. Чтобы, упаси боже, потом не ошибиться и не спутать с каким-нибудь ни в чем не повинным человеком.

— Это... лекарь, — поспешно пояснила государыня, и взор Фонтанеля смягчился. Теперь в нем сквозило сожаление. "Твое счастье, что лекарь, — отчетливо читалось в нем. — Будь ты дворянин..."

— Да вы хоть знаете, что такое "фонтанель"? — тихо и весело спросил пришелец, когда они вдвоем с государыней выбрались из зала.

— Не знаю и знать не хочу! — отрезала она.

Лабиринт сводчатых переходов вновь натолкнул его на мысль о темнице, где должна была по идее томиться сварливая женщина без особых примет, однако от вопроса он решил тактично воздержаться.

Вскоре они пересекли ту неуловимую грань, за которой начинается реальность, и остановились в пустом прокуренном коридоре. Дверь отдела была прикрыта неплотно.

— Слышите? — шепнул он. — Это о вас...

— Интересное дело! — вещал за дверью раздраженный женский голос. Мечтает она! Вот пускай дома бы и мечтала! Она тут, понимаешь, мечтает, а мне за нее ишачить?..

— Так а что ей еще остается, Зоя? — вмешался женский голос подобрее. — Страшненькая, замуж никто не берет...

— Интересное дело! Замуж! Пускай вон объявление в газету дает — дураков много... Интересное дело — страшненькая! Нет сейчас страшненьких! В джинсы влезла — вот и фигура. Очки фирменные нацепила — вот и морда... А то взяла манеру: сидит-сидит — и на тебе, нет ее!..

Государыня слушала все это, закусив губу.

— Знаете, — мягко сказал он, — а ведь в чем-то они правы. Если бы время, потраченное вами в мире грез, использовать в реальной жизни... Мне кажется, вы бы достигли желаемого.

— Чего? — хмуро спросила она. — Чего желаемого?

Он вздохнул.

— Прошу вас, государыня, — сказал он и толкнул дверь кончиками пальцев.

В отделе стало тихо. Ни на кого не глядя, государыня прошла меж уткнувшимися в бумаги сотрудницами и села за свой стол.

С горьким чувством выполненного долга он прикрыл дверь и двинулся прочь, размышляя о хрупких, беззащитных мирах грез, куда по роду службы ему приходилось столь грубо вторгаться.

Свернув к лестничной площадке, он услышал сзади два стремительных бряцающих шага, и, чья-то крепкая рука рванула его за плечо. Полутемная лестничная клетка провернулась перед глазами, его бросило об стену спиной и затылком, а в следующий миг он понял, что в яремную ямку ему упирается острие широкой, похожей на меч шпаги.

— Вы с ума сошли!.. — вскричал было он, но осекся. Потому что если кто и сошел здесь с ума, так это он сам. На гряз-

новатом кафеле площадки, чуть расставив ботфорты и откинув за плечо потертый бархат плаща, перед ним стоял Фонтанель.

— Как вы сюда попали?.. — От прикосновения отточенного клинка у него перехватило горло.

— Шел за вами. — Зеленоглазый пришелец из мира грез выговорил это с любезностью, от которой по спине бежали мурашки. — Сразу ты мне, лекарь, не понравился... А теперь, если тебе дорога твоя шкура, ты пойдешь и вернешься сюда с государыней!..

СИЛА ДЕЙСТВИЯ РАВНА...

— А ну попробуй обзови меня еще раз козой! — потребовала с порога Ираида. — Обзови, ну!

Степан внимательно посмотрел на нее и отложил газету.

Встал. Обогнув жену, вышел в коридор — проверить, не привела ли свидетелей. В коридоре было пусто, и Степан тем же маршрутом вернулся к дивану. Лег. Отгородился газетой.

— Коза и есть!..

Газета разорвалась сверху вниз на две половинки.

Степан отложил обрывки и снова встал. Ираида не попятилась.

— Выбрали, что ль, куда? — хмуро спросил Степан.

— А-а! — торжествующе сказала Ираида. — Испугался? Вот запульну в Каракумы — узнаешь тогда козу!

— Куда хоть выбрали-то? — еще мрачнее спросил он.

— А никуда! — с вызовом бросила Ираида и села, держа позвоночник параллельно спинке стула. Глаза — надменные. — Телекинетик я!

— Килети... — попытался повторить за ней Степан и не смог.

— На весь город — четыре телекинетика! — в упоении объявила Ираида. А я из них — самая способная! К нам сегодня на работу ученые приходили: всех проверяли, даже уборщицу! Ни у кого больше не получается — только у меня! С обеда в лабораторию забрали, упражнения показали... развивающие... Вы, говорят, можете оперировать десятками килограммов... Как раз хватит, чтоб тебя приподнять да опустить!

— Это как? — начиная тревожиться, спросил Степан.

— А так! — И Ираида, раздув ноздри, страстно уставилась на лежащую посреди стола вскрытую пачку "Родопи". Пачка шевельнулась. Из нее сама собой выползла сигарета, вспорхнула и направилась по воздуху к остолбеневшему Степану.

Он машинально открыл рот, но сигарета ловко сманеврировала и вставилась ему фильтром в ноздрю.

— Вот так! — ликующе повторила Ираида.

Степан закрыл рот, вынул из носа сигарету и швырнул об пол. Двинулся, набычась, к жене, но был остановлен мыслью о десятках килограммов, которыми она теперь может оперировать...

В лаборатории Степану не понравилось — там, например, стоял бильярдный стол, на котором тускло блестел один-единственный шар. Еще на столе лежала стопка машинописных листов, а над ними склонялась чья-то лысина — вся в синяках, как от медицинских банок.

— Так это вы тут людей фокусам учите? — спросил Степан.

— Минутку... — отозвался лысый и, отчеркнув ногтем строчку, вскинул голову.

— Вы глубоко ошибаетесь, — важно проговорил он, выходя из-за бильярда. — Телекинез — это отнюдь не фокусы. Это, выражаясь популярно, способность перемещать предметы, не прикасаясь к ним.

— Знаю, — сказал Степан. — Видел. Тут у вас сегодня жена моя была, Ираида...

Лысый так и подскочил.

— Вы — Щекатуров? Степан... э-э-э.,.

— Тимофеевич, — сказал Степан. — Я насчет Ираиды...

— Вы теперь, Степан Тимофеевич, берегите свою жену! — с чувством перебил его лысый и схватил за руки. — Феномен она у вас! Вы не поверите: вот этот самый бильярдный шар — покатила с первой попытки! И это что! Она его еще потом приподняла!..

— И опустила? — мрачно осведомился Степан, косясь на испятнанную синяками лысину.

— Что? Ну разумеется!.. А вы, простите, где работаете?

Степан сказал.

— А-а... — понимающе покивал лысый. — До вашего предприятия мы еще не добрались. Но раз уж вы сами пришли, давайте я вас проверю. Чем черт не шутит — вдруг и у вас тоже способности к телекинезу!

— А что же! — оживился Степан. — Можно.

Проверка заняла минут десять. Никаких способностей к телекинезу у Степана не обнаружилось.

— Как и следовало ожидать, — ничуть не расстроившись, объявил лысый. — Телекинез, Степан Тимофеевич, величайшая редкость!

— Слушай, доктор, — озабоченно сказал Степан, — а выключить ее теперь никак нельзя?

— Кого?

— Ираиду.

Лысый опешил.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, я не знаю, по голове ее, что ли, стукнуть... Несильно, конечно... Может, пройдет, а?

— Вы с ума сошли! — отступая, пролепетал лысый. И так, бедняга, побледнел, что синяки на темени черными стали.

— Сходи за картошкой, — сказала Ираида.

Степан поднял на нее отяжелевший взгляд.

— Сдурела? — с угрозой осведомился он.

— Я тебе сейчас покажу "сдурела"! — закричала она. — Ты у меня поговоришь! А ну вставай! Разлегся! Тюлень!

— А ты... — начал было он по привычке.

— Кто? — немедленно ухватилась Ираида. — Кто я? Говори, раз начал! Кто?

В гневе она скосила глаза в сторону серванта. Сервант накренился и, истерически задребезжав посудой, тяжело оторвался от пола. Степан, бледнея, смотрел. Потом — по стеночке, по стеночке — выбрался из-под нависшего над ним деревянно-оловянно-стеклянного чудовища и, выскочив в кухню, сорвал с гвоздя авоську...

— ... у-у, к-коза! — затравленно проклокотал он, стремительно шагая в сторону овощного магазина.

— Знаешь, ты, доктор, кто? — уперев тяжкие кулаки в бильярдный стол, сказал Степан. — Ты преступник! Ты семьи рушишь.

Лысый всполошился.

— Что случилось, Степан Тимофеевич?

На голове его среди изрядно пожелтевших синяков красовались несколько свежих — видимо, сегодняшние.

— Вот ты по городу ходишь! — возвысил голос Степан. — Людей проверяешь!.. Не так ты их проверяешь. Ты их, прежде чем телетехнезу своему учить, — узнай! Мало ли кто к чему способный!.. Ты вон Ираиду научил, а она теперь чуть что — мебель в воздух подымает! В Каракумы запульнуть грозится — это как?

— В Каракумы? — ужаснулся лысый.

Сердце у Степана екнуло.

— А что... может?

Приоткрыв рот, лысый смотрел на него круглыми испуганными глазами.

— Да почему же именно в Каракумы, Степан Тимофеевич? — потрясенно выдохнул он.

— Не знаю, — глухо сказал Степан. — Ее спроси.

Лысый тихонько застонал.

— Да что же вы делаете! — чуть не плача, проговорил он. — Степан Тимофеевич, милый! Да купите вы Ираиде Петровне цветы, в кино сводите — и не будет она больше... про Каракумы!.. Учили же в школе, должны помнить: сила действия всегда равна силе противодействия. Вы к ней по-хорошему — она к вам по-хорошему. Это же универсальный закон! Даже в телекинезе... Вот видите эти два кресла на колесиках? Вчера мы посадили в одно из них Ираиду Петровну, а другое загрузили балластом. И представьте, когда Ираида Петровна начала мысленно отталкивать балласт, оба кресла покатились в разные стороны! Вы понимаете? Даже здесь!..

— И тяжелый балласт? — тревожно спросил Степан.

— Что? Ах, балласт... Да нет, на этот раз — пустяки, не больше центнера.

— Так... — Степан помолчал, вздохнул и направился к двери. С порога обернулся.

— Слушай, доктор, — прямо спросил он. — Почему у тебя синяки на тыковке? Жена бьет?

— Что вы! — смутился лысый. — Это от присосок. Понимаете, датчики прикрепляются присосками. ну и...

— А-а... — Степан покивал. — Я думал — жена...

Купить букет — полдела, с ним еще надо уметь обращаться. Степан не умел. То есть умел когда-то, но разучился. Так и не вспомнив, как положено нести эту штуку — цветами вверх или цветами вниз, он воровато сунул ее под мышку и — дворами, дворами — заторопился к дому.

Ираида сидела перед зеркалом и наводила зеленую тень на левое веко. Правое уже зеленело вовсю. Давненько не заставал Степан жену за таким занятием.

— Ирочка...

Она изумленно оглянулась на голос и вдруг вскочила. Муж подбирался к ней с кривой неискренней улыбкой, ДЕРЖА ЗА СПИНОЙ КАКОЙ-ТО ПРЕДМЕТ.

— Не подходи! — взвизгнула она, и Степан остановился, недоумевая.

Но тут, к несчастью, Ираида Петровна вспомнила, что она как-никак первый телекинетик города. Степана резко приподняло и весьма чувствительно опустило. Сознания он не терял, но опрокинувшаяся комната еще несколько секунд стремительно убегала куда-то вправо.

Он лежал на полу, а над ним стояла на коленях Ираида, струящая горючие слезы из-под разнозеленых век.

— Мне?.. — всхлипывала она, прижимая к груди растрепанный букет. Это ты — мне?.. Степушка!..

Степушка тяжело поднялся с пола и, подойдя к дивану, сел. Взгляд его, устремленный в противоположную стену, был неподвижен и нехорош.

— Степушка! — Голос Ираиды прервался.

— Букет нес... — глухо, с паузами заговорил Степан. — А ты меня — об пол?..

Ираида заломила руки.

— Степушка!

Вскочив, она подбежала к нему и робко погладила по голове. Словно гранитный валун погладила. Степан, затвердев от обиды, смотрел в стену.

— Ой, дура я, дура! — заголосила тогда Ираида. — Да что ж я, дура, наделала!

"Не прощу! — исполненный мужской гордости, мрачно подумал Степан. — А если и прощу, то не сразу..."

Через каких-нибудь полчаса супруги сидели рядышком на диване, и Степан — вполне уже ручной — позволял и гладить себя, и обнимать. Приведенный в порядок букет стоял посреди стола в хрустальном кувшинчике.

— Ты не думай, — проникновенно говорил Степан. — Я не потому цветы купил, что телетехнеза твоего испугался. Просто, дай, думаю, куплю... Давно ведь не покупал...

— Правда? — счастливо переспрашивала Ираида, заглядывая ему в глаза. — Золотце ты мое...

— Я, если хочешь знать, плевать хотел на твой телетехнез, — развивал свою мысль Степан. — Подумаешь, страсть!..

— Да-а? — лукаво мурлыкала Ираида, ласкаясь к мужу. — А кто это у нас недавно на коврике растянулся, а?

— Ну, это я от неожиданности, — незлобиво возразил Степан. — Не ожидал просто... А так меня никаким телетехнезом не сшибешь. Подошел бы, дал бы в ухо — и весь телетехнез!

Ираида вдруг отстранилась и встала.

"Ой! — спохватился Степан. — А что это я такое говорю?' Поздно он спохватился.

Ираида сидела перед зеркалом и, раздувая ноздри, яростно докрашивала левое веко. За спиной ее, прижав ладони к груди, стоял Степан.

— Ирочка... — говорил он. — Я ж для примера... К слову пришлось... А хочешь — в кино сегодня пойдем... Сила-то действия, сама знаешь, чему равна... Я к тебе по-хорошему — ты ко мне по-хорошему...

— Мое свободное время принадлежит науке! — отчеканила она по-книжному.

— Лысый! — мгновенно рассвирепев, добавил Степан. — Кто ему синяки набил? Для него, что ли, мажешься?

Ираида метнула на него гневный взгляд из зеркала.

— Глаза б мои тебя не видели! — процедила она. — Вот попробуй еще только — прилезь с букетиком!..

— И что будет? — спросил Степан. — В Каракумы запульнешь?

— А хоть бы и в Каракумы!

Степан замолчал, огляделся.

— Через стенку, что ли? — недоверчиво сказал он.

— А хоть бы и через стенку!

— Ну и под суд пойдешь.

— Не пойду!

— Это почему же?

— А потому, — Ираида обернулась, лихорадочно подыскивая ответ. — Потому что ты сам туда сбежал! От семьи! Вот!

Степан даже отступил на шаг.

— Ах ты... — угрожающе начал он.

— Кто? — Ираида прищурилась.

— Коза! — рявкнул Степан и почувствовал, что подошвы его отрываются от пола. Далее память сохранила ощущение страшного и в то же время мягкого удара, нанесенного как бы сразу отовсюду и сильнее всего — по пяткам.

Что-то жгло щеку. Степан открыл глаза. Он лежал на боку, под щекой был песок, а прямо перед глазами подрагивали два невиданных растения, напоминающих желто-зеленую колючую проволоку.

Он уперся ладонями в раскаленный бархан и, взвыв, вскочил на ноги.

— Коза!!! — потрясая кулаками, закричал он в темный от зноя зенит. Коза и есть! Коза была — козой останешься!..

Минуты через две он выдохся и принялся озираться. Слева в голубоватом мареве смутно просматривались какие-то горы. Справа не просматривалось ничего. Песок.

Да, пожалуй, это были Каракумы.

Грузовик затормозил, когда Степану оставалось до шоссе шагов двадцать. Хлопнула дверца, и на обочину выбежал смуглый шофер в тюбетейке.

— Геолог, да? — крикнул он приближающемуся Степану. — Заблудился, да?

Степан брел, цепляясь штанами за кусты верблюжьей колючки.

— Друг... — со слезой проговорил он, выбираясь на дорогу. — Спасибо, друг...

Шофера это тронуло до глубины души.

— Садись, да? — сказал он, указывая на кабину.

Познакомились. Шоферу не терпелось узнать, как здесь оказался Степан. Тот уклончиво отвечал, что поссорился с женой. Километров десять шофер сокрушенно качал головой и цокал языком. А потом принялся наставлять Степана на путь истинный.

— Муж жена люби-ить должен, — внушал он, поднимая сухой коричневатый палец. — Жена муж уважа-ать должен!.. Муж от жены бегать не до-олжен!..

И так до самого Бахардена.

Ах, Ираида Петровна, Ираида Петровна!.. Ведь это ж додуматься было надо — применить телекинез в семейной перепалке! Ну чисто дитя малое! Вы бы еще лазерное оружие применили!..

И потом — учили ведь в школе, должны помнить, да вот и лысый говорил вам неоднократно: сила действия равна силе противодействия. Неужели так трудно было сообразить, что, запульнув вашего супруга на черт знает какое расстояние к югу, сами вы неминуемо отлетите на точно такое же расстояние к северу! А как же иначе, Ираида Петровна, — массы-то у вас с ним приблизительно одинаковые!..

Несмотря на позднюю весну, в тундре было довольно холодно. Нарты ехали то по ягелю, то по снегу.

Первые десять километров каюр гнал оленей молча. Потом вынул изо рта трубку и повернул к заплаканной Ираиде мудрое морщинистое лицо.

— Однако муж и жена — семья называется, — сообщил он с упреком. — Зачем глаза покрасила? Зачем от мужа в тундру бегала? Жена из яранги бегать будет — яранга совсем худой будет...

И так до самого Анадыря.

СТРОИТЕЛЬНЫЙ

Члены комиссии заподозрили неладное лишь на втором часу блужданий по стройке, когда непонятным образом вышли опять на залитый летним солнцем пятый, и пока что последний, этаж. Внизу, на холме вынутого грунта, поросшего зеленой травкой, стоял и задумчиво смотрел на них сторож Петрович. У ног его, задрав встревоженные морды, сидели дворняжки Верный и Рубин.

— Вы там не заблудились? — подозрительно спросил сторож.

Субподрядчик весело блеснул золотыми зубами.

— А что, бывает?

— Да случается, — вполне серьезно отозвался Петрович.

— С юмором старичок, — заметил проектировщик, пощипывая черную бородку.

Они направились к лестнице.

— А вот охраняется строительство, между прочим, образцово, — отдуваясь, сказал тучный генподрядчик. — Вы заметили: ничего не расхищено, не растащено,.. Уж, казалось бы, плитка лежит нераспакованная, бери — не хочу! Нет, лежит...

Заказчик, глава комиссии, резко повернул к нему узкое бледное лицо. Очки его гневно сверкнули.

— Я вообще не понимаю, о чем мы говорим, — раздраженно бросил он. — Вы собираетесь размораживать стройку или нет?

Широкие бетонные ступени оборвались, в лестнице не хватало пролета. Глава комиссии тихо зашипел, как разъяренный кот, и принялся нервно счищать какую-то строительную дрянь с лацкана светлого пиджака. Проектировщик с опаской заглянул вниз.

— Без парашюта не обойтись. Как у вас тут рабочие ходят?

— Три года как не ходят, — уточнил субподрядчик. — По-моему, нужно идти по коридору до конца. Там должен быть трап.

Они прошли по коридору до конца и остановились перед пустым проемом, разглядывая двухметровой глубины ров с бетонными руинами на дне. Никакого трапа там не было.

— Ага, — сообразил субподрядчик. — Значит, это с другой стороны.

Комиссия последовала за ним и некоторое время плутала по каким-то сообщающимся бетонным чуланам, один из которых был с окном. В окне они опять увидели зеленеющий склон и сторожа Петровича с собаками.

— Все в порядке, Петрович, — воссиял золотым оскалом субподрядчик и помахал сторожу. — Скоро закончим...

— Со мной не пропадешь, — заверил он, ведя комиссию по мрачному тоннелю, изъязвленному дверными проемами. — Я ведь почему эти коридоры перепутал: одинаковые они, симметричные... Ну вот и пришли.

Они выглянули наружу и отшатнулись. Коридор, как и первый, обрывался в пустоту, а вот внизу...

— Это как же надо строить, — визгливо осведомился заказчик, — чтобы с одной стороны этаж был вторым, а с другой — четвертым?

Он поискал глазами генподрядчика и нашел его сидящим на бетонном блоке. Генподрядчик был бледен и вытирал платком взмокшую лысину.

— Я дальше не пойду, — с хрипотцой проговорил он. — Водит...

Сначала его не поняли, а потом всем стало очень неловко. Проектировщик — тот был просто шокирован.

— Как вам не стыдно! — еле вымолвил он. — Взрослый человек!..

Генподрядчик, приоткрыв рот, глядел на него робкими старушечьими глазами.

— Может, сторожа покричать? — жалобно предложил он.

— Что? — вскинулся проектировщик. — Да про нас потом анекдоты ходить по городу будут!

Довод был настолько силен, что комиссия немедленно двинулась в обратный путь. Тесный бетонный лабиринт кончился, и они снова оказались на лестничной площадке.

— Странно, — пробормотал субподрядчик. — Тут не было нижнего пролета...

Теперь не было верхнего. Ступени вели вниз и только вниз. Члены комиссии дошли до промежуточной площадки и оста-

новились. Собственно, можно было спускаться и дальше, но дальше был подвал.

— А то еще в шахтах бывает... — хрипло начал генподрядчик. — У меня зять в шахте работает. Они там однажды с инженером сутки плутали. К ним аж на угольном комбайне прорубаться пришлось. А старики потом говорили: "Хозяин завел..."

— Так то шахта, — ошарашенно возразил субподрядчик, — а то стройка... — И неожиданно добавил, понизив голос: — Мне про эту стройку тоже много странного рассказывали...

Вдалеке завыли собаки. Генподрядчик вздрогнул. Остальные тоже.

— Ну что, товарищи, — с преувеличенной бодростью сказал проектировщик. — Подвал мы еще не осматривали...

В подвальном помещении было сухо, пыльно, просторно и довольно светло — в потолке не хватало плит. Справа и слева чернели дверные проемы. Разбросанные кирпичи, перевернутая бадья из-под раствора, у стены — козлы в нашлепках цемента. Запустение.

— Ну, спустились, — проворчал субподрядчик. — А дальше что делать будем?

— Загадки отгадывать, — задушевно сообщил кто-то.

— А на вашем месте я бы помолчал! — обрезал заказчик. Спроектировали бог знает что, а теперь шуточками отделываетесь!

— Это вы мне? — вытаращил глаза проектировщик. — Да я вообще рта не открывал.

— А кто же тогда открывал?

— Я, — застенчиво сказал тот же голос.

Члены комиссии тревожно переглянулись.

— Тут кто-то есть, — озираясь, прошептал генподрядчик.

— Ага, — подтвердили из самого дальнего угла, где была свалена спутанная проволока и куски арматуры.

— Что вы там прячетесь? — Проектировщик, всматриваясь, шагнул вперед. — Кто вы такой?

— Строительный, — с достоинством ответили из-за арматуры.

— Да что он голову морочит! — возмутился субподрядчик. — Какие строители? Ворюга, наверное. А ну выходи!

— Ага, — с готовностью отозвался голос, и арматура зашевелилась. Шевелилась она как-то странно — вроде бы распрямляясь. Затем над полом в полутьме всплыл здоровенный обломок бетона.

— Э! Э! — попятился субподрядчик. — Ты что хулиганишь! Брось камень!

В ответ послышалось хихиканье. Теперь уже все ясно видели, что за вставшей дыбом конструкцией никого нет, угол пуст. Хихикало то, что стояло.

Обломок бетона служил существу туловищем, а две толстые арматурины ногами. Полутораметровые руки завершались сложными узлами, откуда наподобие пальцев торчали концы арматуры диаметром поменьше. Длинную, опять же арматурную, шею венчало что-то вроде проволочного ежа, из которого на членов комиссии смотрели два круглых блестящих глаза размером с шарики для пинг-понга.

— Да это механизм какой-то, — обескураженно проговорил проектировщик.

— Сам ты... — обиделось существо.

Определенно, звук шел из проволочного ежа, хотя рта в нем видно не было. Как, впрочем, и носа.

— Это он, — прохрипел сзади генподрядчик. — Водил который...

— Я, — польщенно призналось странное создание и, мелодично позвякивая, продефилировало к козлам, на которых и угнездилось, свернувшись клубком. Теперь оно напоминало аккуратную горку металлолома, из которой вертикально торчал штырь шеи с проволочным ежом.

Круглые смышленые глаза светились живым интересом.

— Потрясающе!.. — ахнул проектировщик. Он сделал шаг вперед, но был пойман за руку субподрядчиком.

— Вы уж нас извините, — заторопился субподрядчик, расшаркиваясь перед существом. — Очень приятно было познакомиться, но... Работа, сами понимаете... Как-нибудь в другой раз...

Пятясь и кланяясь, он оттеснял, комиссию к лестнице.

— Да погодите вы, — слабо запротестовал проектировщик. — Надо же разобраться...

Но субподрядчик только глянул на него огромными круглыми глазами точь-в-точь как у того, на козлах.

— До свидания, до свидания... — кивал он, как заведенный. — Всего хорошего, всего доброго, всего самого-самого наилучшего...

— До скорого свиданьица, — приветливо откликнулось создание.

Услышав про скорое свиданьице, субподрядчик обмяк. Беспомощно оглядел остальных и поразился: лицо генподрядчика было мудрым и спокойным.

— Брось, Виталь Степаныч, — со сдержанной грустью сказал тот. — Куда теперь идти? Пришли уже.

Тем временем из шока вышел заказчик, глава комиссии.

— Как водил?! — заикаясь, закричал он. — Что значит водил? По какому праву? Кто вы такой? Что вы тут делаете?

— Загадки загадываю, — охотно ответило оно. — Прохожим.

Заказчик начал задыхаться и некоторое время не мог выговорить ни слова.

— По загадке на каждого или одну на всех? — озабоченно поинтересовался генподрядчик.

— Откуда ж я на каждого напасусь? — удивилось оно. — Одну на всех.

— Ну, это еще ничего, — с облегчением пробормотал генподрядчик и оглянулся на членов комиссии. — А, товарищи?

Странное дело: пока блуждали по стройке, он трясся от страха, а теперь, когда действительно стоило бы испугаться, успокоился, вроде бы даже повеселел. Видимо, воображение рисовало ему куда более жуткие картины.

— И если отгадаем?

— Идите на все четыре стороны.

— Это как же понимать? — взвился заказчик. — Значит, если не отгадаем?..

— Ага, — подтвердило создание.

— Это наглость! Произвол! Вы на что намекаете? Идемте, товарищи, ничего он нам не сделает!

Никто не двинулся с места.

— Я ухожу! — отчаянно крикнул заказчик и посмотрел на существо.

Проволочные дебри вокруг глаз весело задвигались. Возможно, это означало улыбку.

Глава комиссии стремглав бросился вверх по лестнице. Остальные так и впились глазами в то, что разлеглось на козлах, — как отреагирует.

— Вернется, — успокоило оно.

На лестнице раздался грохот. Это сверху на промежуточную площадку сбежал заказчик. Он, оказывается, расслышал.

— Я вернусь! — прокричал он в подвал, пригнувшись и грозя сорванными с носа очками. — Только вы учтите: я не один вернусь!

Выкрикнул и снова пропал. Некоторое время было слышно, как он там, наверху, карабкается, оступаясь и опрокидывая что-то по дороге. На промежуточную площадку просыпалась горсть битого кирпича и щепы.

— А что это вы стоите? — полюбопытствовало существо. — Пришли и стоят.

Члены комиссии зашевелились, задышали, огляделись и начали один за другим присаживаться на перевернутую бадью из-под раствора. Пока они устраивались, существо успело со звоном расплестись и усесться на козлах совсем по-человечьи — свесив ноги и положив арматурные пятерни на колени. Кажется, оно ожидало града вопросов. Долго ожидало. Наконец — первая робкая градина.

— Слышь, браток... — заискивающе начал субподрядчик. — А ты, я извиняюсь... кто?

— Строительные мы, — оно подбоченилось.

Члены комиссии встревоженно завертели головами.

— А что... много вас тут?

— Стройка одна, и я один, — застенчиво объяснило существо.

— Домовой, значит? — почтительно осведомился генподрядчик.

— Домовой в дому, — оскорбилось оно. — А я — строительный.

Проектировщик вскочил, испугав товарищей по несчастью.

— Леший? — отрывисто спросил он.

— Нет, — с сожалением призналось существо. — Леший — в лесу. — И, подумав, добавило: — А водяной — в воде.

Надо понимать, отношения его с лешими были самыми теплыми, с домовыми же, напротив, весьма натянутыми.

— С ума сойти! — жалобно сказал проектировщик и сел на бадью.

— Давайте не отвлекаться, товарищи, — забеспокоился генподрядчик. Время-то идет...

— А если не отгадаем? — шепотом возразил субподрядчик. — Слышь, земляк, — позвал он, — а ведь мы не прохожие, мы люди казенные — комиссия.

— А нам все едино: комиссия, не комиссия... — душевно ответил строительный. — Загадывать, что ли?

У всех троих непроизвольно напряглись шеи. Шутки кончились.

— А загадка такая... — строительный поерзал, предвкушая, и со вкусом выговорил: — Летит — свистит. Что такое?

— Муха с фиксой, — выпалил генподрядчик.

— Не-а, — радостно отозвался строительный.

— То есть как это "не-а"? — возмутился тот. — Я ж эту загадку знаю. Мне ее в тресте загадывали.

— Там было "летит — блестит", — напомнил субподрядчик.

— Ну, все равно — значит, муха с этим... Ну, без зуба там, раз свистит.

— У мух зубов не бывает, — сказал строительный.

Троица задумалась.

— Милиционер? — с надеждой спросил субподрядчик.

— Не-а, — лукаво ответил строительный. — Милиционеры не летают.

— Почему не летают? — заартачился было субподрядчик. — У них сейчас вертолеты есть.

— Все равно не милиционер, — победно заявил строительный.

Проектировщик в затруднении поскреб бородку.

— Совещаться можно? — спросил он.

— Ага, — закивал строительный в полном восторге.

Проектировщик поднял товарищей и утащил под лестницу, где конспиративно зашептал:

— Давайте логически. Он — строительный, так? Леший — в лесу, домовой — в дому...

— Водяной — в воде, — без юмора дополнил генподрядчик.

— Вот именно. А он — строительный. Он — на стройке. Значит, и загадка его...

Субподрядчик ахнул и вылетел из-под лестницы.

— Кирпич? — крикнул он и замер в ожидании.

— А он свистит? — с сомнением спросили с козел.

— Так ведь летит же... — растерялся субподрядчик. — Если облегченный, с дырками... И с шестнадцатого этажа...

— Не кирпич, — с загадочным видом произнес строительный.

Расстроенный субподрядчик вернулся под лестницу.

— Слушайте, — сказал он, — а в самом деле, что вообще на стройке может свистеть? Ну, "летит" — понятно: план летит, сроки летят...

— А по-моему, — перебил генподрядчик, — нужно просто отвечать что попало. Пока не угадаем.

Он выглянул и спросил:

— Чижик?

— Не-а.

— Ну вот, видите, не чижик...

Мнения разделились. После пяти минут тихих и яростных препирательств был выработан следующий план: двое бомбардируют строительного отгадками, а третий (проектировщик) заводит непринужденную беседу личного характера. Строительный простоват, может, и проговорится. Комиссия снова расположилась на перевернутой бадье.

— И давно вы здесь обитаете? — с любезной улыбкой начал проектировщик.

— Обитаю-то? — Строительный прикинул.

— Пуля? — крикнул субподрядчик.

— Нет, не пуля, — отмахнулся строительный. — Да года три, почитай... обитаю, — прибавил он.

— Но, наверное, есть и другие строительные?

— Есть, — согласился строительный. — Только они на других стройках... обитают.

Нравилось ему это слово.

Генподрядчик начал приподниматься.

— Баба-Яга? — с трепетом спросил он.

— Так это же из сказки, — удивился строительный.

Члены комиссии ошеломленно переглянулись. Кто бы мог подумать! Однако в чем-то строительный все же проболтался: отгадку следовало искать в реальной жизни.

— Ветер на замороженной стройке, — сказал проектировщик.

— Ветер на замороженной стройке... — мечтательно повторил строительный. — С умными людьми и поговорить приятно.

— Угадал? — субподрядчик вскочил.

— Нет, — с сожалением сказал строительный. — Но все равно красиво...

Проектировщик поскреб бородку.

— Скучно вам здесь небось? — очень натурально посочувствовал он.

— Да как когда бывает, — пригорюнился строительный. — Иной раз обитаешь-обитаешь — загадку некому загадать.

— Так уж и некому?

— Да приходил тут один намедни... за плиткой.

— И что же? — небрежно спросил хитроумный проектировщик. — Отгадал?

Вопрос восхитил строительного — проволочные дебри весело встопорщились.

— Не скажу! — ликующе объявил он.

В соседнем помещении что-то громыхнуло. Все, включая строительного, уставились в проем, откуда доносились чьи-то шаги и сердитое бормотанье. Наконец в подвал, отряхиваясь от паутины и ржавчины, ввалился заказчик и одичалыми глазами обвел присутствующих. Встретившись с ласковым взглядом строительного, вздрогнул, сорвал очки и принялся протирать их полой пиджака.

— Ладно, — с ненавистью буркнул глава комиссии. — Давайте вашу загадку.

— Летит — свистит, — с удовольствием повторил строительный. — Что такое?

— Этот... — заказчик пощелкал пальцами. — Воробей?

Субподрядчик хмыкнул.

— Воробьи чирикают, а не свистят.

Заказчик вяло пожал плечами и сел на бадью.

— Это все из-за вас, — сварливо заметил ему генподрядчик. — Комиссия, комиссия... Силком ведь на стройку тащили!

— А не надо было строительство замораживать! — огрызнулся заказчик.

— Так а если нам чертежи выдали только до пятого этажа!

— Простите, — вмешался проектировщик. — А как же мы их выдадим, если до сих пор не знаем, какие конструкции закладывать? Что вы, понимаете, с больной головы на здоровую?..

— Да хватит вам! — забеспокоился субподрядчик. — Нашли время!

Спорщики опомнились.

— Так, значит, говорите, редко заходят? — заулыбавшись, продолжил беседу проектировщик.

— Редко, — подтвердил строительный. — Поймал это я одного ночью на третьем этаже. Батарею он там свинчивал. Ну, свинтил, тащит. А я стою в дверях и говорю: отгадаешь загадку — твоя батарея. Помню, грохоту было...

— Я представляю, — заметил проектировщик. — Ну, а батарею-то он потом забрал?

— Да нет, — развел арматуринами строительный. — Я говорю: забирай батарею-то, а он ее на место привинчивает...

— То есть отгадал он? — подсек проектировщик.

Проволочная башка чуть не сорвалась со штыря. Такого коварства строительный не ожидал. Испепелив проектировщика глазами, он с негодующим бряцаньем повернулся к комиссии спиной и ноги на ту сторону перекинул.

— Хитрый какой... — пробубнил он обиженно.

Легкий ветерок свободы коснулся узников. В одиночку, оказывается, люди выбирались, а их-то четверо.

— Строительный, — отчетливо проговорил генподрядчик.

— Ась? — недружелюбно отозвался тот, не оборачиваясь. Круглые глаза слабо просвечивали сквозь проволочный затылок.

— Отгадка такая, — пояснил генподрядчик. — Летит — свистит. Ответ: строительный.

— Нет, — буркнул тот, не меняя позы. — Свистеть не умею.

— Этого сторожа уволить надо, — сказал вдруг заказчик. — У него на стройке комиссия пропала, а он никаких мер не принимает.

— А правда, как же Петрович-то уберегся? — подскочил субподрядчик. Что ж он, за три года ни разу в здание не зашел?

— Ничего удивительного, — скривился глава комиссии. — Принимаете на работу кого попало, вот и заводится тут... всякое.

— Если я только отсюда выберусь!.. — рыдающе начал генподрядчик.

Повеяло средневековым ужасом.

— Я сниму людей с гостиницы!.. — надрывно продолжал он. — Я сниму людей с микрорайона!.. Я... я сдам эту стройку за месяц, будь она проклята!..

Слушать его было страшно. Строительный беспокойно заерзал и закрутил своим проволочным ежом — даже его проняло. И тут кто-то тихонько заскулил по-собачьи. Волосы у пленников зашевелились. Они посмотрели вверх и увидели на краю прямоугольной дыры в потолке черную, похожую на таксу дворняжку. Затем до них донеслись неторопливые шаркающие шаги, и рядом с Верным возник сторож Петрович. По-стариковски, уперев руки в колени, он осторожно наклонился и заглянул в подвал.

— А, вот вы где... — сказал он. — Колька, ты, что ли, опять хулиганишь? Опять про ласточек про своих? И не стыдно, а?

Строительный со звоном и лязгом соскочил с козел.

— Так нечестно! — обиженно заорал он.

— А так честно? — возразил сторож. — Шкодишь-то ты, а отвечать-то мне. Эгоист ты, Колька. Только о себе и думаешь.

Строительный, не желая больше разговаривать, в два длинных шага очутился у стены. Мгновение — и он уже шел по ней вверх на четвереньках, всей спиной демонстрируя оскорбленное достоинство. На глазах присутствующих он добрался до потолка и заполз в широкую вытяжную трубу. Затем оттуда выскочила его голова на штыре и, сердито буркнув: "Все равно нечестно!", — втянулась обратно.

— Вот непутевый, — вздохнул сторож.

Субподрядчик, бесшумно ступая, приблизился к проему в потолке и запрокинул голову.

— Петрович! — зашептал он, мерцая золотом зубов и опасливо косясь на трубу. — Скинь веревку!

— Так вон же лестница, — сказал сторож.

И члены комиссии, солидные люди, толкаясь, как школьники, отпущенные на перемену, устремились к ступенькам.

И на этот раз лестница не оборвалась, не завела в тупик — честно выпустила на первом этаже, родимая.

Давненько не слышала замороженная стройка такого шума. Сторожа измяли в объятиях. Заказчик растроганно тряс ему одну руку, проектировщик другую, генподрядчик, всхлипывая, облапил сзади, субподрядчик — спереди.

— Петрович!.. — разносилось окрест. — Дорогой ты мой старик!.. Век я тебя помнить буду!.. Вы же спасли нас, понимаете, спасли!.. Я тебе премию выпишу, Петрович!..

Потом заказчик выпустил сторожа и принялся встревоженно хватать всех за рукава и плечи.

— Постойте, постойте!.. — бормотал он. — А что же делать с этим... со строительным? Надо же сообщить!.. Изловить!

Возгласы смолкли.

— Ну да! — сказал сторож, освобождаясь от объятий. — Изловишь его! Он теперь где-нибудь в стене сидит. Обидчивый...

Члены комиссии отодвинулись и долго, странно на него смотрели.

— Так ты, значит... знал про него? — спросил субподрядчик.

— А то как же, — согласился Петрович. — Три года, чай, охраняю.

— Знал и молчал?

— Да что ж я, враг себе, про такое говорить? — удивился сторож. — Вы меня тут же на лечение бы и отправили. Да он и не мешает, Колька-то. Даже польза от него: посторонние на стройку не заходят...

В неловком молчании они подошли к вагонке, возле которой приткнулась серая "Волга".

— Слушай, Петрович, — спросил субподрядчик, — а почему ты его Колькой зовешь?

Старик опешил. Кажется, он над этим никогда не задумывался.

— Надо же как-то называть, — сказал он наконец. — И потом внук у меня есть — Колька. В точности такой же обормот: из бороды глаза торчат да нос...

— Что-то я никак не соображу, — раздраженно перебил его проектировщик, который с момента избавления не проронил еще ни слова. Почему он нас отпустил? Загадку-то мы не отгадали.

— Так Петрович же отгадку сказал, — напомнил из кабины субподрядчик. — Ласточка.

— Ласточка? — ошарашенно переспросил проектировщик. — Почему ласточка?

— Уважает, — пояснил сторож. — Вон их сколько тут развелось!

Все оглянулись на серый массив стройки. Действительно, под бетонными козырьками там и сям темнели глиняные круглые гнезда.

— Ну это же некорректная загадка! — взревел проектировщик. — Ее можно всю жизнь отгадывать и не отгадать!.. Да он что, издевался над нами?!

Разбушевавшегося проектировщика попытались затолкать в машину, но он отбился.

— Нет уж, позвольте! — Он подскочил к Петровичу. — А вам он ее тоже загадывал?

— А то как же, — ухмыльнулся старик. — Летит — свистит. Я спрашиваю: "Ласточка, что ли?" Он говорит: "Ласточка..."

Проектировщик пришибленно посмотрел на сторожа и молча полез в кабину.

— Но Петрович-то, а? — сказал субподрядчик, выводя "Волгу" на широкую асфальтовую магистраль. — Ох, стари-ик! От кого, от кого, но от него я такого не ожидал...

— Да, непростой старичок, непростой, — деревянно поддакнул с заднего сиденья проектировщик.

— Кто-то собирался снять людей с микрорайона, — напомнил заказчик. И сдать стройку за месяц.

Генподрядчик закряхтел.

— Легко сказать... Что ж вы думаете, это так просто? Микрорайон — это сейчас сплошь объекты номер один... И потом: ну что вы в самом деле! Ну, строительный, ну и что? Это же бесплатный сторож... О-ох!.. — выдохнул он вдруг, наклоняясь вперед и закладывая руку за левый борт пиджака.

— Что? Сердце? — испуганно спросил субподрядчик, поспешно тормозя.

Генподрядчик молчал, упершись головой в ветровое стекло.

— Нет, не сердце, — сдавленно ответил он. — Просто вспомнил: у меня же завтра еще одна комиссия...

— На какой объект?

— Библиотека...

— Ох ты... — сказал субподрядчик, глядя на него с жалостью.

— Тоже замороженная стройка? — поинтересовался проектировщик.

— Семь лет как замороженная. — Субподрядчик сокрушенно качал головой. — Я вот думаю: если здесь за три года такое завелось, то там-то что же, а?

МОНУМЕНТ

Уму непостижимо — следователь сравнил его с Колумбом! Так и сказал: "Он ведь в некотором роде Колумб..." Ничего себе, а?.. Хорошо бы отвлечься. Я останавливаюсь возле книжного шкафа, отодвигаю стекло и не глядя выдергиваю книгу. Открываю на первой попавшейся странице, читаю: "Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет — и выше..."

Мне становится зябко, и я захлопываю томик Пушкина.

А как обыденно все началось! Весенним днем женатый мужчина зашел к женатому мужчине и предложил прогуляться. Я ему ответил:

— С удовольствием. Очень кстати. Сейчас, только банку сполосну трехлитровую...

— Не надо банку, — сдавленно попросил он. — Мне нужно поговорить с тобой.

Женатый мужчина пришел пожаловаться женатому мужчине на горькую семейную жизнь.

Мы вышли во двор и остановились у песочницы.

— Ну что стряслось-то? Поругались опять?

— Только между нами, — вздрагивая и озираясь, предупредил он. — Я тебе ничего не говорил, а ты ничего не слышал. Понимаешь, вчера...

Поругались, естественно. Дочь принесла домой штаны и попросила полторы сотни. Татьяна, понятно, рассвирепела и устроила дочери воспитательный момент, но когда муж попытался поддакнуть, она устроила воспитательный момент ему: дескать, зарабатываешь мало — вот и приходится отказывать девочке в самом необходимом. Он вспылил, хлопнул дверью...

— И пошел искать меня? — спросил я, заскучав.

Оказалось, нет. Хлопнув дверью, он направился прямиком к супруге Моторыгина, имевшей неосторожность как-то раз пригласить его на чашку кофе.

Я уже не жалел об оставленной дома трехлитровой банке — история принимала неожиданный оборот. Нет, как хотите, а Левушка Недоногов (так звали моего сослуживца) иногда меня просто умилял. Женатый мужчина отважно сидит на кухне у посторонней женщины, пьет третью чашку кофе, отвечает невпопад и думает о том, как страшно он этим отомстил жене. А посторонняя женщина, изумленно на него глядя, ставит на конфорку второй кофейник и гадает, за каким чертом он вообще пришел. Представили картину? А теперь раздается звонок в дверь.

Это вернулся из командировки Моторыгин, потерявший в Саратове ключ от квартиры.

— И что? — жадно спросил я, безуспешно ища на круглом Левушкином лице следы побоев.

— Знаешь... — с дрожью в голосе сказал он. — Вскочил я и как представил, что будет дома!.. на работе!.. Ведь не докажешь же никому!..

Словом, очутился Левушка в темном дворе с чашкой кофе в руках.

— В окно? — ахнул я. — Позволь, но это же второй этаж!

— Третий, — поправил он. — И я не выпрыгивал...

Он не выпрыгивал из окна и не спускался по водосточной трубе.

Он просто очутился, понимаете?

Я не понимал ничего.

— Может, ты об асфальт ударялся? Контузия... Память отшибло...

— Нет, — Левушка словно бредил. — Я потом еще раз попробовал — получилось...

— Да что получилось-то? Что попробовал?

— Ну это... самое... Вот я — там, и вот я уже — здесь!

Сначала я оторопел, потом засмеялся. Доконал он меня.

— Левка!.. Ну нельзя же так, комик ты... Я, главное, его слушаю, сочувствую, а он дурака валяет! Ты что же, телепортацию освоил?

— Теле... что? — Он, оказывается, даже не знал этого слова.

— Те-ле-пор-тация. Явление такое. Человек усилием воли берет и мгновенно переносит себя на любое расстояние. Что ж ты такой несовременный-то, а, Левушка? Я вот, например, в любой культурной компании разговор поддержать могу. Сайнс-

фикшн? Фэнтези? Пожалуйста... Урсула ле Гуин? Будьте любезны...

Несколько секунд его лицо было удивительно тупым. Потом просветлело.

— А-а... — с облегчением проговорил он. — Так это, значит, бывает?..

— Нет, — сказал я. — Не бывает. Ну чего ты уставился? Объяснить, почему не бывает? В шесть секунд, как любит выражаться наш общий друг Моторыгин... Ну вот представь: ты исчезаешь здесь, а возникаешь там, верно? Значит, здесь, в том месте, где ты стоял, на долю секунды должна образоваться пустота, так?.. А теперь подумай вот над чем: там, где ты возникнешь, пустоты-то ведь нет. Ее там для тебя никто не приготовил. Там — воздух, пыль, упаси боже, какой-нибудь забор или того хуже — прохожий... И вот атомы твоего тела втискиваются в атомы того, что там было... Соображаешь, о чем речь?

Я сделал паузу и полюбовался Левушкиным растерянным видом.

— А почему же тогда этого не происходит? — неуверенно возразил он.

Был отличный весенний день и за углом продавали пиво, а передо мной стоял и неумело морочил голову невысокий, оплывший, часто моргающий человек. Ну не мог Левушка Недоногов разыгрывать! Не дано ему было.

Я молча повернулся и пошел за трехлитровой банкой.

— Погоди! — В испуге он поймал меня за рукав. — Не веришь, да? Я сейчас... сейчас покажу... Ты погоди...

Он чуть присел, развел руки коромыслом и напрягся. Лицо его — и без того неказистое — от прилива крови обрюзгло и обессмыслилось.

Тут я, признаться, почувствовал некую неуверенность: черт его знает — вдруг действительно возьмет да исчезнет!..

Лучше бы он исчез! Но случилось иное. И даже не случилось — стряслось! Не знаю, поймете ли вы меня, но у него пропали руки, а сам он окаменел. Я говорю "окаменел", потому что слова "окирпичел" в русском языке нет. Передо мной в нелепой позе стояла статуя, словно выточенная целиком из куска старой кирпичной кладки. Темно-красный фон был расчерчен искривленными серыми линиями цементного раствора... Я сказал: статуя? Я оговорился. Кирпичная копия, нечеловечески точный слепок с Левушки Недоногова — вот что стояло передо мной. Руки отсутствовали, как у Венеры, причем срезы культей были оштукатурены. На правом ясно читалось процарапанное гвоздем неприличное слово.

Мне показалось, что вместе со мной оцепенел весь мир. Потом ветви вдруг зашевелились, словно бы опомнились, и по двору прошел ветерок, обронив несколько кирпичных ресничин. У статуи были ресницы!

Я попятился и продолжал пятиться до тех пор, пока не очутился в арке, ведущей со двора на улицу. Больше всего я боялся тогда закричать — мне почему-то казалось, что сбежавшиеся на крик люди обвинят во всем случившемся меня. Такое часто испытываешь во сне — страх ответственности за то, чего не совершал и не мог совершить...

Там-то, в арке, я и понял наконец, что произошло. Мало того — я понял механизм явления. Не перенос тела из одной точки в другую, но что-то вроде рокировки! Пространство, которое только что занимал Левушка, и пространство, которое он занял теперь, попросту ПОМЕНЯЛИСЬ МЕСТАМИ!.. Но если так, то значит, Левушка угодил в какое-то здание, заживо замуровав себя в одной из его стен!

Я вообразил эту глухую оштукатуренную стену с торчащей из нее вялой рукой и почувствовал дурноту.

И тут с улицы в арку вошел, пошатываясь, Левушка — целый и невредимый, только очень бледный.

— Промахнулся немножко, — хрипло сообщил он, увидев меня. — Занесло черт знает куда! Представляешь: все черно, вздохнуть — не могу, моргнуть не могу, пальцами только могу пошевелить... Хорошо, я сразу сообразил оттуда... как это? Телепорхнуть?

Я в бешенстве схватил его за руку и подтащил к выходу, ведущему во двор.

— Смотри! — сказал я. — Видишь?

Возле статуи уже собралось человека четыре. Они не шумели, не жестикулировали — они были слишком для этого озадачены. Просто стояли и смотрели. Подошел пятый, что-то, видно, спросил. Ему ответили, и он, замолчав, тоже стал смотреть.

— Это кто? — опасливо спросил Левушка.

— Это ты! — жестко ответил я.

Он выпучил глаза, и я принялся объяснять ему, в чем дело. Понимаете? Не он — мне, а я — ему!

— Статуя? — слабым голосом переспросил Левушка. — Моя?

Он сделал шаг вперед.

— Куда? — рявкнул я. — Опознают!

... Левушка шел через двор к песочнице. Я бросился за ним. А что мне еще оставалось делать? Остановить его я не смог. Мы

шли навстречу небывалому скандалу. Стоило кому-нибудь на секунду перенести взгляд с монумента на Левушку — и никаких дополнительных разъяснений не потребовалось бы.

— ... значит, жил он когда-то в этом дворе, — несколько раздраженно толковала событие женщина с голубыми волосами. — А теперь ему — памятник и доску мемориальную, чего ж тут непонятного?

— А я о чем говорю! — поддержал губастый сантехник Витька из первой квартиры. — Движение зря перекрывать не будут. Там его и поставят, на перекрестке, а сюда — временно, пока пьедестал не сдадут...

— Трудился, трудился человек... — не слушая их, сокрушенно качала головой домохозяйка с двумя авоськами до земли. — Ну разве это дело привезли, свалили посреди двора... Вот, пожалуйста, уже кто-то успел! — И она указала скорбными глазами на процарапанное гвоздем неприличное слово, выхваченное из какой-то неведомой стены вместе со статуей.

Нашего с Левушкой появления не заметили.

— Из кирпича... — Девушка в стиле "кантри" брезгливо дернула плечиком. — Некрасиво...

— Оцинкуют, — успокоил Витька.

— И рук почему-то нет...

— Приделают! У них технология такая. Руки изготавливают отдельно, чтобы при транспортировке не отбить.

— Эх! — громко вырвалось вдруг у Левушки. — Не мог позу принять поприличнее!

Чуть не плача, он стискивал кулаки, и лицо его было одного цвета со статуей. Все повернулись к нам и я закрыл глаза. Вот он, скандал!..

— Так ведь скульпторы сейчас какие? — услышал я, к своему удивлению, чей-то ленивый голос. — Это раньше скульпторы были...

Они его не узнали, понимаете?! Перед ними маячили две совершенно одинаковые физиономии, но все словно ослепли.

— Брови задрал, как идиот! — во всеуслышание продолжал горевать Левушка.

Женщина с голубыми волосами смерила его негодующим взглядом.

— А памятники, между прочим, — отчеканила она, — людям не за красоту ставят! Поставили — значит заслужил!

Левушка, пораженный последними словами, медленно повернулся к ней, и глаза у него в тот момент, клянусь, были безумны...

А на следующий день он не вышел на работу.

Все у меня валилось из рук, стоило мне взглянуть на его стол.

Вчера я его еле увел от песочницы, иначе бы он с пеной у рта принялся доказывать жильцам, что это его статуя. Ночью я то и дело просыпался и каждый раз думал: "Приснилось... Слава тебе, господи..." Облегченно вздыхал и вдруг понимал, что не приснилось.

Я вставал, выходил в кухню и пил воду. За окном шевелились черные акации и я надолго припадал к стеклу, скорее угадывая, чем различая, возле песочницы, в сером просвете между двумя кронами, зловещий горбатый силуэт с обрубками вместо рук...

А точно ли он пошел вчера домой? Перед обедом я не выдержал — позвонил на работу Татьяне и, конечно, нарвался на отповедь. Ее, знаете ли, как-то не волнует, где в данный момент находится этот неврастеник. И вообще, если он хочет извиниться, то пусть делает это сам, а не через адвокатов.

Я положил трубку и вернулся за свой стол. Чертовы бабы! Перезвонить бы сейчас, сказать: "Лева тебя в нашем дворе ждет, у песочницы. Очень просит прийти..." Да нет, бесполезно. Из принципа не пойдет... А жаль.

И тут словно что-то мягко толкнуло меня в спину. Я обернулся. В дверях стоял Левушка Недоногов.

Он внимательно, подробно разглядывал отдел: сослуживцев, столы, кульманы... К концу осмотра принялся скорбно кивать и вдруг громко спросил, ни к кому не обращаясь:

— И что, вот так — всю жизнь?

Нужно было видеть лица наших сотрудников!

Словно бы не замечая, что все на него смотрят, Левушка прогулочным шагом пересек комнату и уселся на мой стол, даже не потрудившись сдвинуть в сторону бумаги.

— А ведь мы, Павлик, в одном дворе росли, — ни с того ни с сего задумчиво напомнил он.

Верите ли, мне стало страшно. А он продолжал:

— Если помнишь, мальчишки меня недолюбливали. Почему?

— Я... — начал я.

— Да, — сказал он. — Ты — нет. Но остальные! Что им во мне не нравилось? Павлик, я шел сегодня на работу три часа! Шел и думал. И, знаешь, я понял: они уже тогда чувствовали, что я — иной. Чувствовали, что в чем-то я их превосхожу...

Он говорил ужасные вещи — размеренно, неторопливо, и никто не осмеливался его перебить. Могу себе предста-

вить, какое у меня было лицо, потому что он вдруг засмеялся и, наклонившись ко мне, покровительственно потрепал по плечу.

— Ну ладно, — объявил он, с юмором оглядев безмолвствующий отдел. — Время обеденное, не буду вас задерживать...

Он прошел к своему рабочему месту, сел и движением купальщика, разгоняющего у берега ряску, разгреб в стороны накопившиеся с утра бумаги. Затем, установив кулаки на расчищенной поверхности стола, Левушка величественно вскинул голову и замер в позе сфинкса.

Я понял, что сейчас произойдет, вскочил, хотел закричать — и не успел.

... Интересно, где он нашел такой кусок мрамора? Облицовочная мраморная плитка у нас в городе используется, это я знаю, но ведь тут нужна была целая глыба, монолит без единой трещины!..

В общем, беломраморное изваяние Левушки до сих пор восседает за его столом — просили не трогать до окончания следствия.

Вторая половина дня отложилась в памяти обрывками. Помню: я сидел в кабинете начальника и путано рассказывал следователю о вчерашнем. Капитан морщился и потирал висок. Один раз он даже сказал: "Подождите минуту..." и выскочил из кабинета. Голову даю на отсечение — бегал смотреть, сидит ли еще за столом каменный сотрудник.

Съездили за Татьяной.

— Вам знакома эта статуя?

Она в изумлении уставилась на своего мраморного Льва.

— В первый раз вижу! А при чем тут...

— Присмотритесь внимательнее. Она вам никого не напоминает?

Пожав плечами, Татьяна вгляделась в надменное каменное лицо и попятилась.

— Не может быть! — слабо вскрикнула она. — Кто его?.. За что ему?..

Но тут следователь, спохватившись, прикрыл дверь, и больше мы ничего не услышали.

Здание, из которого Левушка вынул свою первую — кирпичную — статую, нашли на удивление быстро — им оказалась

наша котельная. Я там был в качестве свидетеля, когда обмеряли и фотографировали выемку. При мне же опрашивали истопника. Поначалу он бодро утверждал, что дыра в стене была всегда, но скоро запутался в собственном вранье и, перейдя на испуганный шепот, признался, что лопни его глаза, если вчера отсюда не высунулась рука, не потянулась к заначке, которую он еле успел спасти, и не пропала потом, оставив после себя эту вот пробоину!

Не то чтобы я нежно любил свою работу, но теперь я прямо-таки мечтаю хоть раз беспрепятственно добраться до своего стола. Подходишь утром к институту — а у подъезда уже машина ждет.

— Здравствуйте, Павел Иванович, а мы за вами. Начальство ваше предупреждено, так что все в порядке.

— Здравствуйте, — отвечаю с тоской. — Опять кто-нибудь приехал?

— Да, Павел Иванович. Профессор из Новосибирска, член-корреспондент.

— Так вы же меня на пленку записали — пусть прослушает.

— Ну что вы, право, как маленький, Павел Иванович! Он ее еще в Новосибирске прослушал...

Ничего не поделаешь — главный свидетель. Я, конечно, понимаю: им бы не со мной, им бы с самим Левушкой поговорить... Но Левушка — как снежный человек: следов оставляет массу, а вот встретиться с ним, побеседовать этого еще никому не удалось.

Татьяну не узнать — избегалась за месяц, осунулась. Кстати, была вчера у нас — допытывалась, нет ли новостей. Как же нет — есть! Можно даже и не спрашивать — достаточно на гастроном посмотреть. Там на козырьке крыши сейчас четыре Левушки. Из розового туфа, в натуральную величину. Наиболее любопытен второй слева — у него всего одна точка опоры, вторую ногу он занес над воображаемой ступенькой.

Это уже, так сказать, поздний Левушка, Левушка-классицист. А если миновать пятиэтажку и свернуть во двор, то там можно увидеть ранние его работы. Их две. Обе стоят на крыльце Левушкиного подъезда по сторонам от входной двери и ровным счетом ничего не означают. Просто стоят и все.

Но вы не путайте: это не те статуи, что появились в ночь перед объявлением розыска. Те на следующий день разбил ломом и сбросил с крыльца сосед Недоноговых по этажу — мужчина мрачный, пьющий и что-то, видать, против Левушки имею-

щий. Вечером того же дня, приняв душ, он не смог выйти из ванной — старую прочную дверь снаружи подпирала спиной статуя, сидящая на табурете в позе роденовского "Мыслителя".

А ночью на крыльце подъезда опять появились Левушкины автопортреты — вот эти самые. Они очень похожи на прежние, но обратите внимание: ступни обеих статуй наполовину утоплены в бетон. Это Левушка усложнил технологию — теперь он сначала телепортирует на будущий пьедестал и внедряется в него подошвами. Выкорчевать практически невозможно, разве что вместе с крыльцом.

Я рассказал о первом покушении на Левушкины шедевры. Второе состоялось в городском парке. Пару месяцев назад там понаставили каменных тумб под гипсовые скульптуры. Ну скажите, разве мог Левушка устоять и не воспользоваться этими тумбами! В парке стало жутковато: куда ни глянешь — везде одна и та же каменная физиономия. Вдобавок Левушка к тому времени сменил манеру. Если раньше он просто оставлял на облюбованном месте свое подобие, то теперь он еще начал при этом что-то изображать.

Вот, например, Левушка Недоногов держится за лобную кость. На цоколе масляной краской надпись: "Мысль". Почерк — Левушкин. А вот он за каким-то дьяволом поднял руку и смотрит на нее, запрокинув голову. На цоколе надпись: "Мечта".

Скульптор, которому было поручено оформление парка, чуть с ума не сошел — явился туда с молотком и успел публично отшибить носы двум Левушкам, после чего был остановлен ребятами из ДНД. Скульптор бушевал и клялся, что рано или поздно перебьет все к чертовой матери. Но тут прибыли товарищи из следственной комиссии и спокойно объяснили ему, что речь тогда пойдет не о хулиганстве и даже не о порче имущества, но об умышленном уничтожении вещественных доказательств, а это уже, согласитесь, совсем другая статья. Отколотые носы тут же прилепили на место каким-то особым клеем, так что Левушка, по-моему, до сих пор ничего не заметил.

Третье и, я полагаю, последнее покушение было организовано городскими властями с разрешения следователя. Во дворах статуи решили не трогать (их все равно мало кто видит), а вот с парапетов, карнизов и бетонных козырьков над подъездами учреждений — убрать в двадцать четыре часа. Изваяний тогда было меньше, чем теперь, и для изъятия вполне хватило светового дня. Страшная каменная толпа набила до отказа тесный дворик позади Союза художников.

А утром, само собой, на старых местах уже красовались новые Левушки, для верности утопленные в основания по щиколотку.

Ученых понаехало... один ученей другого! Не могут понять, почему одежда телепортирует вместе с Левушкой. По логике-то не должна. Впрочем, остального они тоже понять не могут.

Следователь — тот хоть серьезным делом занят: выясняет, откуда Левушка берет мрамор. С туфом — разобрались. Армянский розовый туф завезли в город для постройки чего-то монументального. Левушка вынул из него штук девять своих изваяний и больше не смог — издырявил до полной непригодности. А вот мрамор у него почему-то не кончается. Ребенку ясно, что Левушка повадился в какую-то каменоломню, но где она? Мрамор в области не добывают — его у нас просто нет.

Кое-что приоткрылось после случая с городским театром. Там на аттике сидела древнегреческая то ли богиня, то ли муза с лавровым венком в простертой руке. На днях Левушка пристроил перед ней свою статую, да так ловко, что богиня теперь надевает венок ему на лысину. И статуя эта, заметьте, из инкерманского камня. А Инкерман, между прочим, в Крыму! Я — к следователю. Как же так, говорю, на какие же расстояния он может телепортировать? Вы на карту взгляните: где мы, а где Крым!..

Следователь меня выслушал и с какой-то, знаете, болезненной улыбкой сообщил, что неприметная зеленоватая статуя на набережной состоит из редчайшего минерала, на нашей планете практически не встречающегося.

После этих слов у меня все перед глазами поплыло... Не верю! До сих пор не верю! Ведь Левушка НИГДЕ, кроме нашего района, памятники себе не ставит! НИГДЕ! Ни в одном городе!..

Позавчера я сидел дома и с изумлением читал в местной газете статью "Телепортация: миф или реальность?", которая начиналась словами: "Они росли в одном дворе..." Хлопнула входная дверь, и передо мной возник Мишка, бледный и решительный.

— Папа, — сказал он, — ты должен пойти со мной!

"Однако тон..." — удивился я, но все же отложил газету и вышел за ним на площадку. Возле лифта стояли Мишкины одноклассники. Я вопросительно посмотрел на сына.

— Папа! — звонким от обиды голосом воззвал он. — Вот они не верят, что ты дружил со Львом Недоноговым!

Мальчишки ждали ответа.

— Дружил? — недоуменно переспросил я. — А почему, собственно, в прошедшем времени? По-моему, мы с Левой и не ссорились. Еще вопросы будут?

Больше вопросов не было и я вернулся в квартиру, оставив сына на площадке — пожинать лавры. Да-а... Докатился. "Мы с Левой..." Ладно. Будем считать, что я выручал Мишку.

Такое вот теперь у нас ко Льву Недоногову отношение. Еще бы — после всех его подвигов! После того, как он дверь соседу статуей припер!..

Да! Я же о старушке забыл рассказать! Но это, скорее всего, легенда, предупреждаю сразу.

У некой старушки несколько лет протекал потолок. Старушка писала заявления, ходила по инстанциям, а потолок протекал. И вот однажды на скамеечку возле старушкиного подъезда присел отдохнуть некий мужчина.

— Не горюй, бабуля, — утешил он. — Я тебе помогу.

И пошел в домоуправление.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я — Лев Сергеевич Недоногов. Вы почему старушке квартиру не ремонтируете?

Сначала управдом очень испугался, но, выяснив, что пришли не от газеты и не от народного контроля, а всего-навсего от старушки, успокоился и якобы ответил:

— В текущем квартале — никак не можем. Да и старушка-то, между нами, не сегодня-завтра коньки отбросит...

— Дорогой вы мой! — в восторге закричал посетитель. — Именно такого ответа я от вас и ждал! Дайте я вас обниму, родной!

И обнял.

Дальше, я думаю, можно не продолжать. На этот раз Левушка использовал чугун и пока у статуи отпиливали руки, старушкина квартира была отремонтирована...

Ну и как вам история? Неплохо, правда? Повесть о бедной старушке, негодяе управдоме и благородном Левушке. Я не знаю, кто придумал и пустил гулять эту байку, но цели своей он достиг — с некоторых пор все заявки граждан панически быстро выполняются.

А на днях я услышал нечто куда более правдоподобное. Якобы дочь Левушки Маша и еще несколько десятиклассников, рассудив, что последний звонок бывает раз в жизни, решили отметить это дело в баре, откуда их немедленно попросили. Ребята, конечно, клялись, что они студенты, а не школьники, но бармена не проведешь.

И, можете себе представить, выходит вперед эта соплячка Маша и якобы заявляет:

— Вы еще об этом пожалеете! Мой отец — Недоногов!

В отличие от мифического управдома бармен был живой человек и, работая в нашем районе, просто не мог не знать имя и фамилию "каменного гостя"...

Однако не будем отвлекаться.

Субботним утром я сполоснул трехлитровую банку и вышел на улицу. Статуй за ночь не прибавилось и это вселяло надежду, что ни следователь, ни ученые беспокоить меня сегодня не будут. Я прошел мимо гранитного Левушки, пожимающего руку Левушке мраморному, и наткнулся на группу приезжих.

Вообще-то их в городе мало — к нам теперь не так просто попасть. Те немногие, кому это удалось, чувствуют себя здесь туристами — бродят по району, глазеют. А роль гида вам охотно исполнит любой местный житель.

В данном случае гидом был губастый сантехник Витька из первой квартиры.

— Вот, обратите внимание, статуя, — с удовольствием говорил он, подводя слушателей к очередному изваянию. — Стоит, как видите, прямо на асфальте и улыбается. А между тем она жизнь человеку сломала... Вы заметьте, куда она смотрит. Правильно, вон в то окно без занавесок. Проживал там мой знакомый, завсклад Костя Финский. Как он эту статую увидел — занервничал. Ох, говорит, Витек, не нравится мне эта статуя. Неспроста она сюда смотрит. Ты гляди, какая у нее улыбка ехидная — словно намекает на что-то... А жена у Кости ушла год назад, так что с этой стороны все чисто... Я ему говорю: плюнь. Ну, статуя, ну и что? Трогает она тебя? Стоит — и пускай себе стоит... Но это легко сказать! Сами подумайте: выглянешь в окошко, а она — смотрит. Да как!.. Короче, недели хватило — сломался Костя Финский, пошел сдаваться в ОБХСС. Сам. Не дожидаясь... Теперь в эту квартиру никто вселяться не хочет. История известная — вот земляк может подтвердить...

Трехлитровая банка выпала у меня из рук и разбилась об асфальт. Все повернулись ко мне, в том числе и полный лысеющий мужчина, которого Витька только что назвал земляком.

Это был Левушка Недоногов. Собственной персоной.

— Хорошо еще, что пустая, — заметил Витька. — А сейчас я, если хотите, покажу вам памятник Крылову. Он ему там цветы возлагает...

И вся группа, за исключением одного человека, двинулась в сторону площади, туда, где каменный Лев Недоногов возлагал скромный каменный букетик к ногам гениального баснописца.

Мы остались у статуи вдвоем.

— Здравствуй, Лева... — сказал я растерянно.

Он смотрел на меня словно бы не узнавая. Словно бы прикидывая, а стоит ли узнавать.

Светлый выходной костюм, знакомые туфли, рубашка... Великий человек был скромен — ходил в своем. А между тем мог проникнуть в любой универмаг планеты и одеться во что пожелает.

— А-а, Павлик... — проговорил он наконец. — Здравствуй...

Я шагнул вперед. Под ногами заскрипели осколки.

— А я вот... прогуляться...

Оробел... Как в кабинете большого начальника. Стыдно вспомнить — я даже не решился подать ему руку.

Но Левушка, кажется, и сам был смущен нашей встречей.

— Ты слышал? — отрывисто спросил он, мотнув головой в ту сторону, куда Витька увел приезжих. — Что он им тут про меня плел? Какое окно? Какой Финский? Я, собственно, проходил мимо... ну и поинтересовался, о чем он тут...

Левушке очень хотелось уверить меня, что среди слушателей он оказался случайно.

— Нормальная улыбка, искренняя... Что в ней ехидного? — Левушка замолчал, часто моргая на статую.

— Лева, а ты...

Я хотел спросить: "Ты идти сдаваться не думаешь?", но спохватился и пробормотал:

— Ты домой-то как... собираешься возвращаться?

Великий человек нахмурился.

— Не сейчас... — уклончиво ответил он. — Не время пока...

Он что-то увидел за моим плечом и лицо его выказало раздражение.

— Слушай, — сказал он сквозь зубы. — Будь другом, кинь ты в него чем-нибудь! Замучился уже в них кидать...

Я оглянулся. Метрах в десяти от нас по тротуару разгуливал голубь.

— За что-ты их так?

— Гадят, — ответил он просто и устало. Подумав, добавил: — Собак тоже развели... Никогда столько собак в городе не было...

— А собаки-то что тебе сделали? — удивился я, но тут же сообразил, что может сделать собака, если памятник стоит прямо на асфальте.

Левушка сосредоточенно разглядывал свободный карниз ближайшего здания.

— Левка! — сказал я с тоской. — Что с тобой стало! Чего ты всем этим достиг? Татьяна тебя ищет — с ног сбилась... Милиция розыск объявила...

— Ничего, — жестко ответил он. — Пусть знают! А то привыкли: Недоногов!.. Что с ним церемониться? Можно прикрикнуть, можно настроение дурное на нем сорвать — все можно! За что его уважать, Недоногова? Подвигов не совершал, карьеры не сделал, зарабатывать как следует — не научился! А теперь... Ишь, засуетились! Ро-озыск...

Он повернулся ко мне, перестав на секунду моргать.

А глаза-то ведь, как известно, зеркало души. Этой секунды мне вполне хватило, чтобы понять: Левушка врал. Не обида — другое мешало ему вернуться к людям.

Левушка, мраморный Левушка, Левушка-легенда, "каменный гость" боялся встречи с Татьяной!.. И, похоже, не только с ней. Вот почему он так растерялся, увидев меня. Ясно же: стоит ему появиться на людях не в бронзе и не в граните, стоит ему произнести первую фразу, как все поймут, что никакой он, к черту, не монумент, а прежний Левушка, вечно теряющийся в спорах и робеющий перед женой.

— Лева, — твердо сказал я. — Давай честно. Тебя ищут не потому, что людям делать нечего. Ты нам нужен, Лева! Татьяне, ученым...

— Следователю, — мрачно подсказал он.

— Следователь вчера сравнил тебя с Колумбом.

— Оригинально... Это что же, общественное мнение?

— А ты, значит, уже выше общества? — задохнувшись от злости, спросил я. Робости моей как не бывало. — А для кого, позволь узнать, ты натыкал кругом все эти памятники? Не для общества? Кому ты доказываешь, что не ценили тебя, не разглядели? Кому?

— Себе! — огрызнулся он.

— Врешь, — спокойно сказал я. — Врешь нагло. Если в один прекрасный день люди перестанут замечать твои статуи, тебе конец!

Левушка молчал. Кажется, я попал в точку. Теперь нужно было развивать успех.

— Лева, — с наивозможнейшей теплотой в голосе начал я. — Прости меня, но все это — такое ребячество!.. Да поставь ты себе хоть тысячу монументов — все равно они будут недействительны! Да-да, недействительны! Монументы ни за что!.. И неужели эти вот самоделки... — Я повернулся к Левушке спиной и широким жестом обвел уставленную изваяниями улицу, — неужели они дороже тебе — пусть одного, но, черт возьми, настоящего памятника!.. За выдающееся открытие от благодарного человечества!

Левушка молчал и я продолжал, не оборачиваясь:

— Ну хорошо. Допустим, ты в обиде на общество. Кто-то тебя не понял, кто-то оборвал, кто-то пренебрег тобой... Но мне-то, мне! Лучшему своему другу — мог бы, я думаю, рассказать, как ты это делаешь!..

Я обернулся. Передо мной стояла мраморная Левушкина статуя и показывала мне кукиш.

— Черт бы драл этого дурака! — в сердцах сказал я, захлопнув за собой входную дверь.

— Ты о ком? — поинтересовалась из кухни жена, гремя посудой.

— Да о Недоногове, о ком же еще!..

Посуда перестала греметь.

— Знаешь что! — возмущенно сказала жена, появляясь на пороге. — Ты сначала сам добейся такого положения! Только ругаться и можешь!

Вот уж с этой стороны я удара никак не ожидал.

— Оля! — сказал я. — Оленька, опомнись, что с тобой! Какое положение? О каком положении ты говоришь?

— А такое! — отрубила она. — Сорок лет, а ты все мальчик на побегушках!

Нервы мои были расстроены, перед глазами еще маячил мраморный Левушкин кукиш, тем не менее я нашел в себе силы сдержаться.

— По-моему, речь идет о Недоногове, а не обо мне! Так какое у него положение? В беганх человек!

— Он-то в бегах, — возразила жена, — а Татьяне вчера профессор звонил. Член-корреспондент из Новосибирска.

— Да знаю я этого профессора, — не выдержав, перебил я. — Не раз с ним беседовал...

— Молчи уж — беседовал!.. И профессор интересовался, не собирается ли недоноговская Машка подавать заявление в Новосибирский университет. Ты понимаешь?

— Ах, во-от оно что... — сообразил я. — Значит, он думает, что это передается по наследству? Молодец профессор...

— Профессор-то молодец, а Мишка через три года школу кончит.

— Что тебе от меня надо? — прямо спросил я.

— Ничего мне от тебя не надо! Пей свое пиво, расписывай свои пульки... А где банка?

— Разбил.

— Наконец-то.

— О ч-черт! — Я уже не мог и не хотел сдерживаться. — Что ты мне тычешь в глаза своим Недоноговым! Какого положения он достиг?

— Не ори на меня! — закричала она. — Просто так человеку памятник не поставят!

— Оля! — в страхе сказал я. — Господь с тобой, кто ему что поставил? Он сам себе памятники ставит!

— Слушай, не будь наивным! — с невыносимым презрением проговорила моя Оленька.

Черт возьми, что она хотела этим сказать? Что великие люди сами отливают себе памятники? В переносном смысле, конечно, да, но... Не понимаю...

Я расхаживаю по пустой квартире и никак не могу успокоиться. Нет, вряд ли следователь додумался до Колумба сам. Это его кто-то из ученых настроил...

Левушке не в чем меня упрекнуть. Я молчал о кирпичной статуе, пока он не сотворил при свидетелях вторую — ту, что сидит в отделе. Я выгораживал его перед капитаном и перед Татьяной. Я ни слова не сказал Моторыгину и вообще до сих пор скрываю, дурак, позорные обстоятельства, при которых Левушка овладел телепортацией.

Поймите, я не к тому, что Левушка — неблагодарная скотина (хотя, конечно, он скотина!), я просто не имею больше права молчать, пусть даже на меня потом повесят всех собак, обвинят в черной зависти и еще бог знает в чем...

Со двора через форточку доносятся возбужденные детские голоса. Это у них такая новая игра — бегают по двору, хлопают друг друга по спине и кричат: "Бах! Памятник!" И по правилам игры тот, кого хлопнули, должен немедленно замереть.

Хотим мы этого или не хотим, но Левушка сделался как бы маркой нашего города. Возникло нечто, отличающее нас от других городов.

Правда, по району ходит серия неприличных анекдотов о Льве Недоногове, а один раз я даже слышал, как его обругали "каменным дураком" и "истуканом", но это, поверьте, картины не меняет.

Взять, к примеру, мраморного Левушку, что сидит за столом у нас в отделе, — кто с него пыль стирает? Я спрашивал уборщицу — она к нему даже подойти боится. Значит, кто-то из наших. Кто?

Ах, как не хочется нам называть вещи своими именами! С цепи сорвался опасный обыватель, а мы благодушествуем,

мы потакаем ему — ну еще бы! Ведь на нас, так сказать, ложится отсвет его славы!..

Розыск... А что розыск? Что с ним теперь вообще можно сделать? Даже если подстеречь, даже если надеть наручники, даже если он милостиво позволит себя препроводить — ну и что? Будет в кабинете следователя сидеть статуя в наручниках... Да и не осмелится никто применить наручники — ученые не позволят.

Я однажды прямо спросил капитана, как он рассчитывает изловить Левушку. И капитан показал мне график, из которого явствовало, что активность Левушки идет на убыль. Раньше он, видите ли, изготовлял в среднем четыре-пять статуй в день, а теперь — одну-две.

— Не век же ему забавляться, Павел Иванович, — сказал мне капитан. — Думаю, надолго его не хватит. Скоро он заскучает совсем и придет в этот кабинет сам...

Довод показался мне тогда убедительным, но сегодня, после утренней встречи, я уже не надеюсь ни на что.

С какой стати Левушка заскучает? Когда ему скучать? У него же ни секунды свободного времени, ему же приходится постоянно доказывать самому себе, что он значителен, что он — "не просто так"! И он будет громоздить нелепость на нелепость, один монумент на другой, пока не наберется уверенности, достаточной для разговора с Татьяной. Или с учеными. Или со следователем. А если не наберется?

И главное: никто, никто не желает понять, насколько он опасен!

Я не о материальном ущербе, хотя тонны розового туфа, конечно же, влетели городу в копеечку, и еще неизвестно, на какую сумму он угробил мрамора.

Я даже не о том, что Левушка рискует в один прекрасный день промахнуться, телепортируя, и убить случайного прохожего, отхватив ему полтуловища.

Лев Недоногов наносит обществу прежде всего МОРАЛЬНЫЙ урон. Подумайте, какой вывод из происходящего могут сделать, если уже не сделали, молодые люди! Что незаслуженная слава — тоже слава, и неважно, каким путем она достигнута?..

На глазах у детей, у юношества он превращает центр города в мемориал мещанства, в памятник ликующей бездарности, а мы молчим!

Я знаю, на что иду. Сегодня со мной поссорилась жена, завтра от меня отвернутся знакомые, но я не отступлю. Я обязан раскрыть людям глаза на его убожество!..

Я выхожу в кухню и надолго припадаю к оконному стеклу. Там, в просвете между двумя кронами, возле песочницы, я ви-

жу статую. Мерзкую, отвратительную статую с обрубками вместо рук, и на правой культе у нее, я знаю, процарапано гвоздем неприличное слово...

... Плешивый, расплывшийся — ну куда ему в монументы!.. И фамилия-то самая водевильная — Недоногов!..

Я отстраняюсь от окна. В двойном стекле — мое двойное полупрозрачное отражение. Полное лицо сорокалетнего мужчины, не красивое, но, во всяком случае, значительное, запоминающееся...

И я не пойму: за что, за какие такие достоинства выпал ему этот небывалый, невероятный шанс!.. Почему он? Почему именно он?

Почему не я?

ПРОБУЖДЕНИЕ

Он проснулся, чувствуя, что опаздывает на работу, и, конечно, первым делом разбил стакан. Это был уже четвертый или пятый случай. Цилиндр тонкого стекла, задетый неловким движением, съехал на край стола, накренился и полетел на пол, кувыркаясь и расплескивая остатки приготовленной на ночь воды.

Он успел подхватить его на лету, но — увы — только мысленно. Как всегда. Вдобавок он не совсем проснулся, потому что в третий — смертельный — кувырок стакан вошел с явной неохотой, на глазах замедляя падение, словно в отлаженном, выверенном и безотказном механизме ньютоновской теории тяготения что-то наконец заело.

Он оторопело встряхнул головой и стакан, косо повисший в двадцати сантиметрах над полом, упал и с коротким стеклянным щелчком распался на два крупных осколка.

Чего только не случается между сном и явью! Оцепенеть от изумления было бы в его положении роскошью — он не успевал к звонку даже теоретически. Судя по характеру пробуждения, ему предстоял черный понедельник, а то и черная неделя. Неудачи, сами понимаете, явление стадное.

Когда, застегивая пальто, он выбежал со двора на улицу, в запасе была всего одна минута. Правда, на остановке стоял трамвай, который милостиво позволил догнать себя и вскочить на заднюю площадку, но это еще ни о чем не говорило. Либо трамвай неисправен, либо сейчас обнаружится, что во второй кассе кончились билеты и водитель будет минут пять заряжать дьявольский механизм и еще столько же лязгать рычагом, проверяя исправность кассы

К его удивлению, трамвай заныл, задрожал, закрыл двери и, звякнув, рванул с места. Навстречу летели зеленые светофоры, а одну остановку водитель просто пропустил, рявкнув в микрофон: "На Завалдайской не сходят? Проедем..."

Следовательно, предчувствие обмануло. Ему предстоял вовсе не черный, а самый обыкновенный, рядовой понедельник.

В отделе его встретили понимающими улыбками. Человек, панически боящийся опоздать на работу и все же опаздывающий ежедневно, забавен, даже когда ухитряется прийти вовремя. Начальник нахмурил розовое юношеское чело. Сегодняшнюю пятиминутку он собирался начать с разговора о производственной дисциплине и — на тебе! — лишился основного наглядного пособия.

— Ну что ж, начнем, товарищи...

Начальник встал.

— Сегодня я вижу, опоздавших практически нет, и это... э-э-э... отрадно. Но, конечно, в целом по прошлой неделе показатели наши... тревожат. Да, тревожат. Некоторые товарищи почему-то решили...

Все посмотрели на некоторого товарища. Кто со скукой, кто с сочувствием.

Некоторый товарищ терпеть не мог своего молодого, изо всех сил растущего начальника. За апломб, за манеру разговаривать с людьми, в частности — за возмутительную привычку отчитывать при свидетелях. Ясно: добреньким он всегда стать успеет, а на первых порах — строгость и только строгость. А к некоторому товарищу придирается по той простой причине, что товарищ этот — недотепа.

Видя начальника насквозь, точно зная, что следует ответить, он тем не менее ни разу не осадил его и не поставил на место. Почему? А почему он сегодня утром не подхватил падающий стакан, хотя вполне мог это сделать?

На восьмой минуте пятиминутки дверь отдела отворилась и вошла яркая женщина Мерзликина. Вот вам прямо противоположный случай. Ведь из чего складывается неудачник? Вовсе не из количества неудач, а из своего отношения к ним.

Итак, вошла яркая женщина Мерзликина, гоня перед собой крупную волну аромата. Начальник снова нахмурился и, не поднимая глаз, осведомился о причинах опоздания.

Мерзликина посмотрела на него, как на идиота.

— Конечно, проспала, — с достоинством ответила она и начальник оробел до такой степени, что даже не потребовал письменного объяснения.

На беду кто-то тихонько хихикнул. Ощутив крупную пробоину в своем авторитете, начальник принялся спешно ее латать. Кем он эту пробоину заткнул, можно догадаться.

Нет, все-таки это был черный понедельник.

— ... другими словами, все дело исключительно в добросовестном отношении к своему... э-э-э... делу, — не совсем гладко закончил ненавистный человек и в этот миг его галстук одним рывком выскочил из пиджака.

— Извините, — пробормотал начальник, запихивая обратно взбесившуюся деталь туалета.

Услышав, что перед ними за что-то извиняются, сотрудники встрепенулись, но оказалось — ничего особенного, с галстуком что-то.

— У меня все! — отрывисто известил начальник и сел. Он был бледен. Время от времени он принимался осторожно двигать шеей и хватать себя растопыренной пятерней пониже горла.

Короче, никто из подчиненных на эпизод с галстуком должного внимания не обратил. Кроме одного человека.

Ему захотелось взять начальника за галстук. И он мысленно взял начальника за галстук. Он даже мысленно встряхнул начальника, взяв его за галстук. И вот теперь сидел ни жив, ни мертв.

Как же так? Он ведь даже не пошевелился, он только подумал... Нет, неправда. Он не только подумал. Он в самом деле взял его за галстук, но не руками, а как-то... по-другому.

Он спохватился и, рассерженный тем, что всерьез размышляет над заведомой ерундой, попытался сосредоточиться на делах служебных. Да мало ли отчего у человека может выбиться галстук!

Ну, все. Все-все-все. Пофантазировал — и хватит. И за работу. Но тут он вспомнил, что случилось утром, и снова ощутил этакий неприятный сквознячок в позвоночнике. Перед глазами медленно-медленно закувыркался падающий стакан и замер, подхваченный...

Он выпрямился, бессмысленно глядя в одну точку, а именно — на многостержневую шариковую ручку на столе Мерзликиной. Самопишущий агрегат шевельнулся и, подчиняясь его легкому усилию, встал торчком.

Мерзликина взвизгнула. Перетрусив, он уткнулся в бумаги. Потом сообразил, что именно так и навлекают на себя подозрения. Гораздо естественнее было полюбопытствовать, по какому поводу визг. Мерзликина с округлившимися глазами опасливо трогала ручку пальцем.

Происшествием заинтересовались.

— При чем здесь сквозняк? — возражала Мерзликина. — Что может сделать сквозняк? Ну, покатить, ну, сбросить... И потом, откуда у нас здесь сквозняк?

Она успокоилась лишь после того, как ее сосед разобрал и собрал ручку у нее на глазах. Там, внутри, обнаружилось несколько пружинок, и Мерзликиной как истой женщине (тем более — яркой) этого показалось вполне достаточно. Вот если бы пружинок не было, тогда, согласитесь, вышла бы полная мистика, а так — все-таки пружинки...

Значит, не померещилось. Значит, все это всерьез и на самом деле. Но откуда? С чего вдруг могли в нем проснуться такие сверхъестественные или как это сейчас принято говорить — паранормальные способности? Прорезались с возрастом, как зуб мудрости?

Он машинально открыл папку, не прикасаясь к ней, и таким же образом закрыл.

Теперь не было даже сомнений.

"Ах вот как! — внезапно подумал он с оттенком черного ликования. Ну, тогда совсем другое дело! Тогда я, кажется, знаю, чем мне заняться..."

И скосил преступный глаз вправо, где из-под полированной передней стенки стола так беззащитно и трогательно виднелись венгерские туфли начальника.

Он мысленно потянул за шнурок. Начальник схватился за ногу и заглянул под стол.

Неосторожно... В течение нескольких минут он тренировался, развязывая и завязывая тесемки папки, после чего вернулся к туфлям. Принцип он понял: следовало не тянуть, а постепенно распускать весь узел в целом.

С этой ювелирной операцией он справился с блеском и некоторое время любовался расхлюстанным видом обуви начальника. Потом ему пришло в голову, что шнурки можно связать между собой.

Довершить затеянное он мудро предоставил естественному ходу событий и, разложив бумаги, сделал вид, что с головой ушел в дела. Прошло около получаса, а ловушка все не срабатывала. Первое время он нервничал, а потом сам не заметил, как втянулся в обычный ритм и взялся за службу всерьез. Поэтому, когда в помещении раздался грохот, он подпрыгнул от неожиданности точно так же, как и все остальные.

Начальник лежал на животе ногами к стулу и совершенно обезумевшим лицом к двери. Упираясь ладонями в пол, он безрезультатно пытался подтянуть под себя то одну, то другую ногу.

Ужас! Налицо злостное хулиганство, подрыв авторитета, грубейшее нарушение производственной дисциплины, а виновных нет.

Начальника поставили на ноги, развязали, отряхнули и бережно усадили за стол. Он ошалело бормотал слова благодарности, а ему — не менее ошалело — бормотали слова соболезнования и, не зная, что и подумать, в смущении разбегались по рабочим местам.

Впору было появиться какому-нибудь Эркюлю Пуаро и порадовать поклонников версией, что начальник сам незаметно связал себе ноги и, грохнувшись на пол, отвлек тем самым внимание общественности от какого-то своего куда более серьезного преступления.

Но если бы этим пассажем все ограничилось!

Нет, день запомнился начальнику надолго. Бумаги на его столе загадочным образом шулерски перетасовывались, а сверху неизменно оказывался журнал из нижнего ящика тумбы. Кроссвордом вверх. Стоило начальнику отлучиться или хотя бы отвлечься, красный карандаш принимался накладывать от его имени совершенно идиотские резолюции, пересыпая их грубейшими орфографическими ошибками.

Начальник взбеленился и решил уличить виновных любой ценой. Тактика его была довольно однообразна: он прикидывался, что поглощен телефонным разговором или поиском нужного документа, после чего стремительно оборачивался.

В конце концов карандашу надоела эта бездарная слежка. Уже не скрываясь, он оперся на острие и, развратно покачав тупым шестигранным торцом, вывел поперек акта о списании детскими печатными буквами: "Ну и как оно?"

Начальник встал. Лицо его было задумчиво и скорбно. Он вышел и не появлялся до самого перерыва.

Его гонитель почувствовал угрызения совести. Но выяснилось, что не знал он и недооценивал своего начальника. Когда тот возник в дверях сразу после обеда и, притворяясь, что видит художества красного карандаша впервые, осведомился страшным голосом, чья это работа, стало ясно, что до капитуляции еще далеко.

Так и не понял начальник, какая сила противостоит ему. Он требовал признания, он высказал все, что накопилось в его душе за первую половину дня, и, наконец, сел писать докладную неизвестно кому неизвестно на кого. Словом, повел себя решительно, но мерзко.

Кара последовала незамедлительно. Пока он составлял докладную, та же невидимая рука ухитрилась перевинтить ему университетский "поплавок" с лацкана на место, для ношения ре-

галий совершенно не предназначенное. Лишь после этого начальник выкинул белый флаг и с позором бежал с поля боя. Потом уже узнали, что он зашел к замдиректора и, сославшись на недомогание, уехал домой.

Но победитель, кажется, был смущен своей победой. Конечно, начальник здорово ему насолил за последние полгода и все же зря он его так жестоко. И Мерзликину утром напугал. За что? Храбрая женщина, к тому же такая яркая...

Совесть потребовала от него галантного поступка. Скажем, бросить на стол Мерзликиной цветок. Анонимно. Большей галантности он себе представить не мог. Да, но где взять цветы в конце февраля? В одном из окон дома напротив цвел кактус.

Явление, говорят, редкое.

Сразу же возник ряд трудноразрешимых задач. Сорвать он, положим, сорвет. А как протащить сквозь заклеенное окно? А потом еще сквозь двойные витринные стекла отдела? Окольными путями?

Он представил проплывающий коридорами цветок и, задумчиво поджав губы, покачал головой. Выследят.

В конце концов он решил не мучиться и поступить просто: сорвать там, а на стол положить — здесь. Пусть цветок сам как хочет, так и добирается.

— О-о... — польщенно сказала Мерзликина, заметив перед собой черно-желтого, геометрически безупречного красавца. И, оправляя прическу, лукаво оглядела отдел.

Ну и слава богу. Он, честно говоря, опасался, что она терпеть не может кактусы и все с ними связанное.

Домой со службы он отправился пешком. Стояла оттепель, февраль был похож на март.

Он шел в приподнятом настроении, расстегнув пальто и чувствуя себя непривычно значительным. Машинально, как мальчишки тарахтят палкой по прутьям ограды, он постукивал по звучным прозрачным сосулькам, не пропуская ни одной. Интересно, чем он это делал?

Внезапно возник слабый, но нестерпимо ясный отзвук чьего-то ужаса, и он запрокинул голову. Что-то падало с огромной высоты многоэтажного дома что-то маленькое, пушистое, живое. Кошка! То ли она не удержалась на ледяной кромке крыши, то ли ее выбросил из окна лестничной площадки какой-то мерзавец.

Он подхватил ее на уровне второго этажа. Он чувствовал, что если остановит ее сразу, то для кошки это будет все равно, что

удариться со всего маху об асфальт. Поэтому он пронес ее, плавно притормаживая, почти до земли и, чтобы не бросать в лужу, положил в сторонке на сухую асфальтовую проталину.

Кошка вскочила и, вытянувшись, метнулась за угол, кренясь от испуга.

— Кося леталя!! — раздался ликующий детский вопль.

— Нет, Яночка, нет, что ты! Коша не летала. Летают птички. А киски летать не могут.

— Леталя!! — последовал новый толчок в барабанные перепонки и молодая мать поняла, как трудно теперь будет убедить Яночку в том, что кошки не летают.

Кошачий спаситель был растерян. В этом оглушительном ликующем "леталя!" он услышал нечто очень для себя важное, нечто такое, чего сам еще не мог постичь и объяснить. Он застегнул пальто и в задумчивости двинулся дальше. Сосульки оставил в покое.

Дома его ждала неубранная постель и осколки стакана на полу. Он привел комнату в порядок и присел к столу — поразмыслить.

... Неудачник, человек на третьих ролях, он глядел в медленно синеющее окно, и странно было ощущать себя победителем.

Интересно, как бы на все это отреагировала его бывшая жена? Где-то она теперь? Собиралась вроде уехать с мужем куда-то на север...

И вдруг он обнаружил ее — далеко-далеко. Такая же комнатка, как у него, довольно скромная обстановка... Так, а это, стало быть, и есть ее новый муж? Ну и верзила! Усы, конечно, отрастил по ее желанию. Идиллия. Кофе пьют.

Он вслушался. По несчастливому совпадению разговор шел о нем.

— Ты только не подумай, что я вас сравниваю, — говорила она. — Просто это был эгоист до мозга костей. Ему нужно было, чтобы все с ним нянчились. Жаловался все время...

— М-м-м... — великодушно отозвался верзила. — Но ведь я тоже иногда жалуюсь...

— Не то! — горячо возразила она. — Совсем не то! У тебя это получается как-то... по-мужски!..

Невидимый свидетель разговора обиделся. "Да я хоть раз сказал о тебе после развода что плохое?" — захотелось крикнуть ему. Осерчав, он чуть было не перевернул ей кофейник, но вдруг подумал, что бывшая жена права и что такого нытика и зануду, как он, поискать — не найдешь. Затем он почув-

ствовал некий импульс самодовольства, исходивший от ее нового мужа. А вот этого прощать не следовало.

Он тронул чашку, которую верзила держал за ручку кончиками пальцев, чуть передвинул и наклонил, вылив ему кофе в послушно оттопырившийся нагрудный карман рубашки. Не кипяток, потерпит. А то ишь раздулся! Идеал!

Он очнулся. В комнате было уже темно. Все еще фыркая от обиды, включил торшер и, подойдя к черно-синему окну, задернул шторы. И сердце сменило ритм. Удары его с каждой секундой становились сильнее и чаще.

— Стой! — взмолился он. — Да постой же!

Наконец-то он испугался. Он уже свыкся с тем, что может очень многое. Скажем, связать шнурки начальнику. Или переправить цветок на стол сотрудницы. Но контролировать комнату, находящуюся за сотни километров отсюда?..

На что он способен еще?

Он ощутил неимоверно далекий теплый океан и скалистый, причудливо источенный берег. Потом словно провел ладонью по всему побережью, на миг задерживаясь на неровностях и безошибочно определяя их значение: это пальма, это холм, это железная дорога. А вот и экспресс. К морю катит.

Краем сознания он задел — там, далеко, — что-то неприятное, опасное. Какие-то контейнеры — в море, на очень большой глубине. Отвратительное, совершенно незнакомое ощущение: вкус — не вкус, запах — не запах, что-то не имеющее названия... Осторожно и брезгливо не то ощупал, не то осмотрел — и догадался: захоронение радиоактивных отходов!

"Стереть бы их в порошок!" — беспомощно подумал он и вдруг почувствовал, что может это сделать. Вот сейчас. Одним коротким страшным усилием превратить их в серебристую безвредную медленно оседающую на дно муть.

Нет, это уже было слишком! Он снова сидел в своей комнате, чувствуя себя то крохотным, то огромным.

На что он способен еще? Сорвать Землю с орбиты? Остановить время?

Но тут он вспомнил, как утром ныл и несся трамвай, как поспешно меняли цвет светофоры, как стрелки всех замеченных им часов никак не могли одолеть последнюю — такую важную для него — минуту. Да. Сегодня утром он, сам того не подозревая, замедлил время. И ради чего? Ради того, чтобы не опоздать на работу?

Он зарычал от стыда.

На что он растратил сегодняшний день? Какое применение нашел он своему дару? Травил начальника, мелко мстил незнакомому человеку!..

А что в активе? Спасенная кошка?

"Леталя!" — снова зазвенел в ушах победный клич маленького человечка. Да, единственный добрый поступок — спас кошку.

А цветок, брошенный им на стол Мерзликиной? Пошляк! Урод!

... И какой соблазн — убедить себя в том, что все эти убогие проделки были рядом смелых экспериментов, попыткой яснее очертить границы своих новых возможностей! Но себя не обманешь: не экспериментировал он и не разбирался — просто сводил счеты.

День позора! Так вывернуть себя наизнанку!.. Знал бы, где упасть, соломки бы подстелил...

"Да что ж ты за существо такое! — внезапно возмутился он. — Даже сейчас норовишь кого-то обхитрить! "Знал бы, где упасть..." Ежедневно надо быть человеком! Ежедневно!"

Он прекрасно понимал, что никогда не простит себе этого понедельника, но изменить уже случившееся было не под силу даже ему.

Ложись спать, человек, завтра тебе предстоят великие дела. Какие? Это ты решишь завтра.

И не дай тебе бог проснуться утром и понять, что все уже кончилось, что удивительные, сказочные способности были тебе даны всего на один день.

НЕ ВЕРЬ ГЛАЗАМ СВОИМ

За мгновение до того, как вскочить и заорать дурным голосом, Николай Перстков успел разглядеть многое. То, что трепыхалось в его кулаке, никоим образом не могло сойти за обыкновенного горбатого окунишку. Во-первых, оно было двугорбое, но это ладно, бог с ним... Трагические нерыбьи глаза были снабжены ресницами, на месте брюшных плавников шевелили полупрозрачными пальчиками крохотные ручонки, а там, где у нормального честного окунька располагаются жабры, вздрагивали миниатюрные нежно-розовые, вполне человеческие уши. Правое было варварски разорвано рыболовным крючком — вот где ужас-то!

Николай выронил страшный улов, вскочил и заорал дурным голосом.

В следующий миг ему показалось, что мостки круто выгнулись с явной целью стряхнуть его в озеро, и Николай упал на доски плашмя, едва не угодив физиономией в банку с червями.

Ненатурально красный червяк приподнялся на хвосте, как кобра. Раздув шею, он отважно уставил на Перстков синие микроскопические г л а з а , и Николай как-то вдруг очутился на берегу — без удочки, без тапочек и частично без памяти.

Забыв моргать, он смотрел на вздыбленные перекошенные мостки, на которых под невероятным углом стояла и не соскальзывала банка с ополоумевшим червяком. Поперек мостков белело брошенное удилище — минуту назад прямой и легкий бамбуковый хлыст, а теперь неясно чей, но скорее всего змеиный позвоночник с леской на кончике хвоста.

Николай, дрожа, огляделся.

Розоватая береза качнула перламутровыми листьями на длинных, как нити, стеблях.

Небо... Небо сменило цвет — над прудом расплывалась кромешная чернота с фиолетовым отливом. А пруд был светел. В неимоверной прозрачной глубине его просматривались очертания типовых многоквартирных зданий.

Николай охнул и мягко осел на лиловатый песок.

Мир сошел с ума... Мир?

"Это я сошел с ума..." — Грозная истина встала перед Николаем во весь рост — и лишила сознания.

Снять в июле домик на турбазе "Тишина" считалось среди представителей культуры и искусства делом непростым. Но художнику Федору Сидорову (коттедж №9) свойственно было сверхъестественное везение, актеру ТЮЗа Григорию Чускому (коттедж №4) — сокрушительное обаяние, а поэту Николаю Перскову (коттедж №5) — тонкий расчет и умение вовремя занять место в очереди.

Молодой Николай Перстков шел в гору. О первом его сборнике "Окоемы" хорошо отозвалась центральная критика. Николай находился в творческом отпуске: работал над второй книгой стихов "Другорядь", поставленной в план местным издательством. Работал серьезно, целыми днями, только и позволяя себе, что посидеть с удочкой у озера на утренней и вечерней зорьке.

Кроме того, вечерами творить все равно было невозможно: где-то около шести раздавался первый аккорд гитары и над турбазой "Тишина" раскатывался рыдающий баритон Чуского. А куплет спустя многочисленные гости Григория совсем уже пропащими голосами заводили припев: "Ай, нэ, нэ-нэ..."

К полуночи хоровое пение выплескивалось из коттеджа №4 и медленно удалялось в сторону пристани...

Беспамятство Николая было недолгим. Очнувшись, он некоторое время лежал с закрытыми глазами и наслаждался звуками. Шелестели березы. В девятом домике (у Сидорова) работал радиоприемник — передавали утреннюю гимнастику. Потом над поэтом зашумели крылья и на березу тяжело опустилась птица. Каркнула.

"Ворона... — с умилением подумал Перстков. — Что же это со мной такое было?"

Надо полагать, временное помрачение рассудка. Николай открыл глаза и чуть не потерял сознание вторично. На вершине розоватой березы разевала зубастый клюв какая-то перепончатая мерзость.

Теперь уже не было никакой надежды — он действительно сошел с ума. И полетели, полетели обрывки страшных мыслей о будущем.

Книгу стихов "Другорядь" вычеркнут из плана, потому что творчеством умалишенных занимается совсем другое издательство. На работе скажут: дописался, вот они, стихи, до чего доводят... Тесть... О господи!..

Перстков медленно поднялся с песка.

— Не выйдет! — хрипло сказал он яркому подробному кошмару. — Не полу-чит-ся!

Да, он прекрасно понимает, что сошел с ума. Но остальные об этом не узнают! Никогда! Он им просто не скажет. Какого цвета береза? Белая. Кто это там каркает? А вы что, сами не видите? Ворона!

Безумие каким-то образом овладело только зрением поэта, слуху вполне можно было доверять.

И Перстков ринулся к своему коттеджу, где с минуты на минуту должна была проснуться жена.

Два десятка метров пути доставили ему массу неприятных ощущений. Ровная утоптанная тропинка теперь горбилась, проваливалась, шла по синусоиде.

"Это мне кажется, — успокаивал себя Перстков. — Для других я иду прямо".

Пока боролся с тропинкой, не заметил, как добрался до домика. Синий деревянный коттеджик был искажен до неузнаваемости.

Дырки в стене от выпавших сучков — исчезли. И черт бы с ними, с дырками, но теперь на их месте были глаза! Прозревшие доски с любопытством следили за приближающимся Николаем и как-то нехорошо перемигивались.

— Коля! — раздался испуганный крик жены. — Что это такое?

Из-за угла перекошенного коттеджа, держась тонкой лапкой за стену, выбралось кривобокое существо с лиловым лицом. Оно озиралось и что-то боязливо причитало.

Николай замер. Жена (а это, несомненно, была жена), увидев его, взвизгнула и опрометью бросилась за угол.

"Черт возьми! — в смятении подумал Николай. — Что ж у меня, на лбу написано, что я не в себе?"

Вбежав в коттедж, он застал жену лежащей ничком на полуопрокинутой, словно бы криво присевшей кровати.

— Вера... — сдавленно позвал он.

Существо глянуло на него, ойкнуло и снова зарылось носом в постель.

— Вера... Понимаешь, какое дело... Я... Со мной...

С каждым его словом лиловое лицо изумленно приподнималось над подушкой. Потом оно повернулось к Николаю и широко раскрыло выразительные, хотя и неодинаковые по размеру глаза.

— Перстков, ты, что ли?

Растерявшись, Николай поглядел почему-то на свои пятнистые ладони. Сначала ему показалось, что вдоль каждого пальца идет ряд белых пуговок. Присмотревшись, он понял, что это присоски. Как на щупальцах у кальмара.

— Господи, ну и рожа! — вырвалось у жены.

— На себя посмотри! — огрызнулся Николай и существо, ахнув, бросилось к висящему между двух окон зеркалу. Николай нечаянно занял хорошую позицию — ему удалось одновременно увидеть и лиловое лицо, и малиновое его отражение.

Резанул душераздирающий высокий вопль и лиловая асимметричная жена кинулась на поэта. Тот отпрыгнул, сразу не сообразив, что кидаются вовсе не на него, а в дверной проем... Так кто из них двоих сумасшедший?

На отнимающихся ногах Николай пошел по волнистому полу — к зеркалу. Что он ожидал там увидеть? Привычное свое отражение? Нет, конечно. Но чтобы такое!..

Глаза слиплись в подобие лежачей восьмерки. Рот ороговел — безгубый рот рептилии. На месте худого кадыка висел кожистый дряблый зоб, сильно оттянутый книзу, потому что в нем что-то было — судя по очертаниям, половинка кирпича. Господи, ну и рожа!..

Николай схватился за кирпич и не обнаружил ни кирпича, ни зоба. Тонкая жилистая шея, прыгающий кадык... Вот оно что! Значит, осязанию тоже можно верить. Как и слуху...

Кое-как попав в дверь, Николай вывалился на природу. Небо над головой золотилось и зеленело. Жены видно не было. Откуда-то издали донесся ее очередной взвизг. Надо понимать, еще на что-то наткнулась...

Машинально перешагивая через мнимые пригорки и жестоко спотыкаясь о настоящие, Перстков одолел метров десять и, обессилев, прилег под ивой, которая тут же принялась с ним заигрывать — норовила обнять длинными гибкими ветвями. На ветвях росли опять-таки глаза — томные, загадочные, восточные. Реяли также среди них алые листья странной формы. Эти, складываясь попарно, образовывали подобия полуоткрытых чувственных ртов. Николай был мгновенно ими испятнан.

— Ты, дура!.. — заверещал Перстков, вырываясь из нежных объятий. — Ты что делаешь!..

В соседнем домике кто-то всхрапнул, заворочался, низко пробормотал: "А ну, прекратить немедленно!.." — перевернулся, видно, с боку на бок, и над исковерканной турбазой "Тишина" раскатился раздольный баритональный храп.

Рискуя расшибиться, Николай побежал к коттеджу №4.

Комната была перекошена, как от зубной боли. На койке, упираясь огромными ступнями в стену, спал человек с двумя профилями.

— Гриша, Гриш!..

Спящий замычал.

— Гриша, проснись! — крикнул Николай.

Человек с двумя профилями спустил ноги на пол и сел на койке, не открывая глаз.

— Гриша!

Ведущий актер ТЮЗа Григорий Чуский разлепил веки и непонимающе уставился на Перстков.

— Никола, — хрипловато спросил он, — кто это тебя так?

Затем глаза его раскрылись шире и обежали перекошенную комнату. Он посмотрел на хлебный нож, лезвие которого пустило в стол граненые металлические отростки, на странный предмет, представляющий собой помесь пивной кружки с песочными часами, — и затряс профилями.

Потом вскочил и с грохотом устремился к выходу. Двери как не бывало — в стене зиял пролом, что тоже, несомненно, было обманом зрения, и Николай в этом очень быстро убедился, бросившись следом и налетев на косяк.

— Н-ни себе чего!.. — выдохнул где-то рядом Чуский. — И это что же, везде так?

— Везде! — крикнул Николай, отрывая руку с присосками от ушибленного лба.

— Н-ни себе чего!.. — повторил Чуский, озираясь.

Часть лица, примыкающая к его правому профилю, выглядела испуганной. Часть лица, примыкающая к его левому профилю, выражала изумление и даже любопытство.

— А как все вышло-то?

— Рыбу я ловил! — закричал Перстков. — Пока не клевало — все нормально было! А подсек!..

Турбаза напоминала кунсткамеру. Мало того: через каждые несколько шагов это нагромождение нелепостей преображалось. Наклоненный подобно шлагбауму шест со скворечником над коттеджем №8 внезапно выпрямился, но зато сам скворечник превратился в розовую витую раковину, насквозь просаженную мощным шипом. От раковины во все стороны мгно-

венно и беззвучно прокатилась волна изменений, перекашивая небо и деревья, разворачивая домики, заново искажая перспективу.

Как ни странно, актер спотыкался мало. Причина была проста — он почти не глядел под ноги. Николай предпочитал держаться справа, потому что левый профиль Григория доверия не внушал — это был профиль авантюриста.

— Ну что ты все суетишься, Никола! — скрывая растерянность, актер говорил на пугающих низах. — Ну странное что-то стряслось... Но не смертельное же!..

По левую руку его золотился штакетник, местами переходя в узорную чугунную решетку.

— Да как же не смертельное! — задохнулся Перстков. — А книга моя, "Другорядь", теперь не выйдет — это как? А чего мне стоило пробить первый сборник — знаешь?.. Не смертельное... Ты посмотри, что с миром делается! Может, теперь вообще ничего не будет — ни литературы, ни театра!..

Чуский с интересом озирал открывающийся с пригорка вид.

— Театр исчезнуть не может, — машинально изрек он, видимо уловив лишь последние слова Николая. — Театр — вечен.

— Ну, значит, изменится так, что не узнаешь!

— Эва! Огорчил! — всхохотнул внезапно Григорий. — Там не менять — там ломать пора. Особенно в нашем ТЮЗе...

И Перстков усомнился: верить ли слуху.

— Я знаю, почему ты так говоришь! — закричал он. — У тебя с дирекцией трения! А я?.. А мне?..

Острая жалость к себе пронзила Перстковa и он замолчал. Мысль о погибшем сборнике терзала его. Ах, "Другорядь", "Другорядь"... "Моих берез лебяжьи груди..." Какие, к черту, лебяжьи! Где вы видели розовых лебедей?.. Да и не в лебедях дело! Будь они хоть в клеточку — кто теперь станет заниматься сборником стихов Николая Перстковa?! Сколько потрачено времени, сил, обаяния!.. Пять лет налаживал знакомства, два года Верку охмурял, одних денег на поездки в Москву ухнул... положительная рецензия аж от самого Михаила Архангела!..

Все прахом, все!

Ива при виде их затрепетала и словно приподнялась на цыпочки. Даже с двумя профилями Григорий Чуский был неотразим. Узкие загадочные глаза на гибких ветвях влажно мерцали, алые уста змеились в стыдливых улыбках.

— Эк, сколько вас! — оторопело проговорил актер, останавливаясь.

— Ну чего ты, пошли... — заныл Перстков. — Ну ее к черту! Она ко всем пристает...

— А ничего-о... — вместо ответа молвил Григорий. — А, Никола?

И он дерзко подмигнул иве.

— У тебя на роже — два профиля! — с ненавистью процедил Перстков.

— Серьезно? — Чуский встревожился и, забыв про иву, принялся ощупывать свое лицо. Подержался за один нос, за другой. — Почему же два? возразил он. — Один.

— Это на ощупь! — проскрежетал Перстков. — На ощупь-то и я тоже прилично выгляжу!..

Актер поглядел на него и вздрогнул — видно, очень уж нехороша была внешность поэта.

— Да, братец, — с подкупающей прямотой согласился он. — Морда у тебя, конечно... Особенно поначалу... Но знаешь, — поколебавшись, добавил Григорий, — мне вот уже кажется, что ты всегда такой был...

Перстков отшатнулся, но тут в соседнем домике, который, честно говоря, и на домик-то не походил, забулькал электроорган и кто-то задушевно, по складам запел:

... са-лавь-и жи-вут на све-те
и-и прасты-ые си-за-ри-и...

— Это у Федора! — вскричал Чуский.

Актер и поэт ворвались в жилище художника. Оно было пусто и почти не искажено. Неубранная постель, скомканные простыни из гипса, в подушке глубокий подробный оттиск круглой сидоровской физиономии с открытыми глазами.

На перекошенном столе стояла прозрачная запаянная банка, в которой неприятно шевелились какие-то фосфоресцирующие клешни.

— ... Как пре-кра-аа-сен этот ми-ир, па-сма-три-и... — глумилась банка. Судя по всему, это и был транзистор.

— Передачи... — со слезами на глазах шепнул Перстков. — Передачи продолжаются... Значит, в городе все по-прежнему...

— Или кассеты крутятся, а операторы поразбежались, — негромко добавил Григорий.

— Мы передавали эстрадные песни, — сообщила банка голосом Вали Потапова, диктора местного радио, и замолчала. Опять, видно, что-то там внутри расконтачилось...

Николай зачем-то перевернул лежащий на столе кусок картона.

На картоне был изображен человек с двумя профилями.

— Это он меня вчера, — пояснил Григорий, увидев рисунок.

— И портрет тоже... — с тоской проговорил Николай.

— А что портрет? — не понял Чуский.

— Портрет, говорю, тоже изменился...

Актер отобрал у поэта картон, всмотрелся.

— Да нет, — с досадой бросил он. — Портрет как раз не изменился.

— Он что, и раньше такой был?

Они уставились друг на друга. Затем Чуский стремительно шагнул к задрапированной картине в углу и сорвал простынку.

У Перстков вырвался нечленораздельный вскрик. На холсте над распластанным коттеджем №8 розовел скворечник, похожий на витую раковину.

И Николай вспомнил: на городской выставке молодых художников — вот где он видел уже и произрастающие в изобилии глаза, и развертки домов, и лиловые асимметричные лица на портретах... Мир изменился по Сидорову? Что за чушь!

— Не понимаю... — слабо проговорил Чуский. — Да что он, Господь Бог, черт его дери?..

— Записка, Гриша! — закричал Перстков. — Смотри, записка!

Они осторожно вытянули из-под банки с фосфоресцирующими клешнями белоснежный обрезок ватмана, на котором фломастером было начертано: "Гриша! Я на пленэре. Если проснешься и будешь меня искать, ищи за территорией".

Ниже привольно раскинулась иероглифически сложная подпись Федора Сидорова.

Штакетник выродился в плетень и оборвался в полутора метрах от воды. Поэт и актер спрыгнули на лиловый бережок и выбрались за территорию турбазы.

Взбежав на первый пригорок, Чуский оглянулся. Из обмелевшего пруда пыталась вылезти на песок маленькая трехголовая рептилия.

— Ну конечно, Федька, с-сукин сын! — взревел актер, выбросив массивную длань в сторону озера. — Авангардист доморощенный! Его манера... — Он еще раз посмотрел на беспомощно барахтающуюся рептилию и ворчливо заметил: — А ящерицу он у Босха спер...

Честно говоря, Перстков ни в малейшей степени не занимало, кто там что у кого спер — Сидоров у какого-то Босха или Босх у Сидорова. Несомненно, они приближались к эпицентру. Окрестность обновлялась с каждым шагом, пейзажи так и листались. Вскоре путники почувствовали головокружение, вынуждены были замедлить шаг, а затем и вовсе остановиться.

— Может, вернемся? — сипло спросил Николай. — Заблудимся ведь...

— Я тебе вернусь! — пригрозил Чуский, темнея на глазах. — Ты у меня заблудишься! Ну-ка!..

И они пошли напролом. Мир словно взбурлил: линии прыгали, краски вспыхивали и меркли, предметы гримасничали. Перстков не выдержал и зажмурился. Шагов пять Григорий тащил его за руку, потом бросил. Николай открыл глаза. Пейзаж был устойчив. Они находились в эпицентре.

Посреди идиллической, в меру искаженной полянки за мольбертом стоял вполне узнаваемый Федор Сидоров. Хищное пронзительное око художника стремилось то к изображаемому объекту, то к холсту, увлекая за собой скулу и надбровье. Другое — голубенькое, наивное — было едва намечено и как бы необязательно.

Поражала также рука, держащая кисть, — сухая, мощная, похожая на крепкий старый корень.

В остальном же Федор почти не изменился, разве что полнота его слегка увеличилась, а рост слегка уменьшился. Пожалуй, это было эффектно: нечто мягкое, округлое, из чего грубо и властно проросли Рука и Глаз.

Сидоров вдохновенно переносил на холст часть тропинки, скрупулезно заменяя камушки глазами и не замечая даже, что в траве и впрямь рассыпаны не камушки, а глаза и что сам он, наверное, впервые в жизни не творит, но рабски копирует натуру.

Актер и поэт подошли, храня угрожающее молчание. Федор — весь в работе — рассеянно глянул на них.

— Привет, мужики! Меня ищете?

— Тебя! — многообещающе пробасил Григорий.

Художник удивился, опустил кисть и уставился на соседей по турбазе. Пауза тянулась и тянулась. Линзообразно поблескивающее синее око Федора отражало то сдвоенный профиль Чуского, то зоб Перстков.

— Мужики! — обретя дар речи, проговорил художник. — Что это с вами?

— Он спрашивает! — загремел Григорий, но Федор уже ничего не слышал. Незначительный левый глаз его увеличился до размеров правого. Художник завороженно оглядывался: розовый березняк, тысячеокий, словно Аргус, кустарник, черное небо над светлым прудом...

— Не прикидывайся! — закричал Перстков. — Твоя работа, твоя!

Рука с кисточкой, взмыв на уровень синего ока, заслонила сначала верхнюю часть лица Перстковa, затем нижнюю.

— Ай, как найдено!.. — еле слышно выдохнул художник. — Характер-то как схвачен, а?.. Гриша, ты не поверишь, но я его видел именно так!

— Так?! — страшно вскрикнул Перстков, тыча себя пальцем в кадык. Вот так, да?!

Он угодил в яремную ямку и закашлялся.

Григорий, не тратя больше слов, двинулся на Федора и тонкое чутье художника подсказало тому, что сейчас его будут бить.

— Мужики, вы сошли с ума! — вскричал он, прячась за мольберт. — Вы что же, думаете, что это я? Что мне такое под силу?

Григорий остановился. Стало слышно, как Перстков сипит: "... плевать мне, как ты там меня видел!.. Мне главное, чтобы другие меня так не видели!.."

Григорий задумался. Они стояли на поляне, подобной огромному солнечному зайчику, над ними прозрачно зеленел зенит, а с тропинки на них с интересом смотрел праздно лежащий глаз, из-за обилия ресниц похожий на ежика.

Так что был резон в словах Сидорова, был.

— Хотя... — ошеломленно сказал художник. — Почему, собственно, не под силу?

— Ты что сделал с миром, шизофреник? — просипел Перстков, держась за горло.

Синее око Федора мистически вспыхнуло.

— Мужики, — сказал он. — Есть гипотеза.

И далее — с трепетом:

— Что, если видение мира — условность? А, мужики? Простая условность! Принято видеть мир таким и только таким. Принято, понимаете? Но художник... Художник все видит по-своему! И он влияет на людское восприятие своими картинами. Мало-помалу, капля по капле...

Праздно лежащий посреди тропинки глаз давно уже усиленно подмигивал Чускому и Персткову: слушайте, мол, слушайте — мудрые вещи мужик говорит.

— ... И вот в один прекрасный миг, мужики, происходит качественный скачок! Все начинают видеть мир таким, каким его раньше видел один лишь художник!.. Творец!..

Перстков растерянно оглянулся на Чуского и оробел. Григорий Чуский стоял рядом — чугунный, зеленоватый. Земля под ним высыхала и трескалась от неимоверной тяжести. Таким, надо полагать, видел Федор Сидоров своего друга в данный момент. Наконец актер шевельнулся, вновь обретая более или менее человеческую окраску.

— Да вы кто такой будете, Феденька? — бурно дыша, проговорил он. — Врубель — не повлиял! Сикейрос — не повлиял! Федор повлиял, Сидоров!..

— А это? — рука с кисточкой, похожая на крепкий старый корень, очертила широкий полукруг и Чуский оцепенел вторично, пофрагментно зеленея и превращаясь в чугун.

— Да здесь же ничего на месте не стоит! — к Перстков вернулся голос. — Шаг шагнешь — все другим делается!

— Но ведь и раньше так было! Иной угол зрения — иная картина!

— Неправда!

— Было-было, уверяю тебя! Как художник говорю!

— А ну, тихо вы! — дьяконски гаркнул Чуский. — Подумать дайте!..

Минуты две он думал. Потом спросил отрывисто:

— Ты полагаешь, это надолго?

Сидоров развел неодинаковыми руками. Он был счастлив.

— Боюсь, что надолго, Гриша. Предыдущий-то мир, сам знаешь, сколько существовал...

В перламутрово-розовом березняке раздалось карканье и слипшиеся на переносице глаза Перстков радостно вытаращились.

— Гри-ша! — приплясывая, завопил он. — Кому ты поверил? На слух-то мир — прежний! На ощупь — прежний!..

Похожий на ежика глаз встревоженно уставился с тропинки на Федора. Тот задумался, но лишь на секунду.

— Не все же сразу, — резонно возразил он. — Сначала, видимо, должно приспособиться зрение...

Перстков отступал от него, слабо отмахиваясь, как от призрака.

— ... потом — слух, ну и в последнюю очередь — осяза...

— Врешь!! — исступленно закричал Перстков. Он прыгнул вперед и его легкий кулачок, описав дугу, непрофессионально ударился в округлую скулу художника.

Небо шарахнулось от земли и стало насыщенно-синим. Березы побледнели. Линия штакетника распрямилась.

— У-у-у!.. — с ненавистью взвыл Перстков, опуская пятку на праздно лежащий посреди тропинки глаз.

В следующий миг поэт уже прыгал на одной ножке. Осязание говорило, что в босую подошву вонзился крепкий, прокаленный на солнце репей. Николай вырвал его, хотел отшвырнуть...

Репей! Это был именно репей, а никакой не глаз! Николай стремительно обернулся и увидел, что у Григория Чуского снова всего один профиль. Синие домики за оградой выстроились по ранжиру, как прежде. Чары развеялись! Колдовство кончилось!.. Или нет? Или еще один шаг — и все опять исказится?

Шаг... другой... третий...

— А-а! — демонски возопил Перстков. — Получил по морде? Ну и где он теперь, твой мир, а?!

Выражение лица Чуского непрерывно менялось и Григорий делался похож то на левую, то на правую свою ипостась. Сидоров все еще держался за скулу.

— Что? Ушибли, да? — пятясь, выкрикивал Перстков. — Синяк будет, да?.. Будет-будет, не сомневайся!.. Ты меня так видел? А я тебя так вижу!..

"Да ведь это же я! — холодея, осознал он вдруг. — Я ударил, и все кончилось! Нет-нет, совпадения быть не может... Это мой удар все изменил!.."

После таких мыслей Перстков уже не имел права пятиться. Он выпрямился, повернулся к ним спиной и твердым шагом двинулся вдоль штакетника. Но непривычно плоская земля подворачивалась под ноги и Николай дважды споткнулся на ровном месте.

Тем не менее сквозь ворота под фанерным щитом с надписью "Турбаза "Тишина" он прошел, как сквозь триумфальную арку.

Возле коттеджа №9 пришлось прислониться к деревянной стенке домика и попридержать ладонью прыгающие ребра. Он смотрел на пыльную зеленую траву, на серый скворечник над коттеджем №8, на прямые рейки штакетника и, право, слеза навертывалась.

"Гипноз, — сообразил он. — Вот что это такое было! Просто массовый гипноз. Этот проходимец всех нас загипнотизировал... и себя за компанию..."

Да, но где гарантия, что все это не повторится?

"Пусть только попробует! — с отвагой подумал Перстков, оттолкнувшись плечом от коттеджа. — Еще раз получит!.."

Опасения его оказались напрасны. Хотя Николай и ссылался неоднократно в стихах на нечеловеческую мощь своих предков ("Мой прадед ветряки ворочал, что не под силу пятерым..."), сложения он был весьма хрупкого. Но, как видим, хватило даже его воробьиного удара, чтобы какой-то рычажок в мозгу Федора Сидорова раз и навсегда встал на свое место. Отныне с миром Федора можно будет познакомиться, лишь посетив очередную выставку молодых художников. Там, на картоне и холстах, художник будет смирный, ручной, никому не грозящий помешательством или, скажем, крушением карьеры.

Из-за штакетника послышались голоса и воинственность Перстков мгновенно испарилась.

— Куда он делся? — рычал издали Григорий. — Ива... Перспектива... Башку сверну!..

Федор неразборчиво отвечал ему дребезжащим тенорком.

— Ох и дурак ты, Федька! — гневно гудел Чуский, надо полагать, целиком теперь принявший сторону Сидорова. — Ох дура-ак!.. Ты кого оправдываешь? Да это же все равно, что картину изрезать!..

Николай неосторожно выглянул из-за домика и Григорий вмиг оказался у штакетника, явно намереваясь перемахнуть ограду и заняться Перстковым вплотную.

Спасение явилось неожиданно в лице двух верхоконных милиционеров, осадивших золотисто-рыжих своих дончаков перед самым мольбертом.

— Что у вас тут происходит?

— Пока ничего... — нехотя отозвался Чуский.

— А кто Перстков?

Николай навострил уши.

— Да есть тут один... — Григорий с видимым сожалением смотрел на домик, за которым прятался поэт, и легонько пошатывал одной рукой штакетник, словно примеривался выломать из него хорошую, увесистую рейку.

— Супруга его в опорный пункт прибегала, на пристань, — пояснил сержант. — Слушайте, ребята, а она как... нормальная?

— С придурью, — хмуро сказал Григорий. — Что он — что она.

— Понятно... — Сержант засмеялся. — Турбаза, говорит, заколдована!..

Второй милиционер присматривался к Федору.

— А что это у вас вроде синяк?

— Да на мольберт наткнулся... — ни на кого не глядя, расстроенно отвечал Федор. Он собирал свои причиндалы. Даже издали было заметно, как у него дрожат руки.

Судя по диалогу, до пристани Федор "не достал". Видимо, пораженная зона включала только турбазу и окрестности.

— С колдовством вроде разобрались, — сказал веселый сержант. — Так и доложим... А то там дамочка эта назад идти боится.

Нет, к черту эту турбазу, к черту оставшуюся неделю... Вот только Вера с пристани вернется — и срочно сматывать удочки!

Кстати, об удочке... Он ее бросил на мостках.

"Надо забрать, — спохватился Перстков. — А то штакетник до воды не достает, проходи кто угодно по берегу да бери..."

И Николай торопливо зашагал по тропинке к пруду, вновь и вновь упиваясь сознанием того, что все в порядке, что мир — прежний, что книга стихов "Другорядь" обязательно будет издана, что жена у него — никакая не лиловая, хотя на это-то как раз наплевать, потому что полюбил он ее не за цвет лица — Вера была дочерью крупного местного писателя... что сам он пусть не красавец, но вполне приличный человек, что береза...

Николай остановился. Ствол березы был слегка розоват. Опять?! Огляделся опасливо. Нет-нет, вокруг был его мир — мир Николая Персткова: синие домики, за ними — еще домики, за домиками — штакетник... А ствол березы — белый и только белый! Лебяжий! Николай всмотрелся. На стволе по-прежнему лежал тонкий розоватый оттенок.

Перстков перевел взгляд на суставчатое удилище, брошенное поперек мостков. Оно было очень похоже на змеиный позвоночник.

— Чертовщина... — пробормотал поэт, отступая.

Последствия гипноза? Только этого ему еще не хватало!

Николай повернулся и побежал к своему коттеджу. Дом глазел на него всеми сучками и дырками от сучков.

"Да это зараза какая-то! — в панике подумал Николай. — Так раньше не было!.."

Мир Федора не исчез! Он прятался в привычном, выглядывал из листвы, подстерегал на каждом шагу. Он гнездился теперь в самом Перстковe.

Григорий Чуский поджидал поэта на крыльце с недобрыми намерениями, но, увидев его, растерялся и отступил, потому что в глазах Перстков был ужас.

Тяжело дыша, Николай остановился перед зеркалом.

Из зеркала на него глянуло нечто смешное и страшноватое. Он увидел торчащий кадык, словно у него в горле полкирпича углом застряло, растянутый в бессмысленной злобной гримаске тонкогубый рот, близко посаженные напряженные глаза. Он увидел лицо человека, способного ради благополучия своего — ударить, убить, растоптать...

Будь ты проклят, Федор Сидоров!

ЧЕРНЫЙ СОН

Стояли за куриными ногами. Отрубленные по коленку птичьи лапы жутко растопыривали из картонного ящика бледные когтистые хваталки. Смотреть на них без содрогания мог далеко не всякий и, наверное, поэтому очередь была относительно небольшой — человек семьдесят.

— Довели страну, — сдавленно проговорил Леонид Устинович Ососков, приземистый россиянин лет под пятьдесят с глазами навыкате.

— Довели... — согласился со вздохом Александр Павлович Ордынин, тоже несомненно россиянин — с отчаянной выправкой белогвардейца и культурно подстриженной бородкой, в которой кишела толстая, как вермишель, седина.

По именам они друг друга не знали, что вполне естественно, поскольку были они ну совершенно незнакомы.

— Кошмар, — сказал Ососков.

— Черный сон, — уточнил Ордынин. — Просто черный сон, по-другому не скажешь...

Они замолчали, скорбно глядя, как продавщица выкладывает на весы бледные птичьи конечности. Была она большая и неухоженная, как матушка Россия: вялое обширное лицо с уныло обвисшим углом рта, о котором она, видимо, просто забыла. С одного века тушь стерта, с другого — нет. Слишком уж велика территория — за всем не уследишь.

Зрелище было настолько аллегорическим, что у Ососкова снова не выдержали нервы.

— Ведь жили — горя не знали! — плачуще вскричал он. — Спрашивается, на кой черт им вообще понадобилось ставить все с ног на голову?

— Власти, власти захотелось, — с каким-то даже злорадством в голосе откликнулся Ордынин. — Что страна гибнет — плевать! Главное, чтоб они наверху оказались!..

— Демагоги! — проскрежетал Ососков.

— Бандиты, — поправил Ордынин. — Самые настоящие бандиты! До разрухи довели! До гражданской войны!

Пучеглазый Ососков злобно фыркнул.

— Свободу они нам дали! — язвительно выговорил он. — Да кому она нужна, такая свобода? Авантюристы!

— Причем высокого класса! — добавил Ордынин. — Как они войну-то использовали!..

Ососков хотел подхватить, но запнулся и озадаченно свел брови.

— А! — сообразил он наконец. — Вы про Афганистан?

— Да нет, я про первую мировую!..

Оба замолчали и уставились друг на друга, медленно прозревая истину.

— Позвольте, позвольте... — сказал Ордынин. — Вы о ком говорите?

— Я о демократах! А вы о ком?

— А я о большевиках, — сказал Ордынин, и, отодвинувшись, насколько позволяла очередь, они еще раз оглядели друг друга, как бы выбирая, за что укусить.

— Та-ак... — зловеще протянул приземистый Леонид Устинович. — Вот, значит, кто мы такой... Царизьму, значит, захотелось... Капитализьму, значит... Ну вот он ваш капитализм! Любуйтесь!

— Это — капитализм? — закричал стройный подтянутый Александр Павлович. — Это последствия вашего владычества! Семьдесят лет разваливали экономику, а как почувствовали, что под ногами закачалось, — давай следы заметать! Перестройку учинили, вы подумайте!

— Кто учинил? — закричал в свою очередь Ососков. — Кто ее учинял? Да если бы не ваш Горбачев!..

— Мой? — всхохотнул Ордынин. — Нет уж, увольте! С вашим бывшим генеральным секретарем разбирайтесь сами!..

— А вы... — Ненависть захлестнула Ососкова. — А вы за кем стояли?

— То есть как это — за кем? За вами!

— А вот не занимали вы за мной! За мной вот он занимал! — И Ососков ткнул пальцем в следующего за Ордыниным старичка с палочкой. — А откуда вы здесь взялись, я не знаю!..

— Ах ты!.. — Ордынин сначала отшатнулся, потом шагнул к Ососкову и оба с треском ухватили друг друга за лацканы, видимо, крепко помня старую мудрость: дери на богатом рожу, на бедном — одежу.

— Да что ж вы, падлы, мне тут весы колебаете?! — страшным громовым голосом проговорила продавщица, делаясь вдруг

еще огромнее, и протянула к дерущимся... нет, не руки — растопыренные птичьи когти. Очередь завизжала, кинулась врассыпную — и кошмар оборвался.

•

— Леня! Леня, проснись!.. — трясла за плечо жена.

Инструктор обкома Леонид Устинович Ососков резко сел на кровати, выпучил глаза...

— А?!

— Ты во сне кричал, — пояснила жена.

— А-а... — Все еще во власти жуткого сновидения, Леонид Устинович затряс головой. — А который час?

— Да народ уже на демонстрацию идет...

Ососков перелез через жену и, спрыгнув на пол, босиком прошлепал на балкон.

Утро выдалось солнечное. Внизу плескались алым шелком знамена, реяли детские шарики, плыли портреты. Говор, песни. Кто-то с оттягом рванул на баяне вальс, да так бодро, словно марш рванул. Мелькнул плакат: "Завершающему году пятилетки — наш ударный труд!" А с той стороны улицы в просветах между знаменами сияли свежевымытые витрины, уставленные ликерами и вавилонскими башнями из шоколадок и консервов...

"Черт, и приснится же такая дрянь!" — в смущении подумал Леонид Устинович и содрогнулся, вспомнив растопыренную птичью лапу.

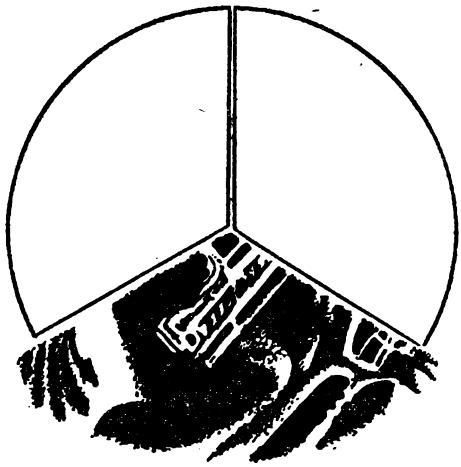
Присяжный поверенный Александр Павлович Ордынин аналогичным рывком сел на высокой пружинной постели и открыл полные ужаса глаза.

Звонили к обедне. Александр Павлович проворно спустил ноги с кровати и, несколько нервически нашарив туфли, накинул халат. Хотел постучать в спальню жены, но вовремя одумался: сон был настолько неприличен, что рассказывать его не стоило.

Тогда он подошел к высокому окну и отвел штору. В синем высоком небе плыл колокольный звон, сияли купола. Во весь карниз второго этажа дома напротив раскинулась аршинными буквами вывеска "Желанниковъ и сыновья". Благостный принарядившийся народ шел к обедне.

"Господи, и приснится же такая дрянь!" — в смятении подумал Ордынин и, хотя слыл человеком самых передовых взглядов, перекрестился — истово и боязливо.

ВРЕМЕНА НАСТОЯЩИЕ

ТАМ, ЗА АХЕРОНОМ

И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители.

Лука, 16, 9.

1. НА ХОЗРАСЧЕТЕ

Лепорелло:
— Да! Дон Гуана мудрено признать!
Таких, как он, такая бездна!
Дон Гуан:
— Шутишь?
Да кто ж меня узнает?

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Во втором круге было ветрено. Как всегда. Насыщенный угольной пылью ревущий воздух норовил повалить тяжелую тачку и, врываясь в многочисленные прорехи ватника, леденил душу.

Душа, она ведь тоже, как и тело, способна испытывать и боль, и холод. Разница лишь в одном: душа бессмертна.

Обглоданная ветром скала заслонила низкую, сложенную из камня вышку, и дон Жуан остановился. Навстречу ему порожняком — в тряпье, в бушлатах брела вереница погибших душ. Подперев свою тачку булыжником, дон Жуан отпустил рукоятки и, надвинув поплотнее рваный треух, стал поджидать Фрола.

Фрол Скобеев был, как всегда, не в духе.

— В горние выси мать! — злобно сказал он, тоже останавливаясь. — Сколько было баб у Владимира Святого? А? Семьсот! И все-таки он — Святой, а я — здесь! Эх, начальнички...

За четыреста лет дружбы с Фролом дон Жуан изучил русский язык в совершенстве. Но в этот раз Скобеев загнул нечто настолько сложное, что дон Жуан его просто не понял. Что-то связанное с Великим Постом и посохом патриарха Гермогена.

— За что страдаем, Ваня? — надрывно продолжал Фрол. — Ну сам скажи: много сюда нашего брата пригнали в последнее время? Да вообще никого! Плюют теперь на это дело, Ваня! За грех не считают! Так за что же я почти пятерик отмотал?!

Над обглоданной ветром скалой появилось ехидное шерстистое рыло охранника. Правое ухо — надорвано, рог — отшиблен.

— Эй! Развратнички! — позвал он. — Притомились, тудыть вашу? Перекур устроили?

— Обижаешь, начальник, — хрипло отозвался дон Жуан. — Портянку перемотать остановился...

Свою легендарную гордость он утратил четыреста лет назад.

— Сбегу я, Ваня, — сказал сквозь зубы Фрол, снова берясь за рукоятки своей тачки. — Ей-черт, сбегу!

Размышляя над этими несуразными словами, дон Жуан довез тачку до третьего круга. Холодный, рвущий душу ветер остался позади. Его сменил тяжелый дождь с градом. Крупная ледяная дробь разлеталась под ногами. Тачку занесло. Грешники третьего круга перегрузили уголь на салазки и покатили под уклон — в глубь жерла. Там, в четвертом круге, грузный мокрый уголь свалят на корявые плоты — и вплавь по мутному и тепловатому уже мелководью Стикса, — на тот берег, туда, где над чугунными мечетями города Дит встает мартеновское зарево нижнего Ада.

— Запомни пригорочек, Ваня, — со странным блеском в глазах зашептал Фрол, когда их тачки снова встретились. — Пригорочек, а? За которым мы в прошлый раз остановились! За ним ведь низинка, Ваня! И с вышки она не просматривается...

— Да ты повредился! — перебил его дон Жуан. — Бежать? Куда? В Лимб? В первый круг? Заложат, Фрол! В Лимбе — да чтоб не заложили!..

— Зачем же в Лимб? — И шалая, опасная улыбка осветила внезапно лицо Фрола. — Можно и дальше...

— Дальше — Ахерон, — холодно напомнил дон Жуан — и вдруг понял: — Ты что затеял, Фрол? Там, за Ахероном, — жизнь! А мы с тобой тени, кореш! Тени!

— Я все продумал, Ваня, — сказал Фрол. — Тебе одному говорю: у них в первом круге есть каптерка. Сам слышал — начальник охраны и этот, с обломанным рогом, беседовали... Они же, когда на дело идут, в "гражданку" переодеваются, Ваня! И у них там есть каптерка! Тела, понимаешь? Новенькие! На выбор!

— Но ведь она же, наверное, охраняется! — ошеломленно сказал дон Жуан. — И там же еще Харон!..

— ЗАКОНЧИТЬ РАБОТУ! — оглушительно произнес кто-то в черном клубящемся небе. — У КОГО В ТАЧКАХ УГОЛЬ — ДОСТАВИТЬ ДО МЕСТА И ПОРОЖНЯКОМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В КАРЬЕР. ОБЩЕЕ ПОСТРОЕНИЕ.

— Что-то новенькое... — пробормотал дон Жуан.

Их выстроили буквой П, и в квадратную пустоту центра шагнул начальник охраны с каким-то пергаментом в когтях.

— В связи с приближающимся тысячелетием крещения Руси Владимиром... начал он.

— Амнистия! — ахнули в строю.

Дон Жуан слушал равнодушно. Ему амнистия не светила ни в каком случае. Как и все прочие во втором круге, он проходил по седьмому смертному греху, только вот пункт у него был довольно редкий. Разврат, отягощенный сознательным потрясением основ. Кроме того, выкликаемые перед строем фамилии были все без исключения славянские.

— Скобеев Фрол!..

Дон Жуан не сразу понял, что произошло.

— Ваня... — растерянно произнес Фрол, но его уже извлекли из общей массы. Он робко подался обратно, но был удержан.

— Ваня... — повторил он — и вдруг заплакал.

Дон Жуан стоял неподвижно.

Колонна амнистированных по команде повернулась налево и двинулась в направлении третьего круга. Через Стигийские топи, через город Дит, через Каину, через Джудекку — к Чистилищу.

В последний раз мелькнуло бледное большеглазое лицо Фрола.

— ПРИСТУПИТЬ К РАБОТЕ! — громыхнуло над головами.

— Сучий потрох! — отчаянно выкрикнул дон Жуан в бешено клубящийся зенит. Очередной шквал подхватил его крик, смял, лишил смысла и, смешав с угольной пылью, унес во тьму.

2. В "ГРАЖДАНКЕ"

Монах:
— Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны,
Но лгать грешно: не может и угодник
В ее красе чудесной не признаться.

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Сверзившись в низину вместе с тачкой, дон Жуан припал к земле и замер. Если расчет Фрола верен, то его падения никто не заметит. А заметят? Ну, виноват, начальник, оступился, слетел с тачкой в овражек...

Вроде обошлось.

Дон Жуан стянул с головы треух и вытер лоб. Жест совершенно бессмысленный — души не потеют.

Тачку он решил бросить, не маскируя. Угольная пыль проела древесину почти насквозь: что земля, что тачка — цвет один.

Пригибаясь, дон Жуан добрался до конца Фроловой низинки и, дождавшись, когда охранник на вышке отвернется, вскочил и побежал. Ветер здесь был сильнее, чем в рабочей зоне. Сразу же за бугром сбило с ног и пришлось продолжить путь ползком...

Обрыв, по которому беглецу предстояло вскарабкаться в Лимб, был адски крут. Правда, на противоположной стороне круга есть удобный пологий спуск, но лучше держаться от него подальше. Дон Жуан имел уже один раз дело с Миносом и этого раза ему вполне хватило.

Первая попытка была неудачна. Ватник и стеганые штаны сыграли роль паруса и дона Жуана просто сдуло с кручи. Он сорвал с себя тряпье и полез снова — нагая душа меж камнем и грубым, как камень, ветром.

В конце концов он выполз на край обрыва и некоторое время лежал, боясь пошевелиться, оглушенный внезапной тишиной. В это не верилось, и все же он достиг Лимба.

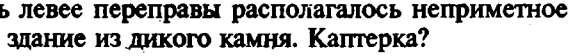
Странные души населяли первый круг Ада. Мучить их было не за что, а в Рай тоже не отправишь, ибо жили они до Рождества Христова и об истинной вере понятия не имели. Так и слонялись, оглашая сумрак жалобами и вздохами.

Сквасить печальную рожу, став неотличимым от них, и, стеная, выйти к Ахерону — труда не составит. Вопрос — что

делать дальше? Каптерка наверняка охраняется. Если она вообще существует... Эх, Фрола бы сюда!

Дон Жуан поднялся и, стеная, побрел сквозь неподвижные сумерки круга скорби.

К Ахерону он вышел неподалеку от переправы. Над рекою мертвых стоял туман — слепой, как бельмы. В страшной высоте из него проступали огромные знаки сумрачного цвета:

Чуть левее переправы располагалось неприметное приземистое здание из дикого камня. Каптерка?

Подобравшись к зияющему проему входа, дон Жуан осторожно заглянул внутрь. На каменном полу грудой лежали пыльные тела. В глубине помещения белела какая-то массивная фигура. Присмотревшись, дон Жуан с содроганием узнал в ней статую командора, в которой его приходили брать.

Одноглазый каптенармус сидел сгорбясь у подслеповатого слюдяного окошка и со свирепой сосредоточенностью крутил, ломал и вывертывал невиданный доном Жуаном предмет, представляющий из себя яркий мозаичный кубик небольшого размера.

Тут на берегу грянули крики и дон Жуан отпрянул от проема. Каптенармус досадливо качнул рогами, но головы не поднял.

Дело было вот в чем: Харон только что перевез на эту сторону очередную партию теней. Нагие души, стуча зубами и прикрываясь с непривычки, выбрались из ладьи. Все, кроме одной. Она забилась на корму, истошно крича, что это ошибка, что анонимки написаны не ее рукой, что простым сличением почерков... Скверно выругавшись, Харон огрел душу веслом — и, выскочив на берег, душа, вереща, припустилась вдоль Ахерона — в туман.

— Куда? — взревел Харон и, подъяв весло, кинулся вдогонку.

Вот он — шанс!

Не теряя ни секунды, дон Жуан натянул первое попавшееся тело и вылетел из каптерки. Сердце, запущенное с ходу на полные обороты, прыгало и давало перебои. Протаранив толпу брызнувших врассыпную теней, он уперся в тяжелый нос ладьи и оттолкнулся ногами от берега. У него еще хватило сил перевалиться через борт, после чего сознание покинуло дона Жуана.

Покачиваясь, ладья выплыла на середину Ахерона и растворилась в блеклом тумане. Там ее подхватило течение и, раз-

вернув, увлекло в одну из не упомянутых Данте и тем не менее многочисленных проток.

Разговор, вырвавший дона Жуана из забытья, велся на родном языке Фрола Скобеева. Говорили об обнаженных женщинах.

Он открыл глаза и тут же зажмурил их — после четырехсот лет мрака солнце показалось ему особенно ярким. Шумела вода. Он лежал на палубе и над ним склонялись загорелые лица людей. Над бортом покачивалась на шлюп-балке ладья Харона.

— Как вы себя чувствуете? — судя по всему, к нему обращался капитан корабля.

— Спасибо... Хорошо... — услышал дон Жуан свой слабый голос. Услышал — и ужаснулся. Понимая уже, что случилось непоправимое, он рывком поднял край простыни, которой был прикрыт, и легкая ткань выскользнула из его внезапно ослабевших пальцев.

Там, в каптерке, он впопыхах напялил женское тело! Молодое. Красивое. И все-таки женское.

— Кто вы такая? Как вас зовут?

Но дон Жуан уже взял себя в руки.

— Жанна, — глухо сказал он. — Жанна... — и чуть было не добавил "Тенорьо".

— Гермоген, — выговорил он наконец, вспомнив наиболее заковыристое ругательство Фрола. — Жанна Гермоген.

3. ПО ЭТАПУ

Дон Гуан:
— Ах, наконец
Достигли мы...

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

В восьмом круге амнистированных построили под обрывом и после поверки передали новому конвоиру — черному крылатому бесу по кличке Тормошило, созданию мрачному и настроенному откровенно садистски.

— Кто отстанет или с ноги собьется, — сразу же предупредил он, — буду купать на пятом мосту! Шагом... арш!

Колонна голых чумазых душ двинулась вдоль скальной стены. Бушлатики на амнистированных сгорели еще на марше через город Дит, где из каменных гробниц с воем рвалось прозрачное высокотемпературное пламя.

Мрачный Тормошило подождал, когда колонна пройдет мимо полностью, затем с треском развернул нетопырьи крылья и, перехватив поудобнее черный от смолы багор, прянул ввысь.

Фрол Скобеев шел, не сбиваясь с ноги, правильно держа дистанцию и все более утверждаясь в мысли, что второй круг, в котором он отмотал без малого пятерик, — далеко не самое жуткое место в преисподней. А навстречу этапу уже лезли из мрака глыбастые чугунные скалы Злых Щелей.

Додумались начальнички: православных — в Чистилище! Что хотят — то творят...

— Эх, Ваня... — тихонько вздохнул Фрол.

— Разговорчики! — немедленно проскрежетало над головой и шорох перепончатых крыльев унесся к хвосту колонны.

Вскоре они достигли обещанного пятого моста. Внизу побулькивала черно-зеркальная смола, из которой то здесь, то там всплывал взяточник и тут же опрометью уходил на дно, страшась угодить под багор какого-нибудь беса-загребалы. Тянуло жаром.

— Стой! — взвизгнуло сверху. Колонна стала.

— Ты что же, нарочно надо мной издеваешься? — истерически вопил Тормошило. — Ты уже который раз споткнулся, гад?

Затрещали крылья, мелькнул острый крюк багра и сосед Фрола, подхваченный под плечо, взмыл из строя. Трепеща перепонками, Тормошило завис над черно-зеркальной гладью и дважды макнул провинившегося в смолу.

— В строй!

Черная, как негр, душа, подвывая от боли, вскарабкалась на мост и заняла свое место.

— Продолжать движение! — с ненавистью скомандовал Тормошило и спланировал на основание одной из опор, где, свесив копыта, сидел еще один бес-загребала по кличке Собачий Зуд.

— Зря ты... — равнодушно заметил он опустившемуся рядом Тормошиле. — Амнистированных все-таки в смолу кунать не положено. Смотри, нагорит...

— С ними иначе нельзя, — отвечал ему нервный Тормошило. — Им поблажку дай — роги отвернут в два счета... А что, Хвостач здесь?

— В город полетел, — отозвался Собачий Зуд, притапливая багром высунувшуюся из смолы грешную голову. — Насчет дегтя...

Тормошило насупился.

— Скурвился Хвостач, — мрачно сообщил он. — Как тогда начальником поставили — так и скурвился...

Собачий Зуд притопил еще одного грешника и с любопытством поглядел на товарища.

— А что у вас с ним вышло-то?

— Да не с ним! — с досадой сказал Тормошило. — Третьего дня дежурю в реанимации... Ну из-за этого... Да ты его знаешь! Там взяток одних... Все никак помереть не может!

— Ну-ну!

— Ну вот, стою, жду, багорик наготове... И вдруг — фрр! — влетают...

— Кто?

— Да эти... пернатые... с Чистилища! Один зеленый, с первого уступа, а второй, не знаю, с седьмого, что ли?.. Блестящий такой, надраенный... О, говорят, а ты что тут делаешь? — Как что, говорю, грешника жду. — Ты что, говорят, угорел? Грешника от праведника отличить не можешь? — Это где вам тут праведник, спрашиваю, это он, что ли, праведник? Вы на душу его посмотрите: копоти клок — и то чище!.. А они, представляешь, в рыло мне смеются: ладно, говорят, отмоем... А? Ничего себе?

— Д-да... — Собачий Зуд покрутил головой.

— Ну я разозлился, врезал одному багром промеж крыл... Короче, я — на них телегу, а они — на меня...

Собачий Зуд слушал, сочувственно причмокивая и не замечая даже, что во вверенном ему квадрате из смолы торчат уже голов десять с приоткрытыми от любопытства ртами.

— Ну а душа-то кому пошла?

— Да никому пока... — расстроенно отозвался Тормошило. — Опять откачали... Может, ему мученик какой родственником приходится, откуда я знаю!.. Нет, но ты понял, что творят? Начальнички...

— А Хвостач, значит, связываться не захотел?

Тормошило открыл было рот, но тут сверху послышался треск крыльев и звонкий поцелуй пары копыт о каменное покрытие моста. Головы грешников мгновенно спрятались в смолу.

— О! — скривившись, Тормошило кивнул рогом. — Легок на помине. Сейчас начнет орать, почему колонна без присмотра...

Над гранитной кромкой показалось ликующее рыло Хвостача.

— Эй, загребалы! — позвал он. — Посмеяться хотите?

— Ну? — осторожно молвил Собачий Зуд.

— У Харона ладью угнали! — распялив в восторге клыкастую пасть, сообщил Хвостач. — Ох и начнется сейчас!.. — Ударил крыльями и понесся ласточкой к следующей опоре.

Загребалы ошарашенно переглянулись. Первым опомнился Собачий Зуд.

— Бардак... — безнадежно изронил он и притопил со вздохом очередного не в меру любопытного взяточника.

4. КОМАНДИРОВАННЫЕ

Лепорелло:
— Проклятое житье. Да долго ль будет
Мне с ним возиться? Право, сил уж нет.

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Грязный отвратительный буксир, впряженный в допотопную ржавую баржу, стоя, можно сказать, на месте, с тупым упорством рыл зеленоватую волжскую воду. Злобился и ворчал бурун. На баке над распростертым телом товарища стояли и беседовали два матроса. Один — коренастый, насупленный, весь поросший густым проволочным волосом. Другой — румяный красавец с придурковатым, навсегда осклабившимся лицом.

— Ишь! — злобно цедил коренастый, с завистью глядя на привольно раскинувшееся тело. — Залил зенки с утра — и хоть бы хны ему!

— Да тебе-то что?

— Мне — ничего. А тому, кто на его место придет, думаешь, сладко будет с циррозом печени? Надо ж немного и о других думать!

— Мнится: ангельские речи слышу, — глумливо заметил румяный. — А сам-то что ж ревизоршу багром закогтил? Всех ведь, считай, подставил!

Коренастый насупился, закряхтел.

— Не устоял, — сокрушенно, со вздохом признался он. — Да и домой что-то потянуло...

Капитан (громила с длинным равнодушным лицом), возложив татуированную длань на штурвал, нехотя доцеживал сигарету. Гладкие волны, как в обмороке, отваливались от мерзкого судна.

Ничто, казалось, не предвещало грозы, когда из безоблачного неба пала с шелестом разящая черная молния. Ударом ветра развернуло линялый флаг и сохнущее на снастях белье. Матросы остолбенели. На палубе, распялив кожистые крылья и злорадно скаля клыки, стояло адское создание с шерстистым уродливым ликом.

— Отцепляй, в превыспреннюю, баржу! — гаркнуло оно капитану, ударив в настил черным от смолы багром.

Спящий на баке матрос приподнял всклокоченную голову, поглядел заплывшим глазом — и снова заснул. То ли крылатый бес был ему уже знаком по белой горячке, то ли матросик принял его спросонья за кого-нибудь из команды.

На обветренных скулах капитана обозначились желваки. Двумя пальцами он изъял изо рта окурок и, выщелкнув его за борт, процедил:

— Борода, штурвал прими...

И, не сводя с адского творения неприязненных глаз, спустился по железной лесенке на палубу. Безбоязненно приблизился почти вплотную.

— Что за дела, Хвостач? — угрожающе выговорил он, подавая звук несколько в нос. — Там ты меня доставал, здесь достаешь... Что за дела?

— Баржу отцепляй, — ласково повторил гость из бездны.

Сняв с красного щита по противопожарной принадлежности, подошли оба матроса. Борода (кстати, не то чтобы гладко выбритый, но уж во всяком случае не бородатый) с нездоровым любопытством следил за ними из-за штурвала.

— А ты мне здесь кто? Начальник? — не менее ласково осведомился капитан. — Баржу ему отцепляй! Да в этой барже одних бушлатов на весь второй круг! Сдам только Харону и каптенармусу. Под расписку.

— Да не отсвечивай ты, Хвостач! — хмурясь, проворчал коренастый. — Вон с берега уже пялятся! За рубку зайди.

Вчетвером они отошли за рубку.

— Ну в чем дело?

— Побег, — сказал Хвостач. — У Харона кто-то ладью угнал. В общем так: руби концы — и полным ходом на Баклужино. Может, он еще из протоки не выплыл...

— Так кто бежал-то?

— А я знаю! Если бы Харон сразу спохватился! А то гонял два дня веслом какую-то душу по берегу — делать ему больше нечего!..

Кто-то присвистнул.

— Два дня? Так эту ладью уже наверняка в Волгу вынесло...

— Значит, всю Волгу обшарь, но найди!

— А сам-то чего ж? — осклабившись сильней обычного, осведомился румяный. — На крыльях-то чать сподручней...

— Посоветуй мне, посоветуй! — огрызнулся Хвостач. — Придумал: на крыльях! Средь бела дня!

— А что ж на палубе стоял, светился, раз такой осторожный?

— Ну хватит! Поговорили! Отцепляйте баржу!

— Да пошел ты!.. — лениво сказал капитан. — Вот вернемся в Злые Щели — там и покомандуешь.

— А что ж ты думаешь? — злобно сказал Хвостач, прожигая его взглядом. — И покомандую. Попомни, Забияка: ты у меня в Злых Щелях из обходов вылезать не будешь!

Прянул в воздух и стремительным шуршащим зигзагом ушел в зенит. Черной молнии подобный. Плеснуло сохнущее на снастях белье.

— Настучит... — со вздохом обронил Борода.

Запрокинув равнодушное лицо, капитан смотрел в небо. Смотрел, не щурясь. Зрачки — с иголочное острие.

— Начальнички, — проворчал он наконец и, сплюнув за борт, снова полез в рубку. — Один одно командует, другой — другое... Не знаешь уже, кого слушать.

— Это точно, — отозвался румяный матрос, вешая топорик на пожарный щит.

Борода, уступивший штурвал капитану, заржал.

— Сижу это я раз в одном бесноватом, — начал он, спускаясь по лесенке на палубу, — и приходят эти... заклинатели. Штук семь. "Именем, — говорят, — того Иисуса, которого Павел проповедует, приказываем тебе выйти из этого человека". А я им и говорю: "Иисуса знаю, Павла знаю, а вы кто такие?" Как дал им, как дал! Они от меня два квартала нагишом драли!

— И что тебе потом было?

— А ничего не было. Похвалили даже. — Борода ощерился и махнул рукой. — Так что, может, и сейчас прокатит...

Не прокатило.

И получаса не прошло, как с ясного неба на палубу метнулись, шурша, уже две молнии — одна черная, другая — ослепительно зеленая.

Ангел в изумрудных одеждах с ужасным от гнева лицом шагнул к попятившимся матросам. Огненный меч в его деснице сиял, как язык ацетиленовой горелки.

— Пр-роклятый род! — возгласил он громоподобно. — Во что еще бить вас за гордыню вашу? Уже и грешники бегут из преисподней! Уже и собственным начальникам отказываетесь повиноваться!.. — Он передохнул и приказал сухо и коротко: — Баржу отцепить. Полным ходом в протоку.

— Я им говорю, мол, так и так, побег, мол... — робким баском объяснял из-за крыла Хвостач.

— Так бушлаты же... — начал было оправдываться капитан. — Люди свечки ставили, панихиды заказывали...

— Бушлаты?! — С пылающим от гнева лицом ангел в зеленых одеждах стремительно прошествовал на корму и одним ударом огненного меча перерубил трос.

5. НА ПРИЕМЕ

Лепорелло:
— Ого! Вот как! Молва о Дон Гуане
И в мирный монастырь проникла даже,
Отшельники хвалы ему поют.

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

— Прошу вас, владыко, садитесь...

Архиерей сел. С торжественностью несколько неуместной (дело происходило в кабинете начальника милиции) он воздел пухлые руки и, сняв клобук, бережно поместил его на край стола. Остался в черной шапочке.

Генерал хмурился и в глаза не глядел. В негустую и рыжеватую его шевелюру с флангов врубались две глубокие залысины, норовя повторить знаменитый маневр Ганнибала.

— Про баржу слышали? — отрывисто спросил он наконец.

С несчастным видом владыка развел мягкие ладони.

— Обрубили трос, — сдавленно сообщил генерал. — Баржу снесло на косу. А местные жители, не будь дураки, вскрыли пломбы и принялись расхищать бушлаты. Если прокуратура (а она уже занимается этим делом) копнет достаточно глубоко, то с полковником Непалимым придется расстаться... Как прикажете дальше работать, владыко? С кем работать прикажете?

— Сказано: аще и страждете правды ради... — начал было архиерей.

— Правды ради? — Генерал желчно усмехнулся. — Утром Склизский прибегал — каяться. Бушлаты-то отгружал именно он... И если бы только правды ради!

Архиерей ошеломленно схватился за наперсный крест.

— Вы хотите сказать?..

— Вот именно. — Голос генерала был исполнен горечи. — Под прикрытием богоугодного дела гнал ценности на ту сторону. Вместе с бушлатами. Отсылал на хранение каптенармусу, с которым, как сам признался, связан уже давно...

— Господи помилуй! — В страхе архиерей осенил себя крестным знамением. — Вот уж воистину: яко несть праведен никтоже...

— Праведен! — сказал генерал. — Покажите мне одного праведника, который бы мог разом списать столько бушлатов! Вы же знаете, что в прокуратуре сплошь сидят наши с вами противники и, если всплывет хоть одна зашитая в бушлаты ценность, нам останется уповать лишь на вмешательство Петра Петровича. Склизский — ладно, а вот Непалимого жалко...

Генерал вздохнул.

— А на будущее, владыко... — сказал он, потирая левую залысину. — Простите великодушно, но что-то с вашими речниками надо делать. Так дальше нельзя. Взять хотя бы тот случай с ревизоршей... Уму непостижимо: багром! Женщину! Интеллигентную! Пожилую!.. А у нее, между прочим, национальность! Сначала демократы здание пикетировали, потом патриоты с плакатом: "Одолжи багор, матросик!" Ну вот как его теперь отмазывать прикажете?

— Так ведь контингент-то какой!.. — беспомощно проговорил архиерей. — Одно слово: бесы. Да и ревизорша, между нами, взяточница. А у него, как на грех, багор был в руках. По привычке зацепил, без умысла...

— Послушайте, владыко, — взмолился генерал. — Ну присоветуйте вы там, я не знаю, чтобы хоть меняли этих речников время от времени...

— Так ведь и так меняют! Меняют что ни рейс!

— Простите?.. — Помаргивая рыжеватыми ресницами, генерал непонимающе смотрел на служителя культа. — Как же меняют, если люди одни и те же?

— Люди — да. А бесы в них — каждый раз новые. Я же и говорю: контингент такой... Что у вас, что у нас... Но вот с баржей — здесь их вины, поверьте, нет. Приказали трос обрубить — они и обрубили.

— Приказали? — пораженно переспросил генерал. — Зачем?

Перед тем, как ответить, архиерей боязливо оглянулся на дверь кабинета. Дверь была плотно прикрыта.

— Великий грешник бежал из обители скорби, — тихо и страшно выговорил он.

Генерал откинулся на спинку стула. Рыжеватая бровь изумленно взмыла.

— Как?.. ОТТУДА?

Архиерей скорбно кивнул и в этот миг грянул телефон. Генерал уставился на аппарат, словно видел подобное устройство впервые. Затем снял трубку.

— Слушаю, — отрывисто известил он. — Сволокли с косы?.. Что?! — Лицо его внезапно осунулось. — Когда?.. Час назад?.. — На глубоких генеральских залысинах проступила испарина. — Срочно выясни, где в этот момент находились речники... Ну а какие же еще? Конечно, наши!

Он бросил трубку. Владыка смотрел на генерала, широко раскрыв глаза.

— Час назад теплоход "Богдан Сабинин" таранил баржу с бушлатами, несколько севшим голосом сообщил тот. — Оба судна затонули.

— Свят-свят-свят! — только и смог выговорить архиерей.

6. В ПОДВАЛЕ

Второй гость:
— Какие звуки! Сколько в них души!
А чьи слова, Лаура?

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

То ли здесь, во сне, то ли там, наяву, кто-то тихо и нежно произнес его имя. Вздрогнув, дон Жуан открыл глаза — и сразу попал в липкую душную черноту четвертого круга. Сердце прянуло испуганно... Но нет, это был не Ад — в Аду никто никогда не спит. Это был всего лишь подвал — точное подобие Стигийских топей близ раскаленных стен адского города Дит. Справа из темноты давили влажным теплом невидимые ржавые трубы. В углу, наполняя тесное подземелье удушливым паром, бил слабый родник кипятка.

Шел третий день бегства с борта теплохода "Богдан Сабинин". Что-то подсказывало дону Жуану, что судно, принявшее на борт ладью Харона, недолго продержится на плаву.

В итоге — подвал. А тихий нежный оклик ему приснился, не иначе... Дон Жуан со вздохом опустился на ветхое влажное ложе из пакли и тряпья, но тут голос возник снова:

На заре морозной
Под шестой березой,
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан...

Он не сразу понял, что это стихи. Резко приподнялся на локте и вдруг плотно, страшно — как будто не себе, а кому-то другому — зажал рот ладонью. А голос продолжал:

Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью...

Она — улыбалась. Даже не видя ее лица, он знал, что, произнося это, она улыбается — нежно и беспомощно. Неслышно, как во сне, он поднялся с пола и двинулся к лестнице, ведущей из подвала в подъезд.

Застенок подъезда был освещен мохнатой от пыли склянницей. Без лязга приоткрыв дверь из сваренных накрест железных прутьев, дон Жуан шагнул наружу.

На каменной коробке подъемной клети теснились глубоко вырубленные непристойности и выражения, дону Жуану вовсе не знакомые. Богохульства, надо полагать... В подвале журчал и шипел кипяток, откуда-то сверху сквозь перекрытия приглушенно гремела дикарская музыка, а девичий голос на промежуточной площадке все ронял и ронял тихие, пронзающие душу слова:

Так вот и жила бы,
Да боюсь — состарюсь,
Да и вам, красавец,
Край мой ни к чему...

Он решился и выглянул. Короткая лестница с обкусанными ступенями упиралась в обширную нишу высотой чуть больше человеческого роста. Скляница там была разбита и ниша тонула в полумраке. Задняя стена ее представляла собой ряд квадратных и как бы слившихся воедино окон с треснувшими, а то и вовсе вылетевшими стеклами.

Девушка сидела на низком подоконнике. Зеленоватый свет фонаря, проникавший с улицы, гладил ее чуть запрокинутое лицо, показавшееся дону Жуану невероятно красивым.

Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан...

Голос смолк. И тут на подоконнике шевельнулась еще одна тень, которой дон Жуан поначалу просто не заметил.

— Не, Аньк, я над тобой прикалываюсь, — проскрипел ленивый юношеский басок. — Донжуан-донжуан!.. Читаешь всякую...

Фраза осталась незаконченной. Низкий и страстный женский голос перебил говорящего.

— Еще! — то ли потребовал, то ли взмолился он.

Парочка, расположившаяся на подоконнике, вздрогнула и уставилась вниз. Там, на первой ступеньке, прислонясь к стене пролета, ведущего в подвал, маячил женский силуэт. На молодых людей были устремлены исполненные мрачной красоты пылающие темные глаза. Парочка переглянулась озадаченно.

— Ну я тащусь! — скрипнул наконец басок, и его обладатель, всматриваясь, подался чуть вперед — из тени в полусвет. Дона Жуана передернуло от омерзения. Молодой человек был мордаст, глазенки имел наглые и нетрезвые, что же до прически, то раньше так стригли одних только каторжан и умалишенных: затылок и виски оголены, зато на макушке стоит дыбом некое мочало.

— Тебе тут что, тетенька, концерт по заявкам, да? — издевательски осведомился он, и рука дона Жуана дернулась в поисках эфеса. Четыреста лет не совершала она этого жеста... Однако взамен рукоятки пальцы обнаружили упругое женское бедро. Его собственное.

Столь жуткого мгновения ему еще переживать не приходилось.

— Простите... — пробормотал он, опуская глаза. — Простите ради Бога...

Он повернулся и побрел: нет, не в подвал — на улицу, прочь, как можно дальше от этого подъезда, от этого дома...

— Э, так ты из бомжей? — в радостном изумлении скрипнул басок. — Да ты хоть знаешь, сучка, в чей подъезд зашла? Стишков ей! Давай-давай вали отсюда, пока в ментовку не сдали!

Дон Жуан был настолько убит, что безропотно снес бы любое оскорбление. Слово "сучка" тоже не слишком его уязвило — во втором круге за четыреста лет он еще и не такого наслушался. Но то, что грязное слово было произнесено в присутствии девушки, только что читавшей стихи о нем... Он стремительно повернулся на пятке и легко взбежал по лестнице.

Пощечина треснула, как выстрел.

7. БОЙ

Дон Гуан:
— Когда за Эскурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу он и замер,
Как на булавке стрекоза...

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Пощечина треснула, как выстрел, и мордастого отбросило к мусоропроводу. Секунду он очумело смотрел на взбесившуюся красавицу бродяжку, затем лицо его исказилось злобой и, изрыгнув матерное ругательство, юный кабальеро кинулся на обидчицу, занося крепкий увесистый кулак.

Дона Жуана не удивило и не смутило, что на женщину (хотя бы и после пощечины!) поднимают руку, поскольку в гневе он начисто забыл, в чьем теле находится. Грациозным движением пропустив нападающего мимо, он проводил его еще одной затрещиной, от которой тот вкололся в выщербленную стену напротив.

Это уже было серьезно.

— Ах ты!.. — взвизгнул мордастый и вдруг, ни слова не прибавив, кинулся вверх по лестнице — то ли за оружием, то ли за подмогой.

Дон Жуан порывисто повернулся к девушке, оцепеневшей от изумления и испуга.

— Чьи это стихи? — спросил он, но тут адская музыка громыхнула во всю мочь, почти заглушив его вопрос, — это соперник рванул наверху дверь своей квартиры.

— Бегите! — умоляюще шепнула девушка, не в силах отвести глаз от странной незнакомки. — Там вечеринка! У него отец — полковник милиции!

Словно в подтверждение ее слов музыка наверху оборвалась, несколько здоровенных глоток взревели угрожающе, загрохотали отбрасываемые пинками стулья — и по лестнице лавиной покатился топот.

Первым добежал полковничий сынок (остальные, видимо, задержались, увязнув в дверях).

— Ну, сука! — с пеной у рта пообещал он. — Я ж тебя сейчас на дрова поломаю!

И с фырчанием крутнул двумя палками, связанными короткой веревкой. Дон Жуан оглянулся. На подоконнике лежал недлинный железный прут, которыми, похоже, был усеян весь этот мир. Пальцы сомкнулись на рубчатом металле. Мордастый же, увидев чумазую бродяжку в фехтовальной позиции и с арматуриной в руке, споткнулся, зацепил "чаками" за перила и с отскока звучно влепил себе деревяшкой по колену. Взвыл и бросился наутек. Дон Жуан с наслаждением отянул его железным прутом по упитанной спине, но тут на верхней площадке показалась подмога — человек пять юнцов с каторжными стрижками.

— Вы — прелесть, — с улыбкой сказал дон Жуан девушке и, не выпуская из рук оружия, шагнул в разбитое окно. Он знал, что там, снаружи, вдоль всего здания пролегает какая-то труба, по которой, придерживаясь за стену, вполне можно добраться до плоской крыши пристройки.

Дверь подъезда распахнули с такой силой, что чуть не сорвали пружину. Под фонарем заметались вздыбленные двухцветные макушки.

— Где она, зараза?

— Да вон же, вон! По трубе идет!

Кто-то нагнулся, подбирая что-то с тротуара, и четвертинка кирпича взорвалась осколками в локте от дона Жуана. Но пристройка была уже совсем рядом. На глазах у преследователей хулиганка с неженской ловкостью вскарабкалась на крышу магазина и, пригнувшись, исчезла за парапетом.

— Колян! Давай к складу! Там по воротам залезть можно!

Дон Жуан огляделся. Под ногами была ровная, шероховатая, как наждак, поверхность, густо усеянная битым стеклом и всякой дрянью. Не распрямляясь, он пробежал вдоль ряда низких балконов до угла, и крыша магазина распахнулась перед ним — огромная, как обугленные пустыни седьмого круга. Изнанка неоновой рекламы напоминала груду тлеющих углей, которую кто-то разгреб и разровнял по кромке вдоль всего здания.

В это время из-за дальнего угла на крышу выскочила человеческая фигурка — надо полагать, взобравшийся по воротам Колян. За ней — другая.

Не теряя ни секунды, дон Жуан перемахнул облицованное грубыми изразцами ограждение угловой лоджии. Дверь, ведущая внутрь дома, была открыта и в ней шевелилась портьера.

— То есть не-мед-ленно! — гремел за портьерой властный мужской голос. — Да, по моему адресу! Да! Усиленный наряд!.. Что? Насколько опасна?.. Да она моего сына изуродовала!..

И со страхом, похожим на восторг, дон Жуан понял, что попал в квартиру полковника — ту самую, где агонизировала сорванная им вечеринка.

Спрыгивать на крышу было теперь просто неразумно. Разумнее было затаиться. Портьеру шевелило сквозняком — следовательно, сообразил он, входная дверь распахнута настежь...

— Вот она! — истошно завопили на крыше. — Вон, на лоджии!

Дон Жуан отбросил портьеру и, не выпуская из рук железного прута, шагнул в комнату. Человек, только что кричавший в телефон страшные слова, с лязгом бросил трубку, вскинул голову и остолбенел.

Это был крупный, склонный к полноте волоокий мужчина лет сорока — в шлепанцах, в брюках с красной полоской и в майке.

— Вы?.. — как бы не веря своим глазам, проговорил он. — Это вы?..

Краска сбежала с его лица. Бледный — в синеватых прожилках — полковник милиции с ужасом смотрел на странную гостью.

И дону Жуану показалось, что полковник сейчас пошатнется и грузно рухнет поперек ковра.

Но тут в комнату с топотом ворвался полковничий сынок, теперь более мордастый слева, нежели справа.

— Па! Она на балконе!.. — заорал было он — и умолк.

Полковник зажмурился, застонал и вдруг, развернувшись, отвесил сыну оплеуху — куда более увесистую, чем первые две.

— Сопляк! — снова наливаясь кровью, гаркнул он. — Вон отсюда! Все вон! Тунеядцы! Короеды! Вы на кого руку подняли!..

На лоджии кто-то ойкнул и спрыгнул, видать, на крышу. Полковник плотно прикрыл дверь за вылетевшим из комнаты отпрыском и снова повернулся к гостье. Крупные губы его тряслись.

— Накажу... — истово говорил он. — Примерно накажу... Только ради Бога... Это недоразумение... Ради Бога...

— Да я, собственно, не в претензии, — преодолев наконец оторопь, промолвил дон Жуан. — Конечно же, недоразумение...

8. НАУТРО

Дона Анна:
— Вы сущий демон. Сколько бедных женщин
Вы погубили?

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Утро за нежными апельсиновыми шторами рычало, как Цербер. Коротко вскрикивал металл. Иногда, сотрясая воздух, под окном проползало нечто невообразимо громадное.

По ту сторону двери кто-то скрипнул паркетиной и испуганно замер. Дон Жуан усмехнулся. Закинув руки за голову, он лежал на чистых тончайших простынях и с выражением вежливого изумления на посвежевшем лице думал о вчерашних событиях.

Получалось, что тело, которое он присвоил, уже уходило за Ахерон и не раз... Но полковник, каков полковник! Принимать у себя дома гостей с того света... На безумца вроде не похож, да и душу дьяволу явно не продавал, поскольку живет небогато...

А ведь принимал постоянно. Не зря же ноги сами принесли дона Жуана именно к этому дому, именно в этот подъезд...

Дон Жуан откинул плед и в который раз с отчаянием оглядел свое новое тело.

В дверь постучали и осмотр пришлось прервать.

— Я слышу, вы уже проснулись, дорогая? — произнес мелодичный женский голос. — Доброе утро!

Обворожительно улыбаясь, в комнату вошла пепельная блондинка в чем-то кружевном и дьявольски обольстительном. Жена полковника, и скорее всего вторая. Уж больно молода, чтобы быть матерью мордастого кабальеро... Вчера за ужином она, помнится, вела себя как-то странно... Да и сейчас тоже... Дверь вот зачем-то прикрыла...

— Ну как спалось на новом месте?

Слова прозвучали излишне любезно и отчетливо. Видимо, кто-то стоял и подслушивал в коридоре.

— О, благодарю вас! Превосходно!

Блондинка присела на край постели и уставила на дона Жуана синие с поволокой глаза. Мысленно застонав, он попробовал обмануть себя рассуждением, что вот приходилось же ему переодеваться в свое время и монахом, и простолюдином... Однако в глубине души дон Жуан прекрасно сознавал, что сравнение — лживо. Трижды лживо! Ах, если бы тогда, в каптерке, у него нашлась одна-единственная минута — осмотреться, выбрать...

— Что? Никакой надежды? — умоляюще шепнула блондинка.

— Как же без надежды? — пересохшим ртом отвечал дон Жуан, не в силах отвести взгляда от ее свежих, чуть подкрашенных губ. — Надежда есть всегда!

О чем идет речь, он, естественно, не понимал, да и, честно сказать, к пониманию не стремился. Когда говоришь с женщиной, смысл не важен — важна интонация.

— Я — про кору, — уточнила она.

— Я — тоже...

Синие влажные глаза просияли безумной радостью и в следующий миг к изумлению дона Жуана нетерпеливые ласковые руки обвили его шею.

— Значит, все-таки любишь?.. — услышал он прерывистый шепот.

В горние выси мать! А тело-то у него, оказывается, с прошлым! Да еще с каким!..

В смятении он оглянулся на дверь.

— А... муж?

— Пусть скажет спасибо за баржу... — хрипло отвечала блондинка, бесцеремонно внедряя руку дона Жуана в кружева своего декольте.

"Какая еще в преисподнюю баржа?" — хотел вскричать он, но рот его уже был опечатан нежными горячими губами.

Ай да тело! Ай да погуляло!..

Волоокий дородный полковник маялся в коридоре. При параде и даже при каких-то регалиях. Увидев выходящих из спальни дам, резко обрел выправку.

— Спасибо вам за баржу, — прочувствованно выговорил он. — Только вот... — Чело его внезапно омрачилось. — Уж больно глубина там небольшая. Неровен час поднимут. С баржей-то с одной, может, возиться бы и не стали, но вот теплоход...

— "Богдан Сабинин"? — в озарении спросил его дон Жуан.

— Ну да... Таранил который...

Чуяло его сердце! Стало быть, ладья Харона тоже на дне.

— Даже проплывать над ними, — тихо и внятно вымолвил дон Жуан, глядя в выпуклые, как у испуганного жеребца, глаза, — и то никому бы не посоветовал.

— Слава Богу... — Полковник облегченно вздохнул, но тут же встревожился вновь. — Потом с корой... — беспомощно проговорил он. — Вы ведь в прошлый раз сказали, она полсотни заварок выдерживает...

Супруга его томно оправила пепельные волосы и возвела глаза к потолку. Розовые губы чуть приоткрылись, явив влажный жемчуг зубов. Интересно, сколько ей лет? Двадцать пять? Двадцать? Ах, полковник, полковник! Ну, сам виноват...

— Полсотни, говорите? — рассеянно переспросил дон Жуан.

Полковника прошиб пот.

— Это я округлил, — разом охрипнув, поспешил исправиться он. — На самом деле, конечно, около сорока... Но все равно, заваркой — больше заваркой меньше... Как вы полагаете?

— Полагаю, да, — серьезно ответил дон Жуан — и вокрес полковник.

— Завтрак на столе! — радостно брякнул он, потирая большие ладони. Прошу.

То ли за четыреста лет научились лучше готовить, то ли дон Жуан давно не пробовал ничего иного, кроме скрипящей на зубах угольной пыли, но завтрак показался ему превосходным. Стоило потянуться за чем-либо, как асимметрично мордастый пасынок (ну не сын же он ей в конце-то концов!), видимо, извлекший из вчерашнего все возможные уроки, вскакивал и, чуть ли не пришаркнув ножкой, подавал желаемое. Весьма способный юноша, с легким омерзением отметил дон Жуан. Далеко пойдет...

— Грибочки, рекомендую, — приговаривал полковник. — А там, Бог даст, и шашлычком из осетринки попотчуем. Петр Петрович-то вот-вот нагрянет... — Полковник приостановился и дерзнул всмотреться в надменное смуглое лицо гостьи. — Так что, подзаправимся — и к генералу. Ждет с нетерпением.

— Генерал? — Дон Жуан насторожился. Ко всяким там генералам, командорам и прочим гроссмейстерам он питал давнюю неприязнь. Были на то причины.

9. У ГЕНЕРАЛА

Первый гость:
— Клянусь тебе, Лаура, никогда
С таким ты совершенством не играла.
Как роль свою ты верно поняла!

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

— Вовремя, вовремя... — Сухонький, чтобы не сказать — тщедушный, генерал милиции вышел из-за стола, чтобы самолично усадить гостью в кресло — то самое, в котором сиживал недавно владыка. — И с инфарктом — тоже вовремя. Вы даже представить не можете, как вы нас выручили с этим инфарктом... Добрались, надеюсь без приключений?

Дон Жуан лукаво покосился на затрепетавшего полковника.

— Благодарю вас, превосходно... — На доне Жуане был светло-серый английский костюм и французские туфельки на спокойном каблуке — все из гардероба полковницы.

Генерал тем временем вернулся за стол и, лучась приветом, стал смотреть на гостью. Глаза его однако были тревожны.

Странное лицо, подумалось дону Жуану. Лоб, нос, глаза — несомненно принадлежали мудрецу, аналитику и — чем черт не шутит! — аристократу. Рот и нижняя челюсть наводили на мысль о пропащих обитателях Злых Щелей.

— Ну, как там Петр Петрович? — осведомился наконец генерал.

— О-о! Петр Петрович!.. — молвил дон Жуан с многозначительной улыбкой.

Генерал понимающе наклонил прекрасной лепки голову. По обеим глубоким залысинам скользнули блики.

— Да, — признал он. — Что да — то да. Так вот, возвращаясь к инфаркту... Работа, должен признать, безукоризненная. Но с баржей, воля ваша... того... переборщили. Нет, я прекрасно вас понимаю. Бушлаты — на дне. Тот, кто списывал, суду уже не подлежит. Полковник Непалимый, сами видите, по гроб жизни вам благодарен...

Дородный красавец полковник растроганно шевельнул собольими бровями. Генерал вздохнул.

— Но теплоход-то зачем? — продолжал он, морщась и потирая залысину. Шума теперь — на всю страну. Утром соболезнование от правительства передавали, назначают комиссию,

опять же водолазы вызваны... Но это, я надеюсь, вы сами уладите. — Он замолчал, покряхтел. — Теперь насчет коры...

— Да что, собственно, кора? — сказал дон Жуан. — Заваркой больше, заваркой меньше...

Генерал вздрогнул. Полез в боковой карман, достал платок и, не спуская с дона Жуана зеленоватых настороженных глаз, медленно промакнул обе залысины.

— Так-то оно так, — внезапно осипнув, проговорил он. — Однако после кончины очередного нашего... — Генерал кашлянул. — Словом, кое у кого возникли подозрения, что речь уже шла не о двух-трех, но о десятках заварок... Кусок коры взяли на экспертизу. — Глава милиции вздернул рыжеватую бровь и смерил полковника глазом. — Федор Прокофьич, распорядись насчет кофе.

— Сию минуту. — Полковник повернулся и скрылся за дверью.

Генерал дождался, пока она закроется, и подался через стол к дону Жуану.

— Кора оказалась дубовой, — сообщил он сдавленным шепотом.

— Да что вы!.. — тихонько ахнул Дон Жуан и откинулся на спинку кресла.

— А вы не знали? — с подозрением спросил генерал.

— Я же только что прибыл... ла, — напомнил дон Жуан, мысленно проклиная родной язык Фрола Скобеева, в котором глаголы прошедшего времени черт их знает почему имели еще и обыкновение изменяться по родам.

— А... Ну да... — Генерал покивал. — Представьте себе, оказалась дубовой... Теперь будут проверять всю цепочку и начнут наверняка с нас. Но вы-то, я надеюсь, подтвердите, что на нашем участке подмены быть не могло... — Он запнулся и снова уставился на гостью. — Простите... Это ведь, наверное, не вы у нас были в прошлый раз?

Времени на колебания не оставалось.

— Разумеется, нет, — ровным голосом отвечал дон Жуан, хотя сердце у самого проехало по ребрам, как по стиральной доске.

Генерал не на шутку встревожился.

— А ваш предшественник? Он согласится подтвердить — как считаете?

— Какие могут быть разговоры!

Дверь приоткрылась, послышался знакомый бархатный баритон: "Не надо, я сам", — и в кабинет вошел полковник с подносиком, на котором дымились две чашки кофе.

— Ну и слава Богу! — Генерал заметно повеселел. — Стало быть, с корой тоже уладили... Что же касается розыска... — Он сочувственно прищурился и покачал головой. — Должен сказать прямо: трудная задача. Трудная. Ну посудите сами: мужчина, предположительно молодой, внешность неизвестна, развратник...

Дон Жуан вздрогнул и пристально посмотрел на генерала.

— Да таких сейчас полстраны! — проникновенно объяснил тот. — Ну положим, испанский акцент. Положим. Я, правда, не уверен, что обычный оперуполномоченный сумеет отличить испанский акцент шестнадцатого века, скажем, от современного армянского... Сам я пока вижу лишь одну зацепку: что ему делать в России? Как это у Марины Ивановны?.. "Но, увы, клянусь вам женихом и жизнью, что в моей отчизне..." М-да... Стало быть, попробует выбраться на историческую родину и, не зная наших порядков, наделает глупостей... Что с вами? Обожглись? Ну что ж ты, Федор Прокофьич, такой горячий кофе принес!..

— Марина Ивановна? — переспросил дон Жуан, дрогнувшей рукой ставя чашку на стол. — А кто это, Марина Ивановна?

— Просто к слову пришлось, — пояснил несколько озадаченный генерал. — Поэтесса. Покончила жизнь самоубийством...

"Значит, сейчас в седьмом круге, — машинально подумал дон Жуан. — Жаль, разминулись..."

10. С ПРОГУЛКИ

Дон Гуан:
— Что за люди,
Что за земля! А небо?.. Точный дым.
А женщины?

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

К вечеру он вышел на разведку. Чудовищный город вздымал к залапанному дымами небу прямоугольные каменные гробницы — каждая склепов на триста, не меньше. Заходящее солнце тлело и плавилось в стеклах. Трамвай визжал на повороте, как сто тысяч тачек с углем.

Похоже, пока дон Жуан горбатился во втором круге, мир приблизился к гибели почти вплотную. Все эти дьявольские прелести: тесные, как испанский сапог, автомобили, трамваи и особенно грохочущие зловонные мотоциклы — неопровержимо свидетельствовали о том, что Ад пустил глубокие корни далеко за Ахерон. Непонятно, куда эти четыреста лет смотрела инквизиция, как она допустила такое и чем вообще сейчас занимается. Скажем, те же генерал с полковником...

И все-таки уж лучше это, чем угольные карьеры второго круга.

— Прошу прощения, — с истинно кастильской любезностью обратился дон Жуан к хорошенькой прохожей. — Будьте столь добры, растолкуйте, если это вас не затруднит, какой дорогой мне лучше... — Он смолк, видя на лице женщины оторопь, граничащую с отупением.

— Набережная где? — спросил он тогда бесцеремонно и коротко — в лучших традициях второго круга.

Лицо прохожей прояснилось.

— А вон, через стройку!

С женщинами тоже было не все в порядке. Какие-то озабоченные, куда-то спешащие. Кругом — изжеванные буднями лица, обнаженные локти и колени так и мелькают, но вот почему-то не очаровывает эта нагота. Даже уже и не завораживает.

Дон Жуан сердито посмотрел вслед прохожей, потом повернулся, куда было сказано. Если окружающий мир лишь слегка напоминал преисподнюю, то стройка являла собой точное ее подобие. Вдобавок, среди припудренных ядовитой пылью обломков стоял прямоугольный чан, в котором лениво побулькивала черно-зеркальная смола.

Чтобы не попасть в клубы липкого, ползущего из топки дыма, дон Жуан решил обойти смоляной чан справа.

— Эй, кореш! — негромко окликнули его на полпути мяукающим голоском.

Дон Жуан оглянулся — и отпрянул. На краю чана сидел полупрозрачный чертенок.

— Чего шарахаешься? — хихикнул он. — Шепни генералу, что с водолазами все улажено, понял?

Ужаснувшись, дон Жуан кинулся к чану и, ухватив бесенка за шиворот, с маху швырнул его в смолу. Отскочил, огляделся, ища рубчатый железный прут.

Черный как смоль бесенок с воплем вылетел из чана. Взорвавшись вороненой дробью брызг, отряхнулся по-кошачьи и злобно уставился на обидчика.

— Ты чего?.. — взвизгнул он. — Ты!.. Ты на кого работаешь?

Дон Жуан подобрал арматурину и метнул наотмашь. Бесенок с воплем нырнул в смолу.

Дон Жуан повернулся и сломя голову кинулся прочь.

"Двум смертям не бывать", — повторял он про себя, нажимая седьмую кнопку подъемной клети. Однако, если вдуматься, то вся его история была прямым опровержением этой любимой поговорки Фрола Скобеева.

Вдобавок чертенок его даже и не выслеживал — напротив, явно принял за кого-то своего. Зря он его так, в смолу-то... Хотя, с другой стороны, уж больно неожиданно все получилось.

Выйдя на седьмом этаже, дон Жуан достал из сумочки крохотный зубчатый ключик и открыл дверь. Эх, где она, тисненая кордовская кожа на стенах, бело-голубые мавританские изразцы в патио, прохладные даже в самый жаркий полдень, и мягкий, огромный, занимающий полгостиной эстрадо! Ну да после подвала и голая кровать без резьбы покажется Раем.

На столе брошены были документы, полученные им прямо в кабинете генерала. Дон Жуан раскрыл паспорт, посмотрел с тоской на миниатюрный портрет жгучей красавицы брюнетки. "Жанна Львовна Гермоген, русская..." — прочел он, с трудом разбирая кириллицу.

В Испанию или, как выразился генерал, на историческую родину пробираться пока не стоит. Кстати, не исключено, что там его тоже разыскивают. Вряд ли Ахерон впадает в одну только Волгу...

Послышалось мелодичное кваканье и дон Жуан огляделся. А, понятно... Он снял телефонную трубку, припоминая, каким концом ее прикладывал к уху полковник, когда вызывал усиленный наряд. Вспомнив, приложил.

— Жанна Львовна? — радостно осведомился взволнованный знакомый баритон.

— Да, это я.

— Сразу две новости! И обе приятные. Во-первых, Петр Петрович завтра прибывает... Из Москвы... Ну, это вы, наверное, уже и сами знаете.

— А вторая?

— Чупрынов застрелился! — благоговейно вымолвил полковник.

Чупрынов? Это еще кто такой? Впрочем, какая разница...

— И что же тут приятного?

— Как... — Полковник даже слегка растерялся. — Так ведь проверки-то теперь не будет! Выяснилось, это он кору подменил! А еще министр...

Кора. Опять кора... Такое впечатление, что все повредились рассудком.

— У меня тоже для вас новость, — вспомнив чертенка, сказал дон Жуан. — Передайте генералу, что с водолазами улажено.

В трубке обомлели.

— По-нял, — перехваченным горлом выговорил полковник. — Спасибо... Спасибо, Жанна Львовна! Бегу докладывать.

Трубка разразилась короткими гудками. Дон Жуан посмотрел на нее, пожал плечом и осторожно положил на рычажки. Однако стоило отойти от стола на пару шагов, как из прихожей послышался шепелявый щебет устройства, заменявшего здесь дверной молоток.

Дон Жуан встрепенулся. Это могла быть жена полковника. Роскошная пепельная блондинка обещала зайти за вещами и поговорить о чем-то крайне важном. Не иначе, о коре... Не сразу справившись от волнения с дверным замком, дон Жуан открыл. На пороге стояла и растерянно улыбалась невзрачная русенькая девушка, вдобавок одетая как-то больно уж по-мужски.

— Здравствуйте, — робко произнесла она, не спуская испуганных серых глаз со смуглой рослой красавицы, чем-то напоминающей Кармен.

— Здравствуйте, — удивленно отозвался дон Жуан. — Прошу вас...

Он провел гостью в комнату и предложил ей кресло. Совершенно точно, раньше он ее нигде не видел... Может, от генерала посыльная?

— Я не знаю, что со мной происходит, — отчаянным надломленным голосом начала она. — Я запретила себе думать о вас. Вы мне снитесь с того самого дня. Я вас боюсь. Вы колдунья, вы что-то со мной сделали... От вас исходит такое... такое... Я все про вас узнала!

— Вот как? — Дон Жуан был весьма озадачен. — И что же вы обо мне узнали?

— Ничего хорошего! — бросила она, уставив на него сердитые серые глаза. — Мне все про вас рассказали. И что вы с матерью Гарика, и все-все... Вы ужасная женщина... Вы... Вы с мафией связаны!.. А я вот все равно взяла и пришла...

— Простите... Но кто вы?

Гостья тихонько ахнула и прижала к губам кончики пальцев.

— Вы меня не узнаете?

Он виновато развел руками.

— На заре морозной... под шестой березой... — жалобно начала она.

— Вы?

Дон Жуан попятился. Посмотрел на свои тонкие смуглые руки, на едва прикрытую грудь...

— Нет! — хрипло сказал он, в ужасе глядя на гостью. — Ради Бога... Не надо... Нет...

11. НА ЛОНЕ

Лаура:
— А далеко на севере — в Париже —
Быть может, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идет и ветер дует.
А нам какое дело?

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Неправдоподобно синяя Волга распластывалась чуть ли не до горизонта. По сравнению с ней Ахерон показался бы мутным ручейком и только, пожалуй, Стикс в том месте, где он разливается на мелководье, мог соперничать с этой огромной рекой.

— В прошлый раз... — галантно поигрывая мышцами и стараясь не распускать живот, говорил волоокий полковник, — Петр Петрович в Подмосковье пикник заказал. И все равно без нас не обошлись. Отправили мы им туда пьяного осетра...

— Пьяного осетра? — переспросил дон Жуан. Они прогуливались по теплому песку, настолько чистому, что он даже привизгивал, если шаркнуть по нему босой подошвой. В синем небе сияло и кудрявилось одинокое аккуратненькое облачко. Погоду, казалось, специально готовили к приезду высокого гостя. Кстати, впоследствии дон Жуан узнал, что так оно и было.

— Пьяного, — радостно подтвердил полковник. — Старая милицейская хитрость. Поишь осетра водкой — и в самолет. Трезвый бы он до Москвы три раза сдох, а пьяный — ничего, живехонький... А то еще под видом покрышек от "Жигулей". Свертываешь осетра в кольцо, замораживаешь, пакуешь —

і опять же в самолет. Колесо колесом, никто даже и не поду-ает...

Лицо его внезапно исказилось ужасом; живот, оставшись ез присмотра, выкатился.

— Струна! — плачуще закричал полковник. — Ты что ж смотришь? Ты погляди, что у тебя на пляже делается!

По сырой полосе песка, оттискивая полиграфически чет-ие следы, нагло прогуливалась взъерошенная серая ворона.

Заботливо промытая ночным дождем зелень взбурлила и из нее по пояс возник ополоумевший сержант милиции. Раз-ахнулся и метнул в пернатую нечисть резиновой палкой — очь-в-точь как дон Жуан в чертенка арматуриной.

— Карраха! — выругалась ворона по-испански и улетела. Следы замыли.

— Слава Богу, успели, — с облегчением выдохнул полков-ик. — А вон и Петр Петрович с генералом...

Белоснежная милицейская "молния", выпрыгивая вся из юды от служебного рвения, летела к ним на подводных крыль-х. Сбросила скорость, осела и плавно уткнулась в заранее глубленную, чтобы крылышек не поломать, бухточку. Скину-и дюралевый трапик и, любезно поддерживаемый под локо-ок тщедушным генералом, на берег сошел Петр Петрович — одрый, обаятельный старичок.

— Лавливал, голубчик, лавливал, — благосклонно погляды-ая на генерала, говорил он. — Помню, на Гениссаретском зере с Божьей помощью столько однажды рыбы поймал, что, ы не поверите, лодка тонуть начала. Но осетр — это, конеч-ю, да... Осетр есть осетр.

На трех мангалах, источая ароматный дымок, готовились шашлыки из только что пойманной рыбины.

— Пойма Волги, Петр Петрович, — заискивающе улыбаясь заглядывая в глаза, отвечал генерал. — Райский уголок.

Петр Петрович приостановился, с удовольствием вдыхая ерпкий и упоительно вкусный запах. Одобрительно поглядел а ящики дорогого французского коньяка.

— Ну это вы, голубчик, не подумавши, — ласково пожурил н. — Рай... Ну что... Рай — оно, конечно, да... Однако ж на-ерное скучно в Раю все время-то, как вы полагаете?

Дон Жуан усмехнулся. Просто поразительно, с какой лег-остью берутся рассуждать люди о таких вещах, как Рай и Ад. Им-то откуда знать, каково там!

— Нет, голубчик, кое-чего в Раю вы при всем желании не ыщете, — продолжал журчать живой старичок. — Шашлыч-а того же из осетринки, а? Из свежей, животрепещущей, мож-ю сказать. Коньячка вам опять же там никто не нальет, нет,

не нальет, даже и не рассчитывайте... И бесполо все, знаете, бесполо... А тут вот и прекрасные [illegible] — И Петр Петрович плавно повел сухой дланью в сторону смуглой рослой красавицы в бикини.

Взгляды их встретились и дон Жуан чуть не лишился чувств. Мудрые старческие глаза Петра Петровича были пугающе глубоки. Дон Жуан словно оборвался в пропасть. Захотелось изогнуться конвульсивно, пытаясь ухватиться за края, остановить падение...

Петр Петрович поспешно, чтобы не сказать — испуганно, отвернулся.

— Да, кстати... — озабоченно молвил он и, в свою очередь подхватив генерала под локоток, увлек прочь. Встревоженно шушукаясь, оба скрылись в зарослях тальника.

Все еще чувствуя предобморочную слабость, дон Жуан потрясенно глядел им вслед. Оставалось лишь гадать, кто же он — этот Петр Петрович. Должно быть, после смерти такой человек высоко вознесется, а если уж падет — то, будьте уверены, на самое дно преисподней. Глаза-то, глаза!.. Полковник сказал: из Москвы... Ох, из Москвы ли?..

Сзади под чьими-то осторожными шагами скрипнул песок. Дон Жуан хотел обернуться, но в следующий миг его крепко схватили за руки и на лицо плотно упала многослойная марля, пропитанная какой-то дурманящей мерзостью.

Очнувшись, он первым делом изучил застенок. Всюду камень, нигде ни окна, ни отдушины. Единственный выход — железная дверь с глазком. Должно быть, подземелье.

Итак, его опознали... Конечно же, не из какой он не из Москвы, этот Петр Петрович, а прямиком из-за Ахерона... Мог бы и раньше догадаться!

Да, но если дон Жуан опознан, зачем его посадили в подземелье? Не проще ли было изъять тело, а самого вернуть во второй круг? Или даже не во второй, а много глубже — за побег и угон ладьи...

Что тут можно предположить? Либо хотят изъять тело в особо торжественной обстановке, что весьма сомнительно, либо... Либо его опять приняли за кого-то другого. Ошибся же тогда чертенок...

Утешив себя такой надеждой, дон Жуан поднялся с жесткой койки и еще раз осмотрел камеру. Отсюда и не убежишь, пожалуй... Ишь как все законопатили!..

Счет времени он потерял очень быстро. Освещение не менялось. Приносившие еду охранники на вопросы не отвечали.

Наверное прошло уже несколько дней, когда в коридоре послышались возбужденные голоса и сердце оборвалось испуганно: это за ним.

Лязгнула, отворяясь, железная дверь и в камеру вошли двое. В коридоре маячило ошеломленное рыло охранника.

— А? Застенки! — ликующе вскричал вошедший помоложе и простер руку к дону Жуану. — Самые настоящие застенки! Полюбуйтесь! Держать женщину в подвале, даже обвинения не предъявив! Как вам это понравится?

Тот, что постарше, хмурился и покряхтывал.

— Почему вы знаете, что не предъявив?

— Потому что уверен! — с достоинством отозвался первый и вновь повернулся к дону Жуану. — Скажите, вам было предъявлено какое-либо обвинение?

— Нет, — с удивлением на них глядя, отозвался тот. — Генерал...

— Ге-не-рал? — Тот, что помоложе, запрокинул лицо и расхохотался сатанински. Оборвал смех, осунулся, стал суров. — Недолго ему теперь ходить в генералах. За все свои злоупотребления он ответит перед народом. Хватит! Пора ломать систему!

12. ПОД СЛЕДСТВИЕМ

Дона Анна:
— Так это дон Гуан?
Дон Гуан:
— Не правда ли — он был описан вам
Злодеем, извергом...

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

— Стало быть, никого из этих людей, — склонив упрямую лобастую голову, цедил следователь, — вы не знаете и даже никогда не встречали... Вы присмотритесь, присмотритесь!

Дон Жуан присмотрелся. Совершенно определенно, этих четверых он не встречал ни разу, а если уж совсем честно, то предпочел бы и дальше не встречать. Один — какой-то всклокоченный, с заплывшим глазом, другой коренастый, волосатый, насупленный, третий — румяный придурковато осклабившийся красавец, четвертый — громила с татуированными лапами... И, воля ваша, а веяло от всех четверых неким неясным ужасом.

— Стало быть, не видели, — помрачнев, подытожил следователь. — Ладно, уведите...

Незнакомцев увели.

— Смотрю я на вас — и диву даюсь, — играя желваками, продолжал он. — Почему вы, собственно, так уверены в своей безнаказанности? Да, генерал волевым решением поместил вас в подвал и генерал за это ответит. Как и за многое другое. Вы хотите здесь сыграть роль жертвы? Но в подвал, согласитесь, могли попасть и сообщники генерала, что-то с ним не поделившие. Вы улавливаете мою мысль?

Дон Жуан был вынужден признать, что улавливает.

— Кто такой Петр Петрович? — отрывисто спросил следователь.

— Понятия не имею.

— Имеете!

Дон Жуан смолчал. Так и не дождавшись ответа, следователь устало вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте по-другому. Ваше последнее появление. Как всегда, вы возникаете неизвестно откуда и генерал принимает вас с распростертыми объятиями. Совершенно незаконно он снабжает вас документами на имя гражданки... — Следователь неспешно раскрыл и полистал паспорт. — Гермоген... — Запнулся, словно подивившись неслыханной фамилии, затем вновь нахмурился и кинул паспорт на стол. — Поселяет вас в ведомственной квартире, снабжает роскошными туалетами... С чего бы это, Жанна Львовна? Вы уж позвольте, я буду пока вас так называть. В прошлый раз ваше имя-отчество, помнится, звучало несколько по-другому — это когда вы прибыли в город с бригадой речников, которых теперь даже узнавать отказываетесь...

"Значит, на зону... — угрюмо думал дон Жуан. — Кажется, здесь это тоже так называется... Ну что ж, не пропаду. Бегут и с зоны..."

— А куда кору дели? — с неожиданной теплотой в голосе полюбопытствовал следователь.

О Господи! И этот туда же!

— Какую еще кору?

Следователь крякнул и прошелся по кабинету. Косолапо, вразвалку, склонив голову и сжав кулаки. Мерзкая походка. Как будто тачку катит. С углем. Остановился, повернул к дону Жуану усталое брезгливое лицо.

— Ту самую, что в прошлый раз вы давали заваривать гражданке Непалимой, вашей давней любовнице. — Следователя передернуло от омерзения. — Ваше счастье, что нынешнее на-

ше законодательство гуманно до безобразия. Будь моя воля, я бы вас, лесбиянок...

Он скрипнул зубами и, протянув руку, медленно сжал кулак.

— Нет, ну это что ж такое делается! — с искренним возмущением заговорил он. — Педерастов за растление малолеток — сажают, а этим, розовеньким, даже и статью не подберешь! Нету! Ну, ничего... — зловеще пробормотал он и, подойдя вразвалку к столу, принялся ворошить какие-то бумаги. — Ничего-о... Найдется и на вас статья, Жанна Львовна. Я понимаю, вам нужно было выручить ваших дружков с буксира... Вот и выручили. И думали, небось, все концы — в воду? Ан нет, Жанна Львовна! Вы что же, полагаете, с "Богдана Сабинина" никто не спасся после того, как вы проникли в рубку и таранили баржу теплоходом? Шланги водолазам, надо полагать, тоже вы обрезали?

— Нахалку шьешь, начальник! — хрипло проговорил дон Жуан.

Лицо следователя изумленно просветлело.

— Ну вот... — вздымая брови, тихо и счастливо вымолвил он. — Вот и высветился кусочек биографии... Отбывали? Когда? Где? По какой?

"Да чего я, собственно, боюсь-то?" — с раздражением подумал дон Жуан.

— Во втором, — презрительно глядя в глаза следователю, выговорил он. — По седьмому смертному.

Несколько секунд следователь стоял неподвижно, потом у него внезапно подвихнулись колени. Сел. По выпуклому лбу побежала струйка пота.

— В горние выси мать! — Голос его упал до шепота. — Ванька?..

— Фрол?!

— Проходи, садись, — буркнул Фрол Скобеев, прикрывая дверь. — Хоромы у меня, как видишь, небогатые, ну да ладно... Погоди-ка!.. — добавил он и замер, прислушиваясь.

Похлопал по шторам, посмотрел с подозрением на стол. Наклонился, сунул руку. Под столом что-то пискнуло и забилось.

— Ага... — сказал он с удовлетворением и выпрямился, держа за шкирку извивающегося полупрозрачного чертенка.

— Чего хватаешь? Чего хватаешь? — вопила тварь, стреляя слюдяными копытцами.

Насупившись, Фрол скрылся за дверью туалета. Загрохотала вода в унитазе.

— Достали, шестерки, — мрачно пожаловался он, вернувшись. — Ну так кто первый рассказывать-то будет?

13. РАССКАЗ ФРОЛА

Лепорелло:
— А завтра же до короля дойдет,
Что дон Гуан из ссылки самовольно
В Мадрит явился...

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Уступ пылал. Рассыпавшись цепью, грешные сладострастием души истово шлепали в ногу сквозь заросли алого пламени. Пламя, впрочем, было так себе, с адским не сравнить, и обжигало не больней крапивы.

— Раз, два, три!.. — взволнованным шепотом скомандовали с правого фланга.

Фрол Скобеев с отвращением набрал полную грудь раскаленного воздуха.

— В телку лезет Паси-фая! — грянула речевка. Прокричав эту загадочную дурь вместе со всеми, Фрол не удержался и сплюнул. Плевок зашипел и испарился на лету.

— Гоморра и Со-дом! — жизнерадостно громыхнуло навстречу и из пламени возникла еще одна цепь кающихся. Далее обеим шеренгам надлежало обняться в умилении, затем разомкнуть объятия и, совершив поворот через левое плечо, маршировать обратно.

Встречная душа с собачьей улыбкой уже простерла руки к Фролу, когда тот, быстро оглядевшись по сторонам, ткнул ее кулаком под дых и добавил коленом.

— У, к-козел!.. — прошипел он безо всякого умиления.

Грешников из встречной шеренги Фрол не терпел. Особенно этого, о котором поговаривали, что он и здесь сожительствует с одним из ангелов. Ну и стучит, конечно...

Выкрикивая речевку за речевкой, кающиеся домаршировали до конца уступа. Внезапно заросли розового пламени раздвинулись и перед Фролом возник светлый ангел с широкой улыбкой оптимиста. В деснице его сиял меч.

— Грешник Скобеев?

— Так точно... — оробев, отвечал Фрол. Ангел был тот самый. О котором поговаривали.

Они вышли из пламени и двинулись к высеченному в скале ветвисто треснувшему порталу. Трещина эта появилась относительно недавно — когда в Чистилище на полном ходу сослепу врезался "Титаник".

Войдя внутрь, Скобеев опешил. Навстречу им, качнув рогами, поднялся начальник охраны второго круга. "А этому-то здесь какого дьявола надо?" — озадаченно подумал Фрол.

— Огорчаете, огорчаете вы нас, грешник Скобеев, — ласково заговорил ангел, прикрывая дверь и ставя меч в угол. — Создается такое впечатление, что в Рай вы не торопитесь. Вчера изрекли богохульство, сегодня вот плюнули... Вам, может быть, неизвестно, что за каждое нарушение накидывается еще сотня лет сверх срока? Впрочем, об этом потом...

Цокая копытами по мрамору пола, подошел начальник охраны.

— Кореш-то твой, — с каким-то извращенным удовлетворением сообщил он, — сорвался...

Ничем не выдав волнения, Фрол равнодушно почесал вырезанную на лбу латинскую литеру "Р".

— У меня корешей много...

— На пару когти рвать думали? — Хлестнув себя хвостом по ногам, глава охраны повысил голос.

— Чернуху лепишь, начальник, — угрюмо возразил Фрол.

— Ну что за выражения... — поморщился улыбчивый ангел. — Какая чернуха, о чем вы? Просто мы полагали, что вас заинтересует это известие. Но раз оно показалось вам скучным... Вы свободны, грешник Скобеев. Можете маршировать дальше — вплоть до Страшного Суда. А мы поищем другого кандидата...

— На что кандидата? — не понял Фрол.

— А вот это уже проблеск интереса, — бодро заметил ангел. — Грешник Скобеев! Скажите, как вы отнесетесь к тому, чтобы вернуться в мир и прожить там еще одну жизнь?

Ответом было тупое молчание.

— Мы предоставим вам в пользование тело, — продолжал ангел. — Хорошее тело, лет двадцати-тридцати...

В глазах Фрола забрезжило понимание.

— Ваньку, что ли, сыскать? — криво усмехнувшись, спросил он.

— Ванька — это... — Ангел посмотрел на начальника охраны. Тот утвердительно склонил рога. — Да, неплохо бы...

— А убегу?

— Куда? — удивился ангел. — Куда вы от нас убежите, грешник Скобеев? Лет через пятьдесят вы так или иначе скончаетесь и опять попадете к нам.

— А Ванька, выходит, не попадет?

— Да что ваш Ванька! — с неожиданной досадой бросил ангел. — Тут уже не в Ваньке дело... Хотя, конечно, угнать ладью Харона — это, знаете ли... скандал. До самых верхов скандал. — Он помолчал, хмурясь. — Короче, после побега вашего дружка в каптерку нагрянули с ревизией и вскрыли недостачу тел, умышленную небрежность в записях, ну, и еще кое-что... Вы понимаете, что это значит? Это значит, что через Ахерон постоянно шла контрабанда, что мы имеем дело с преступной организацией, пустившей разветвленные корни и на том, и на этом свете. Харон и бывший каптенармус сейчас находятся под следствием по обвинению в халатности. Пока. Согласитесь, что на фоне таких фактов выходка вашего друга при всей ее дерзости несколько меркнет... Словом, если вам удастся выполнить хотя бы часть того, о чем мы вас попросим, — грешите хоть до конца дней своих. В любом случае Рай вам будет обеспечен. Вам что-нибудь неясно?

— Почему я? — хмуро спросил Фрол.

— Резонный вопрос. — Ангел вновь заулыбался. — Почему именно вы... А вы нам подходите, грешник Скобеев. Взять хотя бы прижизненную вашу биографию. Ту интрижку со стольником Нардиным-Нащокиным вы, помнится, провернули очень даже профессионально. Да и после кончины показали себя весьма сообразительной личностью. Ну чего уж там, давайте честно, между нами... Ведь план-то побега — целиком ваш?

14. СНОВА ВМЕСТЕ

Дон Гуан:
— Только б
Не встретился мне сам король. А впрочем
Я никого в Мадрите не боюсь.

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

— Ну ладно, с телом — понятно, — озадаченно проговорил дон Жуан. — Но как ты в следователи-то попал?

Фрол усмехнулся. Тело ему досталось крепкое, кряжистое и, надо полагать, весьма расторопное. Но главное, конечно, мужское.

— В Москве документ выдали. Все честь по чести: следователь Фрол Скобеев. Да нас тут целая комиссия работает.

— И все из-за Ахерона?

— А ты думал!

Дон Жуан лишь головой покрутил.

— Слушай, а я ведь тебя и впрямь за судейского принял. Ловко ты...

— Наблатыкался, — ворчливо пояснил Фрол. — Да и не впервой мне... Хаживал по приказным делам, хаживал... — Он помрачнел, крякнул, поглядел сочувственно. — Тебя-то как угораздило?

— Впопыхах! — Смуглая красавица сердито сверкнула глазами. — Не трави душу. Скажи лучше, кто такой Петр Петрович.

Перед тем как ответить, Фрол вновь озабоченно оглядел комнату — не прячется ли где еще один чертенок.

— Да не Петрович, — подаваясь вперед, жутко просипел он. — Не Петрович! А просто Петр. Он же Симон. Он же Кифа... За взятки в Рай пускает, понял? Ключарь долбаный!

Плеснув обильными волосами, дон Жуан откинулся на спинку стула.

— Опомнись, Фрол! — еле выговорил он. — Какие в Раю взятки? Чем?

— Чем? — Фрол прищурился. — А пикничками на лоне природы? С шашлычком, с коньячком, с девочками, а? Вечное блаженство, оно тоже, знаешь, иногда надоедает, встряхнуться хочется... Ты думаешь, генерал зря перед ним в пыль стелется? Царствие небесное зарабатывает, шестерка! Ну он у меня заработает!..

Дон Жуан с ужасом глядел на друга.

— Фрол! Ты сошел с ума! Ты думай, под кого копаешь! Да Петр трижды Христа предал — и то с рук сошло!..

— Тише ты! — шикнул Фрол. — Я, что ли, копаю?

— А кто?

— Ну, натурально, Павел! — возбужденно блестя глазами, зашептал Фрол. — У них еще с тех самых пор разборки идут... Про перестройку слышал, конечно?

— Про что?

Фрол даже растерялся.

— Ну, знаешь... — вымолвил он. — Я смотрю, ты тут только и делал, что с полковницей своей забавлялся да с той малолеткой...

— Анну не трогай! — с угрозой перебил дон Жуан.

— Ты еще за шпагу схватись, — сказал Фрол. — Перестройка его из подвала освободила, а он о ней даже и не слышал... Ваня! Милый! Пойми! Все, что творится в этом мире, — это лишь слабый отзвук того, что делается там...

Дон Жуан озадаченно посмотрел на потолок, куда указывал крепкий короткий палец Фрола.

— Нашествия всякие, усобицы, смуты, партии-хартии... — Скобеев презрительно скривил лицо и чуть не сплюнул. — А это все та же разборка продолжается, понял? Взять хоть Россию. В нынешнем правительстве раскол почему? Одни — за Петра, другие — за Павла. Просто некоторые сами об этом не знают...

— Позволь! Я слышал, они сплошь неверующие...

— Ваня... — укоризненно молвил Фрол. — Да не будь же ты таким наивным! Грешник ты, ангел, верующий, неверующий — кому сейчас какая разница!.. За кого ты? — вот вопрос. На кого работаешь? Ты что же, до сих пор полагаешь, что идет борьба добра со злом? Рая с Адом? Это же одна контора, Ваня! Ты сам четыреста лет уголь таскал — вроде было время поумнеть! Ты слушай... Шишку в правительстве держали сторонники Петра. Ну и он, конечно, старался, чтобы протянули старички подольше, корой снабжал...

— Да что за кора такая? — не выдержав, вскричал дон Жуан. — Только и слышу: кора, кора...

— Кора древа жизни, чего ж тут не понять? Из Эдема.

— А почему не плоды?

— Плоды! — Фрол хохотнул. — Плоды все пересчитаны. С плодами строго... Весло у Харона — видел? Имей в виду, рукоятка — долбленая. Вот в нем он, собака старая, и переправлял кусочки коры на этот берег, понял? Пока баржу не пустили. А с баржей тоже история... Люди за умерших свечки ставят, панихиды заказывают. Стало быть, надо как-то участь грешников облегчить. А как? Муки-то в Аду — вечные!..

— Про бушлаты можешь не рассказывать, — предупредил дон Жуан. — Сидел, знаю.

— Ну вот... А идея была — Петра. Насчет бушлатов. И нам во втором круге малость потеплее, и ему с бригадой речников кору переправлять сподручней...

— А, это те четверо?

— Ну да. Хотя вообще-то пятеро... Подпили однажды матросики всей бригадой — да и подписали договор с похмелья. Пять душ — за ящик водки. Дурачки... — Фрол сокрушенно покачал головой. — В тела, конечно, понасажали бесов — и пошло-поехало: туда — с бушлатами, обратно — с корой.

И все правительство только на этой коре и держалось — жили черт знает по скольку... Одного не учли — народ-то все умнее становится! Сам смотри, какая цепочка: матросики передают кусок коры начальнику речпорта, тот полковнику, полковник — генералу... Ну и так далее. А у всех, обрати внимание, жены. Взять хоть эту твою полковницу. Сколько ей лет, как полагаешь?

— Двадцать два... Двадцать пять...

— А за сорок не хочешь? Вот и считай: одна себе заварила, другая заварила, пятая, десятая... И приходит кора в Кремль уже вываренная. Солома соломой... И как начали они все там мереть! Один за другим. А сторонники Павла (до этого-то они тихие были), видя такое дело, тоже зевать не стали... И вопрос сейчас: кто кого?.. Самого Петра, ты прав, нам не свалить, но шестерок его — под корень, Ваня! Под корень! Вообще, все, что было, — все под корень! Это и есть перестройка.

Дон Жуан с любопытством его разглядывал.

— Ну допустим, — осторожно сказал он. — Но тебе-то самому от всего от этого что за выгода?

— Погоди, — сказал Фрол и встал. — Погоди, дай сначала выпьем да закусим...

15. НА ПАРУ

Дон Гуан:
— ... он человек разумный
И, верно, присмирел с тех пор, как умер.

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

На столе воздвиглась хрустальная ладья с осетровой икрой, из которой торчал затейливый черенок большой серебряной ложки.

— Что пить будешь? — спросил Фрол.

— А что у тебя есть?

— А все!

— Ну вот... — Дон Жуан улыбнулся. — А говорил, живешь небогато...

— А то богато, что ли? — возразил Фрол, оглядывая комнату, обставленную с наивной трогательной роскошью. — Вот тезка твой, тот — да, тот — живет... Все жулье, что было на

крючке у генерала, теперь у него на крючке. Ну, кое-какие крохи и мне, видишь, перепадают...

— Что еще за тезка?

— Так я же тебе говорил: мы сюда из Москвы целой комиссией нагрянули... А старшим следователем у нас — Ванька Каин...

— А, это из седьмого круга?

— Ну да. Седьмой круг, первый пояс... Сыщик — дай Боже, не нам чета. Малюта еще просился, но тому, видишь, отказ вышел. Не те, говорят, времена... Не знаю, как насчет времен... — Фрол открыл резной поставец и, озадаченно нахмурясь, осмотрел заморские зелейные скляницы, — но народишко у нас, гляжу, прежний... Только что словечек нахватался да одежку сменил. Кого ни возьми — либо шпынь ненадобный, либо вовсе жулик... Вот, — сказал он с некоторым сомнением, выбирая замысловатой формы бутыль. — Романея... Владыка принес, архиерей тутошний. С генералом в пополаме работал, теперь вот, видишь, отмазывается. Ну, посмотрим...

Сосредоточенно сопя, разлил розоватое зелье в два кудрявых хрустальных кубка. Сел. Отхлебнул. В недоумении пошевелил бровями.

— Слабовато, — посетовал он. — Не иначе водой развел, плут. В подвал его посадить, что ли?..

Помолчал, повесив голову, потом вдруг раздул ноздри и, ахнув кубок залпом, со стуком поставил на стол.

— Какая выгода, спрашиваешь? — Налег широкой грудью на край стола и яростно распахнул глаза, наконец-то став хоть немного похожим на себя прежнего. — Ваня! Я почти пятерик отмотал! Я больше не хочу таскать уголь! Обрыдло, Ваня... В конце-то концов, могу я себе устроить нормальную вечную жизнь?

Он схватил бутылку за горлышко и снова набурлил себе полный кубок.

— Рай, стало быть, зарабатываешь... — задумчиво молвил дон Жуан. — Скажем, поймал ты меня, а они тебе за это — вечное блаженство?

Фрол поперхнулся.

— Не поймал... — с недовольным видом поправил он. — А нашел! Нашел и предложил вместе работать на Павла. И ты, имей в виду, согласился!

— А вот этого я что-то не припомню, — спокойно заметил дон Жуан, тоже пригубив вина, кстати сказать, весьма недурного.

— Да в превыспреннюю твою растак!.. — Фрол вскочил и неистово огляделся, ища, по славянскому обычаю, что разбить. Не найдя ничего подходящего, махнул рукой и снова сел. — Ну, может, хватит, Ваня, а? Хватит шпажонкой-то трясти? С девочки на девочку перепрыгивать — хватит?.. Не те сейчас времена, Ваня, не те! Пропадешь один! Вот те крест, пропадешь!..

— Фрол, — с жалостью глядя на друга, отвечал дон Жуан. — Ну продадут же! Кому ты поверил? Ты же их не первую сотню лет знаешь! Своих — да... Своих за шиворот в Рай тащить будут... Сам говорил: сколько баб было у Владимира Святого!..

— Не-ет... — Фрол даже отстранился слегка. В глазах — испуг. — Не должны... С чего им нас продавать? Да и кому? Петру, что ли?

— А вот увидишь! — Смуглая красавица зловеще усмехнулась и залпом осушила свой кубок. — Чуть что не так — все на нас свалят, а сами чистенькими окажутся, попомни мои слова! И ангел этот твой, и начальник охраны...

Фрол тяжко уставился на хрустальную ладью с икрой. В сомнении пожевал губами.

— А с чего ты взял, что будет не так? — спросил он вдруг и тут же повеселел. — Брось, Вань! Все будет как надо... Да тебе, между нами, и податься-то некуда... У Петра шестерок много. И все, кстати, думают, что ты давно уже на Павла работаешь...

— Это почему же?

— Почему! — Фрол ухмыльнулся. — А ладью у Харона кто угнал? Я, что ли?.. Ревизия в каптерку из-за кого нагрянула?.. Нет, Ваня, нет, друг ты мой сердешный, дорожка у нас теперь одна...

Он снова потянулся к заморской склянице.

— Фрол, а мне?.. — проскулил кто-то у порога.

Дон Жуан взглянул. В дверном проеме переминался с копытца на копытце давешний полупрозрачный чертенок.

— Пшел вон! — не оборачиваясь, сказал Фрол. — Вот хвост на кулак намотаю...

Чертенок понурился. Видно было, что его раздирают какие-то сомнения.

— Я передумал, — надувшись, пробубнил он. — Я на вас работаю...

— Работничек.. — сказал Фрол. — Сам уже не знает, на кого стучать!

— А то расскажу с чем вы тут столковывались! — пригрозил чертенок.

— Кому ты расскажешь? Я ж всех посадил!

— За Ахероном расскажу, — пискнул чертенок.

Фрол Скобеев наконец обернулся.

— Ты зачем, сукин кот, водолазам шланги перегрыз? А?! Двурушник поганый!.. Ладно, иди лакай...

Все еще хмурясь, Фрол налил вина в хрустальную миску и поставил на пол. Чертенок заурчал и, приблизившись дробным галопцем, припал к посудине. Сноровисто замелькал розовый кошачий язычок.

16. ТУТ И ТАМ

Дона Анна:
— Нет, нет. Я вас заранее прощаю,
Но знать желаю...

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Пустых зелейных скляниц на столе заметно приумножилось. Смуглая, побледневшая от выпитого красавица с ослепительной, хотя и несколько застывшей усмешкой разливала коньяк по стаканчикам.

— Ба! — сказала она, стремительно, по-мужски сыграв бровями. — Да я смотрю, у тебя целая библиотека... Вот не думал, что ты у нас еще и книжник!

— Как же без книг-то? — разлокотясь во всю ширь столешницы, хрипловато отвечал слегка уже охмелевший Фрол. — Розыск чиним по-старому, а словечки — новые... Мне без них — никак...

— "В круге первом", — склонив голову набок, с удивлением прочел дон Жуан на одном из корешков. — В Лимбе, что ли?

— В каком в Лимбе!.. — Фрол скривился. — Тут, Вань, видишь какое дело: пока мы с тобой уголек катали, на земле с дура ума тоже чуть было царствие Божие не построили. Насчет Рая, правда, врать не буду, но Ад у них вышел — как настоящий... — Фрол ухмыльнулся и лихо погасил стаканчик. — Н-но, — добавил он с презрительно-злорадной гримасой, — не их рылом мышей ловить! Тоже мне Ад! Помучался-помучался — и в ящик... Нет, ты поди до Страшного Суда в пламени помаршируй... или с тачкой во втором круге побегай... — Он зачерпнул серебряной ложкой остатки икры — и вдруг тяжко

задумался. — Но кто ж все-таки баржу теплоходом таранил, а? Этот тоже говорит: не топил...

Оба взглянули на крестообразно распластавшегося возле миски чертенка. Было в нем теперь что-то от охотничьего трофея.

— Да он бы и сам утонул, Фрол... С ладьей Харона на борту долго не проплаваешь...

— Так-то оно так... — вздохнул Фрол Скобеев. — Но, однако же, не в берег, заметь, врезался, не в мост какой-нибудь, а именно в баржу с бушлатами... Нет, Ваня, нет, милый... — Фрол помотал головой и пальцем, причем в разные стороны. — Нутром чую, рука Петра... Не теплоход они топили, а именно баржу. Ты что ж думаешь: в ней одни бушлаты плыли?.. Не знаю, как у вас в Испании, а у нас так: своровать — полдела, ты еще спрятать сумей... И прячут. Так прячут, что ни одна ищейка не найдет. В каптерке за Ахероном, понял?..

— Каптерка — ладно... — заламывая красиво вычерченную бровь, прервал его дон Жуан. — Но от меня-то вам какая польза? Я ведь не ты — по приказным делам не хаживал...

— Ишь, б-бела кость... — пробормотал Фрол и вдруг ляпнул ладонью по столу, заставив хрусталь и серебро подпрыгнуть. — Чего задаешься-то? — плачуще закричал он. — Я, если на то пошло, тоже дворянин! И ничего — кручусь...

Смолк, насупился по-медвежьи.

— Думаешь, у Петра одни дурачки собрались? — пожаловался он. — Ты посмотри, как работают! По рукам и по ногам меня связали! Баржа — на дне. Матросиков колоть — сам понимаешь, без толку: все из Злых Щелей, сами кого хочешь расколют... А главный воротила, тот, что бушлаты списывал и брильянты в них зашивал, — они ему, представляешь, инфаркт устроили... А без его показаний я ни генерала, ни полковника за жабры не возьму, можешь ты это понять?

— Пока нет, — сказал дон Жуан.

— Так помер же человек!

— Помер... Мало ли что помер! Что ж теперь — и допросить его нельзя?

Фрол моргнул раз, другой — и вдруг изумленно уставился на дона Жуана. Хмель — как отшибло. Пошатываясь, поднялся на ноги.

— А ну хватит спать! — гаркнул он, сгребая за шиворот жалобно замычавшего чертенка. — Чтобы одна нога здесь, другая — за Ахероном...

Оборвал фразу и вновь уставил на дона Жуана таинственно просиявшие глаза.

— Допросят — там... — Выдохнул он, ткнув чертенком в люстру. — А на пушку я их буду брать — здесь! — Шваркнул тварь об пол. — В-ваня!.. Дай я тебя... — Полез было через стол лобызаться, но, наткнувшись на бешеный взгляд, попятился и тяжко плюхнулся на стул. — Ваня... Прости дурака... Забыл... Ей-черт, забыл...

Невиданное нежное сияние омыло глыбастые скалы Злых Щелей, огладило торчащие из смолы головы с круглыми дырами ртов. Но никто не когтил нарушителей — бесы-загребалы и сами стояли, запрокинув завороженные рыла. Светлый ангел Божий снижался над пятым мостом. За ним, почтительно приотстав, черной тенью следовал Хвостач.

— Багор! — коротко приказал ангел, ступая на каменное покрытие и складывая белоснежные крылья.

Смола оглушительно взбурлила и вновь стала зеркально-гладкой.

Не боясь испачкаться, ангел принял страшное орудие из услужливых когтей Хвостача и, присев на корточки, погрузил багор в смолу почти на всю длину древка. Потыкал, пошарил и, удовлетворенно кивнув, умело выкинул на камни скорченную черную душу. Та вскочила, дернулась шмыгнуть обратно, но мост уже был оцеплен загребалами.

Ангел не глядя отдал багор Хвостачу. Видно было, как с ладоней небесного посланника не в силах противиться свету истины исчезают смоляные пятна.

— Нет, ты понял?.. — расстроенно шепнул Тормошило Собачьему Зуду.

— А чего?..

— Да душа-то — та самая... Из-за которой у меня тогда разборка вышла... Неужели заберут? Ну, такого еще не было...

— Да нет... — рассудительно прошептал Собачий Зуд. — Ангел-то другой... Вроде, из наших...

— Могли и сговориться, — буркнул Тормошило.

Ангел взял затравленно озирающуюся душу под смоляной локоток и отвел в сторонку. Приподняв левое крыло, извлек из-под мышки нездешнюю с виду бумагу.

— Ознакомьтесь, грешник Склизский...

Осторожно, чтобы не закапать смолой документ, душа приблизила лицо к бумаге. Прочла и, спрятав руки за спину, решительно замотала головой.

— Вас что-нибудь не устраивает? — ласково осведомился ангел.

— Тут двадцать первое, — тыча смоляным пальцем в дату, хрипло сказала душа. — А я скончался двадцать второго... Не подпишу.

— Вам так дороги ваши сообщники? — задушевно спросил ангел. — Напели, небось, про вечное блаженство, а сами подстроили инфаркт, опустили в смолу...

Душа нахохлилась и пробормотала что-то вроде:

— Дальше не определят...

— Это верно, — согласился ангел. — Определить вас дальше Злых Щелей никто не имеет права. Вы не предатель, вы — всего-навсего мздоимец. А вот ближе...

Душа медленно подняла голову и недоверчиво воззрилась на ангела.

— Все дело в мотивации ваших поступков, — пояснил тот. — Мне вот, например, кажется, что взятки вы брали вовсе не из любви ко взяткам как таковым, а исключительно из жадности. Можно даже сказать, из скупости. А скупцы, как вам известно, обретаются в третьем круге. Тоже, конечно, далеко не Эдем: дождь, град... Но не смола же!

Душа для виду покочевряжилась еще немного — и попросила перо для подписи...

Сначала воспарил ангел, потом канул в черное небо и недовольный Хвостач, унося грешника Склизского в сторону третьего круга.

— Ну что хотят — то творят! — Тормошило сплюнул и в сердцах ударил багром по каменному покрытию.

17. НА ПРИЦЕЛЕ

Дон Гуан (целуя ей руки):
— И вы о жизни бедного Гуана
Заботитесь!

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Автоматная очередь наискось вспорола лобовое стекло и ослепленный шофер что было сил нажал на тормоза. Завизжали покрышки, машину занесло и ударило багажником о придорожный столб.

Фрол сидел рядом с шофером, дон Жуан — на заднем сиденье, и выбрасываться пришлось вправо, на мостовую, прямо под автоматы лихих людей. Катясь по асфальту, дон Жуан успел узнать в одном из них мордастого кабальеро, которого он вытянул когда-то вдоль спины арматуриной. Второй ему был незнаком.

Затем в промежутке между убийцами засквозило зыбкое сияние, быстро принявшее очертания светлого ангела. Дон Жуан видел, как различимый лишь его привычному глазу ангел раскинул руки и, взявшись за стволы, резко вывернул их вверх и в стороны. Обе очереди ушли в стену. Душегубы ошалело уставились на бьющиеся, вставшие дыбом у них в руках автоматы, что-то, видно, сообразили и, бросив оружие, кинулись наутек.

Сзади страшно ухнула машина, обращаясь в косматый воющий факел наподобие тех, что бродят, стеная, в восьмом круге.

— Ты видел? — ликующе заорал Фрол, вскакивая с асфальта. — Ангела видел?

Лицо его было посечено осколками.

— А чему ты радуешься? — буркнул дон Жуан, держась за разбитое колено.

Но Фрол его даже и не услышал.

— Вот это мы их достали, Ваня! — в полном восторге захлебывался он. — Вот это мы им разворошили муравейничек! Убийц подослали — надо же!

— Имей в виду, мордастого я знаю, — сказал дон Жуан.

— Да кто ж его, дурака, не знает? Ты второго бойся! Небритого. Знаешь это кто? Борода, десятник из Злых Щелей! Речник с буксира. Четверых-то я заарестовал, а этот ушел, черт перепончатый!.. В общем, Ваня, считай: царствие небесное мы себе уже обеспечили... Ангел-то, а? Как он им стволы развел!..

— Ладно, — сказал дон Жуан, сгибая и разгибая ногу. — Пойду я.

— Куда?

— С Анной попрощаться. А то, знаешь, ангел этот твой... Сегодня успел стволы развести, завтра не успеет...

Он повернулся и захромал прочь, огибая воющее пламя.

— Вань! — окликнул его Фрол.

Дон Жуан обернулся.

— Слушай... — Окровавленная физия Фрола была несколько глумлива. — А у тебя с этой малолеткой... Неужто ничего и не было? Так все стишки и читаете?..

Дон Жуан оскорбленно выпрямился и похромал дальше.

Фрол только головой покачал, глядя ему вослед. Потом вздохнул завистливо и пошел посмотреть, что там с шофером.

Пустынный скверик так вкрадчиво шевелил листвой, что за каждым деревом невольно мерещился душегуб с автоматом. За чугунным плетением невысокой ограды шумела улица.

— Почему в последний раз? — испуганно спрашивала русенькая сероглазая Анна. — Тебя снова хотят арестовать?.. Слушай, Жанна, у тебя платье порвано... И здесь тоже...

Смуглая рослая красавица пристально оглядывала ограду. Стрелять по ним удобнее всего было именно оттуда, с улицы.

— Зря я тебя сюда вызвал, — процедила она наконец. — Со мной сейчас гулять опасно...

— Не вызвал, а вызвала... — машинально поправила Анна. — А почему опасно?

Смуглая красавица не ответила и, прихрамывая, двинулась дальше.

— Слушай, Анна... А прочти-ка ты что-нибудь напоследок!

— О дон Жуане? — беспомощно спросила она, тоже невольно начиная озираться.

Дон Жуан остановился, всмотрелся с улыбкой в ее маленькое, почти некрасивое личико. Глаза, одни глаза...

— Я смотрю, ты много о нем знаешь... А скажи: слышала ты что-нибудь о таком Фроле Скобееве?

Анна удивилась.

— Да, конечно. Это следователь из Москвы. Но его, говорят, скоро самого посадят...

— Да нет, я о другом... У вас в России лет четыреста назад жил дворянин Фрол Скобеев...

Анна мучительно наморщила лоб.

— Не помнишь? А ходок был известный. Стольничью дочь соблазнил. Тоже, кстати сказать, Анной звали... О нем даже повесть осталась. Так и называется — "Повесть о Фроле Скобееве"...

— Ой... — виновато сказала Анна. — Что-то слышала...

— Странный вы, ей-богу, народ, — молвил он задумчиво. — Чужих знаете, своих — нет... Так что ты хотела прочесть?

— Это из Бодлера, — словно оправдываясь, сказала Анна. Помолчала, опустив голову, и замирающим, как от страха, голосом начала:

Едва лишь дон Жуан, придя к реке загробной
И свой обол швырнув, перешагнул в челнок...

Строки ошеломили. Скверик исчез. Снова заклубился белесый туман над рекою мертвых, надвинулось вплотную шерстистое рыло Харона, зазмеился вкруг злобных очей красный пламень, мелькнуло занесенное весло...

А голос звучал:

... За ними женщины в волнах темно-зеленых,
Влача отвислые нагие телеса,
Протяжным воем жертв, закланью обреченных,
Будили черные, как уголь, небеса...

И распахнулись впереди угольные карьеры второго круга, встали обглоданные ветром скалы, закрутились черные вихри...

Анна увлеклась. Негромкий надломленный голос забирал все выше:

... И рыцарь каменный, как прежде гнева полный,
Взрезал речную гладь рулем, а близ него,
На шпагу опершись, герой смотрел на волны,
Не удостаивая взглядом никого...

Анна умолкла и вопросительно посмотрела на подругу. Та стояла неподвижно. В ослепших, отверстых глазах ее клубилась жуткая угольная мгла.

— Жанна!..

Смуглая рослая красавица прерывисто вздохнула, но глаза все еще оставались незрячими.

— Жанна, что с тобой?

— Не так... — поразил Анну хриплый сдавленный шепот. — Все не так... Шпага... Какая шпага после шмона?.. Нас в этот челнок веслом загоняли, Анна...

Она попятилась и в ужасе всмотрелась в искаженное страданием надменное смуглое лицо.

— Ты — ?..

Ответом была жалкая судорожная усмешка.

— Я... Прости... Так вышло...

За низкой оградой сквера заливисто заржали тормоза, хлопнула автомобильная дверца и над чугунным плетением возникло заплатанное матерчатыми наклейками лицо Фрола.

— Ага! — сказал Скобеев и, перемахнув ограду, беглым шагом пересек газон. — Время вышло, свидание кончено! Давай в машину, Ваня! Ох, и кашу мы с тобой заварили...

18. НА ВОЗДУСЯХ

Лепорелло:
— Всех бы их,
Развратников, в один мешок да в море.

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

— Гони сразу в аэропорт! — плюхнувшись на сиденье, приказал Фрол шоферу, чье круглое лицо тоже обильно было залатано пластырем. — Ну ты как чувствовал! — бросил он через плечо дону Жуану. — Проститься хоть успел?

Машина рванула с места. Не отвечая, дон Жуан припал к темному заднему стеклу, пытаясь разглядеть напоследок растерянное бледное лицо Анны.

— И как ее вообще занесло в этот мир? — печально молвил он.

— Как занесло, так и вынесет, — сердито ответил Фрол. — Все там будем... В общем так, Ваня: в Москву летим...

— Позволь... Что нам там понадобилось?

— Нам — ничего. Мы понадобились... Слишком крепко хвост Петру Петровичу прищемили, понял? Думаешь, у нас у одних лапа в Москве? Там до сих пор его шестерок — полный Кремль!.. Да и тут их тоже хватает. В один день целый чемодан ябед настрочили, веришь? И взятки-то я беру, и по морде бью...

— А что, не бьешь?

— Н-ну... случается иногда. Они, что ли, не бьют?.. На Каина Ваньку вон на восемнадцати листах телегу толкнули! А тут еще речники эти!..

— Это в которых бесы?

Фрол обернулся и, укоризненно посмотрев на дона Жуана, шевельнул глазом в сторону водителя. Дескать, что же ты при посторонних-то...

— Пришло, короче, распоряжение, — буркнул он. — Всех погрузить в один самолет — и в Москву на доследование...

Машина выбралась на прямое шоссе и, наращивая скорость, ринулась к аэропорту.

Салон самолета заполнялся быстро. Дон Жуан лишь успевал крутить головой. Похоже, здесь решили собраться все, кого он узнал в этом мире: тщедушный рыжева-

тый генерал, дородный волоокий полковник (оба в штатском), испуганная пепельная блондинка — жена полковника... Были, впрочем, и личности, дону Жуану вовсе не знакомые — то и дело осеняющий себя крестным знамением архиерей и еще какой-то мрачный, широкоплечий, о котором Фрол шепнул, что это и есть старший следователь Иван Каин.

Потом ввели под руки четверых речников. С ними явно творилось что-то странное. Идиотически гмыкая и норовя ополэти на пол, они хватали что ни попадя и роняли слюну. Дон Жуан встретился взглядом с татуированным громилой и содрогнулся, увидев безумие в глазах речника.

— Что с ними? — шепнул он.

— А ты не понял? — мрачно ответил Скобеев. — Подловили меня с этими речниками! Взяли да и отозвали из них бесов. Тело — здесь, а души в нем — нет, вот так! Ни бесовской, ни человеческой... Открываем утром камеру, а они сидят пузыри пускают... Ну а на меня, конечно, поклеп: дескать, накачал барбитуратами до полной дурости...

— Чем накачал?

— А!.. — Фрол раздраженно дернул щекой и умолк.

Последними в салон впустили мордастого кабальеро и пятого речника, судя по поведению, все еще одержимого бесом по кличке Борода. Каждый был скован за руку с большим угрюмым милиционером.

Вообще, как заметил дон Жуан, представители власти в большинстве своем хмурились. Подследственные же, напротив, глядели с надеждой, а то и злорадно усмехались втихомолку.

Больше, видимо, ждать было некого. Люк закрыли. Самолет вздрогнул и двинулся, влекомый тягачом, к взлетной полосе.

Как выяснилось, Фрол тоже летел впервые. В прошлый раз комиссия добиралась из Москвы поездом.

— Черт его знает... — ворчал он, то и дело привставая и силясь заглянуть в круглое окошко. — Не то летим, не то на месте стоим... Что там снаружи-то?

Дон Жуан (он сидел у иллюминатора) выглянул. Снаружи синело небо, громоздились облачные сугробы и колебалось серебристое крыло. Ныли турбины.

— Рай, — сообщил он. — Четвертое небо пролетаем.

— Да иди ты к бесу! — обиделся Фрол. — Смотри, дошутишься...

И тут в проходе между парами кресел словно взорвалась слепящая молния. По отпрянувшим лицам пассажиров скользнули изумрудные и алмазные блики. Два разъяренных космокрылых ангела возникли в салоне. Голоса их были подобны грому.

— Кто ни при чем? Ты ни при чем? — орал ангел в растрепанных изумрудных одеждах. — А тот? Вон тот, у окошка?..

Он ухватил второго за взъерошенное лучезарное крыло и поволок по проходу — туда, где, обомлев, вжимались затылками в спинки кресел дон Жуан и Фрол.

— Вот это! Это! Это!.. — остервенело тыча перстом в грудь дона Жуана, изумрудный зашелся в крике. — Вот это кто здесь сидит?! Почему он здесь?..

— Который? Этот? — заорал в ответ светлый ангел, тоже воззрившись на дона Жуана. — Да он же... Он же сам бежал! Из второго круга! Угнал у Харона ладью — и бежал!..

— Ах сам?.. — задохнулся изумрудный. — Ладно!.. А этот? Вот этот, этот, рядом! Он сейчас в Чистилище, на седьмом уступе маршировать должен! Что он здесь делает?..

Светлый ангел открыл было рот, но, видно, ответить ему было нечего, потому что он вдруг обернулся в раздражении и обрушился на пассажиров, чей визг и вправду мог отвлечь кого угодно.

— Да перестаньте визжать! — грянул он. — Все равно самолет сейчас войдет случайно в зону маневров и будет по ошибке сбит противовоздушной ракетой!..

Визг на секунду прервался, затем взвился вновь — громче прежнего. Прикованный к потерявшему сознание милиционеру Борода приподнялся на сиденье и с ухмылкой оглядел обезумевший салон.

— Так а чего я сижу тогда? — весьма развязно спросил он у ангела в зеленых одеждах.

Далее из небритого речника, никого уже не стесняясь, выбрался и с наслаждением распрямил нетопырьи крылья черный бес, чье рыло и впрямь было на редкость косматым — даже по меркам Злых Щелей.

— В общем, пошел я... — сказал он и махнул прямо сквозь переборку наружу.

Небритый речник загыгыкал и уставил на беснующихся пассажиров невинные круглые глаза идиота.

Дон Жуан и Фрол медленно повернулись друг к другу.

— Ну что, Ваня... — беспомощно вымолвил Фрол. — Бог даст, на том свете свидимся...

19. ТОТ СВЕТ

Лепорелло:
— ... что тогда, скажите,
Он с вами сделает?
Дон Гуан:
— Пошлет назад.
Уж верно, головы мне не отрубят.

А. С. Пушкин, "Каменный гость"

Над рекою мертвых стоял туман — слепой, как бельмы. В страшной высоте из него проступали огромные знаки сумрачного цвета:

ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ!

Нигде ни души. Видимо, Харон только что отчалил. Нагие жертвы авиационной катастрофы, стуча зубами и прикрываясь с непривычки, жались друг к другу и в ужасе перечитывали грозную надпись. То и дело кто-нибудь, тоскливо оскалясь, вставал на цыпочки и тщетно пытался различить противоположный берег. Кто-то рыдал. Кто-то и вовсе выл.

На Фрола Скобеева было жутко смотреть. Вне себя он метался по склону и потрясал кулаками.

— Продали! — бешено кричал он. — Ваня, ты был прав! Продали, в горние выси мать! За медный грошик продали!..

Дон Жуан, которому смерть вернула прежний — мужской — облик, стоял отдельно от всех. Губы его беззвучно шевелились. "На заре морозной... под шестой березой..."

— Жанна Львовна... — робко позвал кто-то. — Это ведь вы, Жанна Львовна?..

Дон Жуан обернулся. Перед ним стояла изможденная невзрачная душа с жалобными собачьими глазами, в которой он с трудом признал полковника Непалимого.

— Вы, я гляжу, на второй срок... — с заискивающей улыбкой проговорила душа полковника. — А не знаете... сколько дадут?

— Всем поровну! — злобно ощерился через плечо Фрол Скобеев.

Душа вздрогнула и со страхом уставилась на Фрола.

— Я... понимаю... — сказала она. — А... куда?..

Так и не дождавшись ответа, понурилась и побрела обратно, в толпу, где уже заранее слышались плач и скрежет зубовный.

— По какому ж мы теперь греху с тобой проходим? — процедил Фрол, всматриваясь с ненавистью в блеклый туман над темными водами. — У тебя побег, да еще и угон ладьи... Мне, наверное, тоже побег пришьют, чтобы отмазаться... Оскорбление божества?

Дон Жуан прикинул.

— Седьмой круг, третий пояс?.. Позволь, а в чем оскорбление?

— Ну как... Бог тебе судил быть в Аду, а ты бежал. Стало быть...

Оба замолчали подавлено. В третьем поясе седьмого круга располагалась раскаленная песчаная пустыня, на которую вечно ниспадали хлопья палящего пламени...

— Да еще, может быть, сеянье раздора навесят, — расстроенно добавил Фрол.

— Между кем и кем?

— Между Петром и Павлом, понятно! А это уже, Ваня, прости, девятый ров восьмого круга. Расчленят — и ходи срастайся. А срастешься — по новой...

— Не трави душу, Фрол, — попросил дон Жуан. — В Коцит не вморозят — и на том спасибо!

— А почему нет? С них станется... А то и вовсе влепят вышку по совокупности деяний — и вперед, в пасть к Дьяволу!

— Да полно тебе чепуху-то молоть! — уже прикрикнул на него дон Жуан. — Что ж они, Иуду вынут, а тебя вставят?

Берег, между тем, заполнялся ждущими переправы тенями. Слышались рыдания и злобная брань. Потом подвалила еще одна толпа — тоже, видно, жертвы какой-нибудь катастрофы...

Харон запаздывал. Как всегда.

За Ахероном их построили, пересчитали и повели колонной сквозь неподвижные сумерки Лимба. Местность была пустынна. Обитатели круга скорби страшились приближаться к этапу. А то, не дай Бог, загребут по ошибке и ничего потом не докажешь...

Фрол и дон Жуан шли рядом.

— Не обратил внимания: у Харона ладья новая или все-таки старую подняли? — хмуро спросил дон Жуан. Не то чтобы это его и впрямь интересовало — просто хотелось отвлечься от дурных предчувствий.

— Новая, — буркнул Фрол. — Старая вся изрезана была. Именами. Я там тоже, помню, кой-чего в прошлый раз нацарапал...

Колонна брела, оглашая сумрак стонами и всхлипами. В присутствии рогатых конвоиров выть уже никто не решался, поэтому вести разговор пока можно было без опаски — не таясь, но и не напрягая голоса.

— Знаешь, что еще пришить могут? — озабоченно сказал Фрол. — Подделку естества. Восьмой круг, девятый ров...

— Что в лоб — что по лбу... — Дон Жуан криво усмехнулся.

Дорога пошла под уклон. Недвижный до этого воздух дрогнул, заметались, затрепетали знобящие ветерки. Сумрак впереди проваливался в непроглядную угольную тьму.

Достигнув скалы, на которой, оскалив страшный рот, грешников ждал Минос, колонна заколебалась и расплылась в толпу. Наученные горьким опытом первого срока дон Жуан и Фрол сунулись было вперед, пока злобный судия еще не утомился и не пошел лепить Коцит всем без разбору. Но тот одним движением длинного, как бич, хвоста отодвинул обоих в сторону.

— Плохо дело... — пробормотал Фрол. — Напослед оставляет...

По земной привычке лихорадочно облизнул навсегда пересохшие губы и огляделся.

— Слушай, а где архиерей? — спросил он вдруг. — И в ладье я его тоже не видел...

— В Раю, надо полагать, — нехотя отозвался дон Жуан. — Будь у нас такая лапа, как у него...

Минос уже трудился вовсю. Наугад выхватывал очередную душу, ставил рядом с собой на скалу и, невнимательно выслушав, хлестко, с маху обвивал ее хвостом. Количество витков соответствовало порядковому номеру круга. Затем следовал мощный бросок — и душа, вскрикнув от ужаса, улетала во тьму. Толпа таяла на глазах.

— Ого!.. — испуганно бормотал Фрол. — Глянь, генерала в Злые Щели засобачили! Хотя сам виноват... Эх, а полковника-то!..

Вскоре впадина под судейской скалой опустела. Фрол и дон Жуан остались одни. Минос подцепил хвостом обоих сразу, что уже само по себе было нехорошим предзнаменованием: преступный сговор — как минимум...

Гибкий мощный хвост взвился, рассекая воздух, и опоясал их первым витком, безжалостно вмяв друг в друга. Раз... Второй виток. Два... Обмерли, ожидая третьего.

Третьего витка не последовало. Не смея верить, покосились на Миноса.

Тот опасливо поворочал глазами и повел хвостом, приблизив грешников вплотную к оскаленной пасти.

— Значит так, парни... — хрипло прошептал он, стараясь не шевелить губами. — Поработали хорошо, но больше пока ничего для вас сделать не можем... И так шуму много... Потаскаете до времени уголек — а там видно будет...

Хвост развернулся, как пружина, и оба полетели во тьму.

— Так это что же?.. — кряхтя после удара оземь, проговорил Фрол. — Выходит, Минос тоже на Павла работает?..

— Выходит, так... — болезненно морщась, откликнулся дон Жуан.

Оба поднялись на ноги. Хлестнул страшный с отвычки, насыщенный угольной пылью ветер. Ожгло стужей. Вокруг чернели и разверзались карьеры второго круга. Навстречу порожняком — в тряпье, в бушлатах — брела вереница погибших душ.

— До времени... — недовольно повторил Фрол слова Миноса. — До какого это до времени?

Не отвечая, дон Жуан обхватил руками мерзнущие плечи.

— Слушай, зябко без бушлатика-то... — пожаловался он.

— Одолжат, — сквозь зубы отозвался Фрол, вытаскивая из общей груды тачку полегче и покрепче. — Попросим — одолжат. Мы ж с тобой, считай, по второй ходке...

АВТОРСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Никогда эта забегаловка чистотой не блистала. На аренду их перевели, что ли? Стекла — сияют, столики — в бликах, из граненых стаканчиков торчат алые мордашки тюльпанов.

И при всем при том ни одного посетителя.

Светлана невольно задержалась на пороге, ожидая неминуемого окрика: "Ну куда, куда?! Вот народ! Видят же, что банкет, и все равно лезут!" Но Игорь твердой рукой подхватил ее под локоток и пришлось войти.

Господи! Мало ей предстоящего разговора!.. Сейчас он сцепится с персоналом и начнет доказывать с пеной у рта, что в таких случаях вешают плакатик. С надписью: "Банкет". Или даже: "Извините, банкет". И будет, конечно, прав...

Однако никто никого не окликнул и супруги беспрепятственно прошли к одному из столиков. Усадив Светлану, Игорь сел напротив. Переговоры на высшем уровне... Строгий серый костюм-тройка, бледное злое лицо, бескровные губы упрямо сжаты... И брюки на коленях поддернуть не забыл.

— Ну? — с вызовом сказала Светлана.

Игорь молчал. Видимо, раскладывал предстоящий разговор на пункты и подпункты. Из глубины помещения к столику приближалась официантка в кружевном нейлоновом передничке. Официантка — в забегаловке? Что-то новое...

— Два фруктовых коктейля, если можно, — процедил Игорь, не повернув головы.

"Сейчас она нас обложит", — подумала Светлана.

К ее удивлению официантка — плечистая баба с изваянным склоками лицом — ответила улыбкой. Проще говоря, обнажила зубы, как бы собираясь укусить, но не укусила — пошла выполнять заказ.

Да что это с ними сегодня?

— Ты знаешь, — тусклым ровным голосом заговорил наконец Игорь, — что разводиться нам сейчас нельзя никак. Времена — временами, а с аморалкой по-прежнему строго...

Нахмурился и умолк, недовольный началом. Светлана нервно потянулась к сумочке с сигаретами, но тут же вспомнила, что здесь не курят.

— На развод я, по-моему, еще не подавала.

На скулах Игоря обозначились желваки. Он заметно исхудал за последние два месяца. В лице его определенно появилось что-то от насекомого. И эта новая привычка вытягивать шею, когда злится...

— Да, — отрывисто сказал он. — Не подавала. Тем не менее все уже знают, что живешь ты у подруги. У этой, у своей... У Лидочки...

— Та-ак... — Прищурившись, Светлана откинулась на спинку стула. — Понимаю... То есть ради твоей блестящей карьеры я должна вернуться домой и изображать семейное счастье?..

Она запнулась, потому что в этот миг что-то произошло. Вернее, не то чтобы произошло... Как-то все вдруг прояснилось перед глазами: сахарно сверкнула мини-скатерка в центре столика, веселее заиграли грани стаканчика, вздрогнул налившийся алым тяжелый хрупкий тюльпан.

Не понимая, в чем дело, Светлана растерянно обвела взглядом посветлевшее помещение. В дверях стоял посетитель — небрежно одетый мужчина лет сорока.

Склонив проплешину, он внимательно смотрел на супругов. Мятые матерчатые брюки, расстегнутый ворот рубашки. И в домашних шлепанцах, что поразительно...

— Да, — упрямо повторил Игорь. — Должна. В конце концов существуют определенные обязанности...

Фраза осталась незаконченной — отвлекло шарканье шлепанцев по линолеуму. Странно одетый посетитель направлялся к ним. Не извинившись, не поздоровавшись, он отставил стул, сел за столик третьим и бесцеремонно принялся разглядывать Светлану.

Игорь резко выпрямился.

— В чем дело? — севшим от бешенства голосом осведомился он. — Кругом масса свободных столиков! Вы же видите: мы разговариваем...

Подсевший обернулся и посмотрел на него с невыразимой скукой.

— Надоел ты мне — мочи нет, — произнес он сквозь зубы. И, посопев, добавил ворчливо: — Пошел вон...

Игорь вскочил. Светлана быстро опустила голову и прикрыла глаза ладонью. "Господи, скандал, — обреченно подумала

она. — Сейчас ведь милицию начнет звать, придурок..." Она отняла ладонь и увидела нечто невероятное: Игорь шел к дверям. Шел как-то странно — то и дело пожимая плечами, возмущенный и ничегошеньки не понимающий. На пороге оглянулся ошарашенно, еще раз пожал плечами — и вышел.

Широко раскрыв глаза, Светлана повернулась к незнакомцу и встретила исполненный понимания взгляд.

— Представляю, как он надоел вам, Светлана...

— А-а, — разочарованно протянула она и губы ее презрительно дрогнули. — Вы — его начальник?

— Начальник? — Мужчина нахмурился и озадаченно поскреб проплешину. — Ну, в каком-то смысле...

— Да в любом — спасибо, — с чувством сказала она. — Вы даже не представляете, от какою кошмарного разговора вы меня избавили. И все-таки: кто вы такой?

Мужчина неловко усмехнулся и принялся стряхивать со светлых матерчатых брюк следы табачного пепла.

— Автор, — сказал он, скроив почему-то страдальческую физиономию.

На стол беззвучно опустились два высоких стакана с коктейлем.

— Спасибо, Маша, — сказал мужчина и официантка — все с той же застывшей улыбкой вампира — странно пришаркивая, отступила на три шага и лишь после этого сочла возможным повернуться к посетителям спиной.

— Простите, а... автор чего? — Светлана не выдержала и засмеялась. Что-то забавное и непонятное творилось сегодня в отмытой до глянца забегаловке.

— Вообще... — уныло шевельнув бровями, отозвался мужчина. Брови у него были развесистые и неухоженные. — Всей этой вашей истории... Замужества вашего, развода...

— Простите... как?

Мужчина вздохнул.

— Я понимаю, — мягко и проникновенно проговорил он. — Для вас это звучит дико, пожалуй, даже оскорбительно... И тем не менее вся ваша жизнь — это неоконченная повесть. Моя повесть... Не сердитесь, Светлана, но вы персонаж и придуманы мною...

Тут он замолчал и в недоумении уставился на собеседницу. Трудно сказать, какой именно реакции он ожидал, но Светлана слушала его с тихим восторгом. Потом поманила пальцем.

— А вы докажите, — радостно шепнула она в большое волосатое ухо.

— Что?

— Докажите, что вы — автор...

Мужчина негодующе выпрямился.

— Черт знает что такое! — сообщил он куда-то в пространство. — Ну вот почему вы сейчас не расхохотались? Вы должны были звонко расхохотаться! Причем запрокинув голову...

— Я ее в другой раз запрокину, — шепотом пообещала Светлана. — А вы тоже зубы не заговаривайте. Вы докажите.

— Как?

— Устройте потоп, — не задумываясь предложила она. — Вам же это просто. Вы же автор. "Вдруг начался потоп..."

— Никакого потопа не будет! — сердито сказал мужчина. — Потоп ей!..

— То есть как это не будет? — оскорбилась Светлана. — А как же Воннегут взял своего героя и...

— Воннегут — фантаст.

— А-а... — Светлана сочувственно покивала. — А вы, значит, реалист? — Она со вздохом оглядела забегаловку и вдруг оживилась. — Так это вы из-за меня тут приборку устроили?

Мужчина не ответил. Некоторое время он сидел отдуваясь, потом с силой вытер ладонью внезапно вспотевший лоб.

— М-да... — сказал он наконец. — Трудно с вами, Светлана. Очень трудно... То есть никогда не знаешь, что вы отколете в следующий момент...

— Да я и сама не знаю, — утешила она.

— Вот видите... — с упреком сказал мужчина. — А у меня весь сюжет по швам затрещал, когда вы ушли жить к Лидочке.

— Как Татьяна у Пушкина, — преданно глядя на собеседника, подсказала Светлана. — Взяла и выскочила замуж, да?

— Слушайте, да что это вы меня все время в краску вгоняете? — возмутился незнакомец. — Сначала — Воннегут, а теперь вот — Пушкин!..

Он насупился и принялся хлопать себя по карманам

— Ну вот... — раздосадованно сообщил он. — Конечно, забыл курево на машинке!.. Угостите сигаретой, Светлана. У вас там в сумочке болгарские...

Светлана оторопела, но лишь на секунду.

— А вы видели, как я их покупала, — с вызовом объявила она. Видели-видели, не отпирайтесь! Я вас тоже, кстати, тогда заметила! Еще подумала: что это за придурок на той стороне в шлепанцах... Ой! — Она запоздало шлепнула себя по губам. — Не обижайтесь... Ну, соврала, ну, не видела я вас... Правда, не обижайтесь, возьмите сигарету... Только спичек у меня нет. И здесь не курят.

— М-да... — мрачно повторил мужчина и оглянулся. — Валя! — позвал он.

— Маша, — поправила его Светлана.

— Что?

— В прошлый раз вы назвали ее Машей, — тихо пояснила Светлана.

— Серьезно? — Мужчина подумал. — А, ладно! Потом вычитаю и выправлю... Маша, огоньку бы нам...

Официантка беспрекословно принесла пепельницу со встроенной в нее зажигалкой.

— Сколько вы им заплатили? — с любопытством спросила Светлана, когда официантка ушла. — Слушайте!.. — ахнула она. — А как же вы с Игорем-то, а? Только не вздумайте рассказывать, что он тоже взял на лапу! Он хоть и крохобор, а принципиальный!..

— Давайте помолчим, Светлана, — попросил мужчина. — Закурим и помолчим... Такой хороший был задуман диалог — и что вы с ним сделали?

Они закурили и помолчали. Светлана изнывала, влюбленно глядя на незнакомца, и все ждала продолжения. А тот хмурился — видно, приводил мысли в порядок. Сигарета его заметно укорачивалась с каждой затяжкой.

— И как это меня угораздило вас такую выдумать! — раздраженно сказал он. Затем передохнул и продолжал более спокойно: — Видите ли, Светлана, по замыслу это должна была быть... А, черт! Словом, повесть о трудностях и проблемах молодой семьи, из которых семья, естественно, выходит окрепшей... ну, и так далее. Причем вам, учтите, отводилась роль отрицательной героини...

— Да я думаю! — с достоинством сказала она. — Я ж не мымра какая-нибудь!

Мужчина крякнул и погасил сигарету.

— Вот... — стараясь не выходить из себя, продолжал он. — Я даже выдам вам один секрет: у вас был прототип, Светлана. Моя бывшая жена... Да нет, вы не улыбайтесь, вы не улыбайтесь, вы слушайте!... Может быть, я поступил наивно, не знаю... Словом, я собрал воедино все качества моей бывшей супруги, из-за которых я с ней развелся, и слепил из этих качеств вас. Что же касается Игоря... Ну, здесь прямо противоположный случай! Я наделил его теми чертами, которыми хотел бы обладать сам: деловит, подтянут, принципиален...

— А я в конце перековываюсь? — жадно спросила Светлана.

— Да, — как-то не очень уверенно ответил мужчина. — Во всяком случае вы должны были понять, что ведете себя неправильно... Черта лысого вы поняли! — взорвался он вдруг. — Вы оказались чуть ли не единственным живым человеком во

всей повести! Причем настолько живым, что я уже и не знаю, как с вами быть...

— А как с Анной Карениной, — подсказала Светлана. — Раз — и под поезд... Ой, простите, опять я... Больше не буду! Честное слово, не буду!..

Но, к счастью, мужчина ее просто не услышал. Уныло вздымая неухоженную бровь, он поигрывал соломинкой в нетронутом фруктовом коктейле.

— Вот такая получается чепуха... — мрачно подытожил он. — Хотел выявить негативное явление, а в итоге... Смешно сказать, но я вас где-то даже полюбил...

"Ага, — удовлетворенно отметила про себя Светлана, — давно бы так. Только не в моем ты вкусе, дядя. И вообще ни в чьем..."

— Но вы не поверите, Светлана, — с неожиданной силой в голосе и с ужасом в глазах проговорил вдруг незнакомец, — как мне осточертел этот Игорь! Этот ваш супруг! Вчера я поймал себя на том, что уже нарочно его уродую. Вы вспомните, ведь вначале он был даже красив, черт возьми! А теперь?

— Д-да, действительно, — ошеломленно поддакнула Светлана, впервые ощутив некий холодок под сердцем. — На богомола стал похож, шею тянет...

— Вот видите, — удрученно кивнул автор. — Значит, и вы заметили...

"Эй, Светка!" — испуганно одернула она себя и оглянулась по сторонам, словно ища поддержки. Забегаловка была как забегаловка, разве что вот непривычно чистая...

— А это ничего не доказывает, Светлана, — заметил незнакомец, внимательно за ней наблюдая. — Литературный персонаж воспринимает литературу как действительность...

Светлана порозовела и закусила губу. Купилась! Один-единственный раз — и все-таки купилась!

— А вы?

— Я в данном случае тоже персонаж...

— Докатились! — мстительно сказала Светлана. — А еще реалист! Себя-то зачем было в действие вводить?

— А! — Мужчина с отвращением отодвинул стакан. — Запутался — вот и ввел. Думал: поговорю — может и прояснится хоть что-нибудь... Потом прием, знаете, оригинальный...

— И как? Прояснилось?

У незнакомца был несчастный вид.

— Пойду я, Светлана... — со вздохом сказал он. — Вам ничего не нужно?

— А ну вас! — отмахнулась она. — Я вот потоп просила — вы не сделали.

— Нет, кроме потопа.

— О! — выпалила Светлана. — Сделайте так, чтобы этот зануда ко мне не приставал. Хотя бы полмесяца...

— Полмесяца?.. — Мужчина в сомнении взялся за волосатое ухо, а губы выпятил хоботком. — Многовато, знаете... Полмесяца — это ведь пятнадцать суток... — Тут он запнулся и вытаращил глаза. — Мать честная! А усажу-ка я его, в самом деле, на пятнадцать суток!

— Игоря?!

— Игоря! Игоря! — возбужденно подтвердил мужчина. — Светлана, вы гений! Он решит, что я ваш любовник, напьется, высадит витрину...

— Да он вообще не пьет!

— Вот именно! — ликующе рявкнул незнакомец. — Ах черт, ах черт! — забормотал он. — Какой вы мне ход подсказали!.. А вдруг он от этого станет хоть немного симпатичнее? Первый человеческий поступок!.. Простите, Светлана, но я пойду... Это надо садиться и писать... — Он поднялся и, выхватив из граненого стаканчика тюльпан, протянул ей. — Вот, возьмите. Это вам.

— Спасибо... — сказала Светлана. У нее вдруг перехватило горло. — Нет, вы не поняли... Не за тюльпан спасибо. Вы простите, что я вас так... В общем, я все понимаю. Ведь это же надо было придумать! Автор, повесть... Спасибо.

Мужчина смотрел на нее, смешно задрав неухоженные брови.

— Светлана... — растроганно сказал он. — Честное слово... Я сделаю все, чтобы вы были счастливы...

Сказал — и зашлепал к выходу. На пороге обернулся и предостерегающе поднял толстый волосатый палец:

— Не вздумайте ни за что расплачиваться!

В забегаловке потемнело и Светлана заметила наконец, что возле ее столика стоит и улыбается из последних сил плечистая официантка. Надо уходить, растерянно подумала Светлана и встала. Официантка проводила ее по пятам до самых дверей, явно пряча что-то за спиной.

Невольно ускорив шаги, Светлана вылетела на улицу и оглянулась. Официантка — уже без улыбки — вешала на дверь плакатик с надписью: "Извините, банкет". Лицо у нее было недовольное и ошарашенное — точь-в-точь как у Игоря, когда ему велели выйти вон.

Ничегошеньки не понимая, с тюльпаном в руке, Светлана дошла до перекрестка и остановилась, пытаясь сообразить, что же это все-таки такое было... Подкупить персонал забегаловки, каким-то образом обломать Игоря, придумать совершенно

небывалый способ знакомства, почти добиться успеха... и при этом никуда не пригласить и не напроситься в гости?! И главное, в шлепанцах... Кстати, насчет Игоря он был прав... Если бы Игорь хоть раз что-нибудь из-за нее натворил — честное слово, она бы...

— Светка!

Это ее догоняла Лидочка. С ней было тоже явно не все в порядке. Широкое лицо подруги, казалось, стало еще шире. Глаза чуть не выскакивают от восторга, рот — до ушей.

— Светка! Ты представляешь?!

И Светлана ощутила уже знакомый холодок под сердцем.

— Игорь? — шепотом спросила она.

— Да! — радостно закричала Лидочка.

— Попал в милицию?

— Да!!!

— Неужели витрину?..

— Вдребезги! — ликующе завопила Лидочка на весь перекресток, потом замолчала и разочарованно уставилась на Светлану. — Что, уже слышала, да? Уже сказали?..

ВО ИЗБЕЖАНИЕ

— Так вы, значит, и есть автор научно-фантастического романа "Изгородь вокруг Земли"? — Редактор с доброжелательным любопытством разглядывал посетителя. — Вот вы какой...

— Да, — засмущался тот. — Такой я...

— Прочел я ваш роман. Оригинально. Кажется, ничего подобного у других фантастов не встречалось.

— Не встречалось, — сдавленно подтвердил автор. — У меня у первого.

— Ну что вам сказать... Читается роман залпом. Так и видишь эту титаническую Изгородь, уходящую за горизонт... Да... А тот эпизод, когда на строителей Изгороди нападают коллапсары, а те отбиваются от них искривителями пространства, — это, знаете ли, находка! Потом разоблачение Аверса, который на поверку оказывается матерым агентом Реверсом!..

Автор зарделся.

— И название удачное, — продолжал редактор. — Есть в нем этакий элемент неожиданности. Изгородь — и вдруг вокруг Земли. Читатель это любит...

— Любит, — убежденно подхватил автор. — Я знаю нашего читателя.

Редактор покивал.

— Собственно, у меня только один вопрос. Эта Изгородь.. Для чего она? С какой целью ее возводят?

Автор вскинул на него изумленные глаза.

— Как для чего? — опешив, переспросил он. — Так ведь ежели ее не будет, непременно кто-нибудь с края Земли вниз сорвется!..

ЛИЦО ИЗ НАТУРАЛЬНОГО ШПОНА

Он работал слесарем на Центральном рынке и, в общем, неплохо зарабатывал. В бетонных катакомбах под торговым павильоном располагались камеры хранения. Поднять мешок в зал — рубль, снести в подвал — тоже.

А по весне они с женой купили импортный гарнитур. Если кто заходит в гости, то его прямиком вели к стенке.

— Видал? — с гордостью говорил хозяин, оглаживая полировку. — Облицовочка, а? Натуральный шпон!

Гость делал скорбно-торжественное, как на похоронах, лицо и начинал кивать.

И все было, как у людей.

А вот художник-оформитель по прозвищу Прибабах повел себя просто неприлично. Поставленный перед стенкой, он был откровенно разочарован.

— Я думал, ты выпить зовешь...

— Все б тебе выпить! — с досадой сказал хозяин. — Ты погляди, вещь какая! Натуральный шпон! Нет, ты глянь! И не лень ведь было... Это они, значит, обе пластины из одного куска дерева выпиливали. А потом еще состыковывали для симметрии...

Прибабах вздохнул безнадежно и поглядел на полированную дверцу, рассеченную по вертикали тонкой, почти воображаемой прямой, вправо и влево от которой симметрично разбегались темные полосы древесных разводов.

— Во делают!.. — вдохновенно продолжил было хозяин, но тут Прибабах сказал: "Цыть!" — и поспешно отшагнул от дверцы.

— Хар-раш-шо... — снайперски прищурясь, выговорил он.

— А? — просиял хозяин. — Фанеровочка!

— Ты лицо видишь? — спросил Прибабах.

— Лицо? Какое лицо?

— Тупой ты, Вовик! — Прибабах снова шагнул к дверце и принялся бесцеремонно лапать полировку. — Глаза! Нос! Борода!.. Ну? Не видишь?

Хозяин всмотрелся и вздрогнул. С полированной дверцы на него действительно смотрело лицо. Вскинутые, с изломом, брови, орлиный нос, язвительный изгиб рта... Взгляд — жестокий... Нет! Скорее — насмешливый... Или даже требующий чего-то... Сейчас. Сию минуту.

— Слушай! — сказал Прибабах. — А продай ты мне эту дверцу! На кой она тебе?..

Хозяин обиделся. Проводив гостя, подошел с тряпкой — стереть с полировки отпечатки пальцев Прибабаха — и снова вздрогнул, встреченный беспощадным взглядом в упор.

И кончилась жизнь. Пройдешь по комнате — смотрит. Сядешь в кресло импортное, гарнитурное, — смотрит. Отвернешься в окно поглядеть — затылком чувствуешь: смотрит...

Водка два раза в горле останавливалась.

Разъярясь, подходил к дверце и злобно пялился в ответ, словно надеялся, что тот отведет глаза первым. Черт его знает, что за лицо такое! Витязь не витязь, колдун не колдун... Щеки — впалые, на башке — то ли корона, то ли шлем с клювом...

— Что?! Царапина?! — ахнула жена, застав его однажды за таким занятием.

— Если бы!.. — хмуро отозвался он. — Слушай, ты лицо видишь?

— Чье?

— Да вот, на дверце...

— А ну, смотри на меня! — скомандовала жена, и он нехотя выполнил приказание.

— Ну, ясно! — зловеще констатировала она. — Сначала башка поворачивается, а потом уже глаза приходят. Успел?

— Да трезвый я, Маш! Ну вот сама смотри: глаза, нос...

Жена по-совиному уставилась на дверцу, потом оглянулась на мужа и постучала себя согнутым пальцем повыше виска. Голову она при этом склонила набок, чтобы удобнее было стучать...

И что хуже всего — дверца эта располагалась впритык к нише с телевизором. Вечера стали пыткой. Не поймешь, кто кого смотрит... Конечно, если дверцу открыть, лицо бы исчезло, но у жены там, помимо всего прочего, хранились кольца и секция запиралась на ключ...

А рисунок с каждым днем становился все резче, яснее. Колдун смотрел. Мало того — хаотически разбросанные пятна и полосы вокруг его древнего сурового лика начали вдруг пома-

леньку складываться в нечто определенное. Натуральный шпон обретал глубину. Мерещились вдали какие-то замшелые покосившиеся идолы и угадывалась прекрасная и мрачная сказочная страна, а светлое разлапое пятно в древесине превращалось в жемчужный туман над еле просвечивающим озером.

— Маш... — отважился он наконец. — А может, продать нам ее, а?

— Квакнулся? — перехваченным горлом прошипела она, расширив глаза, пожалуй, пострашнее, чем у того, на дверце.

Ей-то что?.. Не видела она там никакого лица, хоть расшибись!

Вскоре пошли признаки нервного расстройства.

— Что ж ты пялишься, гад? — говорил он в сердцах импортной стенке. Чего тебе от меня надо? Не нравится, как живу, да?.. Да уж, наверное, получше тебя!

Колдун, понятное дело, молчал. Зато стал сниться по ночам. Раздвигались стены и темная высокая фигура вступала в комнату, а за спиной у нее мерцали в сумерках озера, и плавал над ними туман, и доносились издали всплески и тихий русалочий смех... И каждый раз он каким-то чудом заставлял себя проснуться за секунду до того, как с насмешливо шевельнувшихся губ колдуна сорвется простое и страшное слово, после которого уже ничего не поправишь...

— Сволочь Прибабах... — бормотал он, подставляя голову под струю холодной воды в ванной. — И черт меня тогда дернул...

Лекарство от наваждения нашлось неожиданно. Выяснилось вдруг, что после третьей рюмки суровое древнее лицо само собой распадается на бессмысленные разводы и полосы — и снова перед тобой честная простая дверца с облицовкой из натурального шпона. И смотри себе телевизор сколько влезет — никто не следит, никто не мешает... К концу недели, однако, он заметил, что лицо пропадает уже не после третьей, а лишь после четвертой-пятой рюмки...

Запой пресекла жена. Разув в очередной раз супруга и потрясая туфлей перед самой его физиономией, она всерьез пригрозила, что отправит на лечение.

Он бросил пить и весь день ходил тихий, пришибленный, искательно поглядывая на дверцу. Если от кошмара невозможно избавиться, то с ним надо хотя бы примириться. Вскоре он обнаружил, что за время его запоя колдун сильно подобрел. И смотрел по-другому: не жестоко, а как-то... искушающе, что ли? Пошли, дескать... Русалки, то-се... Гляди вон, красота какая! А то ведь так и будешь до гробовой доски рубли сшибать...

Заснул он почти спокойно.

А ночью кто-то тронул его за плечо и он сел на постели, различая в полумраке темную высокую фигуру.

— Пошли, — внятно произнес негромкий хрипловатый голос и он послушно принялся одеваться, больше всего почему-то боясь разбудить жену. Не справившись с дрожью, завязал как попало шнурки на туфлях и, беспомощно оглядевшись, пошел за молчаливым высоким поводырем — туда, где мерцали сумерки и громоздились скалы, где над дорогой стояли, накренившись, резные, загадочно улыбающиеся идолы, а над русалочьими озерами плавал жемчужный волшебный туман.

НЕ БУДИТЕ ГЕНЕТИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ!

I

В этом сеансе было сомнительным все: от публики до самого экстрасенса. Достаточно сказать, что дело происходило в красном уголке ЖЭУ.

На сцене, скорее напоминавшей широкую никуда не ведущую ступеньку, стояли друг против друга два сильно потертых кресла. В одном из них сидел загипнотизированный доброволец, с остекленевшими глазами, в другом, закинув ногу на ногу и покачивая рваной кроссовкой, развалился не внушающий доверия экстрасенс с лицом, которое можно было бы назвать уголовным, не будь оно столь тупым.

На стене висела маркая, скверно отпечатанная афишка "Вечер психологических опытов".

— Изучать историю по документам, — коряво излагал экстрасенс, — все равно что психологию по трупу. В то время как у нас, можно сказать, под носом имеется живой источник исторических сведений, который ученые-негативисты отрицают, потому что называют шарлатанством, а объяснить не могут. Я говорю о генетической памяти. Вот, например, загипнотизировал я одного товарища и спрашиваю: что ты делал сорок лет назад? А ему всего тридцать два... Так он вдруг возьми и заговори со мной по-немецки. А сам — из немцев-колонистов, хотя языка уже не знает... Значит, что? Значит, генетическая память... То есть говорил со мной не он, а кто-то из его предков. Или вот сегодняшний случай... — экстрасенс небрежно указал на загипнотизированного добровольца. — Товарищ сам сказал перед сеансом — и вы это слышали, — что родился он восьмого апреля тысяча девятьсот сорок восьмого года. Вот мы сейчас и попытаемся выяснить, что происходило за десять лет до его рождения...

Экстрасенс поднялся и подошел к своему подопытному.

— Вы меня слышите?

– Слышу, — безразлично отозвался тот

— Продемонстрируйте нам, что вы делали восьмого апреля тысяча девятьсот тридцать восьмого года.

Что-то шевельнулось в остекленевших глазах и подопытный встал. Неспешно, вразвалку он подошел к экстрасенсу и закатил ему зубодробительную оплеуху, от которой тот полетел прямиком в кресло.

— Что, сукин сын, вражина, троцкист?.. — лениво, сквозь зубы проговорил подопытный, направляясь к обезумевшему от страха экстрасенсу. — Понял теперь, куда ты попал?

Далее произошло нечто и вовсе неожиданное. Лицо экстрасенса стало вдруг отрешенным, а в глазах появился бессмысленный стеклянный блеск. Судя по всему, он сам с перепугу впал в некое гипнотическое состояние.

— Понял, — без выражения, как и подобает загипнотизированному, ответил он.

— Тогда колись, сука, — все так же лениво продолжал подопытный. — Что ты делал, гад, до семнадцатого года?

Экстрасенс встал. Бесшумным шагом танцора он скользнул к подопытному и нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Подопытный взмахнул руками и упал в кресло. Глаза его вновь остекленели.

— Большевичок? — аристократически прищурясь, осведомился экстрасенс. — Что же вы, милостивый государь? Подбивать народ против законной власти? Ай, нехорошо... Когда бы вы, сударь, знали, что вас теперь ждет... Или вы уже догадываетесь? Что-с?

— Догадываюсь, — безучастно произнес подопытный.

— Ну-с, а коли так, — со змеиной улыбкой на устах продолжал экстрасенс, — извольте отвечать, юноша, что вы поделывали в декабре пятого года...

Подопытный встал с кресла и, глядя исподлобья, огрел в свою очередь экстрасенса кулаком по скуле.

Тут нервы публики не выдержали и явно неподготовленная к зрелищу аудитория, подвывая от ужаса, кинулась в дверь.

Когда спустя полчаса в помещение ворвался усиленный наряд милиции, подопытного можно было отличить от экстрасенса лишь по костюму. Лица обоих были побиты до полной неузнаваемости. На глазах у ворвавшихся экстрасенс брязнул по зубам подопытного (тот, естественно, упал в кресло) и, сотрясаясь от злобы, прошипел:

— Вор! Еретик! Собака косая!.. И дерзнул изрещти хулу на святую троицу? Кайся, страдниче бешеной, что творил еси со товарищи в то лето, егда мор велик бысть?..

Размахнувшийся подопытный был остановлен приемом самбо.

ЩЕЛК!

В психиатрической клинике меня встретили как-то странно.

— Ну наконец-то! — выбежал мне навстречу молодой интеллигентный человек в белом халате. — Как бога вас ждем!

— Зачем вызывали? — прямо спросил я.

Он отобрал у меня чемоданчик и распахнул дверь.

— Я вообще противник подобных методов лечения, — возбужденно говорил он. — Но разве нашему главврачу что-нибудь докажешь! Пошел на принцип... И вот вам результат: третьи сутки без света.

Из его слов я не понял ничего.

— Что у вас, своего электрика нет? — спросил я. — Зачем аварийку-то вызывать?

— Электрик со вчерашнего дня на больничном, — объяснил доктор, отворяя передо мной очередную дверь. — А вообще он подал заявление по собственному желанию...

Та-ак... В моем воображении возникла сизая похмельная физиономия.

— Запойный, что ли?

— Кто?

— Электрик.

— Что вы!..

Из глубины коридора на нас стремительно надвигалась группа людей в белых халатах. Впереди шел главврач. Гипнотизер, наверное. Глаза выпуклые, пронизывающие. Скажет тебе такой: "Спать!" — и заснешь ведь, никуда не денешься.

— Здравствуйте, здравствуйте, — зарокотал он еще издали, приветственно протягивая руки, — последняя надежда вы наша...

Его сопровождали два огромных медбрата и женщина с ласковым лицом.

— Что у вас случилось?

— Невозможно, голубчик, работать, — развел руками главврач. — Света нет.

— По всему зданию?

— Да-да, по всему зданию.

— Понятно, — сказал я. — Где у вас тут распределительный щит?

При этих моих словах люди в белых халатах как-то разочарованно переглянулись. Словно упал я сразу в их глазах. (Потом уже мне рассказали, что местный электрик тоже первым делом бросился к распределительному щиту.)

— Святослав Игоревич, — робко начал встретивший меня доктор. — А может быть, все-таки...

— Нет, только не это! — хрипло оборвал главврач. — Молодой человек специалист. Он разберется.

В этот миг стоящий у стены холодильник замурлыкал и затрясся. Удивившись, я подошел к нему и открыл дверцу. В морозильной камере вспыхнула белая лампочка.

— В чем дело? — спросил я. — Работает же.

— А вы свет включите, — посоветовали мне.

Я захлопнул дверцу и щелкнул выключателем. Никакого эффекта. Тогда я достал из чемоданчика отвертку, влез на стул и, свинтив плафон, заменил перегоревшую лампу.

— Всего-то делов, — сказал я. — Ну-ка включите.

К моему удивлению, лампа не зажглась.

В коридор тем временем осторожно стали проникать тихие люди в пижамах.

— Святослав Игоревич, — печально спросил один из них, — а сегодня опять света не будет, да?

— Будет, будет, — нервно сказал главврач. — Вот специалист уже занимается.

Я разобрал выключатель и убедился, что он исправен. Это уже становилось интересным.

Справа бесшумно подобрался человек в пижаме и, склонив голову набок, стал внимательно смотреть, что я делаю.

— Все равно у вас ничего не получится, — грустно заметил он.

— Это почему же?

Он опасливо покосился на белые халаты и, подсунувшись поближе, прошептал:

— А у нас главврач со Снуровым поссорился...

— Михаил Юрьевич, — сказала ему ласковая врачиха, — не мешали бы вы, а? Видите, человек делом занят. Шли бы лучше поэму заканчивали...

И вдруг я понял, почему они вызвали аварийную и почему увольняется электрик. Главврач ведь ясно сказал, что света нет во всем здании. Ни слова не говоря, я направился к следующему выключателю.

Я обошел весь этаж и везде меня ждала одна и та же картина: проводка — исправна, лампочки — исправны, выключатели — исправны, напряжение есть, света — нет.

Вид у меня, наверное, был тот еще, потому что ко мне подбежали со стаканом и с какими-то пилюлями. Машинально отпихивая стакан, я подумал, что все в общем-то логично. Раз это сумасшедший дом, то и авария должна быть сумасшедшей. "А коли так, — сама собой продолжилась мысль, — то тут нужен сумасшедший электрик. И он сейчас, кажется, будет. В моем лице".

— Святослав Игоревич! — взмолилась ласковая врачиха. — Да разрешите вы ему! Скоро темнеть начнет...

Главврач выкатил на нее и без того выпуклые глаза.

— Как вы не понимаете! Это же будет не уступка, а самая настоящая капитуляция! Если мы поддадимся сегодня, то завтра Снурову уже ничего не поможет...

— Посмотрите на молодого человека! — потребовал вдруг интеллигентный доктор. — Посмотрите на него, Святослав Игоревич!

Главврач посмотрел на меня и, по-моему, испугался.

— Так вы предлагаете...

— Позвать Снурова, — решительно сказал интеллигентный доктор. — Другого выхода я не вижу.

Тягостное молчание длилось минуты две.

— Боюсь, что вы правы, — сокрушенно проговорил главврач. Лицо его было очень усталым и он совсем не походил на гипнотизера. — Елизавета Петровна, голубушка, пригласите сюда Снурова.

Ласковая врачиха скоро вернулась с маленьким человеком в пижаме. Он вежливо поздоровался с персоналом и направился ко мне. Я слабо пожал протянутую руку.

— Петров, — сказал я. — Электрик.

— Снуров, — сказал он. — Выключатель.

Несомненно, передо мной стоял виновник аварии.

— Ты что сделал с проводкой, выключатель?! — Меня тряхнуло.

Снуров хотел ответить, но им уже завладел Святослав Игоревич.

— Ну вот что, голубчик, — мирно зарокотал он, поправляя пациенту пижамные лацканы. — В чем-то мы были не правы. Вы можете снова включать и выключать свет...

— Не по инструкции? — изумился Снуров.

— Как вам удобнее, так и включайте, — суховато ответил главврач и, массируя виски, удалился по коридору.

— Он на меня не обиделся? — забеспокоился Снуров.

— Что вы! — успокоили его. — Он вас любит.

— Так, значит, можно?

— Ну конечно!...

Я глядел на него во все глаза. Снуров одернул пижаму, посмущался немного, потом старательно установил ступни в положение "пятки — вместе, носки — врозь" и, держа руки по швам, запрокинул голову. Плафон находился как раз над ним.

Лицо Снурова стало вдохновенным и он отчетливо, с чувством сказал:

— Щелк!

Плафон вспыхнул. Человек в пижаме счастливо улыбнулся и неспешно направился к следующему светильнику.

ПОЛДЕНЬ. XX ВЕК

Небо — точь-в-точь как на потолочной розетке какого-нибудь старого вокзала: обширная пролысина голубизны, обрамленная ненатурально кудрявыми облаками. Вот-вот начнут мерещиться гигантские бледные фигуры рабочих, колхозниц и пионеров, устремленные головами к зениту. Жарко. Теней нет. Ветра тоже. Пыль такая, что можно зачерпнуть кружкой и осторожно во что-нибудь перелить. Все раскалено до последней степени.

Придавленное зноем кирпичное беленое строение с деревянным тамбуром. Сельский магазинчик. Внутри — не то чтобы прохладнее, но во всяком случае темнее. С низкого потолка — все в мухах — свешиваются липучки. Две женщины, купив по буханке хлеба, по килограмму макарон и по кульку пряников, обсуждают, что бы еще купить. Дедок в пиджачке и с палочкой балакает с разморенной продавщицей.

Улица лежит пустая. И вдруг из какого-то бокового ее отростка шуршащим змеиным прыжком выкатывается нечто чудовищное. Ночной кошмар технократа. Светлые траки льются, почти не вздымая пыли. Оно буквально съедает пространство, оно поводит какими-то усиками и щупиками, оно грозно щетинится установками не совсем понятного, но явно оборонного назначения.

Вот один из усиков засек что-то весьма важное и гусеничное серо-зеленое страшилище слегка меняет курс. Оно осаживает возле магазина, само размером с магазин.

Все покупатели наклоняются к низкому квадратному окну.

— Йех! — говорит одна из женщин. — Гля, что приехало!

Женщины и дедок выбираются из деревянного тамбура наружу. Машина приходит в сильное волнение и принимается наставлять на них то один щупик, то другой.

— Так это эти... — говорит дедок. — С-под Мазановки. Маневры у них, стало быть...

Машина беспокойно шарит антеннами, издавая время от времени нетерпеливое гудение.

— Мань, а Мань! — кличет дедок. — К тебе ведь...

Из деревянного тамбура показывается продавщица. Стоит ей ступить за порог, как все усики, щупики и объективы обращаются в ее сторону. Затем грозная боевая техника приходит в движение. Массивная металлическая ферма совершает замедленный кувырок с проворотом, так что перед попятившейся продавщицей оказывается некая выемка. И в выемке этой лежит червонец.

Продавщица оторопело смотрит на купюру, потом, смекнув, хватает ее и опрометью бежит в магазин. Возвращается со свертком. Опасливо подобравшись к машине, опускает предательски булькнувший сверток в выемку.

Снова кувырок массивной фермы, мягкий гудок, гусеничное страшилище тем же змеиным рывком трогает с места — обратно, откуда пришло.

— А люди-то, Митрич! — спохватившись, ахает одна из женщин. — Люди-то в ней где?

Дедок зачарованно смотрит вслед машине.

— Стало быть, без людей, — с уважением изрекает он наконец. — Запрограммирована, стало быть... Автоматика...

ПУСТЬ ВИДЯТ

Каким-то чудом он выбросился из переполненного автобуса — и побежал.

— Помаду стер!.. — еще звенело в ушах.

— А губенки не развешивай!.. — злобно отругивался он на бегу, хотя от автобусной остановки его уже отделяло добрых полквартала. — В такси вон садись, с помадой!..

Лавируя между шарахающимися прохожими, он добежал до угла, понял, что все равно не успевает, и метнулся в арку. Контора располагалась на первом этаже, это многое упрощало. Пробежав вдоль стены, он поднырнул под одним окном, под другим и выпрямился у третьего.

Свой брат сотрудник поднял голову, всмотрелся. Отчаянно гримасничая, вновь прибывший припал к стеклу, объясняя на пальцах: открой! Сотрудник встал, отворил створку и, равнодушно предупредив, что это будет стоить полбутылки крепленого, помог перелезть через подоконник.

— Ждут? — отряхивая колено, спросил вновь прибывший.

— В полном составе, — подтвердил сотрудник. — И Зоха с ними.

Вновь прибывший расстроился окончательно.

— Вот сучка! — пожаловался он. — Копает и копает! Так и норовит под сокращение подвести... А сюда не заглядывали?

— Да нет вроде...

— Ага... — сказал вновь прибывший и вышел в коридор. Бесшумно ступая, подобрался к темному, крохотному холлу, заглянул... Глазам его предстали три напряженных затылка: два мужских и один женский. Трое неотрывно смотрели в проем входной двери.

За их спинами он незаметно проскользнул в туалет, где тут же с грохотом спустил воду в унитазе и, напевая что-то бравурное, принялся шумно мыть руки.

Когда вышел, его уже дырявили три пары глаз. Бледная от бешенства Зоха стояла, уронив руки, причем в правой у нее был плотный листок бумаги, разбитый на две графы: "ФИО" и "Опоздание в минутах".

— Где вы были? — с ненавистью спросила она.

Он удивленно хмыкнул и оглянулся на дверь туалета.

— В сортире, — любезно сообщил он. — Здравствуйте, Зоя Егоровна...

— Когда вы явились на работу?

— Довольно рано, — сказал он, с удовольствием ее разглядывая. — Вас, во всяком случае, здесь еще не стояло...

— Ваш кабинет был закрыт! — крикнула Зоха.

— Ну разумеется, закрыт, — с достоинством ответил он. — Я был в кабинете напротив. Если не верите, можете спросить...

Зоха пошла пятнами, круто повернулась и выскочила из холла.

— Ну ты артист... — скорее одобрительно, нежели с осуждением молвил один из мужчин.

Отперев кабинет, он достал работу из сейфа и, разложив на столе, принялся с ликованием вспоминать всю сцену и какая морда была у Зохи. Потом зацокали каблуки и пухлая рука в кольцах положила перед ним кипу белой шершавой бумаги.

— Что это? — спросил он с отвращением.

— Срочно, — выговорили накрашенные губы.

— Но я же!.. — взревел он, раскинув руки и как бы желая обнять два пустых стола, владелицы которых пребывали в декретном отпуске.

Подкрашенные глаза на секунду припадочно закатились и это должно было означать, что заказ спущен сверху.

Оставшись один, он некоторое время сидел, багровея, затем треснул ладонью по столу и, непочтительно ухватив кипу белой шершавой бумаги, направился к главному.

— А-а, сам явился? — зловеще приветствовал его главный. — Ну расскажи-расскажи, поделись, как это у тебя нос с гробинкой чуть не проскочил...

— Нос?..

— С гробинкой.

— Не может быть! — хрипло сказал он.

— Ну вот, не может! — уже нервничая, возразил главный. — Ты лучше цензору спасибо скажи — цензор на последней читке поймал. С гробинкой, надо же! Был бы жив дедушка Сталин — он бы тебе показал гробинку...

— Я проверю! — с ненавистью выговорил он и вылетел из кабинета.

Ворвавшись к себе, дрожащими руками вынул из сейфа корректуру и, исправив впопыхах "гробинку" на "гробикну", с бьющимся сердцем сел за стол.

Потом дверь открылась и вошла машинистка. Не говоря ни слова, взяла лежащий на столе ключ и заперла кабинет изнутри. "С ума сошла!.." — перетрусив, подумал он.

Поднялся навстречу, но, как выяснилось, намерения машинистки были им поняты в корне неправильно: приблизившись, она первым долгом влепила ему пощечину. Он моргнул и влепил в ответ. Машинистка упала на стул и приглушенно зарыдала.

— В чем дело? — процедил он.

Оказалось, в помаде.

— Дура ты! — рявкнул он как можно тише. — Это ко мне в автобусе какая-то овца прислонилась!..

— В ав... В ав... — Она подняла на него безумные сухие глаза с нерастекшейся тушью и снова зашлась в рыданиях. Потом вдруг потребовала, чтобы он немедленно овладел ею на одном из свободных столов. Но тут, к счастью, в дверь постучали и машинистку пришлось спешно спровадить через окно — благо, первый этаж.

Стук в дверь был тих, но настойчив. Это явился напомнить об утреннем благодеянии свой брат сотрудник. Они сходили на уголок и, безбожно переплатив знакомому грузчику за бутылку крепленой отравы, распили ее в скверике.

Движения замедлились, реакция притупилась и, вернувшись с обеда, он нечаянно придремал в одиночестве над кипой шершавых листов. За час до окончания рабочего дня, вздрогнув, проснулся и в ужасе пробросил, не читая, страниц двадцать, пропустив таким образом семь грубейших ошибок, причем две из них — с политическим подтекстом.

По дороге домой забрел в гастроном — купить пельменей. В очереди его обозвали пенсом и алкоголиком, хотя не так уж от него и пахло, а до пенсионного возраста ему оставалось еще лет пятнадцать.

На улице сеялся мелкий дождь, от которого, говорят, лысеют, и, прикрыв намечающуюся проплешину целлофановым пакетом с пельменями, он зачвакал по грязному асфальту к дому.

Возле телефонной будки с полуоторванной дверью что-то кольнуло в сердце — и мир остановился: дождь завис в воздухе, машины словно прикипели к шоссе, поскользнувшийся алкаш застыл враскорячку...

— Вот и все, — как бы извиняясь, произнес кто-то сзади.

Уже догадываясь со страхом, что все это значит, он обернулся на голос. В каких-нибудь трех шагах от него на грязном асфальте стоял кто-то высокий, одетый в белое.

— Что?.. Уже?..

— Да, — печально и просто ответил тот. — Уже...

Они стояли лицом к лицу посреди застывшего и как бы нарисованного мира.

— И... что теперь?

Не выдержав его вопросительного взгляда, незнакомец отвел глаза.

— Знаете... — сказал он, и лицо его стало несчастным. — Как-то неладно все у вас сложилось... До двадцати лет что-то еще проглядывало: какие-то порывы, какой-то поиск истины... А вот дальше... — Он замолчал, тоскливо глядя на застывшего враскорячку алкаша.

— Но ведь... мучился же!..

— Да, — подтвердил незнакомец, но как-то неуверенно. — Да, конечно... Я постараюсь, чтобы там на это обратили особое внимание... — Он поднял скорбные глаза и беспомощно развел руками. — Ну что ж, пойдемте...

И они двинулись по улице, которая вдруг начала круто загибаться вверх. Пройдя несколько шагов, незнакомец в белом оглянулся и брови его изумленно взмыли.

— Что ж вы с пельменями-то? Бросьте вы их...

— Нет!.. — лихорадочно, со слезой бормотал он, все крепче прижимая к груди мокрую целлофановую упаковку. — Не брошу... Пусть видят... Истину им!.. Зоха — копает, в магазин зайдешь — давка... Пельмени вот по пять рублей... Истину!..

А ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ — НЕ В СЧЕТ

Счастливый человек — он был разбужен улыбкой. Ну да, улыбнулся во сне, почувствовал, что улыбается, и проснулся. А проснувшись, вспомнил:

Вчера он вынул из кладовки все свои сокровища, построил их в шеренгу и учинил генеральный осмотр. Два корня он отбраковал и, разломав на куски, сбросил в мусоропровод, а остальные отправил обратно, в кладовку. Все, кроме одного.

Это был великолепный, трухлявый изнутри корень с четко выраженным покатым лбом и шишковатой лысиной. Шероховатый бугор вполне мог сойти за нос картошкой, а из-под изумленно приподнятого надбровья жутко зиял единственный глаз. Вдобавок вся композиция покоилась на неком подобии трехпалой драконьей лапы.

Прелесть что за корешок!

Все еще улыбаясь, он встал с постели и вышел босиком в большую комнату, где посреди стола на припорошенной древесной трухой газетке стоял, накренясь, тот самый комель. С минуту они смотрели друг на друга. И было уже очевидно, что остренькая шишка на боку лысины — вовсе не шишка, а рог. Ну да, маленький такой рожок, как у фавна.

— Ты — леший, и зовут тебя — Прошка, — с удовольствием сообщил он куску трухлявого дерева. — И страшным ты только прикидываешься. Ты хитрый и одноглазый. Коготь я тебе, конечно, укорочу, а вот что правая щека у тебя вислая — это ты зря...

Тут он почувствовал беспокойство и оглянулся. Из большой комнаты очень хорошо просматривалась коротенькая — в три шага — прихожая, тупо упершаяся во входную дверь. Где-то там, далеко-далеко за дверью, его, должно быть, уже ждали. Хмурились, поглядывали на часы и, поджав губы, раздраженно постукивали ногтем по циферблату.

Он повернулся к комлю и, как бы извиняясь, слегка развел руками.

Наскоро умывшись, наскоро одевшись и наскоро позавтракав, он влез в пальто, нахлобучил шапку и взял с неудобной, причудливой, но зато самодельной подставки потертый до изумления портфель из настоящей кожи. Перед самой дверью остановился, решаясь, затем сделал резкий вдох, открыл, шагнул...

... и произошло то, что происходило с ним изо дня в день: захлопнув за собой дверь, он обнаружил, что снова стоит все в той же прихожей, правда, уже малость подуставший, что портфель стал заметно тяжелее и что на воротнике пальто тает снег. Видимо, там, за дверью, была зима. Да, зима. Недаром же три дня назад стекла заволокло льдом почти доверху.

— Ну вот... — с облегчением выдохнул он. — Уже все...

В портфеле оказались продукты. Он перебросал их в холодильник и, чувствуя, как с каждой секундой усталость уходит, подошел к столу с комлем, посмотрел справа, слева...

— Нет, — задумчиво сказал он наконец. — Все-таки второй глаз тебе необходим...

Он перенес комель в кухню, зажег газ и, ухватив плоскогубцами толстый, в синеватой окалине гвоздь, сунул его острым концом в огонь, а сам, чтобы не терять времени, выбрал из груды инструментов на подоконнике заточенный в форме ложечки плоский напильник и со вкусом, не торопясь принялся выскабливать труху из полостей комля.

Когда закончил, гвоздь уже наполовину тлел вишневым. Осторожно вынув его из огня плоскогубцами, он убедился, что рука не дрожит, и приступил.

Раскаленное железо с шипением входило в древесину, едкие синеватые струйки дыма взвивались к потолку, вытягивались легким сквозняком в большую комнату и плавали там подобно паутинкам перед коричневыми с истертым золотым тиснением корешками книг, путались в хитрых резных подпорках полок.

И тут — нечто небывалое — взвизгнул дверной звонок. Рука с плоскогубцами замерла на полдороги от конфорки к комлю. Ошиблись дверью? Несколько мгновений он сидел прислушиваясь.

Вишневое свечение, тускнея, сползло к острию гвоздя и исчезло. Да, видимо, ошиблись... Он хотел продолжить работу, но звонок взвизгнул снова.

Пожав плечами, он отложил остывший гвоздь, отставил комель и, отряхивая колени, вышел в прихожую. Все это было очень странно.

Открыл. На пороге стояла искусственная каштановая шубка с поднятым воротником. Из кудрявых недр воротника на него смотрели блестящие, как у зверька, смеющиеся глазенки.

— Чай кипела? — шаловливо осведомилось то, что в шубке, бездарно копируя не то кавказский, не то чукотский акцент.

Опешив, он даже не нашелся что ответить. Шубка прыснула:

— Ну чо ты блынькаешь, как буй на банке? На чашку чая приглашал?

Оглушенный чудовищной фразой, он хотел было собраться с мыслями, но гостья впорхнула в прихожую, повернулась к нему кудрявой каштановой спиной и, судя по шороху, уже расстегивала толстые пластмассовые пуговицы. Решительно невозможно было сказать, где кончаются отчаянные завитки воротника и начинаются отчаянные завитки прически.

— Как... что? — упавшим голосом переспросил он наконец, но тут шубка была сброшена ему на руки.

— Моргаешь, говорю, чего? — стремительно оборачиваясь, пояснила гостья. Она улыбалась во весь рот. Круглые щечки подперли глаза, превратив их в брызжущие весельем щелки.

— Можно подумать, не ждал!

— Нет, отчего же... — уклончиво пробормотал он и с шубкой в руках направился к хитросплетению корней, служившему в этом доме вешалкой. Кто такая, откуда явилась?.. Узнать хотя бы, в каких отношениях они — там, за дверью...

Когда обернулся, гостьи в прихожей уже не было. Она уже стояла посреди большой комнаты, и ее блестящие, как у зверька, глазенки, что называется, стреляли по углам.

— А кто здесь еще живет?

— Я живу...

— Один в двух комнатах? — поразилась она.

Ему стало неловко.

— Да так уж вышло, — нехотя отозвался он. — В наследство досталось...

Разом утратив стремительность, гостья обвела комнату медленным цепким взглядом.

— Да-а... — со странной интонацией протянула она. — Мне, небось, не достанется... Ой, какая мебель старая! Ой, а что это за полки такие никогда — не видела!..

— Своими руками, — не без гордости заметил он.

Уставилась, не понимая.

— Что ли, денег не было настоящие купить?.. Ой, и телевизора почему-то нету...

Счастливый человек — он был разбужен улыбкой. Ну да, улыбнулся во сне, почувствовал, что улыбается, — и проснулся.

За окном малой комнаты была оттепель. Свисающий с крыши ледяной сталактит, истаивая, превращался на глазах из грубого орудия убийства в орудие вполне цивилизованное и даже изящное. Леший по имени Прошка, утвердившись на трехпалой драконьей лапе, грозно и насмешливо смотрел с табурета.

— Что же мне, однако, делать с твоей щекой? Не подскажешь?

Леший Прошка загадочно молчал. Впрочем, щека — ладно, а вот из чего бы придумать нижнюю челюсть? Он вскочил с постели и уставился в угол, где были свалены теперь все его сокровища. Потом выстроил их в шеренгу и, отступив на шаг, всмотрелся. Нет. Ничего похожего...

Тут он опомнился и взглянул на закрытую дверь комнаты. Там, за дверью, его наверняка уже ждали. С дребезгом помешивали чай в стакане, нервно поглядывая на стену, где передвигали секундную стрелку новенькие плоские часы, переваривающие в своих жестяных внутренностях первую батарейку.

Он оделся, подошел к двери и щелкнул недавно врезанной задвижкой. Затем сделал резкий вдох, открыл, шагнул...

... и произошло то, что происходило с ним изо дня в день: прикрыв за собой дверь, он снова очутился в малой комнате, но голова была уже тяжелая и мутная, а щеки горели, словно там, за дверью, ему только что надавали пощечин.

А может, и впрямь надавали, кто знает...

С трудом переведя дыхание, он заставил себя улыбнуться. Потом запер дверь на задвижку и подошел к комлю.

— Ну-с, молодой человек, — сказал он, потирая руки. — Так как же мы с вами поступим?

Он присел перед табуретом на корточки и тронул дерево кончиками пальцев. Ну, допустим, полщеки долой... И что будет? Он прикрыл ладонью нижнюю половину Прошкиной щеки и остался недоволен. Не смотрится... Стоп! А если...

Мысль была настолько дерзкой, что он даже испугался. Ну да, а если взять и спилить щеку вообще? Тогда вместо скособоченного рта получается запрокинутая отверстая пасть, а спиленный кусок...

Он выпрямился, потрясенный.

А спиленный кусок — это и есть нижняя челюсть.

Он кинулся к кровати и выгреб из-под нее груду инструментов — искал ножовку по металлу. Найдя, отвернул барашковую гайку, снял полотно, а ненужный станок вернул под кровать. Снова присел перед табуретом и, прищурив глаз, провел первый нежный надпил.

Древесный порошок с шорохом падал на расстеленную внизу газетку. Работа была почти закончена, когда в дверь постучали. Нахмурясь, он продолжал пилить. Потом раздался еле слышный хруст и, отняв от комля то, что было щекой, он внимательно осмотрел срез. Срез был гладкий, как шлифованный.

Стук повторился. Чувствуя досаду, он положил ножовочное полотно на край табурета и с будущей челюстью в руке подошел к двери.

— Да?

— С ума сошел... — прошелестело с той стороны. — Приехала... Открой... Подумает...

Он открыл. На пороге стояли две женщины. Та, что в халатике, надо полагать, жена. Вторая... Он посмотрел и содрогнулся. Вторая была коренастая старуха с желтыми безумными глазами и жабьим лицом. Леший Прошка по сравнению с ней казался симпатягой.

— Вот... — с бледной улыбкой пролепетала та, что в халатике. — Вот...

Безумные желтые глаза ужасающе медленно двинулись в его сторону. Остановились.

— Зятек, — плотоядно выговорило чудовище, растягивая рот в полоумной клыкастой усмешке. Затем радушие — если это, конечно, было радушие — с той же ужасающей медлительностью сползло с жабьего лица и старуха начала поворачиваться всем корпусом к двери — увидела задвижку.

— Это он уберет, — поспешно сказала та, что в халатике. — Это... чтоб не мешали... Подрабатывает, понимаешь? Халтурку... на дом...

Счастливый человек — он был разбужен улыбкой. Продолжая улыбаться, он лежал с закрытыми глазами и представлял, как пройдется мелкой наждачной шкуркой по шишковатой Прошкиной лысине, зашлифует стыки нижней челюсти, протравит морилкой и сразу станет ясно, покрывать его, красавца, лаком или не покрывать.

Однако пора было подниматься. Решившись, он сделал резкий вдох, открыл глаза...

... и произошло то, что происходило с ним изо дня в день: он обнаружил вдруг, что снова лежит с закрытыми глазами, что во всем теле ноет накопившаяся за день усталость и мысли еле ворочаются в отяжелевшей голове, и, уже засыпая, он успел подумать, что хорошо бы еще подточить задний коготь на драконьей лапе, и тогда голова Прошки надменно откинется.

Счастливый человек...

ТЫ, И НИКТО ДРУГОЙ

Светлой памяти Сережи Пчелкина.

Монтировщики посмотрели, как уходит по коридору Андрей, и понимающе переглянулись.

— Она ему, наверное, сказала: бросишь пить — вернусь, — поделился догадкой Вася-Миша.

— Слушай, — встрепенулся Виталик, — а что это он в театре ночует? Она ж квартиру еще не отсудила.

— Отсу-удит, — уверенно отозвался два года как разведенный Вася-Миша. — Все они...

Андрею показалось, что левая фурка просматривается из зала и он толчком ноги загнал ее поглубже за кулисы. Низкий дощатый помост, несущий на себе кусок дачной местности, отъехал на метр; шатнулся на нем тополек с листьями из клеенки, закивало гнутой спинкой кресло-качалка.

До начала вечернего спектакля оставалось около трех часов. Андрей вышел на середину сцены, присел на край письменного стола и стал слушать, как пустеет театр.

Некоторое время по коридорам бродили голоса, потом все стихло. Убедившись, что остался один, Андрей поднялся и тут его негромко окликнули.

Вздрогнул, обернулся с напряженной улыбкой.

Возле трапа, прислонясь плечом к порталу, стояла Лена Щабина. Красиво стояла. Видимо, все это время она, не меняя позы, терпеливо ждала, когда Андрей обратит на нее внимание.

Тоскливо морщась, он глянул зачем-то вверх, на черные софиты, и снова устроился на краешке.

Лена смотрела на него долго. Уяснив, что со стола он теперь не слезет, оторвала плечо от портала и замедленной, немного

развинченной походкой выплыла на сцену. Обогнула Андрея, задумчиво провела пальчиком по кромке столешницы и лишь после этого повернулась к нему, слегка склонив голову к плечу и вздернув подбородок.

— Говорят, разводишься? — Негромкая, подчеркнуто безразличная фраза гулко отдалась в пустом зале.

Андрей мог поклясться, что уже сидел вот так посреди сцены, и подходила к нему Лена Щабина, и задавала именно этот вопрос.

— Ты-то тут при чем?..

— Хм... При чем... — задумчиво повторила она. — При чем? Словно подбирала вслух нужную интонацию.

— При чем!.. — выговорила она в третий раз. — Так ведь я же разлучница! Змея подколодная. А ты разве еще не слышал? Оказывается, я разбила твою семью!

Голос Лены был чист, звонок и ядовит.

"Ну вот... — обреченно подумал Андрей. — Сейчас она за все со мной расквитается... За все, в чем был и не был виноват. Прямо обязанность какая-то — расквитаться за все. Главное, что она от этого выиграет? Зачем ей это надо?.."

— Ну и зачем мне это надо? — словно подхватив его мысль, продолжала тем временем Лена. — Почему я должна впутываться в чьи-то семейные дрязги? Твоя история уже дошла до директора и, вот посмотришь, он обязательно воспользуется случаем сделать мелкую гадость Михал Михалычу!..

— Михал Михалычу?— не понял Андрей. — Он что, тоже разлучник?

— Но я же его сторон-ница! — негодующе воскликнула она.

Тут только Андрей обратил внимание, что Лена ведет разговор, почти отвернувшись. Обычно она стояла вполоборота или в три четверти к собеседнику, помня, что у нее тонкий овал лица. Сейчас она занимала самую невыгодную позицию — в профиль к Андрею. Внезапно его осенило: Лена Щабина стояла вполоборота к пустому зрительному залу.

— Так чем я могу помочь тебе, Лена? — И Андрей понял, что тоже подал реплику в зал.

"Сейчас сорвем аплодисменты..."

— Ты должен вернуться к семье, — твердо сказала она.

— Что я еще должен?

Лена наконец обернулась.

— Что ты делаешь? — прошептала она и глаза ее стали проникновенными до бессмысленности.— Зачем тебе все это нужно? У тебя жена, ребенок...

Андрей опустил голову и незаметно повернул левую руку так, чтобы виден был циферблат. До начала спектакля оставалось чуть больше двух часов.

— ... цветы ей купи, скажи, что пить бросил. Ну что мне тебя, учить, что ли?

— Ты не в курсе, Лена, — хмуро сказал он. — Это не я, это она от меня ушла. Забрала Дениса и ушла.

Лена опечалилась.

— Тогда... — Она замялась, опасливо посмотрела на Андрея и вдруг выпалила: — Скажи, что во всем виновата теща!

— Кому? — удивился он.

— Н-ну, я не знаю... Всем. К слову придется — ну и скажи. Сам ведь жаловался, что теща...

Андрей молча смотрел на нее.

— Я нехорошая, — вызывающе подтвердила Лена. — Я скверная. Но, если ты решил красиво пропадать, компании я тебе не составлю. Нравится быть ничтожеством — будь им! Будь бездарностью, вкалывай до конца жизни монтировщиком!.. А моя карьера только начинается. Ты же мне завидуешь, ты... Ты нарочно все это затеял!

— Развод — нарочно?

Лена и сама почувствовала, что зарвалась, но остановиться не могла. Не думая уже о выгодных и невыгодных ракурсах, она уперла кулаки в бедра и повернулась к Андрею искаженным от ненависти лицом.

— Спасибо! Сделал ты мне репутацию! Нет, но как вам это нравится: я разбила его семью! Да между нами, можно сказать, ничего и не было!..

— Да, — не удержался Андрей. — Недели две уже.

Здание театра было выстроено в доисторические, чуть ли не дореволюционные времена по проекту местного архитектора-любителя и планировку имело нестандартную. Неизвестно, на какой репертуар рассчитывал доисторический архитектор, но только сразу же за сценической коробкой начинался несуразно огромный и запутанный лабиринт переходов и "карманов". В наиболее отдаленных его тупиках десятилетиями пылились обломки старых спектаклей.

Пьющий Вася-Миша божился, что там можно неделями скрываться от начальства. Насчет недели он, положим, преувеличивал, но были случаи, когда администратор Банзай, имевший заветную мечту поймать Васю-Мишу с поличным, в течение дня нигде не мог его обнаружить.

Острый на язык Андрей пытался прилепить за это Васе-Мише прозвище Минотавр, но народу кличка показалась заумной и неуловимый монтировщик продолжал привычно отзываться и на Мишу, и на Васю.

Шаги разгневанной Лены Щабиной сухими щелчками разносились в пустых коридорах театра.

Андрей достал сигарету, заметил, что пальцы у него дрожат, и, не закурив, отшвырнул. Полчаса! Если и ненавидеть за что-либо Лену Щабину, то именно за эти отнятые полчаса.

Он прислушался. Ушла, что ли? Ушла...

Андрей миновал пульт помрежа и неспешно двинулся вдоль туго натянутого полотна "радиуса", пока слева в сером полумраке не возникло огромное серое пятно — вход на склад декораций. Не замедляя шага, он вступил в кромешную черноту и пошел по центральному коридору, который монтировщики окрестили на шахтерский манер "стволом". Потом протянул руку и пальцы коснулись кирпичной стены.

Оглянулся на серый прямоугольник входа. Разумеется, никто за ним не шел, никто его не выслеживал, никому это не было нужно.

Крайнее правое ответвление "ствола" — темное, заброшенное — издавна служило свалкой отыгравших декораций. Андрей свернул именно туда.

В углу "кармана" он ощупью нашел кипу старых до трухлявости щитов, за которыми скрывался вход в еще один "карман", ни на одном плане не обозначенный. Андрей протиснулся между щитами и стеной. Остановился — переждать сердцебиение. Потом поднырнул под горбатый фанерный мостик.

... На полу и на стенах каменной коробки лежал ровный зеленоватый полусвет. По углам громоздились мохнатые от пыли развалины деревянных конструкций. А в середине, в метре над каменным полом, парил в воздухе цветной шар света, огромный одуванчик, округлое окно с нечеткими и как бы размытыми краями. Словно капнули на серую пыльную действительность концентрированной кислотой и прожгли насквозь, открыв за ней иную — яркую, ясную.

И окно это не было плоским; если обойти его кругом, оно почти не менялось, оставаясь овалом неправильной формы. Окно во все стороны: наклонишься над ним — увидишь траву, мурашей, заглянешь снизу — увидишь небо.

Со стороны фанерного мостика просматривался кусок степи и — совсем близко, рукой подать — пластмассовый, словно игрушечный коттеджик, избушка на курьих ножках. Строеньице и впрямь стояло на мощном металлическом стержне, распадающемся внизу на три мощных корня. Или когтя.

Ветер наклонял траву и она мела снизу ступеньку висячего крылечка-трапа.

Девушка сидела, склонив голову, поэтому Андрей не видел ее лица — только массу светлых пепельных волос.

Не отводя глаз от этого воздушного окошка, он протянул руку и нащупал полуразвалившийся трон, выдранный им вчера из общей груды хлама и установленный в точке, откуда видно коттеджик, крыльцо, а когда повезет — девушку.

Она подняла голову и посмотрела на Андрея. И он опять замер, хотя еще в первый раз понял, что увидеть его она не может никак.

Однажды вечером после спектакля они разбирали павильон и мимо Андрея пронесли круглый проволочный куст, усаженный бумажными розами. В непонятной тревоге он проследил, как уплывает за кулисы этот шуршащий ворох причудливо измятой грязновато-розовой тонкой бумаги — и вдруг понял, что все кончено.

Это было необъяснимо — ничего ведь не произошло... Правда, эпизодическую роль передали другому — недавно принятому в труппу молодому актеру... Правда, висел вторую неделю возле курилки последний выговор за появление на работе в нетрезвом виде... Правда, жена после долгих колебаний решилась-таки подать на развод... Неприятности. Просто неприятности и только. Поправимые, во всяком случае, не смертельные.

Но вот мимо пронесли этот проклятый куст и что-то случилось с Андреем. Вся несложившаяся жизнь — по его вине не сложившаяся! — разом напомнила о себе, и спастись от этого было уже невозможно.

(... Рисовал оригинальные акварельки, писал дерзкие, благозвучные, вполне грамотные стихи, почти профессионально владел гитарой, пел верным тенорком свои и чужие песни... С ума сойти! Столько талантов — и все одному человеку!..)

— Андрей, ну ты что стоишь? Помоги Сереге откосы снять...

(... Как же это он не сумел сориентироваться после первых неудач, не сообразил выбрать занятие попрозаичнее и понадежнее? Ах, эта детская вера в свою исключительность! Ну, конечно! Когда он завоюет провинцию, столица вспомнит, от кого отказалась!.. Отслужил в армии, устроился монтировщиком в городской театр драмы, где при возможности совершал вылазки на сцену в эпизодах и массовках... Это ненадолго. На полгода, не больше. Потом его заметят и начнется восхождение...)

— Ты что все роняешь, Андрей? После вчерашнего, что ли?

(... Первой от иллюзий излечилась жена. "Ой, да брось ты, Лара! Тоже нашла звезду театра! Вбегает в бескозырке:

"Товарищ командир, третий не отвечает!" Вот и вся роль. Ты лучше спроси, сколько эта звезда денег домой приносит..."

... Менялась репутация, менялся характер. Андрей и раньше слыл остряком, но теперь он хохмил усиленно, хохмил так, словно хотел утвердить себя хотя бы в этом. Шутки его, однако, из года в год утрачивали остроту и становились все более сальными...

... Машинально завяз в монтировщиках. Машинально начал выпивать. Машинально сошелся с Леной Щабиной. Два года жизни — машинально...)

— Нет, мужики, что ни говорите, а Грузинов ваш — редкого ума идиот! Я в оперетте работал, в тюзе работал — нигде больше щиты на ножки не ставят, только у вас...

Сегодня утром он нашел на столе записку жены, трясясь с похмелья прочел — и остался почти спокоен. Он знал, что разрыв неизбежен. Случилось то, что должно было случиться...

Но вот пронесли этот безобразный венок и память предъявила счет за все. Она словно решила убить своего хозяина...

Монтировщики разбирали павильон, профессионально, без суеты раскрепляли части станка, перевертывали щиты, выбивали из гнезд трубчатые ножки. Громоздкие декорации к удивительной печальной сказке со счастливым, неожиданным, как подарок, концом; сказке, в которой Андрей когда-то мечтал сыграть хотя бы маленькую, в несколько реплик, роль...

Все! Нет больше Андрея Склярова! Нету! Истратился! Это не павильон — это разбирали его жизнь, нелепую, неполучившуюся.

Андрей уронил молоток и побрел со сцены с единственным желанием — уйти, забиться в какую-нибудь щель, закрыть глаза и ничего не знать...

Он пришел в себя в неосвещенном заброшенном "кармане" среди пыльных фанерных развалин, а прямо над ним, лежащим на каменном полу, парил огромный синий одуванчик, слегка размытый по краям овал неба, проталина в иной мир.

Девушка вскинула голову и чуть подалась вперед, всматриваясь во что-то невидимое Андрею, и он в который раз поймал себя на том, что невольно повторяет ее движения.

Наверное, что-нибудь услышала. Звук оттуда не проникал — кино было в цвете, но немое.

Девушка спрыгнула с крылечка и ему пришлось подняться с трона и отступить вправо, чтобы не потерять ее из виду. Теперь в окошке появилась синяя излучина реки на горизонте,

а над ней — крохотные отсюда (а на самом деле, наверное, колоссальные) полупрозрачные спирали: то ли дома, то ли черт знает что такое. Населенный пункт, скорее всего.

Прямо перед Андреем лежала очищенная от травы площадка, издырявленная норами, какие роют суслики. Он-то знал, что там за суслики, и поэтому не удивился, когда из одной такой дыры выскочили и спрятались в соседней два взъерошенных существа — этакие бильярдные шары, из которых во все стороны торчат проволочки, стерженьки, стеклянные трубочки.

Когда они так побежали в первый раз — прямо из-под ног девушки, он даже испугался (не за себя, конечно, — за нее), а потом пригляделся — ничего, симпатичные зверушки, металлические только...

Земля возле одной из норок зашевелилась, начала проваливаться воронкой и три "ежика" вынесли на поверхность второй красный обломок. Девушка схватила его; взбежав на крыльцо, наскоро обмела и попробовала приложить к первому. Обломки не совпадали.

Он вдруг понял, что у нее получится, когда она подгонит один к другому все осколки, и беззвучно засмеялся. Современный Андрею красный кирпич, ни больше ни меньше. С дырками.

"Ах, черт! — развеселившись, подумал он. — Этак они и мой череп ненароком выроют... Йорик задрипанный!"

Все шло как обычно. Каждый занимался своим делом и не мешал другому: девушка, склонив голову, старательно отслаивала от обломка зернышки грунта, Андрей — смотрел.

Странное лицо. И даже не определишь сразу, чем именно странное. Может, все дело в выражении? Но выражение лица меняется, а тут что-то постоянное, всегда присущее...

Андрей попробовал представить, что встречает эту девушку на проспекте, неподалеку от театра, — и ничего не вышло.

Тогда он решил схитрить. Как в этюде. Допустим, что перед ним никакое не будущее, а самое что ни на есть настоящее. Наше время. Допустим, стоит где-нибудь в степи экспериментальный коттеджик и девушка-программист испытывает автоматические устройства для нужд археологии. За контрольный образец взяли красный облегченный кирпич, раздробили...

Андрей почувствовал, что бледнеет. Мысль о том, что девушка может оказаться его современницей, почему-то сильно его испугала.

В каменном мешке время убывало стремительно. Хорошо, что он взглянул на часы. Пора было возвращаться. Там, за ки-

пой старых щитов, его ждал мир, в котором он потерпел поражение, в котором у него ничего не вышло...

"Ствол" был уже освещен. Андрей дошел до развилки, услышал голоса и на всякий случай спрятался в еще один темный "карман", где чуть было не наступил на лицо спящему Васе-Мише.

Те, что привели и положили здесь Васю-Мишу, заботливо набросили на него из соображений маскировки тюль, который теперь равномерно вздувался и опадал над его небритой физиономией.

Все это Андрею очень не понравилось. Бесшумно они тащить Васю-Мишу не могли; значит, были и шарканье, и смешки, и приглушенная ругань, а Андрей ни на что внимания не обратил.

"Глухарь! — в сердцах обругал он себя. — Так вот и сгорают..."

Голоса смолкли. Андрей осторожно перешагнул через Васю-Мишу, выглянул в "ствол" и, никого не увидев, направился к выходу на сцену.

"Плохо дело... — думал он. — Если я случайно наткнулся, то и другой может. А там — третий, четвертый..."

Чудо исключало компанию. В каменной коробке мог находиться только один человек — наедине с собой и с этим. Андрей представил на секунду, как четверо, пятеро, шестеро теснятся словно перед телевизором, услышал возможные реплики — и стиснул зубы.

"Нет, — решил он. — Только я и больше никто. Для других это станет развлечением, в лучшем случае — объектом исследования, а у меня просто нет в жизни ничего другого..."

— Ага!!! — раздался рядом злорадный вопль. — Попался?! Все сюда!

Андрей метнулся было обратно, но, слава богу, вовремя сообразил, что кричат не ему.

— У-тю-тю-тю-тю! — дурашливо вопил Виталик. — Как сам на сцене курит — так ничего, а меня на пять рублей оштрафовал!

Прижатый к голой кирпичной стене пожарник ошалело озирался. Он нацеливался проскочить в свою каморку не гася сигареты, но был, как видим, перехвачен.

— На пять рублей! — с наслаждением рыдал Виталик. —Кровных, а? И потных!

При этом он невольно — интонациями и оборотами — подражал Андрею — не сегодняшнему, что бледный стоял возле входа на склад декораций, а тому, недавнему — цинику, анекдотчику и хохмачу.

Затравленный пожарник наконец рассвирепел, и некоторое время они орали друг на друга. Потом дискредитированный страж порядка ухватил Виталика за плечо и потащил к узкой железной двери. Свидетели повалили за ними, набили каморку до отказа да еще и ухитрились захлопнуть дверь. Гам отрезало.

Пора было подниматься на колосники, но тут навстречу Андрею выкатился, озираясь, похожий на утенка администратор Банзай.

— Миша! — аукал он. — Ми-ша! Андрей, Мишу не видел?

— Только что мимо меня по коридору прошел, — устало соврал Андрей.

Администратор встрепенулся и с надеждой ухватил его за лацкан.

— А ты не заметил, он сильно... того?

— По-моему, трезвый...

Администратор глянул на Андрея с откровенным недоверием.

— А куда шел?

— На сцену, кажется...

Администратор отпустил лацкан и хищно огляделся.

— Его тут нет,— сухо возразил он.

Андрей пожал плечами, а Банзай уже семенил к распахнувшейся двери пожарника, откуда с хохотом высыпала толпа свидетелей. Потом появился и сам пожарник. Он рубил кулаком воздух и запальчиво выкрикивал:

— Только так! Невзирая на лица! Потому что порядок должен быть!

К Андрею подскочил Виталик.

— Ну где ты был? Представляешь, брандмауэр сам себя на пятерку оштрафовал! Ты понял? Сам! Себя!..

— Виталик, где Миша? — Это опять был Банзай.

— Миша?— удивился Виталик. — Какой Миша? Ах, Вася... Так мы же с ним только что груз на четырнадцатом штанкете утяжеляли. А он вас разве не встретил?

— Где он? — закричал администратор.

— Вас пошел искать, — нахально сказал Виталик, глядя на него круглыми честными глазами. — Зачем-то вы ему понадобились.

Вот и окунулся в действительность. До чего ж хорошо — слов нет!

На колосники вела железная винтовая лестница. Беленые стены шахты были покрыты автографами "верховых" — как местных, так и гастролеров. "Монтировщики — фанаты ис-

кусства". "Снимите шляпу, здесь работал Вова Сметана". Эпиграмма Андрея на главного художника Грузинова:

Ты на выезды, Грузин,
декораций не грузил.
Если б ты их потаскал,
ты б художником не стал.

"Наверное, это в самом деле очень смешно,— думал Андрей, поднимаясь по гулким, отшлифованным подошвами ступеням. — Оштрафовал сам себя..."

Он замедлил шаг, припоминая, и оказалось, что с того самого дня, когда Андрей открыл на складе декораций свой миражик, он еще не засмеялся ни разу.

Мысль эта пришла впервые — и встревожила. Пригнувшись, Андрей вылез на узкий дощатый настил, идущий вдоль нескончаемого двойного ряда вертикально натянутых канатов.

— Андрей, ты на месте? — негромко позвали из динамика.- Выгляни.

Он наклонился через перила площадки и махнул запрокинувшему голову помрежу.

"Просто я смотрю теперь на все, как с другой планеты. Как будто вижу все в первый раз. Какой уж тут смех!.."

Он пошел вдоль этой огромной — во всю стену — канатной арфы, принес с того конца стул и сел, ожидая сигнала снизу.

— Андрей, Миша не у тебя?

Он выглянул. Внизу рядом с помрежем стоял, запрокинув голову, Банзай. Андрей отрицательно покачал головой и вернулся на место.

Долго же им придется искать Васю-Мишу...

"О чем я думаю?! — спохватился он вдруг. — Там же Вася-Миша каждую минуту может проснуться! И где гарантия, что он с пьяных глаз не попрется в противоположную сторону?.."

Второй звонок. Андрей вскочил, двинулся к выходу, возвратился, сжимая и разжимая кулаки.

"Да не полезет он за щиты! — убеждал он себя. — С какой радости ему туда лезть?.. А проснется, услышит голоса, решит спрятаться понадежнее?.. Какие голоса?! Кто сейчас может туда зайти!.."

Третий звонок.

— Андрей, готов? Выгляни.

Черт бы их драл, совсем задергали!..

— Андрей, давай! Пошел "супер"...

Музыка.

Андрей взялся обеими руками за канат и плавно послал его вниз. Сзади с легким шорохом взмыл второй штанкет, унося суперзанавес под невероятно высокий потолок сценической коробки.

Слушай, Андрей, а ведь все, оказывается, просто. Ты искал в ее лице какие-то особенные черты, а нужно было спросить себя: чего в нем нет?

Обыденность, будь она проклята! Она вылепляет наши лица заново, по-своему, сводит их в гримасы, и не на секунду — на всю жизнь. Она искажает нас: угодливо приподнимает нам брови, складывает нам рты — безвольно или жестоко.

И оглядываешься в толпе на мелькнувшее незнакомое лицо, и недоумеваешь, что заставило тебя оглянуться. Это ведь такая редкость — лицо, на котором быт не успел поставить клейма! Или еще более драгоценный случай — не сумел поставить.

Красиво они там у себя живут, если так...

Свет на сцене померк и Андрей оказался в кромешной черноте. Четыре ничего не освещающие красные лампочки на ограждении канатов делали ее еще чернее.

— Ушла третья фурка...

Автоматически взялся за канат, приподнял "город" метра на три, пропуская фурку через арьерсцену. Опустил не сразу — попридержал, помня, что внизу на монтировщика меньше, да еще на такого, как Вася-Миша... (Не должен он сейчас проснуться, не должен! Если уж свалился, то часа на два, на три, не меньше...)

Дали свет. Андрей подошел к перилам — посмотреть, что там на сцене. На сцене разыгрывалась остросюжетная психологическая трагикомедия на производственную тему с элементами детектива (так было сказано в рецензии).

Ему несказанно повезло — нарвался на выход Щабиной. Лена, как всегда, норовила повернуться к залу в три четверти и зритель, вероятно, гадал, с чего это посетительница воротится от предцехкома, который к ней со всей душой...

Он перестал смотреть и отошел от поручней.

"А у меня там, в окошке, вообще нет сюжета. Человек занимается своим делом, собирает кирпич. А я смотрю. И не надоедает. Почему?"

И Андрей почувствовал, как губы его складываются в дву смысленную улыбочку.

"Слушай, а ты не влюбился в нее случаем?"

... Самому себе по морде дать, что ли?

— Иди-от!.. — тихонько простонал невдалеке Виталик.

Андрей (он спустился помочь ребятам в антракте) оглянулся. Возле входа на склад декораций стоял Вася-Миша и с недоумением разглядывал присутствующих. Тюль свисал с его правого плеча наподобие римской тоги.

— П-почему не работаем? — строго спросил Вася-Миша у невольно остановившихся монтировщиков. На него уже, распушась, летел с победным клекотом Банзай.

— Ну все, Миша! Я тебя, Миша, уволю! Ты думал, ты хитрее всех?..

И Банзай поволок нарушителя к выходу со сцены. Вася-Миша не сопротивлялся, он бы только хотел выпутаться из тюля, который тащился за ним из "ствола" подобно шлейфу. Забавная парочка налетела на Андрея.

— Андрей! — мгновенно переключился Банзай. — Я тебя накажу! Ты зачем сказал, что Миша трезвый?

— Вася! — изумился опомнившийся Виталик. — Ты когда успел? Ведь только что был — как стеклышко !— обратился он к окружающим, как бы приглашая их в свидетели, причем получилось, что в свидетели он приглашает именно Банзая.

— Чего тащить? — хрипло осведомился Вася-Миша.

— Как "чего", как "чего"? — вскинулся Виталик. — "Кабинет" -на сцену! Совесть иметь надо, пять минут уже тебя ищем!..

Вася-Миша оперся обеими руками на письменный стол, постоял так немного, потом неуловимым движением поднырнул под него и, пошатнувшись, понес куда было сказано.

Андрей смотрел ему вслед и понимал главное: Вася-Миша там не был. Оттуда так просто не уйдешь. Оно так быстро от себя не отпустит...

Но вместо облегчения пришла давящая усталость. Только сейчас Андрей почувствовал, как вымотала его за две недели постоянная боязнь, что на миражик набредет кто-нибудь еще.

Банзай сиял. Триумфатор. Интересно, что он будет делать, если Васю-Мишу и впрямь уволят? За кем ему тогда охотиться, кого выслеживать? И вообще, по ком звонит колокол? Банзай, увольняя Васю-Мишу, ты увольняешь часть самого себя...

И вдруг Андрей вспомнил, что все это уже было. Банзай уже ловил Васю-Мишу с поличным год или полтора назад. Выходит, поймал, простил и начал ловить по новой?..

Одно воспоминание потянуло за собой другое: не зря показалось Андрею, что сегодняшний разговор с Леной он уже пережил когда-то. Было — он действительно сидел однажды посреди пустой сцены, и подходила к нему разъяренная Лена Щабина, и задавала очень похожий вопрос.

Обыденность... Бессмысленная путаница замкнутых кругов, и не сойти с них, не вырваться...

"Хочу туда, — подумал он, словно переступил некую грань, разом отсекшую его от остальных. — Вот в чем, оказывается, дело... Я не могу больше здесь. Я хочу туда".

А больше ты ничего не хочешь? Кто тебе сказал, что там легче? Что ты вообще там видел? Коттеджик, девушку, металлических ежиков. Все? Ах да, еще спиральные сооружения на горизонте. Масса информации! Где гарантии, что через неделю ты не взвоешь: "Хочу обратно!"

Не взвою. Плевать мне, лучше там или хуже. Там по-другому. И все. И ничего мне больше знать не надо. Я же здесь не живу, я только смотрю в это "окошко", остальное меня не касается. Может быть, я и ожил бы, может, и вернулся бы на свои замкнутые круги, но теперь не могу. Потому что видел...

Все зачеркнуть и начать с чистого листа? Красиво. Молодец. Только, пожалуйста, не надо называть листом то, что тебя окружает. Ты сам и есть лист. Но какой же ты, к дьяволу, чистый? Одну свою жизнь проиграл здесь, другую проиграешь — там...

Возможно и проиграю. А возможно, и нет. А здесь я уже проиграл. Что ж я, не знаю цену этого шанса?..

Ну, допустим. Попал ты туда. В будущее. Если это в самом деле будущее. А дальше? Пойми, дурак: твое место в витрине, рядом со склеенным кирпичом. Ты посмотри на себя! Был ты когда-то чем-то. А теперь ты алкаш... Ну ладно. Положим, уже не алкаш. Положим, трезвенник. Все равно ведь ни гроша за душой: ни доброты, ни дара божьего — ни черта!..

— "Супер" вниз! — испуганно ахнул динамик. — Андрей! Заснул? "Супер" вниз давай!

Он вскочил и метнулся к канатам. Суперзанавес спикировал из-под потолка и с шелестом отсек от зрительного зала актеров, не решивших еще: держать ли им паузу до победного конца или же начинать плести отсебятину, пока наверху разберутся с "супером".

Динамик некоторое время продолжал ругаться, а Андрей стоял, ухватившись обеими руками за канаты, и заходился тихим лишающим сил смехом.

Дурак! Господи, какой дурак! Раскопал себя чуть ли не до подкорки, до истерики довел, а подумал о том, как туда попасть? Это тебе что, калитка? Вспомни: оттуда даже звук не проникает!

... И терминология дивная: "калитка", "окошко"!.. Собственно, над физической стороной явления Андрей не заду-

мывался, да и не имел к этому данных. Дыра представлялась ему чем-то вроде прозрачного пятнышка на старом детском надувном шарике, когда уставшая резина истончается, образуя бесцветную округлую точку, мутную по краям и ясную в центре.

Андрей, зябко горбясь, сидел в комнате монтировщиков и думал о том, что сегодня обязательно надо пройти мимо вахтера. Вчерашняя ночевка в театре успела стать темой для сплетен.

Бедная Ленка! Положение у нее, прямо скажем, дурацкое. Ну, я понимаю, разбить семью главного режиссера — это престижно, это даже в некоторой степени реклама, карьера, наконец! Но разбить семью рабочего сцены... Фи!

Андрей обратил внимание, что пальцы его правой руки в кармане легкого пальто ощупывают какой-то маленький округлый предмет, видимо, завалявшийся там с весны. Вроде бы галька. Откуда?

Вынул и посмотрел. Да, это был гладкий коричневый камушек. Четырехлетний Денис находил их на прогулках десятками и набивал ими карманы Андрея, каждый раз серьезно сообщая, что это "золотой камушек". Чем они отличаются от простых камней, Андрей так и не постиг.

Да-да, именно "золотой камушек".

Все, что осталось у него от Дениса.

Ну что ж, жены мудры. Женам надо верить. Сказала: "Не выйдет из тебя актера", — и не вышло. Сказала: "Никакой ты отец", -значит, никакой.

— Андрей!

В дверях стояли Виталик и Серега, оба в пальто.

—.Может, хватит, а? Кому ты что так докажешь!

— Да. — Андрей очнулся и спрятал камушек. — Пошли.

На первом этаже он свернул в туалет, подождал, пока ребята отойдут подальше, и сдвинул на окне оба шпингалета.

— Вась, ты, когда на складе спал, что во сне видел? Не премию, нет?

— Да, Вася, премию ты проспал...

Они обогнули театр и вышли на ночной проспект. Дождя не было, но асфальты просыхать и не думали. Действительно, стоит ли? Все равно мокнуть...

Андрей шел молча, слушал.

— А говорил-то, говорил! "Банзай меня до пенсии ловить будет!" "У Банзая нюха нет!.."

— Не, Банзая не проведешь. Банзай кого хочешь сосчитает. Верно, Вась?

— Да поддался я ему, — хрипловато отвечал трезвый и печальный Вася-Миша. — Что ж я, изверг — администратора до кондрашки доводить...

— Ну ладно, мужики, — сказал Андрей. — Мне налево.

Остановились, замолчали.

— Ты меня, конечно, извини, Андрей, — заявил вдруг Серега, — но дура она у тебя. Какого черта ей еще надо? Пить из-за нее человек бросил... Это я вообще не знаю, что такое!

— Если домой идти не хочешь — давай к нам, в общежитие, — предложил Виталик.

— Спокойно, мужики, — сказал Андрей. — Все в норме.

Он действительно пошел влево и, обогнув театр с другой стороны, остановился возле низкого окна с матовыми стеклами. Впереди по мокрым асфальтам брела поздняя парочка.

"В самом деле сочувствуют... — думал Андрей. — Они мне сочувствуют — а я им?.. Ладно. Как это сегодня сказала Ленка?.. "Я нехорошая. Я скверная..." Так вот: я — нехороший, я — скверный... Но, если только догадка моя правильна, — простите, ребята, я устал. От вас ли, от себя — не знаю. Надеюсь, что от вас..."

Парочка свернула в переулок и Андрей открыл окно.

Девушки нигде видно не было. Летательный аппарат — ни на что не похожая металлическая тварь — тоже куда-то исчез. В прошлый раз из-за коттеджика, поблескивая суставами, выглядывала его посадочная нога.

Значит, улетела хозяйка на день, на два. Или на неделю. Или навсегда. И будет стоять посреди степи брошенный коттеджик с настежь распахнутыми стенами, и на полу будет оседать пыль, а может, и не будет — если какой-нибудь пылеотталкивающий слой...

Андрею понравилось, как спокойно он подумал о том, что девушка, возможно, улетела навсегда. Иными словами, опасение, что он в нее влюбился, отпадало на корню. Все было куда серьезнее... И слава богу.

На лысой издырявленной норами площадке сидели, растопырясь, металлические зверьки — то ли грелись, то ли отдыхали. Солнце там еще только собиралось идти к закату.

— Перекур с дремотой? — усмехнувшись, сказал Андрей "ежикам".— Сачкуем без прораба?

Он медленно обошел этот все время поворачивающийся к тебе овал, внимательно его изучая. Впервые. Раньше он интересовался только тем, что лежало по ту сторону.

Закончив обход, нахмурился. Ничего, кроме ассоциации с прозрачной точкой на старом надувном шарике, в голову по-прежнему не приходило.

"Окошко"... Теоретик! Эйнштейн с колосников! Да разве он когда-нибудь в этом разберется!

... Между прочим, если шарик очень старый, в середине прозрачной точки иногда образуется крохотная дырочка, через которую можно без последствий опустить внутрь иголку и вытянуть ее потом за нитку обратно.

Он завороженно смотрел в самый центр воздушного окошка и не мог отделаться от ощущения, что между ним и вон той длинной суставчатой травинкой, по которой ползет самая обыкновенная божья коровка, ничего нет. Хотя что-то там, конечно, было, что-то не пропускало звук.

Андрей опасно увлекся. Он совершенно перестал себя контролировать и слишком поздно заметил, что правая его рука — сама, не дожидаясь приказа — поднялась над молочно-мутной верхней границей миражика. Он посмотрел на нее с удивлением и вдруг понял, что сейчас произойдет. Но пальцы уже разжались, выпуская округлый коричневый камушек.

Рука опомнилась, дернулась вслед, но, конечно, опоздала. И за те доли секунды, пока камушек падал в прозрачную пустоту центра, Андрей успел пережить две собственных смерти.

... сейчас этот пузырь с грохотом лопнет, разнося на молекулы "карман", его самого, театр, город, вселенную...

... сейчас "окошко" подернется рябью и начнет медленно гаснуть, а он останется один, в темноте, среди пыльных обломков декораций...

Камушек пролетел центр и беззвучно упал в траву.

"Ну и как же я его теперь достану? — Приблизительно так сложилась первая мысль обомлевшего Андрея. — Хотя... на нем же не написано, что он отсюда..."

И вдруг Андрею стало жарко. Не сводя глаз с камушка, он попятился, судорожно расстегивая пальто.

Камушек лежал в траве.

Андрей не глядя сбросил пальто на трон, шагнул к миражику и осторожно протянул руку. И кончики пальцев коснулись невидимой тончайшей пленки, точнее — они сразу же проткнули ее, и теперь каждый палец был охвачен нежным, как паутина, колечком.

Андрей стиснул зубы и потянулся к камушку. Кольцо из невидимых паутинок сдвинулось и, каким-то образом проникнув сквозь одежду, охватило руку у локтя.

И тут он почувствовал ветер. Обычный легкий степной ветерок тронул его ладонь. Не здесь — там.

Андрей отдернул руку, ошеломленно коснулся дрожащими пальцами лица.

— Та-ак... — внезапно охрипнув, выговорил он.— Ладно... Пусть пока полежит...

"Знаешь что,— сказал он себе наконец.— Иди-ка ты домой, выспись как следует, а потом уже думай. Ты же ни на что сейчас не годен. Руки вон до сих пор трясутся..."

Однако Андрей прекрасно знал, что никуда отсюда не уйдет, пока не дождется ночи, когда "окошко" затянет чернотой и будут светиться лишь спирали на горизонте — с каждой минутой все тусклее и тусклее. Потом они погаснут совсем и останутся одни звезды... Интересно, что они там сделали с луной? Андрей еще не видел ее ни разу... Впрочем, это неважно.

Во-первых, если он исчезнет, то будет розыск, и обязательно какой-нибудь умник предложит обшарить склад декораций. Значит, прежде всего — сбить со следа. Скажем, оставить часть одежды на берегу. Продумать прощальную записку, чтобы потом ни один порфирий не усомнился... И врать почти не придется: вместо "Ухожу из жизни" написать "Ухожу из этой жизни". Этакий нюансик...

Теперь второе. На планах "карман" не обозначен, стены на складе декораций кирпичные, неоштукатуренные... Замуровать вход изнутри — и полная гарантия, что в пределах ближайших десяти лет никто сюда не сунется. Что-то вроде "Амонтильядо" наоборот. "Счастливо оставаться, Монтрезор!" И последний кирпич — в последнюю нишу... Каждый день приносить в портфеле по кирпичику, по два. Кладку вести ночью, аккуратно. Ну вот, кажется, и все. Остальное — детали...

Андрей вознамерился было облегченно вздохнуть, но спохватился.

Это раньше он мог позволить себе такую роскошь — повторять горестно, а то и с надрывом, что терять ему здесь больше нечего. Теперь, когда "золотой камушек" лежал в пяти метрах от металлических "ежиков", а правая рука еще хранила ощущение порыва сухого теплого ветра, подобные фразы всуе употреблять не стоило.

Так что же ему предстоит здесь оставить такое, о чем он еще пожалеет?

Любимую работу? Она не любимая, она просто досконально изученная. А с любимой работой у него ни черта не вышло...

Друзей? Нет их у него — остались одни сослуживцы да собутыльники. Впрочем, здесь торопиться не стоит. И Андрей вспоминал, стараясь никого не пропустить...

"Матери сообщат обязательно. Ну ничего, отчим ей особенно горевать не позволит..."

"Денис? Его у меня отняли. Ладно, ладно... Сам у себя отнял. Знаю. Все отнял у себя сам: и семью, и друзей, и работу... Что от этого меняется? Нет, ничего я не потеряю, да и другие мало что потеряют, если меня не станет..."

"... А ребята будут жалеть, а у Ленки уже всерьез начнутся неприятности, а у жены угрызения совести, а мать все равно приедет... Да, пожалуй, имитация самоубийства не пройдет. Начинать с подлости нельзя... Тогда такой вариант: все подготовить, уволиться, квартиру и барахло официально передать жене и якобы уехать в другой город..."

Внезапно лицо Андрея приняло удивленное выражение. Казалось, что он сейчас оскорбленно рассмеется.

Оказывается, его побег можно было рассматривать еще с одной точки зрения. Раньше это как-то не приходило в голову: мелкий подонок, бежавший от алиментов в иное время...

Андрей не рассмеялся — ему стало слишком скверно.

"Чистеньким тебе туда все равно не попасть,— угрюмо думал он, глядя, как на висячее крылечко карабкается один из "ежиков". — Что же ты, не знал этого раньше? Что оставляешь здесь одни долги — не знал? Или что обкрадывал не только себя, но и других? Виталик, сопляк, молился на тебя. Вот ты и оставил заместителя в его лице, вылепил по образу и подобию своему..."

"Ежик" покрутился на верхней ступеньке, в комнату войти не решился, упал в траву и сгинул. Закопался, наверное.

Андрей поднялся и подошел к "окошку".

А что если наведаться туда прямо сейчас? Пока никого нет. Страшновато? Кажется, да.

"В конце концов, должен же я убедиться, что строю планы не на пустом месте! — подхлестнул он себя.— А то сложу стенку и выяснится, что туда можно только руку просовывать да камушки кидать... Кстати, камушек надо вынуть. Нашел что бросить, идиот!"

Андрей присел на корточки и некоторое время рассматривал овал синего неба. Потом осторожно приблизил к нему лицо и волосы коснулись невидимой пленки.

Он отодвинулся и тревожно осмотрел руку. Вроде без последствий... Хотя одно дело рука, а другое — мозг. Где-то он что-то похожее читал: кто-то куда-то сунулся головой, в какое-то там мощное магнитное поле — и готово дело: вся информация в мозгу стерта. И отпрянешь ты от этой дыры уже не Андреем Скляровым, а пускающим пузыри идиотом...

Сердце билось все сильнее и сильнее. Андрей не стал дожидаться, когда придет настоящий страх, и рывком подался вперед и вверх. Щекотное кольцо скользнуло по черепу и сомкнулось на шее, но это уже была ерунда, уже ясно было, что оно безвредно. Андрей выпрямился, прорываясь навстречу звукам, солнцу, навстречу теплому степному ветру.

И возник звук. Он был страшен.

— А-а-а!.. — на одной ноте отчаянно и тоскливо кричало что-то. Именно что-то. Человек не смог бы с таким одинаковым невыносимым отчаянием, не переводя дыхания, тянуть и тянуть крик.

Глаза у Андрея были плотно зажмурены, как у неопытного пловца под водой, и ему пришлось сделать усилие, чтобы открыть их. Он увидел жуткое серое небо — не мглистое, а просто серое, с тусклым белым солнцем.

В лицо ударил ветер, насыщенный песком. Песок был везде, тоже серый; он лежал до самого горизонта, до изгиба пересохшего русла реки. А посередине этой невозможной, словно выдуманной злобным ипохондриком пустыни торчало огромное оплавленное и расколотое трещиной почти до фундамента здание, похожее на мрачную абстрактную скульптуру.

Наверху из трещины клубилась варварски вывернутая арматура. И какая-то одна проволока в ней звучала — тянула это односложное высокое "а-а-а!..", и крик не прекращался, потому что ветер шел со стороны пересохшего русла ровно и мощно.

Наконец Андрей почувствовал ужас — показалось, что мягкая невидимая горловина, охватывающая плечи, сначала незаметно, а потом все явственней начала засасывать его, стремясь вытолкнуть туда — на серый обструганный ветром песок.

Он рванулся, как из капкана, с треском влетел спиной в фанерные обломки, расшиб плечо.

... А там, среди летней желто-серебристо-зеленой степи, снова стоял игрушечный коттеджик на металлической лапе и высокая трава мела по нижней ступеньке висячего крылечка-трапа, а на горизонте сверкала излучина реки, не совпадающая по форме с только что виденным изгибом сухого русла.

"Вот это я грохнулся!.."

Шумно барахтаясь в обломках, встал. Держась за плечо, подобрался поближе к миражику, заглянул сверху. Камушек лежал на месте. Серого песка и бесконечного вопля проволоки, после которого каменная коробка звенела тишиной, просто не могло быть.

— Значит, пленочка, — медленно проговорил Андрей. — Ах ты, пленочка-пленочка...

А он-то считал ее безвредной! Что же это она сделала такое с его мозгом, если все его смутные опасения, которые он и сам-то едва осознавал, вылепились вдруг в такой реальный пугающий бред!.. Самое обидное: выпрямись он до конца — пустыня наверняка бы исчезла, снова появился бы коттеджик, река, полупрозрачные спирали на том берегу...

Андрей машинально провел ладонью по лицу и не закончил движения. Между щекой и ладонью был песок. Жесткие серые песчинки.

Тяжелое алое солнце ушло за горизонт. На теплом синем небе сияли розовые перистые облака. Полупрозрачные спирали за рекой тоже тлели розовым. Но все это было неправдой: и облака, и спирали, и речка. На самом деле там лежала серая беспощадная пустыня с мутно-белым солнцем над изуродованным ощерившимся зданием.

И можно было уже не решать сложных моральных проблем, не прикидывать, сколько потребуется времени на возведение кирпичной стенки, потому что возводить ее теперь было незачем. Издевательская подробность: камушек все-таки лежал там, в траве.

— Ах ты, с-сволочь!.. — изумленно и угрожающе выговорил Андрей.

Ему померещилось, что все это подстроено, что кто-то играет с ним, как с котенком: покажет игрушку — отдернет, покажет — отдернет...

В руках откуда-то взялся тяжелый брус. Лицо сводила медленная судорога.

Андрей уже размахнулся, скрипнув зубами, когда в голову пришло, что за ним наблюдают и только того и ждут, хихикая и предвкушая, что он сорвется в истерику и позабавит их избиением ни в чем не повинного миражика, пока не сообразит, что бьет воздух, что брус пролетает насквозь.

— Все! — злобно осклабясь, объявил Андрей невидимым зрителям. — Спектакль отменяется. Больше вам здесь ничего не покажут...

Он бросил брус и, дрожа, побрел к трону. Не было никаких невидимых зрителей. Никто не станет буравить туннель между двумя (или даже тремя) эпохами, чтобы поиздеваться над монтировщиком сцены А. Скляровым.

Какие-нибудь штучки с параллельными пространствами, ветвящимся временем и прочей научно-фантастической

хреновиной. Видишь одно время, а пытаешься пролезть — попадаешь в другое.

— И все. И незачем голову ломать... — испуганно бормотал Андрей.

А ветерок? Тот легкий летний ветерок, который почувствовала его рука? Он был.

Но тогда получается что-то страшное: Андрей еще здесь — и будущее существует. Он попадает туда — и будущего нет. Вернее, оно есть, но мертвое.

"А-а-а!.." — снова заныла в мозгу проклятая проволока из руин еще не построенного здания.

Андрей плутал в тесном пространстве между загромождениями углами, троном и миражиком. Иногда останавливался перед синим вечереющим овалом и тогда губы его кривились, словно он хотел бросить какой-то обидный горький упрек. Но, так ничего и не сказав, снова принимался кружить, бормоча и оглядываясь на "окошко".

... Туда падает камень и ничего не происходит. Туда проникает человек... Стоп. Вот тут нужно поточнее. Какой именно человек туда проникает?

Во-первых, ты не Трумэн и не Чингисхан. Твой потолок — машинист сцены. Бомбу ты не сбросишь, полмира не завоюешь...

Итак, туда проникает случайный, ничем не выдающийся человек. И его исчезновение здесь, в настоящем, немедленно отзывается катастрофой... Но нас — миллиарды. Что способна изменить одна миллиардная? Это почти ноль! Каждый день на земном шаре десятки людей гибнут, пропадают без вести, и что характерно — без малейшего ущерба для истории и прогресса...

А откуда ты знаешь, что без ущерба?

Знаю. Потому что вон они — светящиеся спирали вдалеке, и коттеджик еще можно рассмотреть в сумерках...

Ах, проверить бы... Только как? "Вася, помнишь, я тебе неделю назад трояк занял и до сих пор молчу? Так вот, Вася, я тебе о нем вообще не заикнусь, только ты, пожалуйста, окажи мне одну маленькую услугу. Просунь вон туда голову и, будь любезен, скажи, что ты там видишь: степь или пустыню?" Глупо...

Вот если бы дыра вела в прошлое — тогда понятно. Личность, знающая наперед ход истории, — сама по себе опаснейшее оружие. А здесь? Ну, станет меньше одним монтировщиком сцены...

Так-так-так... Становится меньше одним монтировщиком сцены, вокруг его исчезновения поднимается небольшой шум, кто-то обращает внимание на то, что часть стены в одном из "карманов" новенькая, свежесложенная, стенку взламывают, приезжают ученые, а там — публикации, огласка, новое направление в исследованиях, изобретают какую-нибудь дьявольщину — и серая пустыня в перспективе... Ну вот и распутал...

Нет, не распутал. В том-то и дело, что не сложена еще эта стенка и никто не поднимал еще никакого шума. Единственное событие: А. Скляров перелез отсюда туда.

"Не надо было дотрагиваться. — Андрей с ненавистью смотрел на темно-синий овал. — Наблюдал бы и наблюдал себе... Нет, захотелось дураку чего-то большего! Потрогал руками? Прикоснулся? Вот и расплачивайся теперь! Был ты его хозяином, а теперь оно твой хозяин".

Так что же от него зависит? Андрею нет и тридцати. Неужели что-то изменится, неужели какой-то небывалый случай поставит его перед выбором: быть этому миру или не быть?..

Но нет ведь такого случая, не бывает! Хотя... в наше время...

Скажем, группа террористов угоняет стратегический бомбардировщик с целью спровоцировать третью мировую... Точно! И надо же такому случиться: на борту бомбардировщика оказывается Андрей Скляров. Он, знаете ли, постоянно околачивается там после работы. Производственная трагикомедия с элементами детектива. Фанатики-террористы и отважный монтировщик с разводным ключом...

Андрей подошел к гаснущему миражику. То ли пощады просить подошел, то ли помощи.

— Что я должен сделать? — тихо спросил он. И замолчал.

А должен ли он вообще что-то делать? Может быть, ему как раз надо не сделать чего-то, может быть, где-то впереди его подстерегает поступок, который ни в коем случае нельзя совершать?

Но тогда самый простой вариант — это надежно замуровать "карман", только уже не изнутри, а снаружи; разослать, как и предполагалось, прощальные письма и в тихом уголке сделать с собой что-нибудь тоже очень надежное.

Несколько секунд Андрей всерьез рассматривал такую возможность, но потом представил, что вот он перестает существовать и в тот же миг в замурованном "кармане" миражик подергивается рябью, а когда снова проясняется, то там уже — пустыня.

— Господи... — тихонько проскулил Андрей. — За что? Я же не этого хотел, не этого... Ну что я могу? Я хотел уйти, начать

все сначала и... и все. Почему я? Почему опять все приходится на меня?..

Он плакал. А в черно-синем "окошке", далеко за рекой, медленно, как бы остывая, гасли бледно-голубые спирали.

Было около четырех часов утра, когда Андрей вылез через окно на мокрый пустой тротуар. Постоял, беспомощно поеживаясь, совсем забыв, что можно поднять воротник. Отойдя шагов на пятнадцать, догадался вернуться и прикрыть окно.

Сапер вынесет бомбу на руках, бережно уложит ее в наполненный песком кузов и взорвет где-нибудь за городом... Ходячая бомба. Бомба, которая неизвестно когда взорвется, да и взорвется ли?..

Не было сил уже ломать голову, строить предположения, даже прибавить шагу — и то не было сил. И тогда, словно сжалившись над Андреем, истина открылась ему сама собой, незаметно, безо всяких там "неожиданно", "внезапно", "вдруг"...

Он не удивился и не обрадовался ей, он подумал только, что все, оказывается, просто. И что странно, как это он сразу не сообразил, в чем дело.

Монтировщик сцены А. Скляров — далеко не обыкновенный человек. Мало того: он единственный, кто нашел "окошко" и видел в нем будущее.

Мир был заведомо обречен и в миражике, возникшем однажды в заброшенном "кармане" захолустного драмтеатра, месяцы, а может быть, и годы отражалась серая мертвая пустыня... Пока не пришел человек. Требовался ли здесь именно Андрей Скляров? Видимо, этого уже никто никогда не узнает — случай неповторим...

Андрей лежал тогда на каменном полу, жалкий, проигравший дотла всю свою прежнюю жизнь, никому ничем не обязанный; он не видел еще "окошка", а оно уже менялось: в нем таяло, пропадало исковерканное здание и проступали цветные пятна неба, травы, проступали очертания коттеджика и спиралей на том берегу...

Город спал. Город был огромен. И казалось невероятным, что на судьбу его может как-то повлиять человек, одиноко бредущий по светлым от влаги и белых ламп асфальтам.

Он должен был что-то сделать. Какой-то его не совершенный еще поступок мог спасти летнюю желто-серебристо-зеленую степь и хозяйку забавных металлических зверьков...

... И никто не поможет, не посочувствует, потому что придется обо всем молчать, хотя бы из боязни: не убьешь ли ты миражик тем, что расскажешь о нем еще кому-нибудь...

... И пробираться время от времени к своему "окошку" со страхом и надеждой: не пропустил ли ты решающее мгновение, жива ли еще степь, светятся ли еще спирали на том берегу?..

Андрей остановился посреди пустой площади и поднял голову.

— Дурак ты, братец, — с наслаждением выговорил он в проясняющееся со смутными звездами небо.— Нашел, кого выбрать для такого дела!

В бога он не верил, стало быть, имел в виду весь этот запутанный клубок случайностей, привязавший к одному концу нити человека, к другому — целую планету.

— Я попробую, — с угрозой пообещал он. — Но если ни черта не получится!..

Короткими злыми тычками он заправил поплотнее шарф, вздернул воротник пальто и, снова запрокинув к небу бледное измученное лицо, повторил, как поклялся:

— Я попробую.

Содержание

ВРЕМЕНА БУДУЩИЕ

Сталь разящая 7
Право голоса 104
Пока не кончилось время 119
Улица Проциона 126
Авария 147
Семь тысяч я 157
Спасатель 170
Аналогичный случай 176
Отдай мою посадочную ногу! 178
Шерше ля бабушку 189
Спроси у Цезаря 189
Ностальгия 190
Дурная привычка 191
Четырнадцатый 191
Внутренний монолог 192
Поток информации 193

ВРЕМЕНА ПРОШЕДШИЕ

Виток спирали 208
Вечное движение 209
У истоков словесности 210
Рыцарь хрустальной чаши 212
Государыня 214
Сила действия равна 220
Строительный 228
Монумент 240
Пробуждение 258
Не верь глазам своим 267
Черный сон 282

ВРЕМЕНА НАСТОЯЩИЕ

Там, за Ахероном* 287
Авторское отступление 343
Во избежание 351
Лицо из натурального шпона 352
Не будите генетическую память! 356
Щелк! 358
Полдень. XX век 362
Пусть видят 364
А все остальное — не в счет 368
Ты, и никто другой 373

---

* Повесть "Там, за Ахероном" написана Е. Лукиным.

Литературно-художественное издание

Л. Лукина, Е. Лукин

ПЕТЛИСТЫЕ ВРЕМЕНА

Повести, рассказы

Редактор *С. Ламтев*
Корректор *В. Король*
Компьютерная верстка *А. Петкевич*
Худ. редактор *А. Капитановский*
Тех. редактор *Е. Горлова*

Сдано в набор 03.03.96. Подписано в печать 08.04.96
Формат 84x108 1/32. Бумага типогр.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 22,68. Уч.-изд. л. 25,0
Тираж 15000 экз. Заказ № 6-70.

«Кранг»,
254072, Киев, ул. Фрунзе, 126/2
Свидетельство о государственной регистрации №0089-1156 ЛТД

Отпечатано с готовых диапозитивов
на книжной фабрике им. М. В. Фрунзе
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8

СЕРИЯ «ФАНТОГРАД»

— это все жанры современной фантастики от "фэнтези" до "сайнс фикшн"
— это захватывающий сюжет и запоминающееся оформление
— это книги, которые **ВАМ** будут **ИНТЕРЕСНЫ**

В серии вышли:

Марина и Сергей Дяченко

«РИТУАЛ»

Произведения, вошедшие в книгу, написаны в жанре "фэнтези". Герои проходят полный превратностей путь магии и меча. Но жестокость волшебного мира не лишает их способности жить и умирать во имя высоких идеалов любви и благородства.

"Дебют авторам... явно удался... так что будем с нетерпением ждать их следующих книг..."

Ник Перумов о романе М. и С. Дяченко "Привратник"

Сергей Лукьяненко

«ОТЛОЖЕННОЕ ВОЗМЕЗДИЕ»

Это не просто боевая фантастика. "Вечные" вопросы добра и зла, желания и долга, нравственные конфликты ждут читателя на страницах книги.

"Лукьяненко умеет писать легко и напористо, так, что и читать его тексты удивительно легко..."

С. Бережной

Любовь и Евгений Лукины

«ПЕТЛИСТЫЕ ВРЕМЕНА»

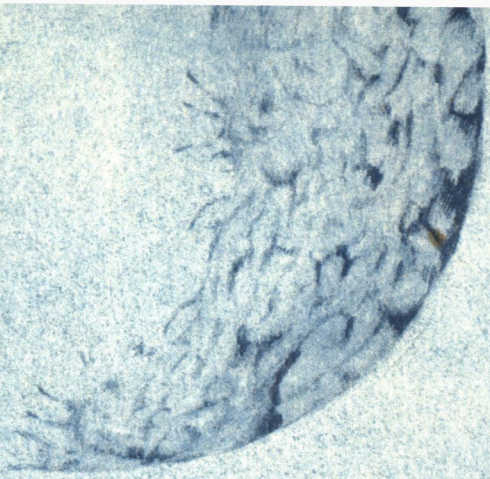
От повести, посвященной судьбе пилота-землянина, пытающегося разгадать тайну инопланетной цивилизации до юмористических миниатюр о пещерных жителях. Творческой фантазии авторов тесно в любых рамках.

"Оригинальность манеры Лукиных...заключается в удивительном сочетании простоты сюжетов и правильности языка..."

В. Владимирский

По вопросам оптовых закупок обращаться:
254074, г. Киев, ул. Ново-Забарская д. 2/6
тел. (044)430-26-63, т/ф(044)432-76-22

«ФАНТОГРАД»

